

Татьяна Фадеева

*«Я люблю Побережье,
и мой долг – сделать его цветущим!..»*

(Из письма Голицыной Воронцову)

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ

*Из истории освоения
крымского Южного бережья 1820–1830 гг.
в неопубликованных письмах
княгини А.С. Голицыной
Александрю I, М.С. Воронцову
и др. лицам*

*«Я люблю Побережье,
и мой долг – сделать его цветущим!..»*

(Из письма Голицыной Воронцову)

Татьяна Фадеева

*ЮЖНЫЙ БЕРЕГ
РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ*

*Из истории освоения
крымского Южного бережья 1820–1830 гг.
в неопубликованных письмах
княгини А.С. Голицыной
Александру I, М.С. Воронцову
и другим лицам*

Прогресс-Традиция

МОСКВА

ББК 71-7*63.3

УДК 008(091)

Ф 15

Федеральная целевая программа
«Культура России»

Фадеева Татьяна

Ф 15 «Я люблю Побережье, и мой долг – сделать его цветущим!..» Южный берег русской аристократии. Из истории освоения крымского Южнобережья 1820–1830-х гг. в неопубликованных письмах княгини А.С. Голицыной Александру I, М.С. Воронцову и другим лицам. – М.: Прогресс-Традиция, 2016. – 416 с., ил.

ISBN 978-5-89826-441-3

Книга посвящена малоизвестному этапу раннего освоения крымского Южнобережья русской аристократией, рассмотренному в более широком контексте общественных настроений александровско-николаевской эпохи. В отличие от ряда работ последних лет, пересказывающих уже известные факты, она вводит в научный оборот ряд первоисточников. Это выявленные в РГАДА письма княгини А.С. Голицыной, владелицы Кореза, Александру I, М.С. Воронцову и другим лицам за период 1825–1837 гг. Дворцово-парковая усадьба Корез привлекает туристов и России, и мира. Неопубликованные архивные материалы в сочетании с опубликованными, но малодоступными читателю текстами позволяют ввести в научный оборот новые факты, полнее представить реальную картину заселения и освоения крымского Южнобережья, в то время труднодоступного и почти безлюдного. Они помогут избавиться от ошибок, неточностей и прямых искажений, растиражированных в имеющейся литературе о Корезе и его владелице. В книге представлен большой иконографический материал – портреты гостей и владельцев, виды усадеб в живописи и графике того времени, современные фотографии.

Новый труд автора, известного исследователя и знатока истории Крыма, сочетающего живость изложения с научной новизной, будет с интересом встречен читателями. Книга представляет интерес для профессиональных историков, краеведов, этнографов, религиоведов, искусствоведов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей России, Крыма.

УДК 008(091)

ББК 71-7*63.3?

На переплете: Вид на Ялту. Акв. неизв. худ. 1830-е гг.; Голицына Анна Сергеевна, княгиня, урожд. Всеволожская. Худ. П.Ф. Соколов, граф. Погонкин, 1820-е гг. (ИЗО ГИМ, Москва). Разворот (С. 2–3): Крымский вид. Акв. неизв. худ., 1830-е гг.

Фронтиспис (С. 4): В парке Алупки. Лит. по рис. Н.Г. Чернецова. 1834–1836.

ISBN 978-5-89826-441-3

© Фадеева Т.М., 2016
© Орлова И.В., оформление, 2016
© Прогресс-Традиция, 2016

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ

Глава I

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА ПЕРВОЙ КОЛОНИИ НА КРЫМСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ – КНЯГИНЯ А.С. ГОЛИЦЫНА

Религиозные настроения в кругах аристократии эпохи Александра I.

Княгиня А.С. Голицына, урожд. Всеволожская – происхождение, личность, сближение с баронессой Крюденер. Указ 1822 г., опала и переселение из Петербурга в Крым. А.С. Голицына о роли М.С. Воронцова в письме императору Александру I. Александр I – гость Кореиза. Имение Кореиз кн. Голицыной А.С. в 1824–1838 гг.: опыт реконструкции. Восхваление Южнобережья и привлечение новых владельцев.

Жизнь в Кореизе: «труды и дни» в письмах кн. Голицыной М.С. Воронцову.

Ссора с М.С. Воронцовым и примирение.

Глава II

СПУТНИКИ КНЯГИНИ А.С. ГОЛИЦЫНОЙ И ИХ СУДЬБА В КРЫМУ

Жюльетта Беркгейм – соратница и секретарь княгини, ее «Второе я».

М.С. Воронцов и проблемы виноделия в Крыму. Барон Беркгейм – ученый-винодел. Его письма М.С. Воронцову. Барон Беркгейм и его эксперименты в Ай-Даниле.

Семейные отношения четы Беркгейм – домыслы и факты. Новые опыты в Мухалатке, кончина и романтический памятник. Семейство Маурер

и архитектор Эшлиман. Канонисса Жакмар. Графиня де Гаше или Жанна де Ламотт?

Глава III

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЧТЫ КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ В КРЫМ

Князь А.Н. Голицын – друг двух императоров.

Духовные убеждения князя А.Н. Голицына в переписке с баронессой Крюденер.

«Рай на земле – это союз души во Христе...». Решение кн. Голицына о переселении в Крым. Заочное руководство возведением «замка» в письмах князя к кн. Голицыной. Осмотр замка «Александрия» императором Николаем I в отсутствие хозяина. Наконец, в Гаспре! Последние два года жизни кн. А.Н. Голицына.

143

Глава IV

ДРУЗЬЯ ПУШКИНА НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА. КНЯГИНЯ СОФЬЯ МЕЩЕРСКАЯ И ЕЕ ДЕТИ

Софья Сергеевна Всеволожская – друг Александра I, мать его внебрачного сына. Ее брак с кн. Мещерским и дети. Княгиня Софья Мещерская – автор и переводчик, активный деятель Библейского общества, председательница Санкт-Петербургского дамского попечительного комитета о тюрьмах. Из писем кн. С.С. Мещерской об обращении Александра I к религии в 1812 г. Кн. Софья Сергеевна в воспоминаниях ее внука А.В. Мещерского. Ее сын С.И. Мещерский, основатель имения в Гаспре, в письмах А.С. Голицыной. Мария Гончарова, урожд. кн. Мещерская, – несостоявшаяся наследница Кореиза. Кн. П.И. Мещерский и его жена Е.Н., урожд. Карамзина, – друзья Пушкина. Первые известия о гибели поэта в письмах из Кореиза. Письмо Екатерины Мещерской, урожд. Карамзиной, Марии Гончаровой, урожд. Мещерской, о гонителях Пушкина.

179

Глава V

АРТЕК И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ ПОТЕМКИНЫ

Происхождение, брак, пребывание за границей: лечение души и тела. Восстановление Святогорского монастыря. Повседневная благотворительная деятельность. Приобретение имения Артек: хлопоты кн. А.С. Голицыной. Визиты в Артек к Татьяне Потемкиной в письмах кн. Голицыной. Обустройство имения Потемкиных и прием царской семьи в 1837 г. Сестра и брат Т. Потемкиной в Артеке. Н.Б. Голицын, друг Пушкина и переводчик его поэзии.

231

Глава VI

ПУШКИН И КАРОЛИНА СОБАНЬСКАЯ-РЖЕВУСКАЯ: ПРОЗА ЖИЗНИ И ПОЭЗИЯ

Потоцкая или Собаньская? Спор о пушкинском рисунке 1823 г. Каролина Собаньская – вехи биографии. Пушкин и Собаньская в Одессе: 1823–1824 гг.

Встречи в Петербурге: 1828–1830 гг. Пушкин и Каролина-Клеопатра: египетская, одесская, петербургская. Собаньская и польское восстание 1830–1831 гг. Крым, Ореанда: чета Витт принимает маршала Мармона. Каролина в Кореизе: расставание с Виттом и второе замужество. Париж и третье замужество Каролины. Портреты Каролины: пером Пушкина.

269

Глава VII

«БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ» НАСЕЛЬНИКОВ ЮЖНОГО БЕРЕГА 1820–1830 гг.:
ГОЛИЦЫНЫ, НАРЫШКИНЫ, ВОРОНЦОВЫ

Князь Василий Сергеевич Голицын, внучатый племянник Потемкина.

Опала княжеского семейства при Павле I. Крымские путешествия Павла Сумарокова. Светлейшая кн. Суворова-Рымникская, урожд. Е.А. Нарышкина, во втором браке кн. Голицына, хозяйка Василь-Сарая. Баимаковы – дочь и зять княгини. Е.А. Суворовой, владельцы Мишатки. Письма кн. Голицыной кузену Васеньке Голицыну, владельцу Василь-Сарая. «Большая семья» Воронцовых в письмах и мемуарах современников. Мисхор и его владельцы Нарышкины.

Граф М.С. Воронцов в письмах кн. Анны Голицыной.

355

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

409

Anna Sergeyewna Fürstin Paley, geb. Wesselsky.

ВВЕДЕНИЕ

*Я хочу, чтобы вы были мне обязаны
привлечением на Побережье благородных
владельцев всех национальностей,
всякого ранга и всех сословий.*

Из письма кн. Голицыной гр. Воронцову

... портрета, недавно обнаруженного нами в ГИМе и публикуемого впервые, смотрит на нас немолодая, но еще красивая дама с благородным породистым лицом, в котором читается энергичный и волевой характер. Подлинный ее портрет, который сменит, наконец, ошибочно приписываемый ей¹, более всяких слов являет нам образ предводительницы переселения целой колонии, приступившей к освоению пустынного и дикого крымского побережья. Трудно представить себе, что в отсутствие этого портрета ее называли «мужеподобной старухой», основываясь, вероятно, лишь на упоминаниях о том, что она ездила верхом в мужском костюме и сама подписывалась в письмах «старуха в скалах», хотя в момент переселения ей было 45 лет.

После включения Крымского полуострова в состав России его посетило немало путешественников, отечественных и зарубежных, оставивших описания, ученые или романтические, но, как правило, восхищенные. Однако заселение шло медленно. Поворотным моментом в решении этой проблемы стало назначение 7 мая 1823 г. графа М.С. Воронцова на пост генерал-губернатора Новороссии и полномочного наместника Бессарабской области. К тому времени

*Слева: Голицына Анна Сергеевна, княгиня, урожд. Всеволожская.
Худ. П.Ф. Соколов, грав. Погонкин. 1820-е гг. ИЗО ГИМ, Москва*

он был хорошо осведомлен о Крыме, обсуждал его с отцом, русским послом в Англии, и уже приобрел первые земли на полуострове. Он занялся дорогами и в качестве личного примера избрал своейлетней резиденцией усеянный камнями и скалами берег Алупки.

Бездорожье, отсутствие привычных благ цивилизации создали в те времена Крыму дурную славу. Слухи об «ужасном» климате Южного берега, в которые трудно сегодня поверить, широко распространялись в обеих столицах. Михаил Воронцов прекрасно сознавал, что изменить предвзятое отношение можно лишь привлекая в Крым авторитетных представителей аристократии, располагающих средствами. При этом, воспитанный в Англии, он справедливо полагал, что «никакое государство, сколь бы деспотичным оно ни было», не могло бы заставить дворян переселиться на новые берега. Помог очередной политический поворот, которых немало в русской истории.

В 1822 г. император Александр I неожиданно запретил тайные общества мистического толка, к которым прежде был весьма расположен. Наиболее ярким фигурам, в их числе баронессе Варваре-Юлиане Крюденер и княгине Анне Голицыной, предписывалось во все воздерживаться от собраний в столице. Это означало запрет на участие во всякой придворной и светской жизни. Снести подобный удар безропотно они не могли и предпочли своего рода эмиграцию. Выбор пал на Южный берег Крыма, о котором доходили слухи как о земном рае – богатой стране, но глухой и необжитой, к тому же населенной татарами-мусульманами. Край этот, как казалось, вполне подходил для их миссионерских целей: в обществе считали, что они отправились «проповедовать Евангелие татарам».

Крым, присоединенный еще в 1783 г., несмотря на заманчивые описания его красот путешественниками, и спустя 40 лет оставался практически незаселенным. И эта проблема особенно беспокоила нового генерал-губернатора – Михаила Воронцова. Его внимание не могли не привлечь сборы баронессы Крюденер и княгини А.С. Голицыной, собиравшейся потратить свои немалые средства

на обустройство целой колонии, состоявшей, выражаясь современным языком, из «специалистов» в своем деле (виноградарство, виноделие, маслоделие и т.д.), столь нужных в Крыму. Он постарался убедить княгиню, оказавшуюся в опале вместе с Крюденер и их друзьями – участниками благочестивых собраний, в государственной важности освоения Южного берега, и ему это удалось, о чем она сама написала императору. Надо представить себе ее настроения: обожание государя, который до последнего времени был их единомышленником, и вдруг резкий поворот и осознание, что она в этом качестве ему не нужна. Но чем еще она может послужить царю и отечеству? – удалиться от света, избрав самую глухую окраину и самое трудное поприще, возделывая землю.

Так М.С. Воронцов приобрел в лице А.С. Голицыной важного соратника. Преодолев множество трудностей путешествия, княгиня, во главе колонии поселенцев из примерно ста человек, поселяется в Кореизе, по соседству с Алушкой – крымской резиденцией М.С. Воронцова. Так складывается картина своеобразного «разделения труда»: граф имеет постоянную резиденцию в Одессе, много времени проводит в поездках по вверенному ему краю, а также за границей, бывая в Крыму и в Алушке наездами; княгиня живет в Кореизе постоянно, посвящая все свое время и силы руководству работами, подбору земель для желающих поселиться на побережье, наблюдая за строительством усадеб и устройством парков и виноградников в Алушке, Гаспре, Кореизе.

Поселившись в Кореизе, деревне из трех десятков домиков, княгиня принялась за постройку усадебного дома, а затем церкви (первую на Южном берегу со времени турецкого завоевания, 1475 г.), винного погреба в виде замка (памятник архитектуры, сохранился) и множества хозяйственных построек. Одновременно высаживался виноградник, сад и проч. Кроме того, под ее руководством создавался дворец и парк в Гаспре для князя А.Н. Голицына, а также имение Верхняя Ореанда для И.О. Витта и К.А. Собаньской. Об этом периоде раннего освоения Крыма можно было

почерпнуть краткие сведения из старых путеводителей, из мемуаристики; однако в годы советской власти Кореиз стал госдачей, там имела местопребывание советская делегация во время Ялтинской конференции 1945 г. Поэтому о нем не велось специальных исследований, как о других Южнобережных имениях – Ливадия, Ореанда, Алупка. Новые архивные материалы позволяют осветить этот важный период освоения Крыма и яркую фигуру его владелицы. Настоящим открытием являются обнаруженные в архиве РГАДА письма А.С. Голицыной к М.С. Воронцову, генерал-губернатору Новороссии и Крыма, написанные в Кореизе с 1825 по 1837 г., и ряд ее писем другим лицам (впервые в нашем переводе с французского). Важным дополнением является большой блок переписки кн. Голицыной и баронессы Беркгейм, дочери Крюденер, во 2-м томе «Архива Раевских», 1909 г., (редкое издание), также в нашем переводе с французского.

Новые материалы позволяют избавиться от ошибок, неточностей и прямых искажений, растиражированных в имеющейся литературе о Кореизе, одном из первых крупных имений Южнобережья, и его владелице. О княгине А.С. Голицыной все еще преобладают сведения несколько анекдотического характера – чудаковатая и сумасбродная «старуха в скалах», «религиозная фанатичка», наводящая страх не только на слуг, но и на окрестное начальство. Из публикуемой переписки возникает образ образованнейшей женщины своего времени, друга и соратника графа М.С. Воронцова в благородном деле – заселить крымское побережье, привлечь сюда людей со средствами и с желанием принести пользу отечеству. Ей это удается, и так возникает ее окружение: видные представители русской аристократии, близкие ко двору, покидают столицу и вкладывают немало сил и средств в эту пустынную окраину Российской империи. В книге представлена целая галерея этих лиц. Это баронесса Крюденер, приятельница Александра I, ее дочь баронесса Беркгейм с мужем; кн. Софья Сергеевна Мещерская, родная сестра кн. Голицыной, и друг императора Александра,

и ее дети – племянники княгини; князь Александр Николаевич Голицын, министр просвещения, обер-прокурор Синода, друг двух императоров; князь Василий Сергеевич Голицын, внучатый племянник Г.А. Потемкина; Татьяна Борисовна Потемкина, известная благотворительница и друг царской семьи, и другие. Что же движет этими людьми? Религиозные настроения той эпохи, разделявшиеся самим императором, Александром I, объединяли людей, давали им энергию и силы, необходимые для подвижничества. К известным сведениям многое добавит и разъяснит переписка.

Княгиня (ее титул зачастую употребляется в переписке того времени вместо имени и с прописной буквы) приобрела статус своего рода старейшины не только среди колонистов, но и местных татар. Выбрав место для постройки дома под скалой, на крутом склоне, она сама придумала себе прозвище Старуха скалы, *La vieille du rocher*, в духе романтизма начала века, и так называла себя в письмах Воронцову. Удивляло и ее одеяние: она постоянно носила мужскую шинель и длинный сюртук, а также брюки, в которых удобно было ездить верхом по крымскому бездорожью. За поясом у нее была нагайка или хлыст, необходимая принадлежность для верховой езды, но вокруг него у мемуаристов XIX столетия сложились целые легенды, согласно которым княгиня нередко пускала его в ход, наказывая прислугу, домашних, исправника и тем якобы «держала в страхе всю округу».

В самом деле она явно не соответствовала вкусам той эпохи, хотя в чем-то опережала их: вместо изящной «амазонки» и бокового седла княгиня предпочитала мужской костюм, позволявший удобно сидеть в седле, что было весьма благоразумно в условиях крымского бездорожья, как и нагайка за поясом. Все сказанное – отнюдь не повод считать ее «мужеподобной старухой», как пишут некоторые. В Крыму она поселилась в возрасте 45 лет; те, кто видел ее в то время, подчеркивают благородство ее облика, энергию, образованность и вкус. Немного странным может показаться лишь сочетание чепца и одеяния типа редингот, приталенного двуборт-

ного пальто с отворотами, в то время исключительно мужского, которое со временем войдет в моду и у женщин.

«Внутренняя религиозность», «христианская философия», по выражению брата А.С. Голицыной Н. Всеволожского, были предназначены для круга близких людей. В отношении к ним мы увидим много нежности, готовности прийти на помощь, немного замаскированной добродушной насмешливостью и самоиронией. Княгиня в юности путешествовала по Европе, вела обширную переписку, была широко и разносторонне образованной женщиной. В ее доме в Кореизе была собрана большая библиотека, регулярно приходили газеты и журналы, и всем этим могли пользоваться ее соседи.

Письма позволяют судить о характере княгини, крутом и властном; вместе с тем в них нет и следа «религиозного фанатизма, мистицизма, миссионерства и т.п.», из чего сложился «миф княгини Голицыной», якобы чуть ли не насильственно обращавшей татар в христианство. В мемуарах и записках нередко утверждения, согласно которым княгиня Голицына в сопровождении спутников совершала миссионерские поездки по татарским селениям, пытаясь обращать мусульман-татар в христианскую веру. Никаких упоминаний о чем-либо подобном в письмах не встречается. Похоже, что такая легенда сложилась еще в Петербурге и впоследствии повторялась, обрастая «подробностями» как снежный ком. В самом деле трудно было объяснить «добровольно-принудительный» отъезд лиц из близкого окружения самого государя, причем не куда-нибудь в свои поместья, а в такую далекую неизведанную страну – Крым, вдобавок населенную татарами-мусульманами! Зная их религиозные пристрастия, нетрудно было предположить, что они «уехали проповедовать Евангелие татарам».

Текст сопровождают иллюстрации, живопись и графика, воспроизводящие облик Южнобережья 1830-х г. XIX в. Мы видим пустынный берег, с едва заметными скоплениями домиков на местах, где сегодня Ялта, Ливадия, Алушка... Кореиз, селение в 30 домов, спущая 5–8 лет на изображениях 1830–1834 гг. уже выглядит как

имение с церковью, домом княгини, винподвалом, парком и виноградниками. Вдали виден замок князя Александра Николаевича Голицына, в свое время обер-прокурора Синода, затем министра просвещения, а впоследствии – воспитателя царских детей. Этот замок был построен под руководством княгини Голицыной, силами крымских архитекторов и согласно пожеланиям князя в письмах из Санкт-Петербурга, адресованных княгине Голицыной. Сохранившийся замок в Гаспре можно считать творением княгини, не зря ее вкус ценили и А.Н. Голицын, и М.С. Воронцов. Из писем известно, что она строила поместье для генерала И.О. Витта и Каролины Собаньской в Верхней Ореанде. Находясь в постоянном контакте со знаменитым Кебахом, создателем парка в Алушке, и со Стевенем, директором Никитского ботанического сада, Голицына принимала участие в закладке виноградников и парков в разных имениях Южнобережья. Их владельцы были связаны между собой родством, перепиской, взаимными посещениями, обменом семенами и саженцами для сада, а также книгами и газетами. Наконец, все они являлись знакомыми или близкими друзьями Пушкина; именно сюда пришли письма о его дуэли и гибели, которые будут, наконец, опубликованы в нашем переводе.

Роль княгини А.С. Голицыной кратко и емко подытожена в обращенных к ней словах графа М.С. Воронцова, называющего себя *«человеком, которое вас уважает, вами дорожит, и собственно вами, и всем тем добром, которое вы сделали для этой прекрасной части России, которую сорок лет забвения предали запустению и которую никакая власть, сколь бы деспотичной она ни была, не подняла бы еще долгое время, если бы счастливая звезда не привела вас на ее берега»**

* Все публикуемые письма печатаются в редакции оригинала в современной орфографии.

Примечания

- ¹ Новый вариант издания «Русские портреты XVIII–XIX веков. Иллюстрированный справочник-путеводитель с уточнениями и дополнениями» (М., 2003) содержит важные дополнения и уточнения по идентификации портретов. Этот список, указывают издатели, пополнился и такой, «давно вызывающей большие сомнения атрибуцией, как портрет Анны Сергеевны Голицыной работы Ф.С. Рокотова» (т. 1, № 158, с. 5). В таблице изменений в атрибуциях она теперь фигурирует как Неизвестная (с. 172). Наши сомнения были связаны с несоответствием портрета волевому характеру княгини, что явствовало из ее писем, а также ее одеянию. В дальнейшем поиске мы руководствовались сообщением Д.А. Ровинского о существовании портрета княгини, литографированным Погонкиным, а также публикацией его в Каталоге Морозова А.В. (Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 1–4 и Алфавитный указатель. М., 1912–1913). Продолжив поиск, мы обнаружили литографию портрета со всеми удостоверяющими подписями в Изобразительном отделе ГИМа. Местонахождение оригинала, работы П.Ф. Соколова, с которого сделана литография, пока не известно.

Глава I

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА ПЕРВОЙ КОЛОНИИ НА КРЫМСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ – КНЯГИНЯ А.С. ГОЛИЦЫНА

Религиозные настроения в кругах аристократии эпохи Александра I.

Княгиня А.С. Голицына, урожд. Всеволожская – происхождение, личность, сближение с баронессой Крюденер. Указ 1822 г., опала и переселение из Петербурга в Крым. А.С. Голицына о роли

М.С. Воронцова в письме императору Александру I.

Александр I – гость Кореиза. Имение Кореиз кн. Голицыной А.С.

в 1824–1838 гг.: опыт реконструкции.

Восхваление Южнобережья и привлечение новых владельцев.

Жизнь в Кореизе: «труды и дни» в письмах М.С. Воронцову.

Ссора с М.С. Воронцовым и примирение.

*Религиозные настроения
в кругах аристократии эпохи Александра I*

 Об основательнице Кореиза – самого первого крупного имения Южнобережья, княгине А.С. Голицыной все еще преобладают сведения несколько анекдотического характера – чудаковатая и сумасбродная «старуха в скалах» – выражение, переделанное остроусловами в «старый демон». В самом деле она явно не соответствовала вкусам той эпохи, хотя в чем-то опережала их: вместо изящной «амазонки» и бокового седла (активная езда в котором была небезопасной, а то и попросту невозможной) княгиня носила мужской костюм, позволявший удобно сидеть в седле, что было весьма благоразумно в условиях крымского бездорожья, как и нагайка за поясом. Эти и подобные им «странности» в поздних мемуарах обросли легендами, в которых мы постараемся разобраться. Однако основательница огромного – в 44 десятины – имения на целинных землях крутого крымского побережья, сумевшая увлечь и организовать целую колонию переселенцев, заслуживает достаточно серьезного и вдумчивого отношения. Да и не она одна, но и ее окружение – видные представители русской аристократии, близкие ко двору, покидают столицу и вкладывают немало сил и средств в эту пустынную окраину Российской империи. Что же движет этими людьми?

Здесь приходится предпослать дальнейшему повествованию небольшое предисловие о некоем этапе развития духовной жизни русской аристократии религиозно-мистического характера, характерном для второй половины царствования Александра I. Перед нами пройдет галерея лиц, принадлежащих к высшей аристократии и посвятивших свои усилия – как это ни странно звучит для уха читателя, получившего образование в советских учебных заведениях, – решению социального вопроса. Но в отличие от декабристов они искали это решение не на путях брато- и цареубийственной революции, а на путях милосердия и благотворительности. Труды на ниве служения ближнему – вот что облагораживает души, а это – конечная цель любых трудов. За истекшие десятилетия много было сделано, чтобы опорочить саму идею благотворительности и личных усилий, которым противопоставлялась идея государственных служб соцобеспечения. Неудивительно, что люди, движимые энергией духовно-религиозного возрождения, забыты. Но благодаря тому, что в приливе этой энергии они посвятили часть своих усилий обустройству и украшению крымского побережья парками, дворцами, садами и виноградниками, которые радуют нас и сегодня, мы вспоминаем эти имена.

В духовном развитии начавшей формироваться при Петре новой культурной элиты России с середины XVIII по середину XIX в. прослеживается два этапа. К середине XVIII в. ее представители осознали недостаточность этатизма для русской культурной перспективы. Во второй половине XVIII в. элита отходит от первоначального культа всепроницающего государственного механизма, для которого индивид, – лишь винтик, и открывает масонство, с его пантеистической метафизикой и религиозным восприятием космоса. Ориентированное на внутреннее самоусовершенствование, оно оказало решающее влияние на формирование интеллектуальной элиты России.

Эпоха царствования Александра I – другой важный этап российского историко-культурного становления. Русское образован-

ное общество всецело охватывается влиянием немецкого пиетизма (благочестия. – *Прим. авт.*), который возводится на уровень чуть ли не государственной идеологии.

Квиетизм, пиетизм, гернгутеры¹, сочинения таких авторов, как И.Г. Юнг-Штиллинг, В.Ю. Крюденер, – таковы были наиболее яркие черты движения религиозного обновления в Европе, напрямую отразившиеся в российской жизни. Александр I разделял центральные идеи европейского религиозного возрождения и пытался внедрять их в России. Император встречался с гернгутерами, И.Г. Юнгом-Штиллингом, В.Ю. Крюденер, которая в особенности обратила его внимание на идеи квиетизма и пиетизма. Они привлекали Александра I тем, что это была серьезная альтернатива рационализму, романтизму и просветительской философии. При этом идеи духовного объединения христиан, стирание посредством религиозного просвещения сословных границ вполне отвечали либеральным воззрениям императора. Наконец, лозунг христианского единства использовался Александром I и во внешней политике.

Религиозно-философские взгляды Александра I с трудом поддаются реконструкции. «Северным сфинксом» императора называли не напрасно. И хотя Канцлер Австрии князь Меттерних называл Александра I политиком, легко подчинявшимся велению обстоятельств, он прекрасно отдавал себе отчет, что русский император проводит достаточно последовательный внешнеполитический курс, часто маскируя его религиозными идеями.

Источники формирования религиозного мировоззрения Александра I были те же, что и у большинства представителей высшего света начала XIX в. Пиетизм – религиозно-мистическое течение (от лат. *pietas* – благочестие), придававшее большее значение внутреннему религиозному чувству, личному переживанию общения с Богом и самостоятельному изучению Писания, чем соблюдению обрядов. И читать Библию самому полезнее, чем слушать проповедника.

Рационализму Просвещения пиетизм противопоставлял культ религиозного чувства. Пиетисты придавали большее значение внутреннему благочестию, деятельной любви, нравственному усовершенствованию и искреннему раскаянию, чем неуклонному соблюдению церковных правил и предписаний. Акцент был сделан на нравственной стороне христианства, при этом вопросы вероучения, догматики, обрядности отошли на второй план. Пиетисты продолжали числиться членами своих церквей, но собирались на отдельные собрания, состоявшие в чтении Библии и взаимном нравственном назидании. Последователи течения порицали любые развлечения, смех и яркие одежды, напоминая в этом английских пуритан.

Христианин должен утверждать Христа всей повседневной нравственной жизнью, личной святостью, чуткостью к нуждам других. Вера понималась как глубоко личное дело каждого, богослужение – как эмоциональное переживание. Религиозные чувства ставились выше всех богословских догматов, интеллектуальных построений, религиозных авторитетов, символов веры, церковной традиции.

В истории царствования и биографии императора Александра I имеется еще немало спорных и неизученных проблем, в частности «правительственного либерализма» в начале царствования Александра I, характер его социальной политики. В литературе весьма разноречивы оценки его позиции в «польском», «финляндском» и «греческом» вопросах. Так, до сих пор не выяснено до конца, чем были вызваны в 1821 г. отказ Александра I от открытого судебного преследования, выявленного по доносам, декабристского тайного общества «Союз благоденствия» и решение не обнаружить такой важный документ, как манифест 1823 г. о передаче престола Николаю, минуя Константина. Биографами так и не объяснены причины «душевной депрессии» Александра в последние годы его царствования. Жизнь и деятельность этого, несомненно, незаурядного монарха России ждет обстоятельного исследования.

Развитие мистицизма, характерная черта общественного настроения второй половины царствования Александра, во многом связано с душевным настроением самого императора. После 1812 г. в его сознании происходит сильный перелом. Прежние либеральные и великодушные идеи и стремления постепенно вытесняются новыми влияниями, мистическими и религиозными. Неудивительно, что личные взгляды императора Александра, который оказывал внимание знаменитому мистiku Юнгу-Штиллингу, подпадал под влияние пиетистки-мечтательницы г-жи Крюденер, проповедовавшей нечто вроде возвращения к первоначалам христианства, любви к ближнему и филантропии, — производили сильное действие на умы. Изменения в характере Александра были предметом интереса западных историков, более свободно высказывавших свои наблюдения. Александр получил воспитание в духе XVIII в. Историк Шницлер так передает слова, сказанные императором в 1818 г. епископу Эйлерту: *«Императрица Екатерина была великой женщиной, и память о ней навсегда останется в истории России. Но что касается той части воспитания, которое развивает истинное благочестие сердца, то в то время при петербургском дворе оно было таким же, как и повсюду: много слов, но мало смысла; много внешней обрядности, но святая сущность христианства оставалась скрытой от глаз. Я чувствовал пустоту в душе, и смутное предчувствие сопровождало меня, в то время как я много разъезжал, предавался развлечениям. В конце концов, пожар Москвы просветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях битвы наполнил мое сердце жаром веры, какого оно раньше не знало. С этого момента я осознал Бога таким, каким открыло Его нам Святое Писание; с тех пор я научился понимать и отныне понимаю Его волю и закон, и решимость посвятить только Ему и славе Его мое царствование и меня самого, зрела и укреплялась во мне. С этого времени я стал другим человеком...»*²

На христианских принципах любви к ближнему, мира и согласия между народами, по мысли Александра, должен основываться

Священный союз. Но для этого Священное Писание должно стать доступным народам, причем на их собственном языке. Отсюда весьма естественной была его поддержка деятельности Библейского общества, поначалу весьма активная: *«Следует распространить святыи книги такими, какими они нам даны. Комментарии неудобны тем, что в той или иной степени подменяют текст идеями самого интерпретатора. Каждый христианин, независимо от вероисповедания, должен свободно воспринимать воздействие Священной книги, благотворное и стимулирующее...»*³

Деятельность Российского библейского общества отчасти пришла в столкновение: 1) с мнениями образованных людей, которые видели в ней распространение обскурантизма и фанатизма и 2) со взглядами крайних консерваторов, а также и с воззрениями истинных ревнителей церкви, усмотревших в деятельности Общества угрозу основам православия.

Поначалу православное духовенство под влиянием императора живо откликнулось на просветительную деятельность Библейского общества, которая приобрела в его среде искренних и преданных сторонников. Но вскоре Библейское общество сделалось центром притяжения мистиков, в их проповеди какого-то нового Христова царства духовенство усмотрело опасность для православия, в особенности тревогу вызывало распространение мистической литературы, которая в то время чрезвычайно размножилась. Еще с самых первых годов царствования Александра непосредственный ученик Новикова – Лабзин предпринял ряд своих мистических изданий и в 1806 г. основал особый орган для распространения своих идей – «Сионский вестник». Журнал был, впрочем, скоро запрещен, но в 1817 г., вскоре после создания Библейского общества, возобновлен, причем Лабзин стал играть в нем активную роль.

Склонность к мистицизму самого императора и близкого к нему князя А.Н. Голицына, поставленного во главе духовных учреждений, поставила эту литературу в чрезвычайно выгодные

условия. Книги мистического толка чрезвычайно размножились и усиленно распространялись; некоторые из них даже даром рассылались в библиотеки при училищах. *«Вся эта литература, – замечает Пыпин, – большей частью была переводная и происхождение протестантско-мистического; в своих исканиях “внутренней” церкви она нередко нападала на то, что называла внешней или наружной церковью, осуждала ее недостатки и т.п., и хотя осуждения эти были, собственно, нападениями немецких мистиков на протестантскую ортодоксию, но их можно было истолковать как осуждение церкви православной. Все это возмущало ревнителей православия»*⁴.

Вражда духовенства и Общества особенно усилилась после 1817 г., когда образовано было министерство духовных дел и народного просвещения, во главе которого поставлен был все тот же князь Голицын. Министерство это, в котором дела православные ведались наряду с делами католическими, протестантскими, наконец, магометанскими и иудаистскими, подавало повод говорить об унижении господствующей церкви, которая ставилась в один ряд с иноверными исповеданиями, даже нехристианскими. Главные места в двойном ведомстве кн. Голицына были отданы светским библейским деятелям, которые таким образом сделались начальством по отношению к духовенству, а это оскорбляло его сословный дух и приводило к столкновениям духовенства с библейскими деятелями. Министерство духовных дел было закрыто, дела иностранных исповеданий оставлены за министром народного просвещения, а дела по православному исповеданию отошли к синодальному обер-прокурору. Несмотря на письма митрополита Серафима к государю о вреде всеобщего обращения Библии, о союзе Библейских обществ с мистическими лжеучениями и необходимости закрытия их, о порче, проникшей не только в светские, но даже в духовные училища, они остались без ответа. Библейское общество было слишком близко императору Александру, и врагам Общества не удалось добиться формального его закрытия при

жизни императора. Это сделал Николай I по вступлении своем на престол; уступая настояниям митрополитов Серафима и Евгения (Болховитинова), он издал указ от 12 апреля 1826 г., положивший конец Российскому Библейскому обществу. В последующее тридцатилетие (1826–1856) к самой идее перевода книг Священного Писания на современный русский язык относились враждебно. При этом распространение Священного Писания на языках иностранных среди лиц инославных исповеданий не встречало препятствий.

*Княгиня Анна Сергеевна Голицына,
урожд. Всеволожская, – происхождение, личность,
сближение с баронессой Крюденер*

*К*нягиня А.С. Голицына (1779–1838) – личность весьма неординарная. Она была младшей дочерью генерала-поручика С.В. Всеволожского. О роде Всеволожских стоит упомянуть особо. Род, начало которому было положено князьями Смоленскими, потомками Рюрика, знал немало падений и возвышений. Последнее как раз и связано с детьми Алексея Степановича, генерал-майора, д.с.с. – Всеволодом, Ильей и Сергеем. В 1762 году авантюрные братья приняли участие в дворцовом перевороте, приведшем к власти Екатерину II, за что были щедро вознаграждены «чинами, имениями и деньгами». Кстати, наследником огромного пермского имения бездетного Всеволода Алексеевича впоследствии стал Всеволод Андреевич, сын четвертого брата, Андрея. А уже его сын – князь Никита Всеволодович Всеволожский – приятель Пушкина, широко известный в светских кругах того времени.

В родовом имении в Москве из братьев остался лишь Сергей Алексеевич. Дети его Софья, Анна и Николай в значительной мере унаследовали авантурную жилку семейства Всеволожских. Николай Сергеевич Всеволожский (1772–1857), участник русско-шведской войны, военных действий в Польше, в 1808 г. стал вице-пре-

зидентом Московской Медико-хирургической академии, а когда та закрылась, решил на покупку дорогостоящей типографии. 150 тысяч рублей, сумма по тем временам огромная, была потрачена на приобретение оборудования во Франции от Дидо и шрифтов на нескольких языках. За все время действия типографии было выпущено более 140 книг: биографии, книги по истории (в том числе труд самого Всеволожского «Историко-географический словарь Российской империи»), мемуары, карта Москвы.

Пожар 1812 г. усадьбу Всеволожских не затронул. Сами хозяева спешно выехали во Владимирское имение, а в главном доме поселился французский генерал Комван. Табличка, прикрепленная на типографии, гласила, что отныне это «Императорская типография Великой армии». Разнообразные шрифты пригодились для печати бюллетеней и воззваний Наполеона. Впоследствии Николай Сергеевич был тверским губернатором.

Обе сестры Н.С. Всеволожского – личности незаурядные, оставившие свой след в истории Александровской эпохи. Старшая, княгиня Мещерская Софья Сергеевна (1775–1848), – в юности фаворитка великого князя Александра Павловича, от которого родила сына Николая, до конца жизни императора сохраняла на него высокое духовно-нравственное влияние.

Младшая, княгиня Голицына Анна Сергеевна (1779–1838) – владелица Кореиза, положила начало активному заселению Южного берега Крыма.

С ранних лет она начала интересоваться вопросами религии. Еще не будучи замужем, она написала книгу под названием «Примерный ребенок, или Жизнь маленького графа Платона Зубова», с матерью которого, графиней Натальей Александровной Зубовой, знаменитой «Суворочкой», дочерью полководца А.В. Суворова, была очень дружна. Позднее А.С. Голицына издала еще одну книгу, но уже на другую тему – «Согласование в форме реестра для облегчения нахождения любого места в Новом Завете». Название книги говорит о том круге интересов, ко-

торые волновали княгиню. Благодаря огромному состоянию она была «завидной невестой», но воспользовалась этим обстоятельством, чтобы получить свободу распоряжаться своей жизнью⁵. Она вышла замуж за князя И.А. Голицына, адъютанта Великого князя Константина Павловича. Князь мечтал поправить свое материальное положение женитьбой, проиграв перед этим целое состояние. Брак ее вызывал много разговоров. Согласно рассказу Каролины Эшлиман, сразу после венца новобрачная передала мужу портфель с деньгами, со словами: *«здесь, князь, половина моего приданого, вы возьмете это себе, а засим – позвольте с вами проститься и пожелать вам всего наилучшего: каждый из нас пойдет своей дорогой. И вы, и я сохраним полную свободу действий»*⁶. После этого муж, кн. Иван Александрович Голицын, известный под прозвищем *Jean de Paris*, навсегда оставил ее в покое и поспешил в Париж, где впоследствии женился на француженке и умер в 1846 г., не оставив потомства.

Отличаясь независимостью суждений и нрава, Анна Сергеевна видела в замужестве путь к свободе действий, единственно доступный для женщины в соответствии с нравами общества. *«Она вела образ жизни крайне оригинальный и свободный, – пишет ее дальний родственник кн. Голицын Н.Н., – например, ходила постоянно в мужском костюме, длинном сюртуке с капюшоном... Я имею портрет ее в старости, в том же костюме, сделанный в конце 30-х годов; редкие экземпляры этой литографии находятся у родственников ее и бывших знакомых»*⁷. В 20-х г. XIX в. она стала одной из видных деятельниц религиозно-мистического движения в России. Увлеченная религиозными вопросами, она сблизилась с кружком мистиков и пиэтистов, подружилась с баронессой Крюденер, приехавшей в Петербург.

Крюденер (рожд. Фитингоф, 1764–1824) познакомилась с Александром в 1815 г., до этого в Карлсруэ она сблизилась с императрицей и ее фрейлиной Р.С. Стурдзой. В 1818 г. она приехала в Россию, с разрешения царя прибыла в Петербург и вошла в кру-

жок русских мистиков. О восприятии этой весьма неоднозначной фигуры русским высшим обществом колоритно повествуется от имени героини «Рассказов бабушки» Благово.

«В 1817 или 1818 году приехала в Петербург одна баронесса Крюденер, жена бывшего нашего посла при Прусском дворе. Во время пребывания государя в Париже она очень его привлекала своим умным и живым разговором и предсказала ему, что Бонапарт не усидит на острове Эльбе, и, когда это сбылось, государь стал иметь к ней особенное доверие. Она была какая-то восторженная проповедница, вроде миссионерки-просветительницы, которая всюду бродила и проповедовала обращение ко Христу-Спасителю, словом, была загадочная личность, пророчица не пророчица, а иллюминатка, и была почитаема некоторыми за вдохновенную распространительницу христианства. Другие ее гоняли и досаждали ей, но она всякие оскорбления переносила с терпением и кротостью. Государь часто видался с нею, бывал нередко у нее и просиживал по целым вечерам. Сначала ее опасались, видя в ней что-то необыкновенное; но когда государь показал к ней расположение, около нее собрался целый кружок поклонников и последователей ее учения. Ей хотелось было ходить по улицам в Петербурге и проповедовать, но ей этого не дозволили... Года три или четыре прожила она в Петербурге, будучи в большом доверии и фаворе, да только не сумела удержаться – проболталась, говорят, насчет некоторых предположений касательно Греции, про которые государь передавал ей с глазу на глаз. Этим воспользовались люди, опасавшиеся ее влияния и расположения к ней государя, и, наконец, достигли того, что ей велено даже было выехать из Петербурга; это случилось в 1822 году»⁸.

Как произошло сближение Крюденер и кн. Голицыной, можно проследить по строкам книги Ш. Эйнара, биографа баронессы. Дочь проповедницы и ее зять Беркгейм были горячими поклонниками и распространителями ее учения. Барон Беркгейм, поли-

цейский генерал-комиссарв Баварии, под впечатлением религиозных сеансов Крюденер оставил службу и состоял при баронессе. В 1815 г. он женился на ее дочери. После изгнания из Европы, осенью 1820 г. чета Беркгейм жила близ Санкт-Петербурга на даче у княгини Анны Голицыной. Барон тяжело заболел. Крюденер пишет Анне Голицыной письмо *от 15 декабря 1820 г.* с благодарностью за гостеприимство, оказанное дочери и зятю.

«Верная подруга во Христе, как мне благодарить вас, как не возлюбить вас? Что могу я сделать для вас, дорогая Анна, сестра моя? Я целую ваши руки с признательностью, я вижу с восхищением, что вы одарены многими достоинствами.

Ах, моя дорогая подруга, велика моя надежда, больше чем мои страдания, что вы пойдете царским путем; Господь увидел в вас душу, созданную для Него, и, избрав вас своим благословенным орудием, он поместил вас в среду страданий и крестного пути. Я люблю вас всем сердцем; идите, идите, отвергните мир от себя; пусть ваши глаза видят лишь Господа, его крест и его неисчерпаемую любовь. Закройте глаза, станьте глухи ко всему и призывайте единственное благо – любовь к Господу»⁹.

«Благословите моего сына, мою дочь, моя дорогая вторая дочь; пусть все обожают вас, следуют за вами, о Боже, и пусть из этих слез вырастут цветы у ваших ног, цветы вечности» (там же).

Крюденер попросила у императора позволения отправиться к дочери и зятю в Санкт-Петербург где барон Беркгейм тем временем получил место у кн. А.Н. Голицына по министерству народного просвещения. Император, находившийся на конгрессе Священного Союза в Троппау, дал благоприятный ответ. 2 февраля 1821 г. баронесса Крюденер появилась в Санкт-Петербурге. Благодаря ее приезду и совместным молитвам тяжело больному барону стало лучше.

«С прибытием в Санкт-Петербург мадам Крюденер вновь стала предметом оживленного интереса, – пишет Эйнар. – Русское общество, такое мобильное, такое впечатлительное и падкое на все необычное, спешило к княгине Голицыной, чтобы видеть и слышать мадам Крюденер: бедные и богатые, штатские и военные, дворяне и мещане стекались слушать ее увещания и предостережения. В толпе можно было заметить и несколько членов мистических обществ, сложившихся в последние годы царствования Екатерины»¹⁰.

Дружба с княгиней А.С. Голицыной и кн. А.Н. Голицыным, ее дальним родственником по мужу, но весьма близким духовно, поставила Крюденер в центр петербургского мистицизма, которому, казалось, покровительствовал сам император. Александр тогда сохранял свои надежды на распространение чистого христианства между народами и благосклонно смотрел на пеструю смесь разных видов религиозной экзальтации в обществе. Библейские общества, поощряемые указом императора и возглавляемые князем Голицыным, генерал-прокурором Синода, смыкались со сторонниками мистицизма в стремлении освободить религиозную мысль.

Баронесса надеялась на более благожелательное отношение к своей проповеднической миссии в России, однако осенью 1821 г. отношение императора к ней стало меняться.

Призывы Крюденер к крестовому походу против турок, порабоцавших греков, были расценены как попытка вмешаться во внешнюю политику России.

«Еще живя в Лифляндии, – писал А.Н. Пыпин, – она делала свободу Греции предметом своих мистико-пророческих гимнов; теперь она стала проповедовать об этом в гостиных... объявляла, что именно Александр и есть орудие, выбранное Богом для восстановления Греции; это назойливое приставанье должно было очень не понравиться императору особенно тогда. Запуганный революциями, Александр представлял теперь Задачу Священного Союза именно

в подавлении всяких революционных движений, стремившихся, по его мнению, к низвержению “алтарей и престолов”¹¹, к которым теперь причислялось и греческое освободительное движение. Как инициатор и участник Священного союза, взявшего на себя обязательство поддерживать в Европе порядок, Александр, некогда сочувствовавший грекам, а теперь озабоченный тем, как подавить их восстание, видел крайнюю неуместность призывов Крюденер, тем более что в русском обществе были мнения, что Россия обязана защищать своих единоверцев. Он решил остановить проповедницу и поначалу сделал это в мягкой форме. По словам Эйнара, он написал ей письмо на восьми страницах, где указал, что, удовлетворяя стремления греков, он опасается попасть на ложный путь и благоприятствовать тем нововведениям, которые принесли столько жертв и так мало добра (намек на революции. – Прим. авт.), но в особенности принятое на себя обязательство действовать заодно с союзниками; далее, он порицал ту свободу, с которой она осуждала действия его правительства; создавая волнения вокруг трона, она нарушала свои обязанности как подданной и как христианки, и что ее присутствие в столице возможно только на условии – хранить почтительное молчание об образе действий, которого он не мог изменить по ее желаниям».

Это письмо император послал ей через Александра Тургенева, с тем чтобы, по прочтении письма баронессой Крюденер, он взял его назад. Но Крюденер, убежденная в том, «что освобождение Греции было начертано в небесах», не могла согласиться на такое ограничение своей проповеднической деятельности и предпочла вернуться в конце 1821 г. в свое имение Коссе¹². Здесь она предавалась подвигам благочестия и аскетизма вместе со своим спутником и единомышленником Кельнером. Зимой 1822 г. она провела следующим образом:

«Кроме поста, которому она подвергала себя уже давно, она выносила в комнате без печки и двойных рам температуру более

20 градусов по Реомюру, не замечая этого; таким образом, она умерщвляла свою плоть и покоряла ее. Эти лишения были для нее лишь способом выразить свое убеждение и свою надежду на то, что жизнь ее, как и сердца, – на небесах... И действительно, душа ее была радостна и даже тело ее в течение нескольких месяцев, казалось, без труда подчинялось строгому режиму, которому она его подвергала»¹³.

Вскоре, не выдержав этих опытов, скончался Кельнер. Чета Беркгейм посетила ее зимой 1823 г. и была поражена ее «радостной просветленностью». Однако к весне 1823 г. появились признаки чахотки. Ей рекомендовали южный климат, и в этих обстоятельствах она с интересом восприняла планы княгини Голицыной, собиравшейся вместе с супругами Беркгейм в Крым, чтобы основать там колонию.

Указ 1822 г.,
опала и переселение из Петербурга в Крым

*З*апрет в 1822 г. тайных и мистических обществ был шоком для многих, считавших себя единомышленниками Александра I. При этом наиболее ярким фигурам, таким как Крюденер и Анна Голицына, предписывалось воздержаться от собраний в столице. Они предпочли своего рода «эмиграцию» единомышленников, избрав Южный берег Крыма, о котором доходили слухи как о земном рае – богатой стране, но глухой и необжитой, к тому же населенной татарами-мусульманами. Край этот, как казалось, вполне подходил для их миссионерских целей: в обществе считали, что они отправились «проповедовать Евангелие татарам».

Однако были и другие, более веские и серьезные причины. Крым, присоединенный еще в 1783 г., несмотря на заманчивые описания его красот путешественниками, и спустя 40 лет оставался практически незаселенным. Он требовал крупных капиталовложений, которые были тогда под силу только богатым магнатам, аристократии. Биограф баронессы Крюденер Шарль Эйнар прослеживает моменты принятия этого решения, которое вызревало постепенно. Так, он сообщает, что *«Крюденер живо интересовалась проектом императора открыть доступ в южную Россию для швейцарских, эльзасских и вюртембергских колонистов. Она только желала бы, чтобы им придали более миссионерский характер»*¹⁴.

Поэтому, когда ответом на запреты правительства стало решение о переселении и в качестве такового был избран Крым, мысли эти упали на подготовленную почву. Кн. Голицына, имея во главе переселенцев идейного вождя в лице Крюденер, сама взяла на себя всю практическую сторону.

«Княгиня принадлежала к числу тех редких душ, – отмечает Эйнар, – которые не отступают ни перед какой трудностью, и умеют внушить окружающим уверенность в том, что это их собственные мысли. Г-же Крюденер предписано было провести зиму на юге, и убежденность в том, что климат Крыма будет полезен для ее столь драгоценного, сколь и хрупкого здоровья, стала преобладающим мотивом при подготовке путешествия. Весь конец 1823 и начало 1824 гг. ушли на подготовку к отъезду. С началом весны тронулись в путь. Чтобы избавить м-м. Крюденер от тягот путешествия, княгиня Голицына решила плыть по Волге... Этот переезд доставил м-м Крюденер давно не испытанное удовольствие. Вид живописных берегов, меняющийся пейзаж, по-весеннему яркий и свежий, оживил ее. По прибытии в Феодосию, она почувствовала себя лучше. Побыв здесь какое-то время, отправились в Карасубазар, куда прибыли в сер. сентября... Болезнь прогрессировала, и м-м Крюденер умерла в ночь под Рождество – с 24 на 25 декабря 1824 г.»¹⁵.

Спустя немало времени дальний ее родственник, князь Н.Н. Голицын, писатель, историк, публицист (1836–1893), объясняет это выселение стремлением «основать новую колонию в “новых” же местах, где они легко могли бы пропагандировать свое учение, отправлять общественные моления, учредить рассадник трудолюбивых пиэтистов наподобие германских того времени религиозных корпораций. При отсутствии проявлений русского религиозного сознания, эта “немецкая штука” легко удалась. Они избрали эту обетованную Америку Южный берег Крыма, о котором тогда доходили до Петербурга слухи как о земном рае, богатой стране и почве, вместе

с тем глухой и необитаемой, где делай, пожалуй, что хочешь! Княгиня была душою этой экспедиции и собрала команду из ста колонистов, преимущественно немцев и греков, садовников, виноделов, земледельцев и проч... Ехать сухим путем было невозможно в такую даль и с такою массою народа: решено отправиться водою, каналами, Волгою и Доном. Снаряжена была колоссальная барка, на которую вся эта колония села в Петербурге, среди бела дня, у Калинкина моста и тронулась в путь»¹⁶. Путешествие было нелегким и длилось почти полгода: колония переселенцев, состоявшая из лиц разного звания – простолюдины и аристократы, садовники и архитекторы, выходцы из России, Лифляндии, Швейцарии, Германии и Франции, – двинулась сначала водным путем по Волге и Дону, потом через Таманский полуостров попала, наконец, в благословенную Тавриду. Не раз сильный характер и энергия княгини спасали участников этого невиданного предприятия. Так, однажды во время сильнейшей бури на Волге, когда барка едва не перевернулась, она в критический момент собственноручно срубила мачту! Наконец, близко уже к желанной цели путешествия они чуть было не подверглись нападению лощманов и ограблению. Всем было известно, сообщает Н.Н. Голицын, что «княгиня везла с собою 500 000 рублей ассигнациями на устройство колонии и покупку имения. Их вовремя предупредил один из путешественников, грек Галера, услышавший греческий разговор злоумышленников»¹⁷.

Как протекало это необычное путешествие? Некоторые его подробности сообщает французский писатель Луи Алексис Бертен (1852–1918) проживавший в Феодосии и в Судак (отсюда псевдоним Луи де Судак). Его отец, приглашенный в качестве инженера на строительство железной дороги, женатый на дочери керченского градоначальника А.З. Херхеулидзе[ва], уже обосновался в Крыму. Луи, получив образование во Франции, возвращается в Феодосию, где проживает семья отца, и посвящает себя литературе, одновременно исполняя обязанности французского, затем турецкого и даже испанского консула. Его интересуют судьбы

французов, а более – француженок, оказавшихся в Крыму: дело «Ожерелье королевы», связанное с именем графини де Ламотт-Валуа, о котором публикует несколько очерков, поиски могилы баронессы Крюденер, скончавшейся в Крыму; попутно он сообщает некоторые подробности о княгине Голицыной. Источники его сведений – беседы со старожилами преимущественно европейского происхождения – Боде, Ларгье, Жакмар и др., а также архивные сведения.

Главным персонажем плавания на знаменитой барке для него является баронесса Крюденер, идейный вождь путешествия; основное внимание уделено соотечественницам – мадемуазель (он называет ее канониссой) Жакмар и так называемой графине Гаше (Гашет), под именем которой скрывается героиня нашумевшего дела об ожерелье королевы.

Согласно рассказу Жакмар, в передаче Луи де Судак, госпожа Крюденер спустя два(?) месяца плавания по Волге и Дону прибывает в Таганрог.

Английский консул извещен о прибытии барки, которая описывается как *«небольшое широкое и плоское судно, способное нести лишь один четырехугольный парус. На носу выделялась грубо выполненная скульптура св. Николая, раскрашенная самым необычным образом. На корме высился деревянный крест, украшенный ветками ели и выцветшими бантами... В одной из кают консул заметил трех женщин, сидящих вокруг стола, заваленного какими-то бумагами. Все трое читали раскрытые перед ними толстые книги. Их неподвижность, серые платья, белые чепцы, строгость позы, то, как падал на них свет, – все это придавало данной сцене какую-то фантастическую окраску... Графиня де Гаше сидела к нему спиной, но он смог хорошо рассмотреть остальных женщин, сидящих напротив: маленькую хрупкую блондинку госпожу де Крюденер и внушительную благородную княгиню Голицыну, выражение лица которой представляло собой сочетание утонченности, аскетизма, строгости и насмешливости... Консул представился и, «против*

своего ожидания, получил такой теплый и непринужденный аристократический прием, как будто он находился в самом аристократическом салоне мира»¹⁸.

Осень застала их в Карасубазаре (ныне Белогорск). В этом небольшом городке, так и не доехав до Южного берега, баронесса Крюденер, страдавшая чахоткой, скончалась в ночь под Рождество Христово – с 24 на 25 декабря 1824 г.

Послушаем же окончание рассказа мадемуазель Жакмар.

«Появление этих женщин в Крыму взбудоражило весь полуостров... Полиция, получив соответствующие указания, всячески препятствует их миссии... Что касается кн. Голицыной, то, обожавшись на своей замечательной вилле, она более не помышляла об обращении в другую веру (татар?)»¹⁹.

*А.С. Голицына о роли М.С. Воронцова
в письме императору Александру I*

Однако на неординарное решение княгини значительное влияние оказала другая выдающаяся личность, и это был граф М.С. Воронцов, в 1823 г. назначенный генерал-губернатором Новороссии. Семен Романович Воронцов, русский посол в Англии, и его сын Михаил, будущий генерал-губернатор Новороссии, обсуждали проблему Крыма еще в Англии.

Семен Романович Воронцов как-то узнал, что австрийский принц де Линь, получив от Екатерины II подарок – земли от Партенита до Кучук-Ламбата и посетив в 1787 г. в свите Екатерины II свои новые владения, очарованный красотой этой живописной местности, решил создать здесь плантаторское хозяйство, заселив земли английскими преступниками, неграми, скитавшимися по Лондону арабами. Проект потерпел неудачу после энергичного вмешательства С.Р. Воронцова. Де Линю пришлось, в конце концов, продать свой подарок русской казне. Но проблема заселения и освоения полуострова оставалась, и отец благословил сына на ее решение. Так, Семен Романович советовал сыну приобрести владения в Крыму еще в 1820 г., в письме *от 9 сентября*: «По поводу Крыма, тот или та, кому Ришелье оставил свою землю, возможно, захочет ее продать, и это было бы хорошим приобрете-

нием для вас, друг мой, ибо это избавило бы вас от постройки дома, и увеличило бы ваше весьма малое владение, добавив преимущество в виде хорошо расположенного сада»²⁰. Таким образом, приобретение первых земель произошло еще во время пребывания графа за границей. В «Воспоминаниях» М.С. Воронцова за период 1819–1933 гг. также отражено приобретение земель крымского Южного бережья. В 1820 г., в Париже, пишет он, «никогда не бывав в Крыму, и по рекомендации герцога Ришелье, я купил у м-ра Стевена, директора Никитского ботанического сада, находившегося тогда в отпуске в Париже, земли мыса Мартьян и Ай-Даниля на Южном берегу Крыма... В 1822 г., будучи в Александрии (имение матери жены. – Прим. авт.), я совершил поездку в Одессу и, в первый раз, – в Крым». 7 мая 1823 г. М.С. Воронцов был назначен новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области. В следующем месяце сын получает от отца письмо, из которого следует, что уже обдумано решение избрать «... в качестве основной резиденции Крым; хотя это место не является центром вашей обширной губернии, я считаю, что именно эта часть в особенности нуждается в улучшении, поскольку ею непостижимым образом пренебрегали... Крым заслуживает, чтобы ему уделили много внимания»²¹.

«Наблюдаю с чрезвычайным удовольствием, – пишет Семен Романович в письме от 15 (25) октября 1825 г., – что прокладка дороги вдоль южного берега Крыма оживила эту часть полуострова, что край заполняется новыми поселенцами и культура винограда и оливок распространяется все более, и, что, наконец, земля растет в цене. Так как дорожку было приказано строить по вашим представлениям [правительству], вы получаете удовлетворение от того, что способствовали благополучию жителей, делая страну более заселенной, возделанной и богатой... Жаль, что так плохо знали политэкономия и не понимали, что страна без дорог всегда останется бедной и варварской»²².

Михаил Воронцов прекрасно сознавал необходимость привлечения в Крым людей со средствами, которые они могли бы вложить в освоение земли, но, воспитанный в Англии, сознавал, что «никакое государство, сколь бы деспотичным оно ни было», не могло бы заставить силой свободных дворян переселиться на новые берега. Княгиня Голицына с ее огромным богатством, со связями в среде столичной знати, наконец, с ее волевым характером стала подарком судьбы. Он считал освоение Крыма делом государственного масштаба, и ему удалось увлечь этой идеей княгиню Анну Сергеевну Голицыну, оказавшуюся в опале вместе с Крюденер и их друзьями – участниками благочестивых собраний. Надо представить себе ее настроения: обожание государя, который до последнего времени был их единомышленником – и вдруг резкий поворот и осознание, что она в этом качестве ему не нужна. Но чем еще она может послужить царю и отечеству? – удалиться от света, избрав самую глухую окраину и самое трудное поприще, возделывая землю.

Сохранились черновики двух писем (оригинал на франц.), повествующие об этих настроениях. В первом из них, исполненном самоуничужения, она называет себя «старой, слабой и совершенно бесполезной» и обращается к государю со смиренной просьбой:

«Государь, Вы владеете землями, совершенно бесполезными и, следовательно, бесполезными для Вашей страны; поэтому я осмеливаюсь просить Вас отдать мне несколько тысяч арпанов такой земли, чтобы пасти там стада овец»²³.

Но по прошествии некоторого времени с ней беседует граф М.С. Воронцов, и, видя состояние княгини, приходит к мудрой мысли направить ее энергию на освоение Крыма. И вот перед нами второе письмо, адресованное государю. Мы приведем его полностью, поскольку в нем впервые слышен голос самой княги-

ни, совершившей нечто неслыханное, особенно для женщины – стать вождем целой колонии, выселившейся в необжитые земли, причем предприятие это увенчалось успехом!

«После зрелого размышления и внутренней борьбы с самой собой осмеливаюсь я писать Вашему Величеству. В 1824 г. я решилась покинуть С-Петербург, удалиться от мира и общества и обосноваться на Южном побережье.

Так как мое здоровье требует благоприятного климата, я предпочла удалиться в места ненаселенные, где меня ждут лишения и трудности, но не покидать родины. Я пожелала провести свои годы забытой, вдали от цивилизованного общества.

Граф Воронцов, вдохновленный патриотическим пылом, считает Побережье (Крыма) неисчерпаемым богатством для России. Этот выдающийся администратор внушил мне веру в то, что при минимуме стараний и забот Побережье может снабдить всю Россию вином, оливковым маслом и миндалем и что это сбережет миллионы, потраченные на закупку этих вещей за границей. Меня увлекла идея заняться разведением винограда и оливок. Он сказал мне, что если бы я поселилась здесь, то смогла бы, более чем кто-либо другой, увлечь своим примером тех, кто хотел бы начать эти работы, что я стала бы опорой для желающих переселиться иностранцев – виноделов, бочаров, погребщиков, маслоделов, что они найдут в моем поместье те ресурсы, которые страна до сих пор не могла им предоставить, из-за трудностей с жизненными припасами, дорогами и т.д. Его красноречие, широта и разумность его взглядов меня убедили. Я улыбаюсь при мысли, что еще могу быть полезной и посвятить свое время служению моему Государю.

Покидая С-Петербург, я продала свой дом, ранее принадлежавший барону Николаи, частному лицу за 180 тыс. руб. Мой доход от земли и 700 душ крестьян достаточен для проживания, и потому я решила употребить эту сумму для разведения винограда. В эту годовщину восшествия В.В. на престол, я высадила 20 тыс. лоз

лучших сортов винограда, 1500 оливок, и 8000 саженцев миндаля, тем самым завершив дела этого года!

Довольная результатами, я надеялась удвоить мою деятельность и завершить с Божьей помощью мои насаждения на будущий год. Но я получила новость: покупатель моего дома, хотя и знал, что я скорее продешевила, нежели имела выгоду от его продажи, и прожил в доме целый год! – отказался от покупки, написав, что дом слишком велик для него и что он его разорит. Я рассчитывала на 180 тыс., но теперь, напротив, должна выплатить ему 80 тыс. долга, так как он заложил дом в банк, чтобы облегчить себе платежи.

Государь, неужели я должна отказаться от того, что так счастливо начала, так как с тем, что я имею, я должна ежегодно платить в банк, содержать себя со всем моим окружением и довершить возведение строений, которые укроют нас от дождя и холода.

Благоволите, Государь, защитить начинание, столь полезное для Вашей империи. Когда я подумаю, что для августейшей церемонии Вашего Таинства, это освященное масло, которое делает Вас помазанником Божиим, священной особой в глазах и сердцах Вашего народа, – что это самое масло должно покупаться за границей, – при этой мысли я несколько не колеблюсь умолять Ваше Величество защитить нас и оказать помощь в наших трудах. Благоволите, Государь, приказать купить мой дом, корона берет внаем многие дома для департаментов различных министерств, а это более расточительно, нежели покупка. Тогда я смогу продолжить дело, которое так удачно начала.

Я знаю, Государь, что бремя Вашей власти велико и заботы о вашей империи неусыпны, но Вы призваны царствовать и милосердный Бог уделит вам своей благодати, посредством которой Он может заботиться о целом мире и о последнем нищем; Он умножит ваши интеллектуальные способности, благодаря которым Вы, занимаясь целой империей, уделите внимание одной из ваших подданных. Наши духовные нужды в руке Божией, и помазанник Божий между

Ним и его народом имеет власть даровать или отказать смертным в их мирских нуждах.

Благоволите, Государь, принять уверения и т.д...»

Так сама княгиня объясняет свое решение, в итоге которого она вместе с баронессой Крюденер, с ее дочерью и зятем – баронессой и бароном Беркгейм, возглавила переселение группы единомышленников в 1824 г. в Крым.

В ноябре следующего года, незадолго до своей смерти, Александр I, приглашенный Воронцовым на Южный берег, посетил Кореиз, где встречался с Анной Сергеевной Голицыной. Оттуда он отправился в Карасубазар, на могилу баронессы и пробыл там в молитве и размышлении довольно долго, отдавая дань той, которая духовно поддерживала его в зарубежном походе, предсказывая победу над Наполеоном, и горячо поддержала идею создания Священного союза в 1815 г. (см. подробнее ниже). Он и сам лелеял мысль провести остаток дней в Крыму, и с этой целью приобрел имение Ореанду. Зная о его религиозных настроениях в конце жизни, нетрудно предположить, что он желал бы, как частное лицо, оказаться в кругу духовных единомышленников, чью деятельность в столице вынужден был запретить как глава государства.

Александр I – гость Кореиза

Осенью 1825 г., когда постройка дома была еще только в самом начале, проезжал последний раз по Южному берегу император Александр I и по пути посетил кн. Голицыну. В описании путешествия императора, напечатанном в 1829 г., по выписям из камер-фурьерского журнала, прямо говорится, что *«26-го октября, проехав из Гурзуфа, где ночевал, Государь обедал в Ореанде, только что для него купленной, пробыл там до вечера, любовался иллюминацией гор и оттуда отправился к Княгине Голицыной, во владении коей существовала в то время лихорадка, ночь провел тогда Государь у одного татарина. 27-го октября прибыл в Алуку утром»*.

Приведем и более подробное описание последнего путешествия Александра по Крыму в книге немецкого историка Шницлера. Его сочинение интересно сообщением о дорогах, точнее, о крымском бездорожье того времени. Повествование усеяно также замечаниями о недомоганиях императора, которые автор связывает с верховой ездой, пешей ходьбой, увлечением сочными фруктами и т.п. Эти недомогания служили предвестием более серьезной болезни, которая и свела его в могилу. Интересны также и его сообщения о душевном состоянии императора, сознававшего, что в стране зреет заговор.

«...В России существовали другие очаги недовольства, и Александр давно бы знал о них, если бы не имел привычки бросать на своем письменном столе бумаги, даже не распечатывая. Но он был осведомлен об этом в ходе своего последнего путешествия в Польшу (15 мая – 13 июня 1825), или сразу по возвращении. Тогда-то он получил первое известие о заговоре, который в течение ряда лет, – вещь невероятная в стране, где полиция так активна, – сложился против него и существующего в России порядка, заговора, предполагавшего цареубийство... Итак, дни монарха были сочтены, кинжал был занесен над ним; роли были распределены, момент для удара назначен. Он это знал, и это было для него предметом крайней подавленности. Ибо, как мы уже сказали, тирания не была его орудием. Добрый человек, чтобы победить злых, не может использовать против них их собственное орудие. Скорее чем прибегать к насилию или влачить в страхе и под защитой штыков жалкую жизнь, он отрекается от роли жертвы. Эти подробности объясняют в значительной степени печаль, которой предавался Александр в последние годы своего царствования, печаль, отпечаток которой ясно читался на его благородном лице»²⁴.

«...Погода стояла прекрасная, и он решил по настоянию графа Воронцова, губернатора Новороссии, совершить путешествие в Крым. Оно должно было длиться 17 дней. Мы будем сопровождать монарха в этом путешествии, рискуя злоупотребить терпением читателя. Но не будем забывать, что речь идет о стране малоизученной, а Крым является одним из самых живописных, любопытных ее уголков.

Отправившись из Таганрога 1 ноября, путники проехали через колонии меннонитов и немцев, расположенные вдоль реки Молочной, вдоль Гнилого моря с его вредными испарениями, и 5 ноября прибыли на закате солнца в Симферополь. Эту обширную деревню, перемежаемую садами, русские превратили в правительственный центр области, которой было дано классическое наименование Тав-

рида. Здесь насчитывается 2275 домов и более 11 000 жителей, из которых только сотня – русские. Татары здесь составляют большинство (7 904), но немало также цыган, евреев-караимов и греков. Губернатор г-н Нарышкин был информирован только за 8 дней о приезде, получив приказ держать наготове на указанных станциях царского маршрута лошадей, необходимых для 9 повозок почты и одной брички. К большому сожалению населения Симферополя, Александр провел там только одну ночь: на другой день он направился к прекрасному южному побережью, укрытому от северных ветров и открытому солнечным лучам, подобно небесам Италии и Греции. Из Симферополя прямой путь туда лежит через горы, по едва проложенным дорогам. Господствующей высотой среди этих гор, как говорят, является Чатыр-даг, высотой около 1650 м, откуда путешественник видит всю пленительную панораму почти всего полуострова. Чтобы добраться до Гурзуфа, земли графа Воронцова, император проделал 35 верст верхом, тогда как повозки и багаж получили приказ следовать до деревни Байдар, откуда они должны прибыть через несколько дней. Этот утомительный, со всевозможными трудностями переход, пища, предлагаемая на местах августейшему путешественнику, превосходные фрукты, производимые здесь в изобилии и поедаемые им с удовольствием – все это в сочетании стало причиной расстройства желудка, что стало началом более серьезного заболевания. На другой день, продолжая путь на юг, мы прибыли в Алупку на морском побережье. Это татарская деревня, расположенная у подножия Ай-Петри, возможно, древнего Криуметопона, который возвышается на 1300 м. Но славу Алупки, еще более чем ее местоположение, составляет пышный замок гр. Воронцова, построенный в готическом стиле и уже стоивший миллионы, хотя он еще не окончен. Герцог Рагузский сравнивает это великолепное здание с лучшими замками Англии; но другие путешественники придерживаются иного мнения и в особенности критикуют выбор места. Как бы там ни было, Александр, любопытствуя видеть это чудо стран киммерийских и таврических, принял при-

глашение его владельца, человека изысканных манер и приятного общества. Отсюда хорошая дорога идет вдоль моря в северо-восточном направлении до Алушты; проезжая по ней, восхищаешься этими прекрасными местами, напоминающими карниз Генуи, пожалуй, единственным местом в Российской империи, где климат мягкий и небо всегда ясно. Высокие горы полуострова защищают его от ледяных ветров Севера; и пересеченная местность в соединении со скалистыми ущельями придают ему много разнообразия, дополняемого величественной монотонностью моря, омывающего подножия скал. От Алупки до Ялты прекрасные места сменяют друг друга, и удачно расположенные деревни населены праздными татарами, неразлучными с их длинной трубкой. Вначале Мисхор, собственность г-на Нарышкина, затем Кореиз, владение, основанное кн. Голицыной; далее Ливадия, принадлежащая графу Потюцкому, и, ближе к морю – Орианда, обширное урочище, замечательное своим местоположением, но где искусство пока немного сделало, чтобы соответствовать природе. Император, который только что приобрел это место, в порядке обмена, у графа Кушелева-Безбородко, пожелал посетить его; затем, совсем близко от Ялты, небольшого порта, известного древним, перед которым лежит долина необычайной красоты, он направился туда и продолжил свои исследования вплоть до Никиты, где, неподалеку от греческого монастыря расположен императорский сад, известный как Ботанический сад и питомник. Здесь культивируют виноград 400 различных сортов. Отсюда император вернулся в Алупкинский замок той же дорогой. Желая нанести визит княгине Голицыной, он отправился один в ее небольшую колонию, где в то время свирепствовала злокачественная лихорадка, эндемичная на полуострове. Он много ходил пешком, охотно ел сочные фрукты, которыми его угощали, и провел ночь у местного татарина, восхищенного возможностью оказать восточное гостеприимство великому владыке Севера. Александр хотел видеть всех вблизи – христиан, мусульман, евреев. Все это путешествие восхитило его своей новизной, – впечатление, которое наши западные читатели,

возможно, разделят с ним. Он совершил и другие пешие прогулки в окрестностях земли графа Воронцова. Затем он продолжил свой путь. Но дорога, такая прекрасная от Никиты до Алупки, здесь и закончилась. Государь должен был преодолеть высокую гору, чтобы попасть во владения Мордвинова (имя, напомнившее ему дорогие, но горькие воспоминания), и проделал 40 верст или километров верхом на лошади, которая не вполне его удовлетворяла».

«Желая нанести визит княгине Голицыной, он отправился один в ее маленькую колонию, где наблюдалась в то время лихорадка опасная на полуострове. Он много ходил пешком, охотно ел сочные фрукты, которыми его угощали, и провел ночь у местного жителя татарина...». Это описание вполне совпадает с камер-фурьерским.

Приведем еще одно описание путешествия Александра в Крым, дополненное неизвестными подробностями: оно принадлежит Полю Лакруа, писателю и библиофилу, брату Жюля Лакруа, поэта и литератора, последнего мужа знаменитой Каролины Собаньской. Оно было опубликовано в виде приложения в его книге, посвященной Юлиане Крюденер²⁵. Источником послужили рассказы самой Каролины, а также письма к ней княгини Голицыной, которые она увезла в Париж и где они хранятся по сей день.

«Смерть мадам Крюденер произошла за год до смерти императора Александра; он не забыл ее и, возможно, раскаивался в том, что поступил несправедливо и жестоко по отношению к такому верному и преданному другу. В сентябре 1825 года император, уже больной, повинуясь неодолимому предчувствию, совершил роковое путешествие в Таганрог, ставшее таинственным эпилогом его славного царствования. Мы заимствуем из нашей Истории Николая I ниже следующие подробности, которые не опубликованы.

Император запланировал поездку в Крым, никому не говоря об этом. Он хотел помолиться на могиле м-м Крюденер, которая

скончалась в Карасубазаре в ноябре 1824 г. Он хотел также расспросить княгиню Анну Голицыну, жившую в Кореизе, которая присутствовала при кончине пророчицы и слышала ее последние слова.

Итак, он выехал из Таганрога 1 ноября в сопровождении многочисленной свиты, которую оставил по дороге, и направился верхом к великолепному замку, который строили для графа Воронцова на берегу моря близ деревни Алупка. Там он заявил, что поедет один к княгине Голицыной, которая основала сельскохозяйственную колонию в горах и жила там в окружении немецких и швейцарских колонистов. Это вызвало удивление окружающих, ему возражали, предупреждали об опасной лихорадке во владениях княгини. Он не слушал и взял с собою лишь слугу-проводника, чтобы тот указывал дорогу. Княгиня Анна Голицына, которую он предупредил о своем визите, приняла его в Кореизе, в уединенном жилище, где проживала уже второй год, намереваясь провести остаток жизни, следуя мистической религии, очень похожей на квиетизм мадам Гюйон. Они провели вместе несколько часов: княгиня долго говорила ему о мадам Крюденер, сообщила ему последние слова ясновидящей и передала ему запечатанные бумаги, адресованные императору. Мадам Крюденер умерла в Карасубазаре и там же была похоронена. Александр дал обещание помолиться на этой могиле: он отправился туда, несмотря на то что дорога была дальней.

Вечером он прибыл инкогнито в этот маленький татарский городок в сопровождении местного проводника, данного княгиней Голицыной. Он велел открыть церковь и указать место, где покоилась его давняя подруга; он провел целый час в молитве в этой холодной и сырой церкви. По выходе оттуда он почувствовал первый приступ лихорадки, возможно, вызванный эмоцией; тем не менее, он отправился в путь, во власти нервного возбуждения, и проделал часть пути верхом ночью, при лунном свете. Но сменяемый усталостью и тревогой, должен был остановиться в хижине горного татарина, где его пищей были фрукты, рис и ржаной хлеб.

Будучи слишком взволнован, он не мог заснуть; встал рано и поспешил вернуться в Кореиз, к княгине Голицыной. Он продолжил разговор с ней, основным предметом которого, как нетрудно догадаться, была мадам Крюденер.

Лихорадка не оставляла его; по возвращении в Таганрог 17 ноября он был вынужден лечь в постель и через 13 дней скончался 1 декабря, шепча имя мадам Крюденер»²⁶.

Утро в Кореизе вернуло ему хорошее настроение. Александр совершил и другие прогулки пешком вдоль земель графа Воронцова. К их описанию можно добавить очаровательную сценку, приведенную в воспоминаниях Каролины Эшлиман.

«Семья моей бабушки (Елены Маурер. – Прим. авт.) жила еще в Кореизе, когда император Александр Первый вторично посетил Южный берег Крыма. Это было в 1825 году, осенью. Государь остановился в Нижней Ореанде, которая незадолго перед тем была куплена им у графа Кушелева-Безбородко. ... В Ореанду навстречу ему собирались жители окрестных селений, в том числе и “кореизская колония”. Одна из моих теток, Генриэтта Яковлевна Маурер, в то время бывшая в возрасте молодой девушки, отличалась очень привлекательной наружностью. Император обратил на нее внимание, он подошел к ней и поцеловал ей руку. Когда император поднимал голову, локоны волос моей тетки упали на его густые эполеты и запутались в них. Это происшествие очень сконфузило ее»²⁷.

В воспоминаниях потомков Анны Сергеевны, внучки и правнучки ее сестры Софьи Мещерской, живших в Кореизе, приводится семейное предание, не очень точное, но отражающее дружеский дух отношений Александра I и сестер Всеволожских.

«Эта княгиня Голицына, мистический друг Александра I, была очень дружна со знаменитой баронессой Крюденер. Один из первых домов, построенных на южном берегу Крыма, был выстроен ею. Она

жила в этом доме во время его постройки, и Александр I, бывший в то время в Крыму, и любивший подразнить своего друга, часто влезал в ее гостиную через окно, говоря, что не успокоится, пока вместо этого окна она не пробьет дверь. Дверь со временем она пробила, но выходила она уже не прямо в сад, а на большой балкон (вероятно, террасу)»²⁸.

В этом доме кн. Голицына жила, окруженная компаньонками, воспитанницами, а также многочисленным обществом. Тут были дочь Крюденер с мужем, бар. Беркгеймом; приезжали племянники, дети сестры кн. Мещерской, Каролина Собаньская, Казначеевы, Н.Н. Раевский-мл., сам Воронцов. Впечатление от их прибытия передает К. Эшлиман: *«Немногие, однако, увлекались красотами Тавриды до того, чтобы поселиться в ней; большую часть приезжали, любовались и уезжали!.. В то время приехала в Крым замечательная компания, исключительно дамская; по крайней мере, дамы были в ней главными лицами, а мужчины играли весьма второстепенные роли»*²⁹.

М.С. Воронцов в неопубликованном письме дал высокую оценку деятельности кн. Голицыной для Крыма, *«этой прекрасной части России, которую сорок лет забвения предали запустению и которую никакая власть, сколь бы деспотичной она ни была, не подняла бы еще долгое время, если бы счастливая звезда не привела вас на ее берега»*³⁰. Эти слова подчеркивают ее особую роль в освоении Южного бережья и нуждаются в комментарии.

*Имение Кореиз кн. Голицыной А.С. в 1824–1838 гг.:
опыт реконструкции*

*К*расноречие графа не пропало даром. «Опальная» княгиня во главе колонии поселенцев из небольшого круга единомышленников и сотни крепостных людей поселилась в Кореизе, по соседству с Алушкой – крымской резиденцией М.С. Воронцова и опекаемым им Мисхором. Едва ли будет преувеличением увидеть в сложившейся ситуации картину своеобразного «разделения труда» или «двоевластия»: Граф, отвечающий за край в целом, живет в Одессе, много путешествует, в том числе за границу, бывая в Крыму и в Алушке наездами; княгиня живет в Кореизе безвыездно, посвящая все свое время и силы руководству работами, подбору земель для желающих поселиться на побережье, наблюдая за строительством в Алушке, Гаспре, Кореизе.

Что представляло собой имение Кореиз, первое крупное поместье Южного берега Крыма 1820-х гг., ярко отразившее типичные характерные черты начальной фазы усадебного строительства? Территория для будущего имения была выбрана по совету Воронцова, в пяти верстах от Алушки и в трех – от Мисхора, в ближайшем соседстве от Воронцовых и Нарышкиных. А вот дом у Кореизской скалы, позже – «Мачтовой», напротив главных шпи-

лей горы Ай-Петри – это ее личный выбор, который сомнению не подлежал. Поселившись в татарской хижине, княгиня отсюда не выезжала³¹, и с 1825 г. руководила постройкой собственного дома, завершенного строительством в 1829 г.

О трудностях, которые приходилось преодолевать колонистам-первопроходцам (отсутствие дорог, стройматериалов, мастеров), писали многие.

Мысль о Крыме как о рае земном, вероятно, поначалу привлекла княгиню к местечку, носившему со времен генуэзцев название Парадиз, то есть рай. Второе название местечка – Новый Свет – напоминает о том, что колония вдохновлялась опытом переселенцев в Америку, которую называли Новым Светом. Во всяком случае, именно под этим названием имение перешло во владение князю Херхеулидзеву, купившему его у княгини А.С. Голицыной.

«Выбор места ею был очень удачен и скор», – отмечает Бертье-Делагард в работе, посвященной Кореизу и его владелице кн. Голицыной. В этом явно сыграли роль и советы Воронцова, и соседство избранной им в качестве собственной резиденции Алупки.

Кореиз – одно из древнейших селений Южнобережья, название которого в старых хрониках приводилось в разной огласовке – Курасаиты, Хуризу, Хураис, пока не утвердился в начале прошлого столетия современный топоним Кореиз. Известный историк и краевед А.Л. Бертье-Делагард, ссылаясь на «Житие Иоанна Готского», где упоминается Кореиз, отмечал, что селение это существовало уже в VIII в., задолго до генуэзцев. К этому времени относятся обнаруженные тут захоронения готов, предметы их быта и развалины древней христианской церкви, находившейся на выступе обрывистой скалы. Бертье-Делагард связывал с ней предание о монахе-аскете, на чью могилу приходил молиться св. Иоанн Готский. Когда здесь поселилась в 1824 г. княгиня Голицына и надумала строиться, продолжает исследователь, то закладку ее церкви в 1829 г. освящал арх. Гавриил, о чем оставил такую любопытную заметку:

«Кураиская Воскресенск., кам. 831.

Совершенно новая церковь, построенная княгиней Голицыной, которая тут и покоится вечно. В старину была тут греческая церковь, как видно из надписи на вырытом при заложении новой церкви камне, который положен и паки под основание новой церкви. Свидетельствует имеющий честь предать сие сведение читателям»³².

Ко времени прибытия Голицыной со спутниками здесь была небольшая татарская деревушка примерно на 35 дворов. Энергию княгини вполне можно оценить, читая строки Бертье-Делагарда о состоянии дорог, а точнее об их отсутствии на Южнобережье.

«Тогда Южный берег был почти недоступен; с большим трудом и даже опасностью по нему пробирались по тропам с помощью верховых и вьючных лошадей. Напр., когда покровительствуемая самим императором Александром I, весьма ему близкая Мария Ант. Нарышкина, с их дочерью Софьей, в распоряжении которых были все власти, начиная с генер. губерн. Герц. Ришелье, прибыли в Одессу на морские купанья, и оттуда им вздумалось посетить Тавриду, то она едва получила разрешение государя посетить Южный берег, ввиду особой трудности этого пути. Для этой поездки пришлось выставить сто тридцать лошадей; все власти исправляли пути, помогали поездке, а Ришелье сам поехал прежде повсюду. В таких сложных условиях выбор места ее был “очень удачен и скор”, в 1825 году она уже остановилась на Кореизе и постройку дома начала уже к осени; Свиньин, ездивший тогда по Тавриде, писал в августе 1825 года, что кн. Голицына “строила огромный дом в самом диком месте скалы, висящей над пропастью”. Именно от этой скалы, висящейся над ее домом, она стала сама себя звать la vielle du Rocher (старуха в скалах), что повторяли и печатали многочисленные путешественники, привлекаемые знатностью и влиянием княгини.

При указанных условиях трудно было тогда жить в Тавриде, а если прибавить отсутствие каких-либо мастеровых и даже про-

стных рабочих, то и строиться там было крайне трудно и долго. Генерал-губернатор края Ришелье строил себе очень простой и немудрящий дом в Гурзуфе целых три года, и все же не окончил его, Андр. Мих. Бороздин, бывший губернатор, строился в Кучук-Ламбате еще дольше; эти дома были очень не велики; в Гурзуфе дом, сильно переделанный, еще существует.

Церковь в Ялте строилась с 1832 года по 1837, пять лет. Дача А.Н. Голицына в Гаспре, ныне гр. Паниной, распоряжением той же А.С. Голицыной, строилась более пяти лет.

Начав строить свой дом в Кореизе, кн. Голицына смогла поселиться в нем спустя два-три года. Но осенью 1829 г. она уже жила там, по свидетельству Бесса, венгерского путешественника»³³.

Сведения о кореизском поместье весьма кратки, но зато наиболее зримое представление о постройках усадьбы дают рисунки Никанора Чернецова 1836 г., изображающие общий вид особняка, сопутствующих построек, расположившихся на склоне, виноградные плантации, сады, первые посадки кипарисов. К этому следует добавить панорамные литографии Дюбуа де Монпере (1832–1834) и Ф. Гросса (1840).

Усадьба Кореиз создавалась А.С. Голицыной с 1824 по 1838 г. При ней заложены: оливковый, виноградный, фруктовый и декоративный сады, отдельные растения, которые вошли в ландшафтообразующую структуру следующих этапов жизнедеятельности усадьбы, ставшей в последние десятилетия XIX в. владением Юсуповых. Размер усадьбы на 1834 г. – 41 десятина 590 саженей. В план имения входил прежде всего «дом в скалах», переживший несколько владельцев, церковь, в которой похоронена А.С. Голицына; винный погреб в форме латинского креста с двумя башнями. Ниже к западу располагался участок с двумя флигелями и домом – все вместе это называлось «Розовым домом», о котором, как о даче сестры, Софьи Сергеевны Мещерской, уржд. Всеволожской, писал их брат Н.С. Всеволожский –

«дача как бы нарочно выстроенная для украшения сада Голицыной и как бы входящая в ее план». Наконец, это флигель, в котором, согласно историческим документам, в 1836–1837 гг. жили Каролина Собаньская, затем семья Гончаровых и, наконец, Екатерина Федоровна Тизенгаузен. Все они принадлежат к окружению А.С. Пушкина. Сюда пришли первые известия о гибели поэта, которые сообщила баронесса Беркгейм в двух письмах Н.Н. Раевскому-мл. Этот период имеет особое историко-культурное значение³⁴.

Глубокая внутренняя религиозность, полумонашеский образ жизни сказались на том, что главный смысловой акцент в поместье был перенесен с усадебного дома на церковь, построенную несколько выше у Почтового тракта. Церковь и подъездная площадь перед ней служили «фасадной стороной» усадьбы, тем более что дом, построенный на крутом склоне, со стороны дороги был одноэтажным, а на юг, к морю был обращен собственно фасадом – двухэтажным, украшенным галереями с цветными стеклами. В архитектуре усадебного дома «Кореизского дворца» княгини явно прослеживается влияние местной – греческой и тюрко-татарской – строительной традиции, включавшей установки здания на горном склоне, его декор, применение открытых террас со стрельчатыми арками, наружные лестницы. Сама эклектичность особняка, впервые соединившего полуевропейские-полуазиатские элементы, задала тон постройкам и виллам соседей, создавшим неповторимый экзотически-романтический облик Южного бережья, позднее, увы, во многом утраченный.

Следующие постройки велись под руководством профессионального архитектора: швейцарец Карл Эшлиман (1808–1893), прибыл в имение в конце 1828 г., уже по окончании строительства особняка, в качестве сопровождающего лица графа Ошандодела-Банда и был представлен княгиней Воронцову. К. Эшлиман впоследствии стал главным архитектором г. Ялты, а также выполнил ряд частных заказов в усадебном строительстве.

Начало его деятельности связано с именем «Кореиз». Это прежде всего церковь «Во имя Вознесения Господня» (1830–1831) и монументальное здание винного погреба, или винподвала (нач. 1830-х гг.), выполненные в псевдоготическом и псевдороманском стилях, по мотивам художественных форм Средневековья. В начале 1900-х гг. ранняя церковь К. Эшлимана была перестроена архитектором Н.П. Красновым при реконструкции всего имения для новых владельцев, князей Юсуповых. В настоящее время на этом месте – клумба с тремя пальмами, под ней скрыт фундамент средневековой церкви, восходящей к VIII в. и упомянутой в «Житии Св. Иоанна Готскаго».

О церкви К. Эшлимана дает представление иллюстративный материал – литографии и рисунки Н. Чернецова, Дюбуа де Монпере, Ф. Гросса, А. Бигатти, где церковь изображена на переднем либо дальнем плане. Однонефное сооружение перекрыто двускатной черепичной кровлей, апсида не была выделена, а пред-алтарную часть венчала небольшая башенка. Главное внимание уделено западному фасаду: портал входа имел завершение в виде многоступенчатого треугольника с высоко вознесенным крестом и фланкировался двумя гранеными башнями с шатровыми кровлями, также увенчанными крестами. Другая постройка Эшлимана – винный погреб (или винподвал), построенный на нижней площадке имения Голицыной, Дюбуа удачно сравнил с «замком феодального сеньора». Северо-западный фасад, обращенный к центру поместья, и в определенной мере формировавший архитектурный облик имения Голицыной, выполнен в монументальных формах псевдороманской архитектуры и дает прямую ассоциацию со Средневековьем. Удлиненный прямоугольный объем встречает посетителя парадным входом с двумя фланкирующими башнями с зубчатым завершением, похожим на завершения башен Гаспринского дворца.

Эти два здания, вторящие друг другу на дальнем расстоянии, показаны на многих литографиях 1830-х г.

Поблизости был устроен «замок» баронессы Беркгейм, дочери Юлианы Крюденер и сподвижницы кн. Голицыной, двухэтажное здание с башней.

Таким образом, первые постройки усадьбы продолжали развивать идеи романтизма, акцентируя идеи встречи Востока и Запада на земле Тавриды, что наиболее ярко воплотилось в Воронцовском дворцово-парковом комплексе в Алушке. Но и прочие постройки, к сожалению не сохранившиеся до наших дней, создали весьма колоритный образ Южнобережья, который можно представить из описания Демидова, совершившего путешествие в 1837 г., Н.С. Всеволожского и др.

*Восхваление Южнобережья
и привлечение новых владельцев*

*В*ыше мы видели, как Голицына сразу по прибытии принялась за дело – распашку земли для виноградника, посадку маслин, разбивку парка и т.д., но не менее важным делом стало устройство усадеб ее спутников и привлечение новых владельцев. Она понимает свою роль, и, слегка иронизируя над собой, сообщает М.С. Воронцову о заботах по благоустройству своих ближайших спутниц.

«Поговорим о побережье вокруг Алупки, дорогой граф, вы будете довольны и поражены удивительными делами, которые здесь происходят. Мадам Беркгейм купила сад и дом Ашера в счет долга, который она дала его жене. За деньги, полученные от этой продажи, он собирается расширить свои владения в сторону земель Дибича.

За м-м Беркгейм последовала маркиза Ошандо, которая обустроилась близ нас. Это женщина любезная, полная остроумия и знаний, красивая, и хотя ее владение невелико, сама она – хорошее приобретение для побережья.

Спасибо за оливки, чтобы достойно встретить такой благородный подарок, я приготовила распаханнный участок и посадила драгоценные деревья.

Слава Вам, Благодетель Побережья!»³⁵.

«За м-м Беркгейм последовала м-м Ошандо» – это были сводные сестры, отцом обеих являлся русский дипломат Крюденер. Его дочь от первого брака София (1773–1847), по мужу маркиза Ошандо де ла Банда, стала горячей последовательницей идеи своей мачехи м-м Крюденер. Неудивительно, что она последовала за своей сестрой Жюльеттой, по мужу Беркгейм, в Кореиз и кн. Голицына хлопотала об устройстве ее имения. Дамы подружились, сохранилась их переписка (РГАЛИ)³⁶.

Самыми крупными фигурами, привлеченными ею на Южнобережье, стали князь А.Н. Голицын, владелец Гаспры, и чета Потемкиных, обустроивших имение Артек у подножия Аю-Дага. Письма княгини позволяют шаг за шагом проследить создание замка «Александрия» вместе с парком, проходившее в отсутствие князя, всецело под надзором княгини.

«Голицын прислал мне планы своего строения, он хочет, чтобы я начала сразу же. Этот рисунок Монферрана представляет собой усадебный дом на четыре фасада, украшенных со всей роскошью архитектуры. Для исполнения его в С.Петербурге понадобилось бы 150 тыс. руб. А здесь, по нашим расчетам, и 300 тыс. руб. будет мало. Я не знаю, о чем он думает, и достаточно ли у него денег, но если он пожелает мне их прислать, то я согласна мучиться»³⁷.

История появления Татьяны Потемкиной, одной из близких подруг княгини, а впоследствии владелицы имения Артек, складывалась непросто.

«Один богатый собственник (Потемкин), – пишет Анна Сергеевна Воронцову, – обеспокоенный хозяйственными расчетами, решил, что жизнь в С-Петербурге слишком дорогая, да и здоровье жены требует более теплого климата. Он обратился ко мне, желая узнать, можно ли найти большое владение...»³⁸.

Поначалу их выбор остановился на Кучук-Ламбате. Это было одно из самых ранних благоустроенных имений Южнобережья:

«Слабое здоровье Татьяны и тысяча и одна мелких забот, которых оно требует, делает это место предпочтительным: ведь отсюда легко послать человека верхом на лошади за мелкими вещами... В конечном счете, если нас постигнет неудача и сделка сорвется, мы не дадим Потемкину ускользнуть отсюда, мы вложим весь наш ум, гений, энергию и найдем ему что-нибудь другое, пусть только придет»³⁹.

Тем временем ситуация с покупкой имения для Потемкиных изменилась, и надо оценить дальновидность подруг Голицыной и Беркгейм, которые, на случай если сделка сорвется, готовы были предложить им что-нибудь другое. Такой случай представился. Польский граф Густав Олизар, владелец прекрасного имения «Артек» у подножия Аю-Дага (200 десятин, или 218 га), выставил его на продажу. Как подозреваемый в поддержке польского восстания 1830 г., он получил разрешение выехать в Италию. Узнав об этом, княгиня немедленно сообщает об этом Потемкиным. В марте 1832 г. Александр Михайлович Потемкин покупает значительную часть имения Артек. Между владелицами Кореиза и Артека поддерживались самые дружеские отношения и постоянная переписка. Татьяна Борисовна отличалась хрупким здоровьем, и княгиня вместе с баронессой нередко посещали ее, особенно в дни, когда ухудшение ее состояния внушало тревогу. Об этом особенно просила Елизавета Ксавьеревна Воронцова, называвшая Татьяну «кузиной» (мать графини Воронцовой приходилась светлейшему князю Г.А. Потемкину родной племянницей).

Помимо бездорожья и отсутствия удобств крымский климат пользовался дурной репутацией. Легенды об «ужасном» климате Южнобережья, в которые нам трудно сегодня поверить, широко распространились в обеих столицах. Княгиня развернула «реклам-

ную кампанию» в письмах родным и знакомым, следы которой можно обнаружить в письмах Воронцову.

«Я была в очень дурном расположении духа в эти дни, дорогой граф. Татьяна написала мне в письме, что в самый момент, когда она складывала вещи, чтобы ехать сюда, ее взволновали восклицания куратора Перовского, который сказал, что климат на побережье отвратительный, что там свирепствует лихорадка и бывают ветры такой силы, что валят деревья; что все владельцы, обманутые в своих ожиданиях, не имея средств обеспечить себя всем необходимым для жизни, спешат продать все, что купили, чтобы уехать»⁴⁰.

Вскоре сама Татьяна Потемкина и родной племянник Анны Сергеевны князь С.И. Мещерский, обосновавшийся рядом с Гаспррой, в свою очередь, стали ее «агентами» по рекламированию Южного бережья (См. подробнее гл. VI, с. 205–206).

Но слов мало, княгиня озабочена также и поиском рисовальщиков с тем, чтобы заказывать рисунки, гравюры, которые показали бы всем красоты Южного берега.

И в дальнейшем не упускает случая, чтобы слава о побережье распространялась по свету.

«...Я предложила Эльсону тщательно зарисовать все строения Побережья, большие и малые, сделать из них красивый альбом (resueil), который вы, дорогой граф, закажете литографировать, и его можно будет продавать в пользу Эльсона. Пусть увидят с удивлением, что усердие под попечительным правлением, таким как ваше, смогло совершить за пять лет: это почти чудо»⁴¹.

Тем временем Гаспринский замок, воздвигаемый талантами Эльсона и заботами кн. Голицыной, превратился в достопримеча-

тельность Южного берега. Его посещали путешественники, рисовали художники. Заботами М.С. Воронцова князю А.Н. Голицыну отправлены два вида Гаспры. *«Виды эти прелестны, – пишет будущий владетель Александрии, – и все, кому я их показывал, пришли от них в восторг, и уверяли, что это снято в Италии»*⁴². Другой раз он упоминает привезенные ему рисунки кн. Мещерского (племянника кн. Голицыной, соседа по имению в Гаспре): *«они прелестны и прекрасно сделаны. Я уверен, что в действительности природа прелестнее ее изображения, но это мне дает о ней понятие, которое дополняется моим воображением»*...

*«Присланные вами чрез князя Мещерского три вида моего замка будут вставлены в рамки и с них будут сделаны литографии»*⁴³.

В целом из писем А.С. Голицыной к М.С. Воронцову и ее сподвижницы Жюльетты Беркгейм к Раевскому мы знакомимся с кругом общения княгини. В них воскресает образ Южного берега самой начальной стадии его обустройства, и появляется целый ряд действующих лиц, известных и полузабытых. Главным образом это дамы высшего петербургского круга, связанные между собой узами близкого и дальнего родства, образованные и религиозные. Среди них упоминаются более скромные имена архитекторов, художников, садоводов: это швейцарцы архитектор Эшлиман, художник Яков Маурер, его сестра Елена, управляющий имением Ореанда Ашер, подрядчик и строитель многих сооружений побережья. Особенно часто упоминается устроитель алупкинского парка Карл Кебах, назначенный Воронцовым главным садовником Южного берега и вложивший свое искусство в устройство парков в Ореанде, Артеке, Гаспре и в Кореизе. Вместе с ним поставлял туда растения «редкие или невиданные» сам директор Императорского ботанического сада Николай Андреевич Гартвис. Владелицам этих поместий Гартвис галантно посвящал выведенные им новые сорта роз. В Каталоге Ботанического сада фигурируют розы «Графиня

Елизавета Воронцова», *Camea Plena*, «Баронесса Юлия Беркхейм» и особенно выделены приметы «насыщенно красной, полной, в два раза большей, чем ее родительница “Тревиллия”, гибридной розы “Княгиня Анна Голицына”» (две последние считаются ныне утраченными)⁴⁴.

Жизнь в Кореизе: «труды и дни»
в письмах кн. Голицыной М.С. Воронцову

Как протекали первые дни поселенцев, прибывших из Санкт-Петербурга в горное селение из трех десятков домов? Только сейчас мы можем рассказать об этом, опираясь на письма самой кн. Голицыной к Воронцову, ранее не публиковавшиеся и охватывающие период с 1825 по 1837 г. Первые письма – это эйфория: *«Земля обетованная», «Ничего не хочу знать кроме виноградника и оливок, оставляю письма из Петербурга нераспечатанными. Тысячу раз на день благословляю милосердие Божие, которое привело меня на этот счастливый берег».* И по прошествии лет десяти она снова напишет: *«Я не помню, что видела что-либо лучше, чем наш прекрасный Кореиз, которым мы владеем».*

Письма позволяют судить о характере княгини, о ее крутом нраве, властности; вместе с тем в них присутствует много юмора, иронии, особенно по отношению к самой себе. Но мы практически не найдем в них и следа «религиозного фанатизма, мистицизма, миссионерства и т.п.», из чего сложился «миф княгини Голицыной», якобы чуть ли не насильственно обращавшей татар в христианство. В мемуарах и записках того времени встречаются упоминания о том, что княгиня Голицына в сопровождении спутников совершала миссионерские поездки по татарским селениям, пыта-

ясь обращать мусульман-татар в христианскую веру. Никаких упоминаний о чем-либо подобном в письмах не встречается. Похоже, что такая легенда сложилась еще в Петербурге и впоследствии повторялась, обрастая «подробностями» как снежный ком. В самом деле, трудно было объяснить «добровольно-принудительный» отъезд лиц из близкого окружения самого государя, причем не куда-нибудь в свои поместья, а в такую далекую неизведанную страну – Крым, вдобавок населенную татарами-мусульманами! Зная их религиозные пристрастия, нетрудно было предположить, что они «уехали проповедовать Евангелие татарам». Именно так выразила общее мнение героиня (она же автор) «Рассказов бабушки».

Силу характера княгиня проявляла неоднократно, и еще более она ей понадобилась при решении отправиться в Крым во главе «пиэтической колонии», причем преодолевая колебания «идейного вождя» – самой Крюденер.

«Внутренняя религиозность», «христианская философия», по выражению брата А.С. Голицыной Н. Всеволожского, были предназначены для круга близких людей. В отношении к ним мы увидим много нежности, готовности прийти на помощь, немного замаскированной добродушной насмешливостью и самоиронией. Княгиня в юности путешествовала, вела обширную переписку, была широко и разносторонне образованной женщиной. В ее доме в Кореизе была собрана большая библиотека, регулярно приходили газеты и журналы, и всем этим могли пользоваться ее соседи.

В отсутствие Воронцова княгиня посещала имение М.С. Воронцова Алупку и рассказывала о том, как обстоят дела.

«Имею честь сообщить вам, что 42 бравых матроса отправлены на ваш виноградник и работа там идет отлично. 22 честных бродяги (по-русски) заняты в Алупке копанием ямок для посадки маслин». Далее княгиня переговорила со Стевенем и Гартвигом, узнала, сколько саженцев имеется в питомнике (4000) и ...выпросила себе половину вместо 1000! *«Дорогой граф, будьте справедливы, щедры*

и великодушны. Довольствуйтесь двумя тысячами саженцев, самыми лучшими из имеющихся, и уступите мне остальное». Княгиня добилась своего, и в следующем письме благодарит графа: «Спасибо за оливы, я приготовила распаханый участок, чтобы достойно встретить такой благородный подарок, посадила драгоценные деревья. Слава вам, Благодетель Побережья!»

Отношения с Воронцовым – самые дружеские и добрососедские, письма полны доброй иронии: обращение в письме «Привет от старухи в скалах могущественному сеньору Алупки!», подтверждает, что она сама придумала это прозвище⁴⁵.

В той же ироничной манере она отпускает комплименты:

«Поздравляю вас, дорогой и почтенный граф, с великопным приобретением, которое сделал для вас славный и усердный Ревизиоти (речь идет о верхнем саде. – Прим. авт.). Большие кипарисы, плодовые деревья, оливы и много домов, и все это – почти даром. Кому и служить, как не вам, Ваше Превосходительство, вам, кто служит России, честно выполняя свой долг, как это делают в Англии» (Л. 5).

Княгиня рассказывает об очередном посещении Алупки, куда она отправилась в обществе четы Беркгейм и м-ль Елены Маурер. Они обошли сад в сопровождении Кебах и дамы, по словам княгини, задались вопросом: можно ли в чем-нибудь упрекнуть работу Кебаха?

«Дорогой граф, я не нашла ничего, заслуживающего критики!

Кебах – единственный в своем роде, и сама Англия завидовала бы дорожкам, которые он проложил... Алупка – уникальна, ни один государь не владеет чем-либо подобным, и Кебах рожден, чтобы быть садовником. Если бы император увидел Алупку, какой она стала сегодня!...» (Л. 8).

Церковь в Кореизе начали строить с 1829 г., это была первая церковь на Южном берегу, после захвата его турками и татарами в 1475 г., и поэтому закладка ее проводилась с большим торжеством, когда ее закладку освящал архиепископ Гавриил, говоривший, что тогда и «путь на южный берег был еще неудобопроходим»; освящена же она была в 1831 г., и то еще не вполне оконченная. Церковь не сохранилась. О ней можно судить по литографии Чернецова, да еще по листу с изображением фасада церкви, в стиле немецкой готической архитектуры, обнаруженному нами в Отделе рукописей РНБ и публикуемому впервые⁴⁶.

В 1834 г. вышел путеводитель Монтандона на французском языке, где описана усадьба княгини на то время и владения соседей. Так, часть земель на мысу Ай-Тодор принадлежала баронессе Беркгейм. Ниже Гаспры, близ моря располагались виноградники кн. Сергея Ивановича Мещерского (племянника кн. Анны Сергеевны); *«эта плантация, начатая лет пять назад, насчитывает 60 тыс. футов виноградников на хорошо разрыхленной почве и обещает хорошие результаты. Выше деревни (Гаспра) привлекает внимание великолепное новое здание с зубчатыми башнями; оно и окружающие его 8 десятин земли, предназначенные только для парка, принадлежит кн. А.Н. Голицыну. В версте от Гаспры, следуя по шоссе, вступаем на земли княгини Анны Сергеевны Голицыной; где взгляд вначале привлечен множеством зданий, среди которых на фоне массивов пышной зелени выделяется церковь изящной архитектуры. Дом, где живет княгиня, расположен немного ниже, на выступе, откуда взглядом можно охватить всю местность и лежащие ниже строения; они состоят из большого винного подвала, который только что был закончен, и многих других построек, из виноградника на 50 000 лоз лучших сортов⁴⁷, из садов, где встречаются прекрасные деревья и очень старые оливки. Воздух, которым дышишь в Кореизе, очень чистый и один из самых здоровых. Княгиня Голицына, живущая здесь постоянно, своей просвещенностью и огромными работами, осуществленными ею на этой прекрасной земле, весьма*

значительно способствовала усовершенствованию сельского хозяйства и благосостоянию в целом этой прекрасной страны.

В 400 шагах от дома почтового отделения, по дороге влево через семь минут (в коляске) прибываешь ко входу в сад баронессы Беркгейм, где одну десятину занимает виноградник. Немного ниже вход в сады Мисхора. Расстояние от Кореиза до Алупки составляет 5 верст по шоссе»⁴⁸.

Княгиня устроила в Кореизе винный погреб в виде средневекового замка и привлекла лучших специалистов, чтобы наладить производство качественного вина. Следующим шагом была виноторговля в столицах, имевшая не только коммерческие цели, но и стремление улучшить репутацию крымских вин. Однако пробиться на московский рынок оказалось непросто. Княгиня принимала на продажу и вино из подвалов Воронцова, а потому заинтересованность была общей. В письме графу она высказывает свою озабоченность:

«Мне решительно мешают продавать мое вино в Москве. Это дело не должно быть вам безразлично, граф, так как если меня разорят, то разрушат всю коммерцию Побережья. Повсюду говорят, что согласно Указу, которого вы добились, мы имеем право продавать вино только в ваших трех губерниях, и хотят записать меня в гильдию. Извольте написать министру, чтобы он дал распоряжения генерал-губернатору. Вот уже шесть месяцев мое вино стоит, не могу продать ни одной бутылки, а их у меня 30 тыс.» (1833 г., л. 53).

За решение проблемы берется кн. Голицын. В письме от 9 мая 1833 г. княгине он пишет о своих хлопотах и о том, что «разрешение на вывеску» он получил от государя. Но занятия виноторговлей встретили и другие препятствия, связанные с сословной принадлежностью. В письме от 7 июня 1833 г. он пишет, как искал ответа на вопрос:

«...имеете ли вы право продавать ваше вино, не записываясь в гильдию?.. Ответ этот я сообщу, когда получу его: но не понимаю, что удерживает вас, множество дворян записаны в гильдии, чтобы иметь право торговать, и это дозволено Дворянской грамотою. При Екатерине II граф Орлов-Чесменский был записан в 1-ю гильдию, также Всеволод Андреевич Всеволожский и многие другие. У дворянства свои права, а у купечества свои. Преимущество дворян заключается в том, что, пользуясь правами по рождению, они могут, записываясь в гильдию, пользоваться правами купцов»⁴⁹.

Хлопоты князя Голицына в Петербурге возымели действие, и ободренная княгиня пишет Воронцову в феврале 1834 г.:

«Получив известие, что вина моего погребца хорошо продаются в Москве, я немедленно взялась за перо, дорогой граф, чтобы предложить вам продать 2000 ведер по 10 руб. ведро. Эти 20 тысяч руб. пойдут на известь, и, кроме того, я хотела бы, чтобы вино знали под его настоящим именем» (Л. 60).

У княгини были конкуренты. Ее успехи, вероятно, будили зависть, о чем видно из следующих строк:

«Сначала о вине: вспомните, дорогой граф, что в прошлом году вы продали мне половину вашего Рислинга и половину белого Бордо по 10 руб. ведро. Я тщетно требовала эти вина в вашей экономии, но не получила их, и в утешение мне предложили денег, не дав вина. Итак, по всей справедливости, великодушный граф, вы должны, не нанося ущерба вашему торговцу (который прибывает из Москвы лишь потому, что увидел мое преуспевание), продать мне, по крайней мере, несколько сотен, хотя бы 300 ведер вашего белого вина. Ответьте поскорее.

Со вчерашнего дня я принимаю сенатора Neer, он в восторге от всех наших работ и рассказал мне, что во время посещения Алупки его угостили вином из вашего виноградника; но, по его мнению, интендант хотел его обмануть и что это было французское вино.

Я ответила ему, что ни один придворный не мог бы сказать ничего более лестного г-ну графу!» (там же).

Спустя более десяти лет после императора Александра I усадьбу Голицыной вновь посещает в 1837 г. царская семья, правда, в отсутствие княгини, которая впервые отлучилась из Крыма так далеко – в Вену, сопровождая свою многолетнюю подругу баронессу Беркгейм, нуждавшуюся в серьезном лечении. Усадьбу и церковь описывает флигель-адъютант С.А. Юрьевич, наставник при цесаревиче Александре Николаевиче.

«...Дом вышеупомянутой княгини Голицыной на холме, называемом Кореис, замечательный тем, что при нем находится очень милой архитектуры, с прекрасной живописью церковь: первая на Южном берегу со времени изгнания отсюда татарами-магометанами православных греков и католиков-генуэзцев... Их величества (Николай I, Его супруга Александра Федоровна, его сестра великая княжна Мария и др.) отслушали в церкви краткий молебен. Хозяйка в отсутствии... Противу церкви построен из местного камня фонтан... Дом не отличается по наружности ничем, но хозяйственных построек много»⁵⁰.

Итак, княгиня Голицына жила здесь вместе с дочерью своей покойной подруги Крюденер – Жюльеттой Беркгейм, которой, согласно завещанию княгини, было предоставлено право пожизненного проживания. Она приобрела статус своего рода старейшины не только среди колонистов, но и местных татар. «Старуха скалы», *La vieille du rocher*, как она сама себя называла, подписывая так свои письма, выглядела необычно: она постоянно носила мужскую шинель и длинный сюртук с капюшоном, а также брюки, в которых удобно было ездить верхом по крымскому бездорожью. За поясом у нее была нагайка или хлыст, необходимая принадлежность для верховой езды, но вокруг него у мемуари-

стов XIX столетия сложились целые легенды, согласно которым княгиня нередко пускала его в ход, наказывая прислугу, домашних, а то и исправника и т.п. и тем якобы «держала в страхе всю округу». Другой «странностью» было Евангелие, лежавшее на изящном столике в гостиной, и каждому приходившему к ней гостю она предлагала прочесть оттуда главу.

Именно так рисуют ее сохранившиеся воспоминания. Дочь крымского архитектора Карла Эшлимана Каролина рассказывала: *«В двадцатых годах прошлого века на Южном берегу Крыма водворились самые видные члены мистического кружка, который во вторую половину царствования Александра Благословенного приобрел такое влияние на впечатлительного государя»*. Видную роль играла княгиня Анна Сергеевна Голицына. В Кореиз к ней съезжались многочисленные друзья, среди которых было много иностранцев. По рассказам отца, это была очень странная женщина. *«В гостиной, где принимала гостей княгиня, на изящном столике неизменно лежало Евангелие. Каждого приходившего к ней она заставляла прочитывать главу из Св. Писания. Но это нисколько не мешало княгине собственноручно жестоко пороть плеткою на конюшне своих провинившихся крепостных, и, когда мой отец, возмущенный ее жестоким обращением с дворовыми людьми, высказал ей свое возмущение и осуждение, княгиня, любезно улыбаясь, на изящном французском языке ответила ему: “Г-н Эшлиман, прошу вас для себя немножко больше снисхождения и немножко больше любезности”»*⁵¹. Не будем забывать, что Эшлиман был выходцем из Швейцарии, где царили свободолобивые нравы, слишком республиканские даже для Европы того времени, а что касается России, то в то время до отмены крепостного права оставалось без малого 40 лет. Да и воспоминания Каролины были записаны и опубликованы в начале XX в., когда и в России крепостнические нравы и порожденные им характеры – сильные, властные, но далекие от либеральной мягкости – отошли в глубокое прошлое.

Княгиню, как настоящую русскую барыню, не останавливало и почтение к начальству. Ее владения не были огорожены, и татарский скот порой переступал границу и пасся на спорных участках. Тогда княгиня пристреливала животных и отправляла их в свои погреба. Губернатору Казначееву поступали жалобы на нее от татар, и однажды он отправился в Кореиз с просьбой к его владелице больше этого не делать. *«Анна Сергеевна, в упор смотря на губернатора, молчала. Казначеев повторил свою просьбу. “Ты – дурак”, – сказала княгиня и вышла»*⁵².

Впрочем, в «партикулярных письмах» А.И. Казначеева М.С. Воронцову, где Таврический губернатор предельно откровенно делится возникающими проблемами, мы не находим ни следа подобных жалоб. Скорее напротив, он не забывает похвалить соседей за взаимопомощь: *«Княгиня, особенно Мальцов такие делают одолжения вашим Экономиям, что их довольно оценить нельзя»*. Ценит он и ее внимание к строительным работам в Алушке, ее вкус и достаточно деликатное вмешательство в предотвращение неудачных проектов. Речь шла о конфликтной ситуации, в связи с постройкой гостиницы («трактира») в Алушке, который был поручен Шатильону – архитектору старательному, но весьма посредственному. Княгиня, пишет Казначеев, сказала мне: *«Сделайте милость, дорогой мой, посоветуйте ему не осуществлять постройку этого ужасного фасада, жильцам он никак не может понравиться»*. Было решено поручить Эльсону переделать фасад, но Шатильон нашел способ придрасться к архитектору. Возмущенный Казначеев в письме от 3 июня 1832 г. решительно берет сторону княгини и Эльсона:

«Не понимаю, как Шатильон нашел ошибки в Алупском трактире? Конечно, этот трактир не из лучших произведений Эльсона, однако же им прохожие любят. Левшин жил в нем и не мог довольно нахвалиться. Неужели бы лучше было, когда бы построили трактир по плану Шатильона, который нарисовал ярмарочный балаган в срочном виде и настаивал, чтобы мы его выполнили.

Спасибо Княгине: она первая возопила, и просила меня: “ради Бога, избавь Шатильона от неприятности, а графа от убытка и неудовольствия”. Что он человек честный и усердный к вам, в том нет никакого сомнения; но архитектура ему не удастся»⁵³.

Труды княгини по освоению более 40 десятин крутого каменистого склона крымского побережья поражают своими масштабами, вот где нашла применение ее неукротимая энергия и жажда деятельности! Это колонизация, сравнимая с древнегреческой или с новой, американской. Речь шла не о том, чтобы выжить, а о том, чтобы превратить эту землю в подобие рая земного – с прекрасными постройками, парками, садами и виноградниками. В 1836–1837 гг., путешествуя, Кореиз посетил брат княгини Николай Сергеевич Всеволожский. Это была их первая встреча после 10-летней разлуки, пережитая весьма эмоционально.

«Наконец, я в Кораисе, наконец, я обнимаю сестру, друга, которого никогда, ни на одну минуту не переставал любить! Не знаю, отчего воображение переселило меня к дням нашей молодости, но вместо прелестной, стройной, ловкой женщины я держал в объятиях согбенную худую старушку. Однако черты лица ее по-прежнему выражают ум, доброту и твердость характера, которыми всегда отличалась княгиня Голицына. И она, как и я, но, может быть, с большими правами, могла мечтать о счастье! И ее, как меня, оно мгновенно польстило и обмануло! Но уму ее нужны были в замену этого деятельные занятия, и она умела найти их... Теперь, удаляясь от света, она живет в уединенном уголке Крыма, но еще любима и уважаема всеми, кто... постигает великость ее души... Она нашла пристанище в вере и в этой христианской философии, к которой и я стремился...»

Он описывает прекрасное благоустроенное имение, возникшее «как по волшебству» за какие-то десять с небольшим лет:

«Мы гуляли по саду, разведенному кн. Голицыной, и по горе, до самого моря понижающейся. Здесь все создала помещица; во всем видны вкус и мысль о пользе. Дом в два этажа, спокойно расположенный и убранный не богато, но прилично; небольшая, но прекрасная церковь: этого довольно для такой спокойной и благочестивой жизни.

Но вот светлые кристальные ключи: они бьют из горы, орошают всю дачу, и так проведены всюду, что их достаточно для поливки всех растений; вот богатые виноградники, уже приносящие большой доход; вот деревья, редкие или невиданные в Крыму: все это уже относится к пользе общей и частной. Виноделие усовершенствовалось стараниями сестры моей. Она выписала из Франции и Германии мастеров, погребщиков, бондарей и все необходимое для этой промышленности. Насаждение маслин также начинает у нее процветать. Словом, на голом и диком месте сделала она все, что можно придумать к пользе, и притом к украшению ее собственности»⁵⁴.

«Уму ее нужны были деятельные занятия, и она умела найти их» – эти слова Всеволожского точно характеризуют энергичную натуру Анны Сергеевны. В сопровождении немногочисленной свиты княгиня, одетая в мужской костюм, подходящий для верховой езды по крутым крымским тропам, объезжала окрестности, наблюдая за работами, за строительством собственного дворца высоко под скалами и расположенной над ним церкви; дачи для сестры, Софьи Мещерской, – «Розового дома», послужившего украшению сада Голицыной. Особых забот требовали строительство готического дворца и устройство парка в Гаспре, где предстояло закончить свой земной путь министру просвещения князю А.Н. Голицыну, и дома с парком для И.О. Витта и К. Собаньской в Ореанде. Усадьбу на ранних стадиях ее созидания описали автор первого путеводителя по Крыму Шарль Монтандон, известный путешественник Дюбуа де Монпере, поэты Василий Туманский

и Виктор Тепляков. 8 сентября 1837 г. «обедает у Голицыной» Василий Андреевич Жуковский и делает соответствующую запись в своем дневнике. 19 сентября он присутствует на обедне, «когда по осмотру дома князя Голицына царь, царица, наследник, Великие князья и весь двор посетили церковь княгини». Это произошло во время достопамятного путешествия императора Николая I с семьей в сентябре-октябре 1837 г.

Облик прежнего имени сегодня помогают представить выполненные в 1830-е гг. литографии. Пожалуй, лучше всего оно не просто описано, но и зарисовано знаменитым путешественником, швейцарским французом Дюбуа де Монпере, словами которого мы завершим наше описание усадьбы.

«...Мы вступили в селение Гаспра, выше которой располагалась ее укрепленное убежище. Представители русской знати имеют здесь прекрасные владения, в том числе князь Голицын, бывший министр культов, который построил здесь готический замок с двумя зубчатыми башнями. Постройка такого рода среди пейзажа Тавриды – настоящий сюрприз.

Но сюрпризы продолжаются. Едва мы покинули Гаспру, как уже показался крест имени Кореиз. Это владение представляло собой одну из первых попыток освоения побережья. Баронесса Крюденер явилась в Крым, чтобы продолжить свою евангелическую миссию среди татар. Вместе с нею прибыли ее зять, барон Беркгейм, и княгиня Голицына; после смерти баронессы они не желали покинуть землю, где покоился дорогой для них прах. Первым их движением было создание священного приюта, удаленного от мира; но душевное страдание утихло, и по мере того, как физическая жизнь брала верх над жизнью религиозной и созерцательной, княгиня и барон принялись сажать виноградник: их опыт был первым на крымском побережье. Проезжая Ай-Даниль, я обратил внимание на виноградник барона, с его красивым владельческим домом, очаровательным садом, прекрасным видом. Барон Беркгейм, почитаемый и уважа-

емый всеми, кто его знает, сохранил от своих прежних мистических увлечений лишь истинное, чувствительное благочестие. В остальном он много занимался своим владением и сумел добиться того, что оно производило лучшие вина Крыма.

В Кореизе у княгини Голицыной все масштабнее; чтобы судить о владении в целом, я прошу взглянуть на лист 55 II серии. Я рисовал его, находясь перед садом 2-на Льва Нарышкина в Мисхоре. На втором плане видна часть виноградника княгини, насчитывающего 50 тыс. лоз. Выше, среди садов, виден построенный ею изящный дворец, где она живет зимой и летом. Он отделен от основной дороги церковью, затененной старыми ореховыми деревьями, которые чувствуют себя привольно, орошаемые прекрасными фонтанами. Скалу, к которой примыкает дом, можно определить как историческую. Под нею – готический замок с двумя прямоугольными башнями по обеим сторонам ворот, который мог бы служить приютом какому-нибудь сеньору, но служит лишь винным подвалом княгини. Другой подобный замок с башнями, увенчанными зубцами, принадлежит князю Голицыну и находится в Гаспре⁵⁵.

Возникший на крымских склонах рукотворный ландшафт писали многие, но особенно охотно и подробно запечатлел его русский художник Никанор Чернецов во множестве своих работ, начиная от набросков и кончая панорамными видами.

В 1833 г. Голицына получила царское дозволение вернуться в Санкт-Петербург, о чем ей сообщил в письме князь А.Н. Голицын. Но княгиня не воспользовалась этим, она слишком вросла в свою новую жизнь, превратила Кореиз в центр притяжения для мистиков и пиэтистов «Александрова века» и просто для образованных людей, селившихся на побережье. Видимо, крутой деспотичный и эксцентричный характер княгини, не терпевшей возражений, доставлял ей немало неприятностей. Душевный кризис затянулся, и это не укрылось от глаз посетившего ее в 1836 г. брата. Ему показалось, что княгиня скучает, что хозяйство мало занима-

ет ее, «она как будто чувствовала свое одиночество». Это весьма огорчило Всеволожского.

«Если спокойствие ее нарушится, думал я, и она, охладившись ко всему, что ее занимает здесь, почувствует скуку, которую слишком трудно будет преодолеть... Величайшее несчастье в жизни потерять все обольщения, все мечты...»⁵⁶.

Ссора с М.С. Воронцовым и примирение

*В*есьма драматичной поначалу была история с родником, из-за которой у княгини в 1834 г. возникло желание уехать из Крыма. Об этом мы узнаем из письма А.Н.Голицына:

«Можно ли покинуть место, в котором вы обустроились и где живете много лет, из-за каких-то неприятностей и несправедливостей? Я счастлив, что мысль о моем приезде на Южный берег вас удержала...»⁵⁷.

Речь шла о Мисхорском источнике, которым княгиня пожелала владеть единолично, не считаясь с местными татарскими обычаями. Это стоило ей ссоры с Воронцовым, самым уважаемым ею человеком. Конфликт разрешился благодаря уму и такту генерал-губернатора, взявшего на себя труд написать ей длинейшее письмо от 27 июня 1834 г., в котором адресовал ей много лестных слов, но в конце вынужден был преподать уроки правосудия.

«Я не могу вам выразить, дорогая княгиня, всей той горечи и удивления, которые испытал, узнав, до какой степени вы были недовольны и рассержены исходом дела об источнике, протекавшем через Мисхорскую почву. Вы говорили о намерении покинуть Крым, считали себя жертвой угнетения и произвола, пристрастия –

и со стороны кого же? – со стороны человека, который вас уважает, вами дорожит, и собственно вами, и всем тем добром, которое вы сделали для этой прекрасной части России, которую сорок лет забвения предали запустению и которую никакая власть, сколь бы деспотичной она ни была, не подняла бы еще долгое время, если бы счастливая звезда не привела вас на ее берега».

«...Горный ручей протекал через сады татар в селение Мисхор.

В 1830 г. мы учредили почтовый дом на большой дороге, а почта не может существовать без воды; я поручил, уезжая за границу, компетентным властям не отводить его течение, дабы не нарушать хозяйство... Наш добрый Казначеев сам имел замечания и порицания от Сената за то, что повернул, причем не ради собственного интереса, но для города Симферополя источник, и то не весь, а половину... Неужели, дорогая княгиня, вы скажете теперь, что нахождение источника с фонтаном около почты – это несправедливо? Я не оспариваю право татар жаловаться на отвод воды, и мы уладим это дело с ними. Следует соблюдать нравы и обычаи страны. Я вам говорил еще весной 1832 г., что никто не может отводить текущую воду, даже если он купил источник, таков закон всех стран, а также татар... Местная полиция вас боится или, по крайней мере, вас уважает в такой степени, что не смеет принимать жалобы на вас. Наш добросердечный губернатор, который хочет всех примирить, не принимает никаких мер. Неужели я должен отрицать правосудие и даже не рассматривать их дело? Однако не для того послал меня сюда Император, и я должен проявлять моральную ответственность, выслушивать доводы каждого и вынести решение, исполнение которого зависит от полиции...»⁵⁸.

Как показали дальнейшие события, княгиня была крута в гневе, но отходчива. Она восприняла доводы графа и спустя какое-то время признала, что погорячилась. В письме от начала 1835 г. она, как ни в чем не бывало, пишет:

«Скажите мне, дорогой граф, с чего вы взяли, что я никогда не смогу сердиться на вас и что когда я не в духе, мне достаточно вспомнить вашу добрую физиономию и ваши серые орлиные глаза, чтобы улыбнуться и любить вас от всей души.

Поспорим немного, по-дружески, мне кажется, что в ходе вашего последнего визита оба мы пришли к согласию отвести похищенный источник, эту татарскую новую Елену, на прежнее место. Я вам пообещала не предъявлять никаких требований и не предпринимать никаких шагов к повторному похищению источника и сдержала слово. Все успокоились и почти перестали говорить об этом»⁵⁹.

Однако для людей своего круга княгиня делала немало добра. Британский офицер А. Джеймс, посетивший Кореиз в 1829 г., увидел в саду высокую статную даму с благородным лицом. «Вскоре я убедился, что о ее блестящем уме не следует судить по необычному внешнему виду (на голове у нее была мужская фуражка), – писал он. – Княгиня оказалась одной из самых умных женщин, с кем мне доводилось беседовать. Она говорила о европейской политике, о возрастающей опасности войны и, наконец, о литературе»⁶⁰. В доме княгини была собрана богатая библиотека, сюда приходили газеты, журналы, поддерживалась регулярная почтовая связь⁶¹.

Владелица Кореиза скончалась в 1838 г. и была погребена в склепе построенной ею церкви. После нее имением владела по завещанию пожизненно баронесса Беркгейм, потом оно должно было перейти к Мещерским. На территории сада А.С. Голицына построила дом для своей сестры княгини Софьи Сергеевны Мещерской и ее детей. В качестве приданого ее дочери Марии Ивановны он оказался в руках ее зятя Ивана Николаевича Гончарова, брата Натальи Николаевны, жены А.С. Пушкина. Далее огромное имение дробится между наследниками, распродается по частям. В 1867 г. Гончаров уступил свою часть земли вместе с домом генерал-адъютанту Его Величества, участнику первой обороны Севастополя графу Феликсу Николаевичу Сумарокову-

Эльстону. В конце 1880 гг. в доме под скалой недолго жил и вскоре там скончался родоначальник династии «тверских» Морозовых – Тимофей Морозов. В 1890 г. граф выкупил дачу и земли винодела Морозова – все, что осталось от когда-то обширного и доходного имения Голицыной. Так во второй половине XIX в. благоустроенное и богатое поместье в Кореизе становится собственностью семьи Юсуповых. При них оно подверглось основательной перестройке.

Примечания

- ¹ Гернгутеры, выходцы из саксонского города Гернгут, разделявшие разновидность протестантского учения. Особенность вероучения гернгутеров – так называемая «религия сердца»: эмоциональное переживание человеком мистического единства с Христом как хранителем мира. Гернгутеры сосредоточили особое внимание не на догматике, а на нравственной стороне религии, в соответствии с евангельским учением. Это направление распространилось в Германии, Северной Америке, Латвии и Эстонии. После издания Екатериной II манифеста о приглашении в Российскую империю иностранных колонистов гернгутеры одними из первых основали в 1765 г. свою колонию в Сарепте (Царицынский уезд Саратовской губернии; сейчас Красноармейский район г. Волгограда). После смерти в 1817 г. проповедника Генриха Штиллинга-Юнга гернгутеры из Вюртемберга и Баварии добились особого разрешения у Александра I на поселение в Закавказье. Почти девять тысяч членов общин, распродав имущество, отправились на восток. Часть погибла в пути, некоторые из них осели в Бессарабии и вблизи Одессы.
- ² Schnitzler J.H. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas. – P., Jules Renouard et Co. – 1847. – P. 462.
- ³ Schnitzler J.H. Histoire., 1847. – P. 463-464.
- ⁴ Пыпин А.Н. Библейская секта 20-х годов // Вестник Европы. – 1871, кн. 3.
- ⁵ Вероятно, такому решению предшествовало некое увлечение и последующее разочарование. Об этом говорят скупые слова ее брата Николая, посетившего сестру спустя 10 лет в Кореизе: «Не знаю, для чего воображение переселило меня ко дням нашей молодости, но вместо прелестной, стройной, ловкой женщины я держал в объятиях согбенную, худую старушку. Однако черты лица ее по-прежнему выражают ум, доброту и твердость характера, которыми всегда отличалась княгиня Голицына. И она, как и я, но, может быть, с большими правами могла мечтать о счастье! И ее, как меня, оно мгновенно польстило и обмануло!» (Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Италию, Париж в 1836-37 гг. – М., 1839. – Т. 1. С. 56–57.
- ⁶ Воспоминания К.К. Эшлиман // Русский Архив. – М., 1913. № 1. – С. 329.
- ⁷ Голицын Н.Н., князь. По поводу статей о госпоже Крюденер // Русский Архив. 1870. С. 903.
- ⁸ Рассказы бабушки. С. 293–294.
- ⁹ Eynard Ch. Vie de madame de Krudener. – Т. 2. – P., 1849. – P. 338.
- ¹⁰ Eynard Ch. Op. cit. P. 344.
- ¹¹ Пыпин А.Н. Госпожа Крюденер // Вестник Европы. – 11. С. 241–242.
- ¹² Eynard Ch. Op. cit. – P. 372–373.
- ¹³ Eynard Ch. Op. cit. – P. 375.

- 14 Eynard Ch. Op. cit. – P. 274.
- 15 Eynard Ch. – P. 381.
- 16 Голицын Н.Н., князь. По поводу статей о госпоже Крюденер // Русский Архив. – 1870. С. 904–905.
- 17 Голицын Н.Н. Указ.соч. – С. 906.
- 18 Луи де Судак. Героиня процесса «Ожерелье королевы». Ее пребывание в России. Ее смерть в Крыму // Судак Л. де, Мели Ф. де, Рамбо А. Французские путешественники в Крыму. 19 век. – Симферополь: Н.Орианда. – С. 39–40.
- 19 Там же. С. 42.
- 20 Архив князя Воронцова (далее – АКВ). Т. 17. С. 528. Письма С.Р. Воронцова сыну М.С. Воронцову.
- 21 АКВ. Т. 17. – С. 287. Лондон, 1(13) июня 1823, получено 2 июня.
- 22 АКВ. Т. 17. – С. 567–568.
- 23 РНБ, Отдел рукописей. Ф. 1000, О. 3, д. 256. 2 письма (черновики) кн. А.С. Голицыной императору (на франц. яз.)
- 24 Schnitzler J.H. Histoire..., 1847. – P. 94–95.
- 25 Jacob P.L. bibliophile. Madame de Krudener. Ses lettres et ses ouvrages inedits. – P., 1880.
- 26 Ibid. P. 231–233.
- 27 Воспоминания К.К. Эшлиман // Русский Архив. – М., 1913. № 1. – С. 334.
- 28 Фрейлина Вера Клейнмихель и графиня Екатерина Клейнмихель. В тени царской короны. – Симферополь, 2009; 2013. – С. 10.
- 29 Из воспоминаний баронессы М.А. Боде // Русский Архив. – М., 1882. Кн. 2, № 3–4. – С. 123.
- 30 Письмо М.С. Воронцова А.С. Голицыной от 27 июня 1834 г., копия // РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. Л. 1.
- 31 За исключением кратковременной поездки осенью 1837 г. в Вену для лечения м-м Беркгейм.
- 32 Бертге-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – Симферополь, 1920. – № 57. – С. 15.
- 33 Бертге-Делагард А.Л. Прошлое Кореиза // ИТУАК. – Симферополь, 1919. – № 56. – С. 174–175.
- 34 Галиченко А.А. «КОРЕИЗ». Комментарии к архивным материалам // Воронцовы и русское дворянство между Западом и Востоком: Сб. науч. статей и докладов. Н. Орианда. – Симферополь, 2012.
- 35 РГАДА. Ф. 1261, О. 3, е/х 1335. Лист 15 (14–17) – 4 мая 1827.
- 36 РГАЛИ. Ф. 46, Ш. 2, е/х 259. Собрание исторических документов, копии писем. Из писем м-м Софии Ошандо ее сестре баронессе Беркгейм (на франц. Яз.). Л. 115.
- 37 РГАДА. Ф. 1261, О. 3, е/х 1335. Л. 37–38, 18 июля 1829.
- 38 Там же. Л. 40 Дек. 1829 – янв. 1830.
- 39 Там же, Л. 45, 29 июня 1830.

- 40 РГАДА. Ф. 1261, е/х 1335. Л. 43–44. 31.01.1830.
- 41 РГАДА. Ф. 1261, е/х 1335. Л. 44.
- 42 Князь А.Н. Голицын (в его письмах) 1829–1837 // Русский Архив. – 1905. Кн. 3. – № 9–12 (далее ссылки на страницы этого издания см. в тексте). – С. 410.
- 43 Там же. С. 414–415.
- 44 Арбатская Ю., Вихляев К. Повесть о жизни и приключениях доблестного рыцаря Николая Ангорн фон Гартвиса в Крыму и о его прекрасных розах. – Симферополь, 2011. – С. 70–71.
- 45 РГАДА. Ф. 1261, О. 3, е/х 1335. Л. 5. 26 янв. 1826.
- 46 РГИА. Ф.1000. О. 3, д. 256. Чертеж фасада церкви.
- 47 Это виноградник из числа тех, что производят лучшие вина. Княгиня устроила склад в Москве, чтобы ознакомить публику с этими винами и разрушить довольно распространенное дурное мнение о крымских винах. – *Прим. Монтандона*.
- 48 Монтандон К. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым [Текст]: Пер. с фр. / К. Монтандон. – Симферополь: Крымский Архив, 1997. – 130 с. [9]. – С. 155–156.
- 49 Голицын А.Н., князь. Письма // Русский Архив. С. 412
- 50 Юрьевич С.А. Дорожные письма во время путешествия по России наследника Цесаревича Александра Николаевича в 1837 году // Русский Архив 1887. Кн. 2. № 6. С. 203.
- 51 Эшлиман К.К. Воспоминания // Русский Архив – М., 1913, кн. 1. – С. 330.
- 52 Там же. С. 330. Отметим, что примерно так же в аналогичных случаях поступала и княгиня Дашкова, возглавившая две Академии. С одной стороны, обе дамы соблюдали распространенное в то время неписаное правило, но самая их ученость и известность заставляли авторов воспоминаний это акцентировать.
- 53 Партикулярные письма А.И. Казначеева М.С. Воронцову 1828–1837 // Российский Архив. – М. 2010. – С. 422.
- 54 Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Италию, Париж в 1836–1837 гг. – М., 1839. – Т. 1. С. 57–64, 79.
- 55 Дюбуа де Монпере, Фредерик. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 т. – Париж, 1843. – Т. 6; Пер. с франц., предисл. и примеч. Т.М. Фадеевой. – Т. 6. С. 181–182.
- 56 Всеволожский Н.С. Указ. соч. С. 69.
- 57 Письма А.Н. Голицына // Русский архив. – 195 г. Кн. 3. – № 11. – С. 423.
- 58 РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. Письмо Гр. Воронцова М.С. кн. А. Голицыной.
- 59 РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. Л. 73–75, 12 февраля 1835.

⁶⁰ Александер Дж. Россия глазами иностранца: Пер. с англ. – М., 2008. – С. 177.

⁶¹ Книги, упомянутые в переписке, дают представление о круге чтения: Луи-Эме Мартен (1781–1847), друг и почитатель Бернардена де Сен-Пьера и издатель его сочинений, автор произведений духовно-нравственных, литературных, критических, драматических и иных. Баронесса Беркгейм имеет в виду, вероятно, изданную в 1835 г. «Книгу сердца, или Беседы мудрецов всех времен о дружбе» (Louis-Aimé Martin. Livre du Coeur ou entretiens des sages de tous les temps sur l'amitié).

Сочинение испанского государственного деятеля и экономиста Don Pablo-Antonio-Jose Olavides (1725–1803): «El Evangelio en Triunfo», написанное им во время пребывания его во Франции, переведенное на французский язык под заглавием «Le Triomphe de l'Evangile, ou memoire d'un homme de monde revenu des erreurs du philosophisme moderne»; оно пользовалось большим успехом, было издано в Лионе в 1805 г. (4 т.), в 1821 г. (3 т.) и в 1835 г. (4 т.). Оно было переведено на русский язык А.Ф. Лабзиным и издано под заглавием: «Торжество Евангелия, или Записки светского человека, обратившегося от заблуждений новой философии, сочинение, в котором победоносным образом поражаются лжемудрствования неверия и в коем доказывается истина Христианской веры. Переведено с испанского на французский с 7-го издания, а с французского на Российский». – СПб., 1821–1822, 4 ч.

Искусство сверять даты (L'art de verifier les dates depuis la naissance de Jesus-Christ). Книги с таким названием у меня нет, но что касается дат, есть <Хронологическая Таблица> Лангле (Nicolas Lenglet-Dufresnoy, 1674–1755, Tablettes chronologiques de l'histoire universelle, 2 Т., 1744) и <Картина революций в Европе от краха Римской империи до наших дней> де Коша (Christophe-Guillaume de Koch, 1737–1813. Tableau des revolutions de l'Europe depuis le bouleversement de l'empire Romain en Occident jusqu'a nos jours, 1813, 4 Т.).

Глава II

СПУТНИКИ КН. ГОЛИЦЫНОЙ И ИХ СУДЬБА В КРЫМУ

*Жюльетта Беркгейм – соратница и секретарь княгини,
ее «Второе я». М.С. Воронцов и проблемы виноделия в Крыму.*

Барон Беркгейм – ученый-винодел. Его письма М.С. Воронцову.

Барон Беркгейм и его эксперименты в Ай-Даниле.

Семейные отношения четы Беркгейм – домыслы и факты.

Новые опыты в Мухалатке, кончина и романтический памятник.

Семейство Маурер и архитектор Эшлиман. Канонисса Жакмар.

Графиня де Гаше или Жанна де Ла Мотт?

В целом из писем А.С. Голицыной к М.С. Воронцову и ее сподвижницы Жюльетты Беркгейм к Раевскому мы знакомимся с кругом общения княгини. В них воскресает образ Южного берега самой начальной стадии его обустройства, и появляется целый ряд действующих лиц, известных и полузабытых. Главным образом это дамы высшего петербургского круга, связанные между собой узами близкого и дальнего родства, образованные и религиозные. Им будут посвящены отдельные главы.

Однако в момент переселения окружение княгини было достаточно пестрым и о нем известно немного. Письма знакомят нас с отдельными лицами из ближайшего окружения княгини, одни были ее спутниками по переселению, как баронесса Крюденер, ее верная спутница девица Маурер, ее дочь с мужем – барон и баронесса Беркгейм, графиня де Гаше; другие примкнули к ней уже в Крыму – канонисса Жакмар, семейство Маурер и архитектор Эшлиман. О них поговорим более подробно.

*Жюльетта Беркгейм –
соратница и секретарь княгини, ее «Второе я»*

*У*мная, властная, острая на язык княгиня прекрасно владела пером в литературном смысле, но почерк ее становился все менее разборчивым, и поэтому она предпочитала диктовать свои многочисленные письма подруге и наперснице, баронессе Жюльетте Беркгейм. Большая часть писем написаны рукой баронессы, которую княгиня уполномочила писать от имени их обеих, правда иногда с собственноручной припиской. Об этом прямо говорится в следующем письме Н.Н. Раевскому-младшему за март-апрель 1937 г., Кореиз:

«Прежде всего, м-м Баронесса и м-м Княгиня – это одно. Обе они составляют целостное и почти совершенное существо, и если одна любит вас, то и другая тоже»¹.

Это письмо – прямое свидетельство того, как сама княгиня объясняла свои отношения с дочерью баронессы Крюденер. Возможно, в их основе лежало некое мистическое переживание. *«Я посетила небо, и земля исчезла у меня из-под ног»*, – писала баронесса Крюденер. Дочь умершей подруги Жюльетта Беркгейм, возможно, заменила Анне Сергеевне обеих. Другое объяснение можно найти

в одном из высказываний Крюденер: *«Один из самых удивительных из выдающихся людей, Сведенборг, верил, что существа, которые сильно любили друг друга здесь, в этой жизни, после смерти сливаются, образуя вместе одного ангела: прекрасная мысль!»*².

Однако отношения Голицыной и дочери покойной Крюденер были для многих непонятны. Окружающие недоумевали, почему молодая баронесса не последовала за мужем, винодельческие эксперименты которого увлекали его то в Ай-Даниль, то в Мухалатку, а осталась жить с княгиней в Кореизе. Источник наших сведений – воспоминания Каролины Эшлиман, дочери архитектора-швейцарца Карла Эшлимана, который прибыл в Кореиз, сопровождая молодого маркиза Ошандо, был обласкан княгиней, рекомендован ею Воронцову. Дочка архитектора сама княгиню при жизни не застала, она делилась своими воспоминаниями, находясь уже в глубоко преклонном возрасте, и, следовательно, пересказывала то, что слышала от других. Так, по ее словам, современники отмечали, что Жюльетта и ее муж были молоды и очень хороши собой: оба белокурые, высокие, стройные, они вызывали симпатию у окружающих. Через некоторое время после переезда в Крым барон должен был уехать за границу на несколько месяцев. В это время княгиня А.С. Голицына подружилась с молодой женщиной, и, когда барон вернулся, дома жены он не застал, та была в полной зависимости от княгини, жила в ее доме и виделась с мужем только при свидетелях. *«Никто не мог понять ее связи с Голицыной, тем более что баронесса была очень доброй и любила своего мужа. Когда барон заболел, Жюльетта поспешила к нему, но с княгиней»*.

Действительно, отношения супругов и княгини обросли слухами, и только теперь благодаря письмам и означенным на них датам можно внести некоторую ясность в жизнь супругов Беркгейм на крымской земле.

Прежде всего супруги Беркгейм подружились с княгиней Голицыной еще в Петербурге, вместе с ней перенесли все тяготы путешествия на знаменитой барке, горечь утраты баронессы

Крюденер (матери Жюльетты), трудности обустройства на «неведомом» тогда побережье; вместе принялись ее обрабатывать, сажая виноградники, вместе начинали свою жизнь в Кореизе. Но спустя несколько лет пути супругов разошлись. Барон всерьез увлекся проблемой виноградарства и виноделия. Для Воронцова, не щадившего сил и средств для ее решения, это являлось проблемой государственного масштаба. Проблема состояла в том, чтобы привить лучшие сорта винограда на новой почве и создать вино, способное конкурировать с зарубежными винами. А это оказалось совсем непростым делом.

Поэтому дальнейшее изложение судьбы супругов Беркгейм и причин их дальнейшего раздельного проживания мы предварим небольшим предисловием о проблемах виноделия в Крыму и участии барона Беркгейма в ее решении.

*М.С. Воронцов
и проблемы виноделия в Крыму*

Сегодня кажется, что виноградники на склонах крымских гор дошли до нас чуть ли не со времен Античности. Между тем именно граф Воронцов, оценив все преимущества здешнего климата, содействовал зарождению и развитию крымского виноградарства. Он выписал саженцы всех сортов винограда из Франции, Германии, Испании и, пригласив иностранных специалистов, поставил перед ними задачу – выявить те, которые лучше приживутся и смогут давать необходимые урожаи. Кропотливая селекционная работа велась годами. Но Воронцов с непоколебимым упорством продолжал задуманное. В первую очередь он засадил виноградниками собственные участки земли, которые приобретал в Крыму. Один тот факт, что знаменитый дворцовый комплекс в Алупке был в немалой степени построен на деньги, вырученные Воронцовым от продажи собственного вина, красноречиво говорит о недюжинной коммерческой хватке Михаила Семеновича.

Однако и здесь ему приходилось «переломить тенденцию», уже сложившуюся к началу XIX в. Согласно ей, наиболее ценными для виноградарства считались «земли первой степени» – долины судакского побережья, северные склоны Крымских гор по рекам Бельбек, Кача, а земли Южного берега Крыма расценивались

ниже, как каменистые, сухие, страдавшие от недостатка орошения. *«Но вина, вывозимые из Крыма, – пишет Дюбуа де Монпере в своем критическом обзоре состояния крымского виноделия, – находили спрос только среди народа, а зажиточные слои, привычные к винам Сотерна, Бордо, Венгрии, Рейна, не находили ничего привлекательного в продукции Судака и Качи, где виноградники, орошаемые по греческому и татарскому способу, дают, соответственно, водянистое слабое вино, без крепости и стойкости... Впрочем, отсутствие особых стараний в их приготовлении во многом объясняет их посредственные качества. Надо было произвести полную революцию в культуре виноделия, чтобы привести ее в состояние, когда она смогла бы успешно соперничать с зарубежной продукцией»*³.

Такую революцию и попытался произвести Михаил Семенович Воронцов, новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области. Он отдавал предпочтение Южному берегу Крыма и считал его более перспективным для виноградарства и виноделия, чем судакские долины. Его взгляды разделял и директор Ботанического сада Н.А. Гартвис, в коллекции которого уже насчитывалось около 300 наименований сортов винограда, но производственные насаждения, как и при Стевене, не расширялись. Н.А. Гартвис обращается к Воронцову с Докладной запиской, в которой указывает на необходимость создания образцово-показательного заведения и училища при нем для развития промышленного виноградарства в Крыму.

Получив разрешение императора Николая I на создание образцового казенного виноградника, в 1828 г. в целях поощрения виноградарства на Южном берегу Крыма М.С. Воронцов приказал отрезать у Никитского ботанического сада часть неиспользуемых им земель и раздать по пять-семь десятин помещикам, желающим завести виноградники. Сад обязан был обеспечить их посадочным материалом. После того как Н. Гартвис лично удостоверял, что виноградники засажены по всем установленным правилам, они переходили в вечное и потомственное владение. Это был один из

путей заселения пустующих земель. За десять лет от территории Никитского ботанического сада были отрезаны и розданы новым землевладельцам 277 десятин земли. В первые годы виноградные саженцы и черенки выдавались главным образом бесплатно или продавались по очень низким ценам. А вскоре после возникновения Магарачское опытное заведение и училище виноделия становятся источником научных знаний, распространения высокоценных лоз и профессиональных кадров на юге России.

Сочувствуя трудам Гартвиса, кн. Голицына пишет Воронцову в письме от 18 июня 1828 г.:

«Ах, если бы среди этих миллион[ных трат] вы смогли выделить тысячу в год для славного и неутомимого Гартвиса!⁴. Г-н граф, он этого заслуживает. Никита (Ботанический сад) уже имеет самую прекрасную в Европе коллекцию всех видов винограда, питомник маслин, доступный всем владельцам, желающим создавать обширные плантации. Этот бедный человек трудится днем и ночью для блага побережья, но не имеет времени, чтобы возделывать свой клочок земли для себя, так как его жалованья недостаточно для содержания семьи. Заявляю вам, что пенсия в 1500 руб. за Никит[ский сад] меня возмущает... Дорогой граф, добейтесь же чего-нибудь для того, кто так хорошо понимает ваши идеи и кто отнюдь не жертвует ботанике вещами столь необходимыми, как виноград и маслины»⁵.

Действительно, крупное виноградо-винодельческое производство, потеряв связь с прошлым, без традиций и многовекового опыта, начинает возрождаться силами любителей, не щадивших для него средств и не ставивших на первый план коммерческую выгоду. И конечно же, наиболее значимым примером был граф М.С. Воронцов. В своих имениях Алупка, Массандра, Ай-Даниль и Гурзуф он посадил множество сортов винограда, строил подвалы для вина, производил закупки винограда у мелких землевладельцев и крестьян, не имевших своих подвалов и дорогого ви-

нодельческого оборудования. Вина из покупных гроздей не смешивались с винами собственных садов и продавались под маркой «Выдержанные в подвалах Воронцова». Неперспективные вина перекуривались на водку и назывались «Воронцовская старка».

Вслед за Воронцовым Дюбуа ставит имена кн. Голицыной и барона Беркгейма. *«В 1826 г. граф Воронцов заложил первый виноградник в Ай-Даниле, где в 1834 г. имелось 72 тыс. лоз. Княгиня А.С. Голицына и барон Беркгейм заложили виноградники примерно в то же время. Так был дан первый толчок, и понадобилось бы немало страниц, чтобы перечислить все новые насаждения, возникшие как по волшебству вдоль побережья»,* – писал Дюбуа де Монпере⁶.

Рядом с Воронцовым, в числе тех, кто не ставил на первый план коммерческую выгоду в стремлении создать сорта вин, не уступавших зарубежным, следует поставить имена кн. Голицыной и барона Беркгейма. Поскольку о последнем известно крайне мало, постараемся восполнить этот пробел.

Барон Беркгейм – ученый-винодел.

Его письма М.С. Воронцову

*Б*еркгейм Франц Христианович (1775–1836), барон, камергер Королевско-Баварской службы, служил в Майнце полицейским генерал-комиссаром. В 1814 г. он познакомился с баронессой Крюденер в Страсбурге, оставил службу и стал ее постоянным спутником и помощником в ее религиозно-проповеднической деятельности, а летом 1815 г. женился на ее дочери Жюльетте. При посредстве князя А.Н. Голицына (см. гл. 3) Беркгейм 2 ноября 1819 г. был принят из камергеров Королевско-Баварской службы, по Высочайшему указу, в русскую службу с чином статского советника и причислен в ведомство Министерства духовных дел и народного просвещения, а по увольнении князя Голицына от управления министерством был переведен им в ведомство Почтового департамента, при котором и состоял до самой смерти, не неся никаких служебных обязанностей, но исправно получая жалованье даже после переселения своего в 1824 г. в Крым (Рус. Архив, 1905 г. кн. 111, с. 440). Здесь купил он себе имение, развел виноградники, и с 14 февраля 1829 г. состоял членом Общества сельского хозяйства Южной России.

Княгиня и чета Беркгейм вначале поселились вместе, в Кореизе, и вместе же занялись виноградарством. Это подтверждают его

письма М.С. Воронцову с 1828 по 1832 г., отправленные из Кореиза. В них он описывает первые результаты своих опытов.

Из письма Воронцова, отправленного 29 марта 1828 г., следует, что он уже получил от Воронцова участок на землях Ай-Даниля, называя его *Данилова гора*, что из выращенного там винограда получено красное вино, высокие качества которого засвидетельствованы знатоками и, наконец, что опыт производства такого вина может быть распространен и на виноградники Воронцова, расположенные по соседству.

«Я сознаю, что ваше время драгоценно, но знаю также вашу готовность никогда не терять из виду обитателей Побережья, как и прогресс той промышленности, которую вы там создали. Поэтому не могу удержаться, чтобы не изложить Вашему Превосходительству подробности счастливого результата, полученного мной в культуре виноделия.

Будучи убежден в том, что Фельдман, прошедший школу в Бургундии и на берегах Рейна, в совершенстве владеет искусством приготовления красного вина, я поручил его заботам мой совсем небольшой виноградник с сортами Асманхаузен и Бургиньон на Д а н и л о в о й г о р е (по-рус.). Когда г-да де Серр и Гартвис были в Кореизе у Княгини, им была подана бутылка моего красного вина, происходящая якобы из Судака.

Вино получило свой сертификат происхождения только после того, как это собрание знатоков вынесло свое окончательное суждение о его качестве. Его букет был сочтен весьма приятным, дух и крепость – как у вина бургундского, хотя свою окончательную зрелость это вино могло достичь лишь осенью.

М-м Княгиня поручила мне отправить несколько бутылок вина в Ливонию, чтобы дать представление о том, чего мы вправе ожидать здесь.

Так как нет никакой разницы между вашим обширным и богатым виноградником в Ай-Даниле и Даниловой горой (по-рус.)

в отношении почвы и экспозиции, опыт Фельдмана показывает нам характерные качества вин, которые могут быть получены от урожая Ай-Даниля. Фельдман считает, что если приготовить это вино из винограда ваших лучших сортов и в достаточном количестве по всем правилам искусства, сочетающего тонкость с крепостью и выдержкой, то ваше вино превзойдет то, что уже получено им и сравнимо с лучшими винами Бургундии.

Осмелюсь просить вас, г-н граф, принять несколько бутылок этого вина в ваше распоряжение. Пользуюсь случаем, чтобы рекомендовать Фельдмана, который заботился о нем. Ваше Превосходительство, я убежден, что это человек надежный, в совершенстве владеющий своим ремеслом, и что он сумеет выявить в крымских винах то, чего им до сих пор недоставало, а именно – букет.

Средние подсчеты, основанные на качестве и объеме производства, приводят меня к выводу, что мои нынешние плантации должны дать мне через 5–6 лет ежегодный доход около 20 тыс. рублей ренты. Хорошее местоположение повсюду является редкостью, и поэтому конкуренция, подобная той, что существует в других производствах, не понизит ценности продукта. Этим я обязан Вашему Превосходительству; вы способствовали тому, чтобы я сохранил свою собственность и добился результата.

М-м Княгиня и моя жена просят изъявить свое почтение и надеются увидеть вас вскоре на Побережье. Мое почтение м-м графине.

Кореиз, 29 марта»⁷.

В следующем письме за тот же год⁸ барон говорит о новом эксперименте с виноградом токайских сортов. Любопытны его суждения о том, что не следует ставить на первый план коммерческую выгоду, если желаешь создать сорта вин, не уступающие зарубежным; напротив, постепенное расширение виноградника и более тщательный уход в конечном счете приведут к сходным результатам.

«Г-н граф, в этом году я готовил вино из сортов винограда, растущего в окрестностях Токай⁹; из них производят вина немного ниже по качеству, но достаточно похожие на токайские и используемые в розничной торговле. Это вино, которое я дал дегустировать г-ну Шмидту, обещает стать очень хорошим по качеству, что позволит продавать его как сухое вино. На основе этого эксперимента я полагаю, что венгерские сорта будут с успехом освоены на Побережье, и, в частности, в условиях почвы и экспозиции Ай-Даниля.

Существуют две различные точки зрения относительно того, что дает большие преимущества владельцу – расширение территории виноградников или ограничение их площади ради заботы о качестве вина. Одни видят пользу в большем урожае винограда, другие – в более тщательном уходе за ним, благодаря которому вино станет лучше. Я полагаю, что здесь, как и в других случаях, истина избегает крайностей. Особы, которые не хотят соразмерять определенные жертвы с большими выгодами, будут иметь много вина, но, неизбежно, лишеного тонкости, каковы бы ни были преимущества, связанные с климатом, экспозицией и почвой. Доказано, что самый лучший эксперт-виноградарь не в состоянии содержать в порядке 30 000 виноградных кустов. Для владельцев, таким образом, речь идет о том, чтобы соразмерять свои возможности с количеством кустов, ибо по мере увеличения урожая растет и потребность в мастерах и оборудовании. Напрасно возражают мне, что это возможно для крупных состояний, сопоставимых с состоянием Вашего Превосходительства. Я отвечаю, что, действительно, при наличии значительного капитала, которым к тому же хорошо распоряжаются, быстрее достигнешь цели; но и обладатель среднего состояния, как бы мало оно ни было, имея в распоряжении некий капитал и получив первый реальный доход, достигнет той же цели, если употребит часть дохода от первых 30 тыс. кустов на покрытие расходов по посадке и доведению до хорошего состояния других 30 тыс. кустов. Разумеется, это потребует терпения, упорства, разумной экономии.

Таков принцип, который служит основанием и опорой капитала в коммерции и в производстве и применение которого способно приумножить и произведения сельского хозяйства. Этот принцип весьма полезен для владельцев, располагающих ограниченным капиталом для устройства новых виноградников. Культура виноделия соединяет с самыми тщательными сельскохозяйственными заботами различные виды ручного труда по сохранению и улучшению вина, из-за чего этот вид производства можно в определенных отношениях сравнить с мануфактурой; речь идет о том, что здесь более, нежели в каких-либо других областях сельского хозяйства, помимо капитала необходима особая связь с землей, обеспечивающая успешный результат.

*Примите и проч.
Барон Беркгейм»*

В письме с поздравлениями в честь нового, 1832 г., барон сообщает о расширении своих владений в Ай-Даниле. Это происходит с помощью и при содействии Воронцова, которому он адресует трогательные слова благодарности.

«Позвольте мне просить вас, как и графиню, принять пожелания от меня и моей жены по случаю праздников. Существует старое народное поверье, что пожелания, которые идут от сердца, не напрасны; и я надеюсь, что мы часто будем иметь счастье видеть вас, высказать наше удовлетворение всем тем, что создано вами, и благополучием, которое вы распространяете вокруг себя.

Вы любите Побережье и тех, кто его населяет. Нас объединяет чувство признательности к Вам как администратору, который сумел превратить пустыню в страну, где проявляются все новые ростки цивилизации.

Г-н полковник Шепилов вместе с г-ном Сотовым любезно посетил меня, и мы вместе отправились в Ай-Даниль, чтобы измерить землю, предназначенную для обмена. Ваши пожелания были исполнены.

Прошу Ваше Превосходительство принять мою благодарность за это новое свидетельство вашей благосклонности, которое обяжет меня, как вашего соседа, посвятить мое владение культуре виноделия...

Мы надеемся, что Нарышкин, которому я искренне предан, придет навестить свой Ioannesberg. Мы также обречены влачить свою долю тягот в той цепи существования, к которым прикованы все смертные. М-м Княгиня была опасно больна, но, слава Богу, она выздоравливает. Я перенес катаральную лихорадку, очень мучительную, от которой с трудом оправляюсь.

Хотя состояние моего здоровья не позволяет мне бывать в Ай-Даниле, я узнал, что у вас сделано меньше вина, чем ожидалось...

Прошу вас располагать мною, как ближайшим соседом Ай-Даниля»¹⁰.

В последних строках письма барон Беркгейм заверяет Воронцова в том, что «посвятит свое владение культуре виноделия», и предлагает распространить свое внимание и заботу на виноградники графа, расположенные по соседству. Примерно с этого времени он переселяется из Кореиза в Ай-Даниль и строит там дом.

Барон Беркгейм и его эксперименты в Ай-Даниле

 юбуа де Монпере посетил виноградник барона и даже зарисовал его дом, описав и тот, и другой в самых лестных выражениях.

«Между Большим Ай-Данилем и Малым Ай-Данилем Джексона находится Ай-Даниль Беркгейма – один из лучших виноградников побережья. Он содержит 60 тыс. лоз – Пинофлери, Бургундское и Рислинг. Большой Ай-Даниль графа Воронцова насчитывает 72 тыс. лоз. Лучшие сорта производимых им вин – это Бургундское, Бордо, достаточно близкое к оригиналу, Алеатико и др. Но все вина Ай-Даниля, даже вина барона Беркгейма, приобретают вкус испанских вин, который становится со временем все сильнее¹¹.

Проезжая Ай-Даниль, я обратил внимание на виноградник барона с его красивым владельческим домом, очаровательным садом, прекрасным видом. Барон Беркгейм, почитаемый и уважаемый всеми, кто его знает, сохранил от своих прежних мистических увлечений лишь истинное, чувствительное благочестие. В остальном он много занимался своим владением и сумел добиться того, что оно производило лучшие вина Крыма»¹².

Проблемы, с которыми сталкивались виноделы Крыма в попытках произвести вино, которое выдержало бы конкуренцию

с зарубежными винами, тонко проанализировал Дюбуа, хорошо знакомый с культурой виноделия у себя на родине, в Невшателе, «самом французском» кантоне Швейцарии. В главе «О виноградниках и винах Крыма» своего «Путешествия в Крым» он отмечает, что владельцы не щадили затрат на приобретение лучших лоз и привлечение специалистов. Однако вино, приготовленное из винограда, выросшего на новой почве, со временем претерпевало изменения.

«Когда на новой плантации на исходе трех-четырёх лет начинают созревать гроздья, выжатое из них вино довольно хорошо выявляет качества первоначального растения; порой это вводит в заблуждение: я пил эти новые вина, которые, казалось, предвещали полный успех ... но то была иллюзия: уже через пару лет природа вина меняется, из года в год это отличие все более заметно, и по истечении 8–10 лет это уже не Бургундское или Бордоское, но особое вино, более крепкое, более градусное, чем оба эти сорта, но менее тонкое. Виноградники большого Ай-Даниля графа Воронцова, посаженные в 1826 г. из саженцев, вывезенных из Франции, и расположенные также в Ай-Даниле виноградники барона Беркгейма подтверждают эти наблюдения даже там, где саженцы ни с чем не смешаны. На других виноградниках не придерживаются столь строго этого разделения между растениями различного происхождения, и насаждения состоят вперемешку из большого Бургундского, Пино-флери, Рислинга, Бордо, Кокюра: это последнее растение неизвестного происхождения производит крепкое вино в изобилии; когда за ним ухаживают, оно приобретает, по словам знатоков, очень приятный вкус и букет, благодаря которому считается изысканным даже в старой Европе, именно потому, что полностью отличается от других известных вин. Посадили также некоторое количество Алатако; ведутся испытания старых крымских сортов из качинской долины.

Виноград, который, по-видимому, в наименьшей степени утрачивает свои первоначальные качества с переменой климата, – это

Р и с л и н г с берегов Рейна. Он особенно распространился в долине Алушты, где сланцевая почва... по-видимому, большие ему подходит, напоминая качества родной ему почвы. В Мисхоре, у г-на Льва Нарышкина, также засадили участок Рислингом, который в 1834 г. произвел очень хорошее вино с тонким вкусом, хотя и без изысканных качеств рейнских вин; но лишь время покажет, сохранятся ли эти качества или возобладает тенденция, свойственная остальным винам побережья.

*В целом все это доказывает, что вина крымского побережья находятся пока в переходном состоянии и не могут иметь стабильной репутации, которая сложится лишь по истечении ряда лет... Без сомнения, они будут представлять собой нечто среднее между тонкими винами севера и насыщенными креплеными (*gros vins spiritueux*) винами юга. Но в Крыму столько разновидностей климата, почв, экспозиций, что я не сомневаюсь: если не удалось добиться от твердых земель (*terres fortes*) крымского побережья качеств тонких вин, которых от них ожидали, то это можно сделать в другом месте»¹³.*

Дюбуа де Монпере много общался с бароном Беркгеймом, вместе они посетили Херсонес, делясь философскими размышлениями на тему «мимолетности славы мирской». Умозрительные размышления содержат и немногие сохранившиеся письма барона Н.Н. Раевскому-младшему и князю А.Н. Голицыну.

*Семейные отношения четы Беркгейм –
домыслы и факты*

*В*ернемся к семейным отношениям четы Беркгейм, располагая теперь точными датами, которыми помечены письма. Выше мы упомянули, что первые письма Беркгейма отправлены из Кореиза, где он проживал вместе с женой, от которой постоянно передавал приветы. Где-то в 1833–1834 гг. его владения в Ай-Даниле, благодаря Воронцову, расширяются, и барон, увлеченный своими опытами, перебирается туда, строит дом. Однако жена за ним не последовала, она осталась верна кн. А.С. Голицыной, и это обстоятельство было воспринято окружающими как некая странность, вплоть до того, что княгиня якобы тиранически удерживала Жюльетту от общения с мужем. Известно, что порой слухи, передаваемые устно, обладают свойством обрастать новыми, преувеличенными, а то и вовсе вымышленными подробностями. Сошлемся на «Воспоминания Каролины Эшлиман», дочери архитектора, которые были записаны спустя полвека после кончины княгини, причем сама она с Анной Сергеевной и Жюльеттой не встречалась.

«Властолюбивая и властная кн. А.С. Голицына часто вмешивалась в семейные отношения окружающих ее лиц, – рассказывала

Каролина. – Барон Беркгейм не раз жаловался моему отцу на свое-
нравную княгиню, что та сеет раздоры между супругами Беркгейм.
Баронесса постоянно пребывала в Кореизе, барон обычно жил у себя
на даче, в Судаке (!) подле генуэзской крепости. Каждый раз, как он
приезжал в Кореиз, кн. Голицына принимала все меры к тому, чтобы
он не оставался наедине с женою... В конце концов, эти раздоры за-
кончились полным разрывом между супругами Беркгейм. Барон уехал
в Германию (!) и уже не вернулся к жене. Там он вскоре и умер (!)»¹⁴.

Теперь, когда в нашем распоряжении датированные докумен-
ты в виде писем, мы видим, что вся событийная канва этого рас-
сказа ошибочна. Отсюда меньше доверия к сообщениям о «ковар-
стве» княгини, хотя вполне можно допустить ревность и желание
одинокой пожилой женщины удержать при себе дочь своей по-
койной подруги, «ангельскую Жюльетту».

Приведем еще один отрывок из воспоминаний баронессы
Марии Бодэ (кстати, проживавшей в Судаке – вероятно, отсюда
и возник Судак как якобы местопребывание барона Беркгейма,
в рассказе К. Эшлиман). В этом сообщении по крайней мере барон
умирает не в Германии, а в Крыму и жена присутствует при его
кончине. Однако и здесь ее якобы сопровождает княгиня: «Никто
не мог понять ее связи с Голицыной, тем более что баронесса была
очень доброй и любила своего мужа. Когда барон заболел, Жюльетта
поспешила к нему, но с княгиней»¹⁵.

Это неверно, она уехала к больному супругу одна, ухаживала
за ним, призвала священника и сама закрыла ему глаза, а затем
распоряжалась на похоронах. Княгиня оставалась дома, о чем сви-
детельствуют ее письма другой Каролине – Собаньской:

«Барон Беркгейм скончался вследствие тяжелой болезни. Мое
«второе я» оставило меня, чтобы ухаживать за ним. Впервые за
17 лет мы расстались! Я не просто одна; я печальна, беспокойна
и очень страдаю»¹⁶.

Впрочем, похоронив мужа, Жюльетта вернулась к княгине.

Хуже всего то, что эти рассказы о «странных отношениях» супругов Беркгейм и княгини Голицыной в последующих пересказах обросли еще большими слухами, растиражированы и повторяются в имеющейся литературе.

Опровергнуть большую часть этих ошибок и неточностей, выявить подлинный ход событий помогают простые подсчеты. Выше мы отметили, что после переселения в Крым и похорон баронессы Крюденер в Карасубазаре чета Беркгейм проживала в Кореизе, им помечены письма Воронцову, отправленные бароном с 1828 по 1832 г.; кроме того, в них неизменно передаются приветы от жены, находящейся рядом. Если принять дату переселения барона из Кореиза в Ай-Даниль и постройку там дома 1833–1834 гг., то ему было в это время 58–59 лет, а его супруге – более 45, и, естественно, перебираться на новое место, без удобств, в этом возрасте уже не хотелось.

Наконец, отдельное проживание продолжалось не более двух с половиной – трех лет, поскольку в 1836 г. барон скончался. К тому же занятый своими экспериментами Беркгейм продолжал расширять их поле действия. О его сильном увлечении изучением свойств винограда, выросшего на разных почвах, свидетельствует то, что за год-полтора до кончины он приобрел в 1835 г. новое поместье в Мухалатке – Чохрах-Бахчи. По этому поводу приведем упоминание в письме *от 5 марта 1835 г.* княгини Воронцову:

«У нас на побережье новый владелец, это барон Беркгейм, он хочет купить живописное и прекрасное владение в Мухалатке. Он не утомим и решил трудиться на новой целине»¹⁷.

Княгиня иронизирует над тем, что с ним теперь соперничает его супруга, вошедшая во вкус по части приобретения земли. Княгиня не отказывала в этом своей дорогой Жюльетте, тем более что лучшие земли активно разбирались. Обстоятельства, благодаря

которым баронесса стала владелицей земель в Ялте, княгиня описывает так:

«Скажу вам, что генерал Шатилов, погребенный на всю зиму в Магараче, не имея, что пить, развлекался тем, что перебрался в Ялту, в имение Качиони, и оттуда в Мухалатку; теперь он – владелец 5 десятин земли, садов, лугов и воды в изобилии. Устрашенная его активностью, я устроила скандал такому захвату побережья и успела вырвать у него земли в Ялте; ими теперь владеет м-м Беркгейм, которая решила соперничать с мужем и со мной по части культуры винограда и насаждений»¹⁸.

*Новые опыты в Мухалатке,
кончина и романтический памятник*

*Н*о барон, в плену своих увлечений виноделием, в попытках добиться совершенного результата, слишком буквально реализовал свою идею, согласно которой мысль о «пользе» мешает чистоте эксперимента. Примерно так можно объяснить то, что за полтора года до смерти он продает свое замечательное имение в Ай-Даниле и приобретает имение в Мухалатке, где все придется начинать сначала. В комментарии Б.Л. Модзалевского сказано, что барон Беркгейм «через графа М.С. Воронцова» продал имение М.К. Булгаковой, причем невыгодно, что отмечалось всеми.

«Муж ее, К.Я. Булгаков, писал брату 2 ноября 1834 г. по этому поводу следующее: “Воронцов мне пишет, что он почти сладил в Крыму покупку для Марицы (жены К. Булгакова). У нее был капитал маленький, на который он там покупает ей место, принадлежащее барону Беркгейму, где виноградные сады, с которых он получает изрядный доход... Это место, или, лучше сказать, сад называется Орто Ай-Даниль и на южном берегу, коим все восхищаются. Цена 60 000... вина же Беркгейм продал в сем году тысяч на 10. Я говорил с Башмаковым и с другими крымскими жителями: они не понимают, как может Беркгейм так дешево продать. Воронцов пишет, что и там все удивляются»¹⁹.

Удивлялся и князь А.Н. Голицын, принимавший близко к сердцу горести и радости своих крымских единомышленников; из них к барону Беркгейму он питал большое уважение, что видно из писем его к нему, напечатанных в «Русском Архиве» (1905, кн. III, с. 426–442).

Приведем последние упоминания о бароне в письмах А.Н. Голицына. В письме от 14 декабря 1834 г.: *«Слава Богу, что вашему мужу легче; меня очень огорчило известие о его болезни, а также о невыгодной продаже его имения. Все поздравляют Булгакова с выгодным помещением денег, и уже одно это доказывает проигрыш в этом деле барона»*²⁰. Получив весной 1936 г. известие о смерти барона, князь Голицын пишет вдове:

*«Вы не можете сомневаться, как мне тяжела понесенная вами утрата. Если его жалеют новые знакомые южного берега, можете представить, как о нем жалеют старые друзья! Я так надеялся, что мы будем вместе жить в Крыму; но Господу это не было угодно... Хорошо, что вы застали его в живых и что нашелся священник, чтобы поддерживать его в эти критические минуты. Письмо г-жи Потемкиной о смерти вашего мужа очень трогательно; она его ценила и жалеет о нем всем сердцем»*²¹.

Барон Беркгейм умер в марте 1836 г. Надгробие на его могиле в имении Чохрах-Бахчи в Мухалатке изобразил Н.Г. Чернецов. Памятник этот глубоко выражает романтическую суть души Беркгейма и его неутоимых поисков: на фоне отвесной скалы стоит античный саркофаг, увенчанный крестом; одинокий путник остановился перед ним в задумчивости.

После смерти мужа баронесса Беркгейм заболела, и в сентябре 1837 г. княгиня возила ее в Вену для лечения, впервые покинув Кореиз. В ноябре 1837 г. обе они вернулись в поместье, но княгиня заболела, отправилась лечиться в Симферополь, где и скончалась 11 января 1838 г. Погребена она в Кореизе, в выстро-

енной ею Вознесенской церкви. Баронесса Беркгейм еще довольно долго жила в Крыму, в Кореизе, который завещан был ей княгиней Голицыной в пожизненное владение²² (кроме того, у нее была и собственная земля в Ялте); но затем поместье должно было перейти во владение ее родной сестры – княгини С.С. Мещерской и ее детей. Согласно примечанию Б.Л. Модзалевского, «Кореизом она владела еще в 1853 г. (Русск. Беседа, 1856, Н. 3, смесь, с. 69), хотя в это время давно не жила в Крыму; обстоятельства последнего периода ее жизни очень неясны; любопытные письма к ней кн. Голицына (ум. в 1844), начинаясь с 1830, прекратились в 1840 г. Князь Голицын в статье о баронессе Крюденер пишет, что баронесса Беркгейм, оставив Крым, “стала вести самый загадочный образ жизни, скитаясь по всем уголкам России, прекратив всякие знакомства и избегая встретить кого-либо из прежнего, брошенного ею мира”»²³.

В 1849 г. Я.К. Грот писал П.А. Плетневу из Москвы (22 июня) после знакомства с неким Токаревым: «Этот бывший кавалергард и крымский помещик живет с замечательной старушкой, баронессой Беркгейм, дочерью знаменитой мадам Крюденер, бывшею соседкой его в Крыму. И сам он – замечательный человек: он уже лет 20 изучает физиологию и другие медицинские науки и учится, как по наружности человека, по приемам его и взглядам узнавать частности его характера, ума и всей нравственной физиономии» (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. – Т. 3. – СПб., 1896. С. 441)²⁴.

Семейство Маурер
и архитектор Эшлиман

Елена Маурер, верная спутница баронессы Крюденер, также уроженка Швейцарии, последовала за нею в Крым и осталась там. Встреча ее с баронессой, с виду случайная, определила ее судьбу. О ней, своей родственнице, рассказала дочь архитектора Эшлимана Каролина. Отец Елены занимал высокий пост в городе Шаффхаузен, но после свержения Наполеона и восстановления монархии впал в немилость, был уволен с должности и вскоре умер. После него остались вдова и дети, которые были непрочь покинуть город, где все напоминало о печальных событиях. Однажды ночью в дом постучалась незнакомая дама и попросила укрыть ее на ночь от полиции. Наутро она уговорила дочь Маурера Елену сопровождать ее до городских ворот, а затем и до границы кантона. Это была знаменитая баронесса Крюденер, имя которой гремело тогда по всей Швейцарии, да и по всей Европе.

«Одни ругали ее, злословили на ее счет, насмехались над нею, – вспоминает Каролина, – другие, напротив, преклонялись перед нею, слепо следовали ее внушениям. В 1816 году Швейцарию и Южную Германию постиг сильный неурожай: сделался голод, он принял вскоре такие ужасные размеры, что на перепутьях и по дорогам подбира-

ли трупы умерших от голода; люди питались обрывками ремней, древесною корой, корнями несъедобных растений. И вот, в этот то голодный год, осенью 1816 и зимой 1817 гг. баронесса Крюденер и ее друзья проявили необычайно энергичную благотворительную деятельность. Всюду, где появлялась баронесса, собирались толпы бедного люда. Ей устраивали возвышение, с которого она говорила свои горячие проповеди, а в это же время в громадных котлах варили пищу голодающим. Скопление массы людей вызывало некоторый беспорядок и правительства швейцарских кантонов, и городовые магистраты старались поэтому поскорее спровадить от себя неудобную гостью. Так странствовала она по Швейцарии из кантона в кантон, из города в город, постоянно гонимая властями и полицией»²⁵.

Елена Маурер сопровождала ее до границы, откуда баронессу и ее спутников отправили в Россию. Добравшись зимой 1817 г. в ее имение в Лифляндской губернии (в то время – территория Российской империи, сегодня она разделена между Латвией и Эстонией), баронесса вместе с Еленой настойчиво убеждали оставшуюся в Швейцарии семью перебраться в Россию. Мауреры с радостью согласились и впоследствии влились в ту общину, которая под руководством Голицыной переселилась в Крым вместе с баронессой Крюденер. В Крыму вдова Маурер купила небольшое имение на берегу реки Альмы, у деревни Азек под Бахчисараем. Здесь и повстречались ее дочь Елена Маурер и Карл Эшлиман.

«По странной прихоти судьбы, – продолжает свой рассказ их дочь Каролина, – они, будучи кровными швейцарцами и из старинных швейцарских родов, неожиданно попали в Россию и притом через посредство двух знатных русских дам – баронессы Крюднер и княгини Голицыной; между тем ни мой отец, ни члены семьи моей бабушки, за исключением тетки Елены Яковлевны Маурер, никогда не были мистиками. Последняя единственная из всей семьи приняла православие. Замуж она не пошла и до самой смерти поддерживала

дружбу и оживленную переписку со многими членами мистического кружка в России»²⁶.

Отметим, что в своих письмах княгине А. Голицыной князь А.Н. Голицын нередко вспоминает Елену Яковлевну Маурер. Каролине довелось увидеться со своей тетушкой, жившей под Бахчисараем в селении Азек (Азис?). Участница знаменитого мистического кружка приглашала ее погостить, предлагала ей прочесть письма Крюденер и других своих друзей. «По легкомыслию юности» та предпочла общество друзей и когда впоследствии, уже после смерти тетки вернулась в Бахчисарай, то писем уже не нашла.

Еще одному члену семьи Маурер, Якову, мы обязаны известной гравюрой, помеченной 1831 г., с видом старого дома Воронцовых. Имя его встречаем в письмах управляющего Алушкой Э. Гибнера, который посылает М.С. Воронцову несколько рисунков усадьбы в исполнении Маурера. В письме Гибнера Воронцову от 17 августа 1831 г., он пишет: «Полагая, что В.С. приятно будет видеть (усадьбу. – Прим. авт.), просил Маурера снять несколько видов с оных».

Затем, в письме от 5 сентября 1831 г. он намерен «...препроводить донесения Кебаха и рисунки Маурера, прежние его рисунки отданы Его Превосходительству Александру Ивановичу (Булгакову. – Прим. авт.), он сам доставит их»²⁷. Там упомянуты четыре рисунка Маурера. Рисунки эти интересны тем, что представляют усадьбу в то время, когда большой дом еще только закладывался. Еще о пяти рисунках художника упоминает А.И. Казначеев в письмах Воронцову. В Приписке к письму от 15 ноября 1831 г.: «Посылаю вам также несколько рисунков (5), сделанных Маурером»²⁸. По-видимому, их литографировали и прислали на адрес княгини Голицыной. «Маурер был в отчаянии что на видах нет его имени»²⁹. Видимо, поэтому мы так мало знаем о его мастерстве как художника. О последнем, в частности, можно судить по упоминанию основного недостатка архитектора Шатильона:

«Шатильон работает... рисовать он не умеет, а потому Маурер ему необходим»³⁰.

Далее Каролина рассказывает об удивительной судьбе своего отца, Карла Эшлимана, которого привел в Кореиз случай, но здесь его судьбу решили граф Воронцов и встреча с девицей Маурер, ставшей его женой. Карл Эшлиман (1808–1893) родился в городке Бургдорфе (кантон Берн), окончил местную гимназию, затем архитектурный отдел в Парижской академии художеств, получил диплом. Занимал должность помощника городского архитектора Берна. Как-то в газете Эшлиман прочитал объявление, что богатая семья ищет попутчика своему сыну для поездки на юг России. Речь шла о молодом графе (маркизе) Ошандо-де-ла-Банда. Испанский аристократ отправлялся в Крым по приглашению княгини А.С. Голицыной поправить свое здоровье. Княгиня, путешествуя в молодости по Швейцарии, познакомилась с семьей графа, женой которого была София Крюденер, дочь русского дипломата Алексея Крюденера от первого брака, и, следовательно, сводная старшая сестра баронессы Беркгейм. Узнав, что их сыну врачи рекомендовали теплый климат, она любезно пригласила его погостить в своем кореизском имении. В конкурсе на должность попутчика из 29 кандидатов выбрали Карла Эшлимана. В Кореиз молодые люди приехали летом 1828 г. Княгиня Голицына оказала им весьма любезный прием, и Карл задержался в гостеприимном имении дольше, чем предполагал. Княгиня в письме *от 18 июля 1828 г.* графу М.С. Воронцову, сообщая о болезни его архитектора Ф. Эльсона, пишет:

«На мое счастье в один прекрасный день явился свежеиспеченный архитектор (Эшлиман), прямо из Парижа; упал как снег на голову во время проповеди в церкви.

Этот маленький человечек – прямо сокровище для нас, г-н граф. Он очень хорошо образован и порвал со своим сословием, я думаю, он нам будет очень полезен. Он принес с собой различные рисунки и сре-

ди них проект камина, который потребляет мало дров и обогревает несколько комнат, изгоняя из них столько холодного воздуха, сколько дает теплого. Но его главное преимущество в том, что воздух в комнате одинаково теплый как внизу, так и вверху. Потом черепица, не более тяжелая для стропил, чем ардуаз, но гораздо более прочная и дешевая»³¹.

В окружении Голицыной молодой архитектор встретился со своей будущей женой из семейства Маурер. Вскоре молодые люди поженились и прожили в Крыму долгую и счастливую жизнь.

Воронцов, оценив по достоинству талант, работоспособность и деловую хватку молодого архитектора, предложил ему должность помощника архитектора Южного берега Крыма. Эшлиман согласился и с 1 января 1832 г. поступил на российскую службу. А уже 16 октября 1834 г., после ухода в отставку первого архитектора Эльсона, Эшлиман был назначен на его пост с возложением на него права всех казенных построек, а также надзора за частным строительством.

В 1829–1831 гг. Эшлиман работал в основном в имении княгини Голицыной, здесь он построил церковь в стиле немецкой готики, а также винный погреб в неороманском стиле, похожий, по словам очевидцев, на средневековый замок.

В 1830-е г. шло строительство Гаспринского дворца и одновременно – усадебного дома в Мисхоре для Нарышкиных. В обоих случаях в работах принимал участие Карл Эшлиман, работавший тогда под руководством Вильяма Гунта. К возведению особняка для Нарышкиных его привлек сам Воронцов. *«Мой отец всегда с большой похвалой отзывался о графе Воронцове, – пишет его дочь Каролина. – Несколько второстепенных построек он возвел для графа в его имении Алупка... По его поручению строил он и дом для Нарышкиной в Мисхоре»³².*

В 1835–1837 гг. он построил в Ялте по проекту архитектора Г. Торичелли собор святого Иоанна Златоуста. Это был первый

православный храм, возведенный в Ялте после присоединения Крыма к России. Собор оригинальной архитектуры, видный изда- лека живописно расположился на Поликуровском холме, на месте более древней церкви. Во время строительства храма Карл Ива- нович писал графу Воронцову: «...По справкам, собранным мною у старожиллов деревень, ялтинских и аутских греков, древний храм в Ялте носил имя святого Иоанна Златоуста»³³. В 1837 г. в ходе путешествия Ялту посетили император Николай I и его супруга императрица Александра Федоровна. Поднявшись к храму на По- ликуровский холм и обзрев живописные окрестности, Николай I повелел присвоить Ялте статус города.

В 1843 г. по поручению князя Воронцова Эшлиман составил план города Ялты, который был впоследствии утвержден импера- тором Николаем I. В 1848 г. по проекту Эшлимана были постро- ены Байдарские ворота – памятник строителям южнобережной горной дороги Ялта–Севастополь. У архитектора была большая семья – четверо сыновей и пять дочерей. Умер Карл Иванович 16 апреля 1893 г. в возрасте 85 лет в особняке, построенном им са- мим – Планжи-Сарае (сейчас это жилой дом № 36 по улице Сверд- лова в Ялте). «Как строитель церкви, – вспоминает дочь архитек- тора Каролина, – мой отец погребен в черте ограды этого храма... Последовало по этому поводу высочайшее разрешение императора Александра III, и отец мой, по вероисповеданию протестант, на- шел себе вечное упокоение под сению созданного им православного храма»³⁴. Прах Эшлимана покоился там до 1969 г., затем был пере- несен на Поликуровский мемориал, где находится и поныне.

*Канонисса Жакмар.
Графиня де Гаше или Жанна де Ламотт?*

Сохранились сведения о двух загадочных француженках, находившихся в окружении княгини Голицыной. Первая – мадемуазель Жакмар, или канонисса Жакмар, как она себя называла. Итак, м-ль Жакмар появилась в Крыму за несколько лет до прибытия туда кн. Голицыной, вместе с которой появилась и вторая загадочная француженка – графиня де Гаше. Жакмар была коротко знакома с обеими, и ее рассказы французским путешественникам – супругам Оммер де Гелль дополнят наши сведения.

Супруги Оммер де Гелль, совершившие в 1838 г. путешествие по южной России и в Крым и совместно написавшие книгу «Прикаспийские степи – Кавказ, Крым и Южная Россия» (изд. в 1843 г., не переводилась), сообщили о своей соотечественнице, «канониссе» (так они ее называют, не поясняя значения. Во всяком случае, речь идет об особе, давшей монашеский обет) м-ль Жакмар. Они отправились в Судак, чтобы побеседовать с ней. Ее домик посреди небольшого виноградника находился близ горы Алчак в долине Копсель, тогда совершенно пустынной.

В 16 лет она уехала из Франции вначале в Вену, потом в Россию, в Петербург, где стала учительницей. Она долго вела светский образ жизни, в кругах, где отдавали должное ее уму, красоте и остроумию. И вот, в разгар успехов, она переселяется в Крым, где на свои сбере-

жения покупает небольшое имение, которое уже не покидает. Она близко подружилась с кн. Голицыной, с момента ее прибытия в Кореиз. Княгиня, отмечает Адель Оммер де Гелль, «с восхищением нашла в этой молодой француженке энергичный характер, эксцентричные вкусы, тонкую наблюдательность и, в особенности сардонический (язвительный) дух, которым сама была щедро наделена. Так м-ль Жакмар стала обычной гостьей Кореиза, до самой смерти княгини, вновь частично обретая в среде блестящего общества, которое там собиралось, тот успех, которым некогда пользовалась в более широком плане»³⁵.

Как она оказалась в Тавриде? «Никто не мог понять мотива, побудившего ее избрать такой род существования, столь отличающийся от того, который она оставила навсегда. Что побудило ее оставить свет – гордость ли, стремление к свободе, влечение к неизведанному, сердечные раны? Никто не знает. Так или иначе, живая, красивая, душа общества, в котором она была прекрасно принята, несмотря на скромную роль наставницы, она в один прекрасный день оставила своих поклонников, не дав и намека на что-либо, могущее служить объяснением причины ее исчезновения, о чем нередко толковали в обществе...

Видя ее в полумужском костюме, наблюдая ее занятия геологией, живописью, музыкой, поэзией, без тени претензии, спрашиваешь себя, какая таинственная драма произошла в ее странной жизни? Надо ли согласиться с графиней Воронцовой, которая считает, что у нашей героини слишком много ума и мало сердца и что ее разлад с миром происходит от избытка гордости? Во всяком случае, это незаурядная женщина, избранная натура, которую оценят те, кому повезет узнать ее...»

Здесь мы прервем это романтическое описание и дополним его рассказом о реальных причинах ее появления в Крыму, подкрепленных свидетельствами «партикулярных писем» таврического губернатора А.И. Казначеева М.С. Воронцову, опубликованных в Российском Архиве за 2010–2011 гг.

Итак, В 1820-е гг. Судак посетил француз Амантон, сын владельца виноградников в Бургундии. При виде успехов виноделия в Судак, *«он тотчас решился купить там 400 десятин пусто-порожней нагорной земли, назначил на обработку оной весьма значительный капитал, привез из Франции искусных виноградуников и принялся уже решительным образом за дело. Какой счастливый переворот! Русские деньги, которые в продолжении веков уходили за границу на иностранные вина, начинают уже возвращаться к нам для содействия в уничтожении надобности в выписке тех вин и для процветания одной из прелестнейших стран России»*³⁶. Вина Амантона нашли широкое признание, и скоро он стал одним из директоров Компании крымских вин, цель которой состояла в поднятии репутации крымских вин среди потребителей. А.И. Казначеев, Таврический губернатор и соратник Воронцова, отметил в письме от 24 января 1830:

*«Заведение Амантона идет в гору, к нему присоединяется один дом южной Франции, и я видел их условия. Он теперь здесь. Бодя несколько виноват пред ним; Амантон по молодости щекотлив, и их скоро помирить нельзя, несмотря на прекрасную душу Амантона»*³⁷.

Несмотря на успехи, в дело вмешалась интрига, направленная внешне против Амантона, но целившая еще дальше – против Казначеева, как его покровителя и самого Воронцова.

В конце того же 1830 г. Казначеев в приписке к письму Воронцову, не скрывая горечи, пишет:

«Я получил повеление выслать из России Амантона. Сим обязаны мы г-ну Витту. Я его защищаю и просил за него Красовского и Бенкендорфа – не знаю, чем кончится. Мы разорим ни за что ни про что полезного нам человека».

(Письмо от 8–20 декабря 1830 г., приписка)³⁸.

Здесь-то на сцене возникает фигура Марии Жюстины Жакмар. Обстоятельства ее появления в Крыму неясны, свидетельства противоречивы. Но в 1830 г. она попадает в поле зрения Воронцова, и он начинает оказывать ей покровительство. Казначеев сообщает Воронцову 29 декабря 1830 г.: «Приказание ваше об отводе участка для 2-жи Жакмар с усердием выполнено; только после случая с Амантоном захочет ли она к нам? Право, господа, желающие выслужиться наведением сумнений на людей промышленных, отвадят полезных иностранцев от Крыма, а Крым отодвинется назад населением и благоустройством»³⁹.

Казначеев еще продолжает сокрушаться о потере Амантона. Он приводит доказательства интриги и надуманную причину устранения Амантона в письме от 7 января 1831 г.

«Почтеннейший граф! С сожалением сего дня отправляю отсюда Амантона, который нам полезен был и для Края, и для Компании винной... Что высылка его за границу есть дело графа Витта, на это я имею доказательства. Не говорю уже, что Амантон от сего теряет много как частный человек; заведение его остановилось, строения не докончены и прочая. Но горюю об общем: кто после того из иностранцев захочет поселиться у нас. Между тем, Грамотою Великой Екатерины, подтвержденной всеми государями, преимущественно предоставлена свобода иностранцам, желающим поселиться в Крыму. Помогите Амантону, если можете, чрез Бенкендорфа». В качестве объяснения причины высылки Амантона он приводит «копию секретного отношения генерала Бенкендорфа к Афанасию Ивановичу Красовскому за № 4650. В нем велено мне сделать строгое замечание за то, будто бы по моей протекции Амантон определен директором компании и будто он в моем присутствии осмеливался произносить дерзкие речи»⁴⁰. (Письмо от 12 января 1831 г.).

Однако Воронцов смотрел дальше. Вероятно, он навел справки о м-ль Жакмар и ему стали известны ее качества как специали-

ста и знатока виноделия. Опасения Казначеева, что Жакмар после случая с изгнанием Амантона не станет заниматься виноделием, не оправдались. В письме от 3 июля 1832 г. он сообщает:

«Г-жа Жакмар приехала к нам и в восхищении от нашего края. Я назначил ей другой участок лучше первого. Она пишет мне, что вы приняли на себя обеспечить ей оклад денег за участок, и я принял это в уважение. Она принялась славно за виноделие и, кажется, знает это дело. Амантовы заведения нашла в хорошем положении и по поручению Овсера предпринимает меры к улучшению оных. Вино Амантоново признается лучшим в Крыму. За ним следует княгини Голицыной, Беркгейма и потом ваше. Ваше слишком крепко и это от того, что поздно виноград снимается»⁴¹.

Итак, м-ль Жакмар стала продолжательницей дела Амантона, возможно, с согласия последнего. Во всяком случае, Кеппен, осматривая побережье, в ноябре 1833 г. попал на «Француз-бах», то есть сад, заведенный иностранцем Амантоном, «по высылке коего за границу имением сим заведывает девица Жакмар». В ходе совместного с ней осмотра окрестностей обнаружили геологические познания спутницы и опытность в деле виноградарства.

«В Копселе Амантон бороздил землю, подготовленную под виноградники, глубиною до 5 четвертей. Но девица Жакмар ввела в употребление большой плуг, из полуденной Франции в Одессу привезенный, и приняла к себе в услужение француза, находившегося пред сим в Одессе при торговом доме Рубо и Изнар. Она повела меня на просторную равнину, с весьма незначительным скатом на Ю.-З., и показала здесь большие поляны, сим плугом обработанные. Глубина разработки простиралась от 11 до 12 вершков»⁴².

В 1834 г., путешествуя по югу России, к ней, как соотечественнице, проявил внимание маршал Мармон, герцог Рагузский. Он представил ее как управляющую виноградником, «которым пре-

жде владел г-н Амантон из Дижона, а теперь владеет другой земляк мой, г. Лосуа (Laussoi), обрабатывается на его счет. Одаренная смелостью и способностями Девица Жакмар, еще молодая и незадолго еще красавица, недавно была жертвою ужасного преступления... (Мотивы у разных авторов трактуются различно – то ли отвергнутая любовь, то ли отказ в найме на работу). Она избавилась от смерти каким-то чудом, и множество нанесенных ей ран, по счастью, не оставили никаких следов на ее лице»⁴³.

Французские путешественники посетили ее, заранее предупредив о своем прибытии:

«Она приняла нас как друзей. Одета в длинную коричневую юбку и куртку, скрывающую фигуру, она во внешнем своем облике имела нечто мужское и мужественное, хотя это соответствовало ее образу жизни. Более заурядная женщина была бы смущена видом столь скромного жилища: оно состояло из единственной комнаты, служившей ей и кухней, и гостиной, и спальней. Но «все выдавало в этом скромном жилище интеллектуальные вкусы владелицы. Я заметила гитару, мольберт, оружие, коллекцию минералов и несколько произведений искусства».

Счастливая встречей с соотечественниками и с коллегой по поэзии (м-м Адель Оммер де Гель имеет в виду себя. – Прим. авт.), она откровенно рассказывала о лишениях, на которые обрекал избранный ею образ жизни, оставить который у нее не доставало решимости. Удаленность от населенных мест обрекала ее на ночные нападения и вынуждала не расставаться с пистолетом ни днем, ни ночью. У нее воровали фрукты, кур и даже виноградные кусты. Она рассказала нам не без смеха, что однажды ей вздумалось выращивать поросят, в надежде извлечь из этого выгоду. Но она не взяла в расчет соседа, который, под предлогом, что эти животные проникают на его территорию, устроил ужасную бойню⁴⁴. В порядке мести остроумная канонисса написала прошение в стихах

графу Воронцову, изобразив вверху большую свинью, которая опирается на ружье и с удовлетворением разглядывает дюжину себе подобных, валяющихся на земле. Под рисунком шла надпись: «Каин, что ты сделал со своими братьями?»

Рассказала она также и о страшном покушении, от которого она чуть не умерла...

Несмотря на свое трудное положение, она сохранила вкус к занятиям искусством. Мы застали ее за переводом Псалмов Давида в стихах на французский язык... Ее разговор, одновременно глубокий, одухотворенный, остроумный, сделал этот вечер восхитительным, заключает Оммер де Гель.

Несмотря на одиночество, в котором оказалась наша соотечественница после смерти кн. Голицыной, многие приходили в долину навестить ее и поддерживали с ней переписку.

Адель Оммер де Гелль приводит одну из таких историй.

«За несколько дней до нашего прибытия неизвестная дама, прекрасная и изысканная, провела в Судаке весь день, сохраняя инкогнито. Живо заинтригованная, м-ль Жакмар сказала ей с улыбкой: “Королева или пастушка, оставьте мне ваше имя, чтобы оно напоминало мне один из самых очаровательных вечеров моей жизни отшельницы”.

“Хорошо, – ответила ей в тон незнакомка, – дайте мне ваш альбом, и вы узнаете имя искренней поклонницы ваших достоинств”.

Тотчас она набросала в альбоме несколько строк и поспешно удалилась, в то время как канонисса читала четверостишие в свою честь, с подписью: княгиня Радзивилл.

*Королева или пастушка, я желала бы
Провести в этом прелестном месте мою жизнь,
Разделяя с вами, моя подруга,
Или мою хижину, или мой дворец»⁴⁵.*

Опираясь на сообщения супругов Оммер де Гелль, рассказ о ней продолжает Луи де Судак (Луи Бертрен), уделявший особое внимание судьбам своих соотечественниц на крымском побережье.

«Я смотрю на автопортрет м-ль Жакмар, который был великодушно подарен мне 2-гой Крым-Гирей. На автопортрете надпись на французском языке: “Канонисса Жакмар, поэтесса. 20 июня 1855 года. Симферополь”. Четкие карандашные линии рисунка выдают опытную художницу. Конечно, судя по данному портрету, очень трудно представить себе красоту м-ль Жакмар в молодости. Вместе с тем очевидно, что она обладала особым неотразимым шармом. Этот взгляд на портрете подчеркнут очаровательной лукавой улыбкой миниатюрного рта. На рисунке ей около 60 лет»⁴⁶.

Из рассказов Жакмар супруги Оммер де Гелль почерпнули сведения о графине де Гаше в Крыму. За ней велась слежка, которой вначале занимался некий полковник Иванов. Но однажды к ней приезжает француз, который называет себя бароном X (речь идет о бароне Боде). «Очень скоро он становится правой рукой графини... Будучи посвященным во все дела графини, он стал ее единственным наследником, может быть, не по закону, но по существу...». Далее говорится о том, что император, узнав о смерти графини, отправил специального курьера, чтобы привезти шкатулку покойной, точно указав ее форму, цвет и размер. Шкатулка вскоре была доставлена, но в ней не оказалось ничего интересного. «Барон X был обвинен в хищении документов особой важности и в незаконном присвоении наследства де Гаше... Позже признания барона открыли нам настоящее имя той женщины: графиня де Ламотт-Валуа!»

Дочь барона Боде Мария опубликовала свои воспоминания о дамском обществе, сложившемся в 1820–1830-х гг. в Крыму, в том числе о Жанне де Ламотт:

«Самая замечательная женщина из всей этой компании, по своему прошлому, была графиня де Гаше (Gachet), рожденная Валуа, в первом замужестве графиня де Ламотт (de la Motte), героиня известной истории “Ожерелья королевы”. Я была еще очень молодой девочкой, когда вся эта компания приезжала к моим родителям, но я живо помню их всех: и сухую, грозную княгиню Голицыну, и нежную блондинку баронессу Беркгейм, но более всех графиню де Гаше... Я как теперь вижу старушку среднего роста, довольно стройную, в сером суконном рединготе. Седые волосы ее были прикрыты черным бархатным беретом с перьями; лицо нельзя сказать кроткое, но умное и приятное, украшалось живыми блестящими глазами. Она говорила бойко и увлекательно-изящным французским языком. С родителями моими она была чрезвычайно любезна, со своими спутницами насмешлива и резка, а с несколькими бедными французами из своей свиты, которые раболепно прислуживали ей, повелительна и надменна без всякой деликатности. Многие перешептывались об ее странностях, намекали, что в судьбе ее есть что-то таинственное. Она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок; иногда даже любила возбуждать их, будто не нарочную обмолвку с людьми образованными, а легковверных и простых местных жителей нарочно сама запутывала таинственными намеками. О графе Калиостро, о разных личностях двора Людовика XVI говорила она как о людях своего знакомого кружка, и долго каждый разговор ее переходил из уст в уста и служил темой для догадок и толкований»⁴⁷.

Итак, кем же была графиня де Гаше, она же Жанна де Ламотт? С помощью сведений, собранных французскими и русскими исследователями, возникает следующая картина.

Жанна де Ламотт (22.04.1756 Бар-Сюр-Об – 23.08.1791 Лондон; 23.04.1826 Старый Крым) являлась потомком французского короля Генриха II по прямой линии от его внебрачной связи с гопсложой Сен-Реми. Ей было разрешено носить родовую фамилию,

и ее девичье имя было де Люз де Сен-Реми де Валуа. В 1780 г. она вышла замуж за жандармского офицера Ламотта, называвшего себя графом.

В конце 1781 г. супруги приехали в Париж, где Жанна пыталась получить место при дворе Марии Антуанетты. Вершиной ее честолюбивых замыслов была афера с ожерельем королевы – одна из самых запутанных детективных загадок прошлого, которая, вот уже более двух столетий, не дает покоя историкам и искателям драгоценностей.

Первоначально ожерелье было изготовлено в 1774 г. для фаворитки короля Людовика XV мадам Дюбарри, однако не было выкуплено, так как король скоропостижно скончался. Ювелиры предложили ожерелье молодой королеве Марии Антуанетте, однако королевская чета отказалась его покупать. Драгоценность стоимостью 1 600 000 ливров оказалось невозможно продать. Мошеннически завладеть бриллиантами удалось группе авантюристов во главе с Жанной де Ламотт и ее мужем, в которую входили «великий маг» Калиостро, также Рето де Виллет, искусно подделывавший почерк, и девица Олива, ростом и фигурой похожая на королеву. Им удалось убедить кардинала де Рогана, что он может получить покровительство королевы, если от ее имени станет посредником при покупке ожерелья с оплатой в несколько сроков. Получив «письма королевы» и после молчаливого ночного свидания с «королевой», роль которой играла девица Олива, в Версальском парке, Роган согласился. Передача ожерелья состоялась в его доме 29 января 1785 г. Роль «посыльного королевы» сыграл граф де Ламотт, который тут же отправился в Лондон. С тех пор ожерелья никто не видел.

Скандал разразился, когда пришел срок первого платежа. Королева понятия не имела о том, что она купила ожерелье, кардинал с изумлением понял, что его обманули, ювелиры остались без денег и бриллиантов. Поскольку в центре скандала оказалась королева, сам король потребовал провести следствие. Были аре-

стованы кардинал Роган, Жанна де Ламотт, Рето де Виллет, Олива а также «граф» и чародей Калиостро.

Согласно показаниям Жанны, инициатором и душой предприятия оказывался именно известный маг Калиостро, имевший неограниченное влияние на Рогана. Осуществив аферу чужими руками, Калиостро, по ее словам, забрал себе самые крупные бриллианты, а остальные отдал графу де Ламотт для реализации в Лондоне. Кардинал же оказался просто игрушкой в руках «подлого алхимика» и «фокусника». Саму себя Жанна представила послушной исполнительницей воли его преосвященства.

31 мая 1786 г. на заключительном судебном заседании были оправданы и кардинал Роган, и «граф» Калиостро. Виновной в краже бриллиантов была признана Жанна де Ламотт, ее приговорили к пожизненному тюремному заключению. Она была наказана плетью, а на плече ее каленым железом было выжжено клеймо.

Ее супруг был заочно приговорен к галерам, но в Лондоне он был недосыгаем для французского правосудия. Он умело распустил слух о каких-то имеющихся у него бумагах, компрометирующих королеву; их постарались (или только часть их?) выкупить. А вскоре Жанне был устроен побег из тюрьмы *Salpêtrière*, и ее переправили в Лондон.

Это громкое дело впоследствии не раз было названо Мирабо, Карлейлем, Гёте «прелюдией к французской революции»: в глазах парижан королева осталась виновной, а Жанна де Ламотт выглядела ее невинной жертвой.

В Лондоне Жанна напечатала книгу «Оправдательные мемуары графини Валуа де Ла Мотт, написанные ею самой, с оправдательными документами. Лондон, 1789» («Memoires Justificatifs de la Comtesse de Valois de la Motte, écrits par elle-meme (with) Pieces Justificatives»). London; 1789), в которой высказала все, что могло накопиться в душе оскорбленной и униженной женщины. Это издание – большая редкость, так как королевские агенты скупали все экземпляры, какие могли найти. Закончился лондонский

период ее биографии весьма странным эпизодом: Жанна выпала из окна отеля, и разбила голову. Выпала ли она случайно, выбросилась сама, или была выброшена – не установлено. В церковно-приходской книге старинной лондонской церкви на странице 2009 под 26 августа 1791 г. имеется запись о похоронах, копию которой получил в 1900 г. Л.А. Бертрэн – судакский исследователь биографии Жанны де Ламотт. Сам он был убежден, что на лондонском кладбище покоится неизвестная женщина, а Жанна де Ламотт под другим именем прожила еще многие годы.

В 1812 г. графиня де Гаше прибывает в Петербург, заявляя о себе как об одной из жертв французской революции. Она получает российское подданство⁴⁸ и проживает в Петербурге, стараясь не привлекать к себе внимания. Она подружилась с камеристкой императрицы Елизаветы Алексеевны миссис Бирч, урожденной *Casalet*, с которой была знакома еще до замужества. Случайно об этом знакомстве узнал император Александр I, которому было известно, кто скрывается под именем графини Гаше, но он не подозревал о ее пребывании в Петербурге.

Тем временем де Гаше сблизилась с кружком Крюденер и Голицыной. Свидетельство их близких отношений на почве мистицизма можно усмотреть из письма французского консула в Петербурге барон де Мальвирада к Шалляжу от 31 декабря 1827 г., где говорилось о том, что кн. А.С.Голицына писала ему из своего имени под Бахчисараем(?!), прося о высылке ей оставшегося после смерти де Гаше распятия из слоновой кости. Об этих отношениях писала и г-жа Оммер де Гель со слов канониссы Жакмар⁴⁹.

Юрий Никитич Бартенев, служивший с князем А.Н. Голицыным с 1830 по 1844 г. и оставивший «Записки», описывает некоторые сцены их совместных «экспериментов». *«Анна Сергеевна Голицына, Александра Петровна Хвостова, старуха Криднерша, дочь ее баронесса Беркгейм, графиня Гашет в одном доме. Князь (А.Н. Голицын. – Прим. авт.) нечаянно заезжает и видит всех больными.*

Алекс. Петр. (Хвостова. – Прим. авт.) охает, графиня Гашет катается кубарем по полу: всем им дано крепкое врачевство Леруа». Но Анну Сергеевну это не смущает, она чувствует в себе достаточно сил, чтобы всех их «смирить» и «обратить», в особенности графиню Гаше, одержимую «бесом». Предупрежденная князем и самим государем, что Гаше – шпионка, она отвечает, что не боится никакого шпионства. Слухи и догадки о том, что под этим именем скрывается графиня Ламотт-Фуке, похитившая ожерелье королевы, были уже тогда известны. Анна Сергеевна нашла возможность «смирить графиню», пишет Бартенева; мало того, сама «Криднерша» – «мокрая курица» в присутствии княгини.

Бартенева описывает дачу, которую княгиня купила, чтобы поселить подруг и где бывал князь Голицын, невзирая на «запрещение государя к ней ездить». Однако существовало *«тайное приказание Александра князю, чтоб ездить и навещать Криднершу, между тем как царь с важностию принимал донесения тайной полиции, что князь ездит к Криднерше»*⁵⁰.

Итак, среди подозрений относительно самозванной графини де Гаше было и подозрение в шпионстве, тем более что прибыла она из Англии. Гаше была сильно встревожена неосторожностью Бирч, которая случайно выдала ее императору, поскольку опасалась каких-то преследователей. Бирч рассказывала позже, что император беседовал наедине с Гаше около получаса и обещал ей сохранение инкогнито и безопасность. Император, уважавший с какой-то рыцарской верностью инкогнито чужестранки, заявил однажды, что *«любая попытка, имеющая целью проникнуть в тайну этой женщины, вызовет недовольство ЕВ»*.

Вместе с большой колонией приверженцев учения Б. Крюденер, под руководством А.С. Голицыной, де Гаше, не привлекая внимания, ранней весной 1824 г. покинула Петербург.

Прибыв в Крым осенью 1824 г., де Гаше отделилась от общины А.С. Голицыной и Б. Крюденер. Она осела в заштатном городке Старый Крым, где ее не могли бы найти таинственные преследова-

тели. В краеведческой литературе можно встретить утверждения, что она жила на Южном берегу: в Кореизе, Артеке, Магараче. Но на самом деле она постоянно жила в Старом Крыму, неподалеку от развалин караван-сарая. Она хотела купить сад по соседству, принадлежащий барону А.К. Боде, который заведовал тогда Судакским училищем виноградарства и виноделия и проживал постоянно в Судаке. Он подружился с ней, насколько это было возможно – часто беседовал о жизни при дворе Людовика XVI, Калиостро и других примечательных людях той эпохи, которых де Гаше, судя по рассказам, знала близко и в подробностях, которые могут быть известны только в очень тесном кругу. В письме к Аморетти от 4 февраля 1828 г. А.К. Боде писал:

«Гаше была большая авантюристка; очень умная и высокообразованная женщина, она выдавала себя не за то, чем была на самом деле. Какая-то непроницаемая пелена покрывает ее прошлую жизнь, очевидно, страшную».

Желая помочь ей устроить жизнь, иметь рядом интересного собеседника и воспитательницу для дочери, А.К. Боде осенью 1825 г. предложил де Гаше жить у него в Судаке, в домике, который он собирался ей построить на своем участке. Гаше охотно согласилась, оживленно обсуждала проект дома. Но перебраться в него она не успела. Вечером 22 апреля 1826 г. А.К. Боде получил известие, что Гаше больна и желает его видеть. Прибыв в Старый Крым, он уже не застал ее в живых. Она скончалась 23 апреля 1826 г. Имущество ее в соответствии с законом описывают, опечатывают и охраняют. На следующий день, после прибытия душеприказчиков: барона А.К. Боде, иностранца Килиуса и заведовавшего делами покойной Феодосийского первой гильдии купца Аморетти, тело Гаше было предано земле. В присутствии душеприказчиков были осмотрены, описаны находившиеся в сундуках важнейшие вещи и они вновь были опечатаны.

Акцент на описи и опечатании очень важен, как увидим впоследствии.

Опись имущества была представлена губернатору: перечислено большое количество мебели красного дерева, серебряных, вызолоченных, золотых и фарфоровых вещей, несколько дорогих часов, перстней, несколько шкатулок с физическими и хирургическими инструментами, большое количество изящных предметов, а также белья, платья и хозяйственных вещей. Очевидно, графиня Гаше не отказывала себе в удобствах; нашлось у нее и 155 книг на французском языке. Одна шкатулка была адресована покойной для отправки в Петербург госпоже М. Бирч, которая известна нам, как невольной раскрывшая инкогнито Гаше императору Александру I.

И вот тут начался переполох!

Высшие должностные лица империи: А.Х. Бенкендорф, И.И. Дибич, наконец, непосредственно император Николай I шлют в Симферополь курьеров, письма, интересуются наследством умершей графини.

Таврический гражданский губернатор Дмитрий Васильевич Нарышкин получил отношение начальника штаба Его Императорского Величества барона И.И. Дибича *от 4 августа 1826 г.:*

«В числе движимого имения, оставшегося после смерти графини Гаше, умершей в мае месяце сего года близ Феодосии, опечатана темно-синяя шкатулка с надписью: “Marie Cazalet”, на которую простирает право свое госпожа Бирч. По Высочайшему Государя Императора повелению, я прошу покорно вас, по прибытии к вам нарочного от С.-Петербургского военного генерал-губернатора и по вручении сего отношения, отдать ему сию шкатулку в таком виде, в каком она осталась по смерти графини Гаше».

Очень необычное письмо: начальник главного штаба срочно требует некую шкатулку, весьма подробно и точно описанную. Что же надеялись найти в шкатулке?

Согласно описи имущества имелось четыре шкатулки, без обозначения, однако, каких они цветов. После недолгих поисков шкатулки обнаружили у А.К. Боде. В мемуарах его дочери, М.А. Боде, описано, как, пытаясь проникнуть в тайну, окружающую Гаше, они перетрясли все ее книги, исследовали всю мебель в поисках тайников. Но напрасно. Мейер изъясил шкатулки: «одну темно-синюю, с надписью золотыми литерами: *Miss Maria Cazalet* (имя М. Бирч до замужества), другую – красную, при коей на ключике имелся на ленте билетик с надписью: *pour M. de Birch*». Но обе, доносил он губернатору, не были опечатаны, «и, так сказать, открыты, ибо ключи от них находились у того же барона Боде».

Что было в шкатулках сразу после смерти Гаше?

Кто имел к ним доступ до того, как их в первый раз опечатали?

Было ли содержимое шкатулок в момент первой описи и опечатания идентично первоначальному?

Мы знаем только, что был временной промежуток, когда из них можно было что-то взять. И безусловно, позже их самым внимательным образом исследовал А.К. Боде.

27 августа Таврический губернатор отослал обе шкатулки петербургскому военному генерал-губернатору, так как одна из них была затребована И.И. Дибичем, а другая прямо была адресована графиней Гаше для М. Бирч.

Когда в Петербурге открыли темно-синюю шкатулку, в ней не оказалось ничего особенного: «часы золотые с золотой цепочкой в зеленом сафьяновом футляре с ключиком, печатью, черным каменным крестиком, золотым сердечком и привеской в золотой оправе, пара серебряных пряжек со стразами в футляре, сафьяновая книжка с хирургическим инструментом серебряным, старое опахало, старая сафьяновая книжка, хрустальный флакон в сафьяновом футляре, старый алмаз для резания стекла, стальная машинка для чинки перьев, стальная ручка для выделывания (вкладывания) карандашей, бисерная цепочка, театральная подзорная трубочка, безменок черного дерева с белой костью и медным привеском и старая серебря-

ная табакерка весом в 54 золотника»⁵¹. Обычные для того времени дамские мелочи. Можно было предположить, что этим дело не кончится.

Следующий запрос из Петербурга был более деловым и конкретным. Управляющий Новороссийскими губерниями и Бессарабской областью граф Пален 4 января 1827 г. писал Таврическому губернатору:

«Г-н генерал-адъютант Бенкендорф препроводил ко мне письмо на имя барона Боде и записку, из коей видно подозрение, падающее на некоторых лиц, находившихся в дружественной связи с умершей близ Феодосии графиней де Гаше, в похищении и утайке бумаг ее, кои заслуживают особенное внимание правительства, и сообщил также мне Высочайшую Его Императорского Величества волю, дабы по вручении помянутого письма г. Боде были употреблены все средства к раскрытию сего обстоятельства и к отысканию помянутых бумаг. Сообщая о сем Вашему Превосходительству, я покорнейше прошу Вас, М.Г., употребить все зависящие от вас распоряжения к точному и непременно исполнению таковой Высочайшей Его Императорского Величества воли, – и о исполнении того меня уведомить в непродолжительном времени для донесения о том по принадлежности. Письмо Боде вы тотчас по получении вручите ему».

Итак, причина беспокойства высших лиц империи – отнюдь не бриллианты, а бумаги, которые были или могли быть у графини де Гаше!

Возникает вопрос – какие бумаги искали? Может быть, не все письма, компрометирующие Марию-Антуанетту были выкуплены у графа Ламотта?

Поиски бумаг из имущества покойной ни к чему не привели. Только служанка де Гаше сообщила, что ее хозяйка, почувствовав себя плохо, всю ночь жгла какие-то бумаги.

28 февраля губернатор доносил графу Палену, что по результатам следствия никакого похищения бумаг графини де Гаше не открылось. Но пакет с какими-то бумагами де Гаше отправился в Петербург: рапорт с показаниями допрошенных и *запечатанный пакет бумаг, оставшихся после Гаше и изъятых у барона Бодэ*, были отосланы губернатором графу Палену.

Заботы правительства об отыскании бумаг графини Гаше, естественно, наводят на мысль, что это была не простая эмигрантка, а более важная особа, и – вполне вероятно – Жанна де Ламотт. Было ли так на самом деле, мы, видимо, не узнаем никогда. Но легенда о том, что Жанна де Ламотт провела последние полтора года жизни в Старом Крыму под именем графини де Гаше, прочно утвердилась в сознании крымчан.

Примечания

- ¹ Архив Раевских. Издание П.М. Раевского. Ред. и прим. Б.Л. Модзалевского. – Т. 2. – СПб., 1909. – С. 340.
- ² Jacob P.L. bibliophile. Madame de Krudener. Ses lettres et ses ouvrages inedites. – P., 1880. – P. 263–273.
- ³ Дюбуа де Монпере Фр. Путешествие в Крым / Пер. с франц. Т.М. Фадеевой. – Симферополь, 2009. – С. 100. Прим.: Читайте в Die Reise durch Taugien Муравьева-Апостола, с. 164, его критические замечания о культуре виноделия и винах в Крыму. Сравните их с критикой маркиза де Кастельно в его Histoire de la Nouvelle-Russie, III. P. 290.
- ⁴ Гартвис Николай Андреевич фон (1791–1860) – ботаник, садовод, директор Никитского ботанического сада с 1827 г.
- ⁵ РГАДА. Ф. 1261, О. 3, е/х 1335. Л. 25–26.
- ⁶ Дюбуа де Монпере. Указ. соч. – С. 102.
- ⁷ РГАДА. Ф. 1261, О.3, е/х 1286. Письма барона Беркгейма М.С. Воронцову. Л. 1–2.
- ⁸ Там же. Л. 3–4, 30 апреля 1828 (4 декабря 1828)?
- ⁹ В Венгрии Центр виноградарского и винодельческого района, известного высококачественным вином (токай).
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1286. – Л. 5, 30 декабря 1832.
- ¹¹ Дюбуа де Монпере Фр. Указ. соч. С. 171, прим.
- ¹² Там же. С. 171, 181.
- ¹³ Там же. С. 104.
- ¹⁴ Воспоминания Каролины Эшлиман // Русский Архив. 1913. – С. 339.
- ¹⁵ Из воспоминаний баронессы М.А. Боде // Русский Архив, 1882. Кн. 2. № 3. – С. 123–129.
- ¹⁶ Jacob P.L. bibliophile (Lacroix P). Madame de Krudener. Ses lettres et ses ouvrages inedites. – P., 1880. – P. 207.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. – Л. 71.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. – Л. 65–66.
- ¹⁹ Архив Раевских. Указ. соч. Т. 2. – С. 260.
- ²⁰ Русский Архив, 1905. Кн. III. – С. 444.
- ²¹ Там же. С. 445.
- ²² Там же. С. 448.
- ²³ Русский Архив, 1870. – С. 906–907.
- ²⁴ Архив Раевских. Указ. соч. Т. 2. – С. 302.
- ²⁵ Эшлиман Каролина. Воспоминания // Русский Архив. 1913. Кн. 1. – С. 332–333.
- ²⁶ Там же. С. 334.
- ²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 60, О. 2, д. 2090. Л. 20.
- ²⁸ Партикулярные письма Казначеева... 2010. – С. 403.
- ²⁹ Там же. С. 416.

- 30 Там же. С. 422.
- 31 РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. – Л. 38.
- 32 Эшлиман Каролина. Указ. соч. – С. 332–333.
- 33 В годы Второй мировой войны храм был разрушен, сохранилась только высокая колокольня. В 1998 г. церковь была восстановлена.
- 34 Эшлиман Каролина. Указ соч. – С. 336.
- 35 Nommaire de Hell A. Les steppes de la mer Caspienne. – P., 1843. – P. 342.
- 36 Наблюдение путешественника в 1827 году о выгодах виноградного садоводства в Крыму // Отечественные записки. – 1828. – Т. 96. – Апрель. – С. 138–150.
- 37 Казначеев А.И. Партикулярные письма М.С. Воронцову // Российский Архив. – М., 2010. – С. 362.
- 38 Казначеев А.И. Указ. соч. – С. 376.
- 39 Там же. С. 382.
- 40 Там же. С. 385.
- 41 Там же. С. 422.
- 42 Маркевич А.К. К биографии академика П.И. Кеппена // ИТУАК. – Симферополь, 1914. – Т. 51. – С. 238–239.
- 43 Путешествие маршала Мармона. – М., 1840. – Т. 1. – С. 228–229.
- 44 Не эту ли историю приписывали кн. Голицыной, как водится, перепутав имена («он шубу украл или у него шубу украли?»). Княгиня была вегетарианкой и в качестве оружия имела нагайку или плетку, чтобы погонять лошадь.
- 45 Nommaire de Hell A. Les steppes de la mer Caspienne. – P., 1843. – P. 345.
- 46 Луи де Судак. Героиня процесса «Ожерелье королевы». Ее пребывание в России. Ее смерть в Крыму // Судак Л. де, Мели Ф. де, Рамбо А. Французские путешественники в Крыму. 19 век. – Симферополь: Н.Орианда. – С. 29.
- 47 Из воспоминаний баронессы М.А. Бодэ // Русский Архив. 1882. Кн. 2. – С. 125
- 48 Там же. – С. 128.
- 49 Луи де Судак. Указ. соч. С. 79.
- 50 Из записок Ю.Н. Бартенева // Русский Архив. Кн. III. – С. 152–153.
- 51 Луи де Судак. Указ. соч. С. 69.

Глава III

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЧТЫ КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ В КРЫМ

Князь А.Н. Голицын – друг двух императоров.

Духовные убеждения князя А.Н. Голицына в переписке с баронессой Крюденер. «Рай на земле – это союз души во Христе...». Решение кн. Голицына о переселении в Крым. Заочное руководство возведением «замка» в письмах князя к кн. Голицыной. Осмотр замка «Александрия» императором Николаем I в отсутствие хозяина. Наконец, в Гаспре! – последние два года жизни кн. А.Н. Голицына

Князь А.Н. Голицын – друг двух императоров

*К*нязь Александр Николаевич Голицын (1773–1844) – видный государственный деятель, активный участник русской общественной и политической жизни. При Екатерине II он был зачислен в пажы, и, находясь с детских лет при дворе, подружился с внуками императрицы – великими князьями Александром и Константином. Он был постоянным участником их детских игр, а позже приобрел славу галантного остроумного кавалера. Молодой Голицын был типичным вольнодумцем рубежа XVIII–XIX вв., веселым и жизнерадостным: вопросы религии мало его увлекали. Поэтому назначение в 1803 г. на пост обер-прокурора Синода стало для Александра Николаевича неожиданностью. Однако с годами, в особенности под воздействием войны 1812 г., в Голицыне, как и в императоре, произошла серьезная перемена – он стал все больше погружаться в мистико-религиозные учения, а благочестие стало для него главным признаком истинного просвещения.

Александр I доверял своему другу детства ряд важных постов. В 1802 г. Голицын был назначен обер-прокурором Сената, а в 1803 г. возглавил Святейший синод и получил должность статс-секретаря.

В 1808 г. Александр Николаевич был в числе государственных деятелей, сопровождавших Александра I в Эрфурт на встречу

с Наполеоном. В 1810 г. к его обязанностям прибавилась еще одна – он стал главноуправляющим иностранными исповеданиями, сохранив прежние должности в Сенате и Синоде. В том же году он вошел в состав Государственного совета.

В 1813 г. в России было создано Библейское общество, целью которого было создание переводов Библии и отдельных книг Ветхого и Нового Заветов на русский язык и другие языки народов Российской империи для дальнейшего распространения их на территории государства.

Библейское общество считалось христианской внеконфессиональной организацией. Оно установило тесные связи с Лондонским Библейским обществом, со многими деятелями которого Голицын был знаком лично. В 1816 г. Голицын был назначен министром народного просвещения. Годом позже это ведомство было объединено с министерством духовных дел. Новое учреждение опять-таки возглавил Александр Николаевич, правда, при этом император освободил его от должности обер-прокурора. К этому времени А.Н. Голицын стал уже другим человеком – чуждым прежнего вольнодумства, интересующимся религиозными вопросами во всей их глубине, понимающим необходимость религиозного просвещения народа, прежде всего путем доставления ему возможности самому читать Святое Писание, искренне черпающим в религии духовные силы и утешение.

«Веселый характер» и «светский ум» князя принесли ему особое расположение императора. Но и подчиненные отзывались о нем самым выгодным образом. Один из них – Н.Н. фон Геце в «Записках» писал:

«Князь Голицын был любезнейшим и добрейшим начальником, какого можно пожелать себе... Даровитый по природе и приобретший опытность в делах, он держался верных государственных понятий, коль скоро не вводили его в заблуждение. Он умел говорить прекрасно. Серый фрак был постоянным его одеянием, и он носил его

до глубокой старости. Никогда я не слышал от него обидного слова, не видел на лице его, что он был недоволен мной»¹.

Он был одним из немногих, кому была доверена тайна отречения Константина Павловича. Возглавлял Человеколюбивое общество, принимал участие в организации Попечительного о тюрьмах общества и других филантропических начинаниях.

Русское библейское общество под президентством князя перевело на русский язык Библию и распространило более 400 тысяч ее экземпляров. Хотя с нахождением Голицына у руля министерства принято ассоциировать торжество реакции, именно при нем были учреждены Санкт-Петербургский университет и Ришельевский лицей, произошла реформа духовных школ.

Зарубежные контакты Библейского общества, увлечения Голицына и его окружения мистицизмом вызывали неприятие деятелей православной церкви. В конце концов император вынужден был отправить Голицына в отставку, оставив за ним лишь должность главноначальствующего над почтовым департаментом. Хотя князь и потерял свое влияние при дворе, он сохранил личную привязанность Александра I. Император даже посвятил его в проблему престолонаследия, которая держалась в тайне. Однако нравственный авторитет князя среди тех, кому довелось ближе узнать его, уже не мог пострадать. Служивший под его начальством Юрий Никитич Бартнев, его духовный единомышленник, оставил о нем записки, опубликованные в Русском Архиве, с целью, по его словам, *«сохранить верную хартию о человеке, которым интересовались некогда тысячи из его современников и который должен бы был пересчитать число ему известных числом благодетельствованных крепким во благо его духом и любящим ближнего сердцем. Доселе я знал аристократию рода, умел подмечать иногда аристократию ума и таланта; но вижу, что есть еще третья аристократия – сердца»².*

При Николае I Голицын вернулся на государственную службу и в 1839–1841 гг. исполнял обязанности председателя общих со-

браний, а также являлся президентом Человеколюбивого общества и участвовал в делах Попечительного о тюрьмах общества.

В 1842 г. Голицын уехал в Крым, где и умер в 1844 г. В эти последние годы жизни к нему приезжало много гостей. Письма его к друзьям, оказавшимся в Крыму, опубликованы в «Русском архиве»³. По этим письмам Александру I, баронессе Крюденер, кн. А.С. Голицыной, баронессе Беркгейм мы сможем судить о его духовных убеждениях, планах переселения в Крым и постройки дома в Гаспре, с тем, чтобы воссоединиться с «союзом душ во Христе».

В предисловии к публикации писем в Русском Архиве П.И. Бартнев отмечает, что о кн. Голицыне, «на глазах и при участии которого произошли самые крупные события за целые полвека русской политической и общественной жизни», написано много у нас и за рубежом, но полной его биографии до сих пор не имеется. *«Причиной тому, – считает он, – его скромность; обеспеченный в служебном положении, довольный близостью к Государю и, будучи холостяком, не искал он отличий и чужд был стязательности»* (РА., 360). Прибавим к этому, что мистическо-религиозные искания Александровой эпохи сменились революционно-демократическими и атеистическими настроениями, что способствовало критическому и поверхностному отношению к умонастроениям начала XX в. Поэтому, вслед за событиями внешней биографии, постараемся заглянуть во внутреннюю жизнь кн. Голицына, рассказанную его собственными словами в письмах его друзьям-единомышленникам.

*Духовные убеждения князя А.Н. Голицына
в переписке с баронессой Крюденер*

В письмах Александру I князь вспоминает величайшее, на его взгляд, событие царствования этого монарха: «В день Воздвижения Честного и Животворящего Креста, 14 сентября 1814 года, Ваше Императорское Величество заключили со своими союзниками Священный Союз, доселе в обыкновенном ходу политическом небывалый» (РА, 1905, с. 364). Священный союз⁴ означал для князя «согласие христианских государей разных вероисповеданий признавать царствие Господа на земле и торжественный обет исполнять волю его в отношении между собою, равно как и в правлении отраслями единого христианского народа». Голицын предлагает каждый год 14 сентября в память о подписании сего акта читать его вместе с манифестом в городских и сельских церквях. И это предложение было принято. Позднее в Историческом обществе им был сделан, а затем опубликован доклад на эту тему.

«Молю небо, чтоб сердце Ваше тесно соединилось с Богом в Господе нашем Иисусе Христе. Чего только Вы тогда не будете в силах свершить, чего только не свершит через Вас Господь»;

«Что сказать про великого Государя, обладающего возможностью руководить мировыми событиями и предоставившего сердце свое Иисусу Христу, дабы Он основал в нем Свой престол и царил бы именован земного владыки над народами» (РА, с. 363).

«Религия сердца», не придававшая значение внешней обрядности, как бы упраздняла вековой раскол церквей. Это не могло не встревожить консервативные круги, как светские, так и церковные. Император, сознавая свою ответственность за державу, вынужден был отдалить от себя прежних духовных единомышленников. В начале 1820-х гг. для ревнителей «внутренней церкви» наступили другие времена. За активную проповедническую деятельность баронесса Крюденер, близкий друг Александра I, апогей влияния которой пришелся на время замысла и осуществления проекта Священного союза, была выслана в свое имение Коссе близ Митавы, а кн. А.С. Голицына «в знак протеста» уехала в свою дачу под Петергофом⁵, где обе они, окруженные толпой последователей, по-прежнему сохраняли верность своим взглядам и образу жизни. Кн. Голицын продолжал переписываться с обеими опальными дамами. В известной мере он по-прежнему оставался связующим звеном между ними и Александром Павловичем, порой отвечая на вопросы царя, продолжавшего интересоваться этими близкими ему по духу особами.

В переписке с Крюденер Голицын особенно склонен к рассуждениям о «религии сердца», искреннего и живого переживания религиозного чувства. Внешне князь строго исполнял обряды православной церкви. Он постился, исповедовался, причащался, читал утреннее и вечернее правило. Его письма архимандриту Фотию были полны цитатами из молитв. Обрядам православной церкви князь не отказывал в чудесной силе. В письме Фотию от 10 декабря 1822 г. он сообщал, что после причастия часто проливает «умильные слезы радости», а иногда, когда он приходит к причастию больной, приобщившись, выздоравливает. А.Н. Голицын

считал, что хотя различие церквей и не имеет решающего значения, но человек должен строго следовать учению одной из них. В то же время он считал обрядовую сторону религии второстепенной, ставя на первое место веру во Христа. В письме Крюденер князь развивал свою мысль:

«Без сомнения, жертвоприношение Святой литургии производит благодатное действие преимущественно на внутреннего человека, а внешнее без внутреннего мне непостижимо. Я не понимаю людей, собирающихся исключительно для внешней обрядности, ибо в церкви нет ни единого обряда, который бы не заключал в себе внутреннего, таинственного смысла, а между тем постоянно кричат против мистицизма в служении Богу-Духу» (РА, 1905, с. 393).

Князь и баронесса обменивались реликвиями. В письме от 20 апреля 1820 г. он благодарит за икону Спасителя, полученную из Лозанны. По примечанию П.Бартенева, публикатора писем, возможно, именно эта икона, изображавшая Христа в терновом венце, была перевезена им в Крым, в Гаспру, и находилась в алтаре за престолом в домово́й церкви. В письмах, передаваемых через кн. Голицыну, князь умоляет баронессу приехать в город повидаться:

«Сегодня, в день Рождества Христова, нового стиля, посылаю вам, сударыня, платье и башмаки, с пожеланием, чтобы вы все это получили на Рождество старого стиля. Примите вместе с этим крест, вырезанный на Афонской горе, долго пребывавший в моей молельне, где он от ладана с одной стороны потемнел. На кресте этом изображены замечательнейшие эпохи земной жизни нашего Господа Иисуса Христа и Его святой Матери. Посылаю вам также четки с изображением всех святых и Святой Девы» (РА, 1905, с. 388).

С ней он мог делиться самыми сокровенными религиозными переживаниями:

«Как я страдаю от вашего молчания... Вернувшись из путешествия, Государь спрашивал, имею ли я известия из Коссе? – Ваше маленькое стадо преуспевает и все вам душевно кланяются. – Как жалею я о прекращении чудных минут, проведенных в разговорах о духовных предметах и в молитве с вами!»

В письме баронессе относительно ее намерения построить в своем имении Коссе «греческую (то есть православную) церковь» князь Голицын раскрывает свое понимание «внутренней церкви», в которой нет преград между исповеданиями, но, вместе с тем, о необходимости соблюдать последние в мирской жизни:

«...вы, без сомнения, принадлежите к той внутренней церкви, глава которой – Господь; но пока мы живем на земле и облечены во внешнюю оболочку, мы должны принадлежать наружно к одной из христианских церквей до тех пор, пока у нас не будет пастыря и мы не составим одно стадо. Будем уважать внешность, укрепляясь внутренне Святым Духом, для вящей славы Троицкостасного Бога, в Господе нашем Иисусе Христе...» (РА, 1905, с. 398).

«Рай на земле – это союз душ во Христе...»

Из писем А.Н. Голицына императору Александру, княгине А.С. Голицыной и баронессе Беркгейм узнаем о надеждах князя перенести на окраину империи то общение узкого круга лиц, объединенных мистическими склонностями, которое некогда сложилось под покровительством самого государя. Александр I вряд ли изменился внутренне, но, как монарх вынужден был, скрепя сердце, отправить прежних друзей подальше.

Вскоре после переселения «пизэтической» колонии в Крым А.Н. Голицын и сам надеялся после кончины Александра I переселиться в Крым к сообществу близких по духу людей. В ответ на письма от кн. Анны Сергеевны и четы Беркгейм он пишет 12 ноября 1825 г.:

«Я ощущаю большую душевную потребность быть с вами, но до сих пор для этого не представляется ни малейшей возможности. Княгиня уверяет, что не пройдет и трех лет, как я буду на южном берегу Крыма... Соблазняет меня не один только ваш климат; постоянно обитая на Севере и даже никогда не путешествуя по южным странам, я признаюсь, не ощущаю непрременной потребности менять климат, тем более, что, благодаря Бога, пользуюсь и здесь довольно хорошим здоровьем; но прекрасные души притягивали бы

меня в страны даже севернее Петербурга. Рай на земле – это союз души во Христе, и здоровье должно быть побочною целью... Я желаю, прежде всего, иметь существенное, без чего ясное небо делается развлечением, чересчур сильно привязывающим вас к внешнему, отдаляя от сосредоточения во внутренней жизни». Земля эта была для него освящена и погребением баронессы Крюденер: князь настоятельно просит сообщить ему об окончательном месте ее погребения: «оставили ли вы ее в церковном склепе (в Карасубазаре) или перенесли в ваше имение, и когда именно?» (РА, 1905, с. 398).

Решение кн. Голицына о переселении в Крым

В письме от 28 мая 1828 г. князь подтверждает свое намерение переселиться в Крым, когда сможет покинуть службу, и высказывает желание тем временем «приготовить себе гнездо на старость». Княгиня энергично берется за дело и приобретает землю для будущего дворца, о чем сообщает в письме к Воронцову. Князь отвечает: *«Благодарю вас за купчую; я нахожу, что это не дорого, и я вас уполномочиваю, если татары уступят, купить все пространство, доходящее до моря, потому что было бы неприятно иметь чужую землю между моими владениями и морем... Боюсь вам надоесть этими материальными подробностями среди вашего восхищения и наслаждения прекрасной природой; но вы должны принести эту жертву дружбе. Без вас мне ничего нельзя было бы отсюда сделать, и, во всяком случае, пока все не будет готово, мне было бы очень трудно у вас поселиться»* (РА, 1905, с. 405).

Ю.Н. Бартенев добавляет уточнения: *«княгиня Анна Сергеевна нашла землю около себя, на первый раз десятин около одиннадцати, но оказалось менее, потом от татар еще куплено десятин до двух; заплачено по 1000 рублей десятинна. Чтобы развести в именище сад, князь послал из Петербурга садовника Крамера, назначив ему значительное содержание. Теперь у него садовником француз Савари... На постройку Кастеля (замка – так называли строившийся*

дворец. – Прим. авт.) и улучшение земли князь употребил более 100 000 рублей, продал свою Андреевскую бриллиантовую звезду, продавал некоторые подаренные ему табакерки с бриллиантами, другие табакерки перделывал, вынимая из оных значительные бриллианты для продажи»⁶.

Первый проект дома был заказан столичному архитектору Огюсту Монферрану, но оказался слишком дорогим. Анна Сергеевна в письме М.С. Воронцову от 18 июля 1829 г. трезво оценила возможности возведения «роскошного» особняка в тогдашних крымских условиях:

«Голицын прислал мне планы своего строения, он хочет, чтобы я начала сразу же. Этот рисунок Монферрана⁷ представляет собой усадебный дом на четыре фасада, украшенных со всей роскошью архитектуры. Для исполнения его в С-Петербурге понадобилось бы 150 тыс. руб. А здесь, по нашим расчетам, и 300 тыс. руб. будет мало»⁸.

Князь вынужден отложить стройку, о чем сообщает в письме барону Беркгейму от 23 августа 1829 г.:

«...мой план дома не удался; у меня требуют слишком большую сумму для его исполнения, и я решился ждать плана, заказанного княгиней Воронцовскому архитектору, сообразного с местностью и в котором мне можно будет сделать некоторые изменения по моему вкусу и образу жизни» (РА, 1905, с. 434).

«Воронцовских архитекторов» в это время было два – Филипп Эльсон, трудившийся в Крыму с 1824 по 1834 г., и Вильям Гунт, прибывший в Алупкинское поместье графа Воронцова непосредственно для руководства строительными работами по возведению дворца на основании готового проекта Эдуарда Блора. В 1830–1840-х гг. В. Гунт возглавлял строительство самых значительных

дворцовых построек данного района, и отдельные сооружения возводил по собственным чертежам. Однако в Алупкинском дворце-музее хранится лист с эскизным проектом дворца. Его традиционно приписывают Филиппу Эльсону, несмотря на отсутствие даты и подписи, основываясь на идентичности архитектурной графики данного листа с другими листами, хранящимися в Алупке, с подписью Ф. Эльсона⁹. Вероятнее всего, именно он был автором проекта дворца, а главная роль в строительстве принадлежала Гунту. Во всяком случае, именно последний, несколько позже, построил домовую церковь, примыкающую к замку.

Руководя устройством своей усадьбы «по переписке», давая подробные указания, князь уже тогда не питал иллюзий о скорой отставке: относительно которой, *«по правде сказать, я предвижу много затруднений»*. Помимо дел, во всю использовали его качества «няни» и воспитателя:

«Теперь расскажу вам, чем я занимаюсь. Вам известно, что мне поручены царские дети на время отсутствия ИВ, а также дети вел. Княгини Елены Павловны... Дети эти меня чрезвычайно занимали, и мы очень подружились... Вы меня насмешили вашим желанием для меня опаль» (РА, 1905, с. 405).

Тем временем жизнь шла своим чередом, княгине было дано высочайшее разрешение вернуться в Петербург, которым она не воспользовалась, но позднее все же намеревалась покинуть Крым. Об этом становится известно из письма князя к А.С. Голицыной от 12 ноября 1835 г., однако он тверд в своем желании присоединиться к общине единомышленников именно вдали от столицы, и потому уговаривает Анну Сергеевну не уезжать из Крыма, а поджидать его приезда.

«Ваше вторичное намерение покинуть Крым меня удивило. Можно ли покидать место, в котором вы устроились и где живе-

*те много лет, из-за каких-нибудь неприятностей и несправедливостей? Это на вас непохоже, это искушение врага, завидующего нашему благосостоянию, и я счастлив, что мысль о моем приезде вас удержала... Нет, дорогая княгиня, оставайтесь и ждите меня, когда Господу будет угодно освободить меня от моей службы, чтоб нам прожить вместе остаток наших дней на этом свете и умереть в Крыму. Смутные слухи некогда достигли и до меня, но я не хотел им верить. К тому же, **вы столько сделали добра в этой стране**, что одно это должно было бы вас в ней удерживать, презирая маленькие местные неприятности, от которых вы и в Киеве не можете быть обеспечены».*

Далее он сообщает о том, что прочел государю ее письмо «о снабжении провиантом Крыма», которое «доставило удовольствие не только мне, но и государю». В письме содержался любопытный пассаж, характеризующий Анну Сергеевну и ее обожание монарха. Он прочел его Николаю Павловичу и пересказывает его реакцию:

«Государь заметил, что вы преувеличиваете его достоинства и ваше мне поручение срезать украдкой пуговицу с его сюртука вместе с кусочком сукна, рассмешило его. Вы забываете, – продолжает князь, – что шалуну-мальчишке, которому вы даете это поручение, 62 года и что ему ни за что не удалось бы благополучно совершить эту шалость, в особенности теперь, когда государь предупрежден» (РА, 1905, с. 423).

В письмах 1933 г. князь выражает нетерпение, ожидая ответа на вопрос, когда будет готово его «жилище», выражая при этом готовность жить «в службах». Туда отправляются часы для башни замка, готовится медная доска с названием поместья «Александрия», в честь покойного императора, герб над воротами.

Порой, когда возникает необходимость выслать новые суммы денег, князь теряет терпение. Так было в 1834 году: «Вам опять

нужно 10 тысяч!» – восклицает он и просит отсрочки. Становится ясно, что, несмотря на верную службу двум императорам, князь не скопил богатства, но зато получил немало наград.

«За исключением бриллиантов, украшающих портрет Государя, который я должен носить, – жалуется он Анне Сергеевне, – у меня ничего не осталось, что можно было бы обратить в деньги: орден св. Андрея Первозванного и табакерки проданы для замка и мое финансовое положение не из блестящих» (РА, 1905, с. 417–418).

*Заочное руководство возведением «замка»
в письмах князя к кн. Голицыной*

*М*ем временем Гаспринский замок, воздвигаемый талантами Эльсона и заботами кн. Голицыной, превратился в достопримечательность Южного берега. Его посещали путешественники, рисовали художники. Заботами М.С. Воронцова кн. Голицыну отправлены два вида Гаспры. *«Виды эти прелестны, – пишет будущий владделец Александрии, – и все, кому я их показывал, пришли от них в восторг, и уверяли, что это снято в Италии»* (РА, 1905, с. 410). Другой раз он упоминает привезенные ему рисунки кн. Мещерского (племянника кн. Голицыной): *«они прелестны и прекрасно сделаны. Я уверен, что в действительности природа прелестнее ее изображения, но это мне дает о ней понятие, которое дополняется моим воображением»* (РА, 1905 с. 414). *«Присланные вами чрез князя Мещерского три вида моего замка будут вставлены в рамки и с них будут сделаны литографии»* (РА, 1905, с. 415).

Гаспринский дворец¹⁰ в XIX в. именовался замком. Такому впечатлению способствовал северный фасад каменного двухэтажного здания в псевдогоthicеском стиле, с двумя массивными восьмигранными башнями, внутри которых находились чугунные винтовые лестницы. Туда вели два входа, расположенные в нишах рядом с башнями; центральный вход отсутствовал. Центральная

часть здания облицована тесаным камнем, эффектно подчеркивающим резные каменные детали входных «готических» порталов, центрального балкона и зубчатого завершения парапета. Башни покрыты штукатуркой. Фасад и башни были прорезаны рядами стрельчатых оконных и дверных проемов. Башни завершались выступающим зубчатым карнизом на аркатурном пояске, под которым шел ряд круглых окошек-иллюминаторов с цветными стеклами. Контрастом «замковому» виду северного фасада являлся южный фасад, украшенный открытыми верандами и выходящий в парк. На первом этаже гостей встречал холл с лепным готическим сводом; далее гостиная с камином в готическом духе, затем – зимний сад, обращенный к морю. На втором этаже, в западной части здания находилась спальня князя, в восточной – его библиотека и кабинет, откуда через навесной мостик можно было пройти на хоры домово́й церкви.

Здание представляет собой в плане прямоугольный симметричный объем, однако, несмотря на его простоту, сооружение с различных точек зрения предстает многогранным, многоплановым благодаря контрасту его фасадов. С севера – это строгая готика со стрельчатыми окнами, акцентированная двумя угловыми башнями, а с юга – это терраса-лоджия, выходящая в сад. Из зимнего сада выходили на открытую террасу-перголу, увитую глицинией. Далее две лестницы в виде каре обрамляли небольшой открытый внутренний дворик, в его задней стене был устроен пристенный фонтан в виде мраморной львиной головы, из которой вода лилась в мраморный бассейн. Вдоль боковых стен дворика стояли беломраморные скамьи, на трехступенчатых парапетах лестниц – мраморные вазоны.

Общую картину строительства дворца на раннем этапе помогают представить строки из переписки владельца с княгиней Голицыной. В феврале 1833 г. князь пишет: *«Кроме вещей, посланных мною через г-на Мальцева (владельца Симеиза. – Т.Ф.), туда отправят часы для башни моего замка»*. Далее, здесь же, упоминается

об установке бронзовой или медной доски с названием «Александрия» (РА, 1905, с. 408). О роли в строительстве генерал-губернатора М.С. Воронцова свидетельствует следующий фрагмент: «Я благодарил гр. Воронцова за колонны, он ответил: “...Был бы счастлив еще более способствовать украшению прекрасного здания, которым Южный берег Вам обязан” ...Вы могли бы употребить красноречие, чтобы выпросить у него также ступени для лестницы, которые требуете от меня из чугуна...» (РА, 1905, с. 420). В итоге одна лестница действительно была исполнена из мрамора, вторая – из чугуна.

Главным помещением первого этажа был дубовый «готический» зал, занимающий южную часть центрального ядра здания. Два окна и центральная дверь зала выходят в зимний сад с кафельным полом, где раньше находились два небольших беломраморных фонтана (ныне не существуют) и кадки с роскошными экзотическими растениями. В настоящее время в зале сохранились резные дубовые потолки, панели, изящные гнутые переплеты окон, бронзовая фурнитура художественной работы, резные двустворчатые двери, мраморные каминные на боковых стенах. За ним гостиная с камином, далее – зимний сад.

Сохранились также чугунная лестница в башне и кованный фонарь над ней, частично – лестничные ограждения. На втором этаже, в плане соответствующем первому этажу, центральное место занимал кабинет князя, имевший выход на южную террасу. В нем сохранился камин в стене, противоположной окнам, оконные и дверные переплеты, паркет. Бывшие жилые комнаты по сторонам от главного зала также имеют выходы на террасу.

Сведения об интерьере содержат письма князя Голицына. В частности, 7 июля 1833 г. он пишет кн. А.С. Голицыной о том, что мебель заказана краснодеревщику в Одессе, «в готическом стиле»; «обивка, которую я посылаю Марини, состоит из вышитых по канве моего герба по небесному голубому фону. Обивка для верхнего кабинета из малинового дама, и я ее вышлю Марини» (РА, 1905, с. 413);

драпировки для гостиной и кабинета высланы, но не следует их вешать раньше времени, чтобы не выгорели от солнца и т.п.

Еще одно дополнение к картине интерьера датировано в переписке 19 апреля 1835 г.: *«Не премину поблагодарить гр. Воронцова за его подарок для моей входной двери: свод, увенчанный гербом, уже вам послан через Москву»* (РА, 1905, с. 421). В настоящее время эта деталь не сохранилась. Здание вчерне было окончено к концу 1833 г. и в 1834 г. уже упоминается Монтандоном.

Церковь имения Александрия-Гаспра была построена Вильямом Гунтом несколько позже дворца, она расположена с восточной стороны и соединена с дворцом верхним навесным мостом, установленным на кронштейнах. Здание церкви выполнено в псевдоготическом стиле, в ее куполе и пинаклях (ныне не существуют) прослеживалась аналогия с формами Воронцовского дворца, которым в то время занимался Гунт. С южной стороны первого яруса устроена большая огражденная терраса с выходящим на нее широким остекленным порталом.

Одновременно с возведением дворца происходила закладка парка. Этим занимался присланный владельцем профессиональный садовод Карл Крамер, но решение самых сложных вопросов по-прежнему поручается княгине. Вот что она пишет Воронцову:

«Князь Голицын посылает мне письмо за письмом по поводу его сада. Покойная императрица-мать, которая поручила ему исполнить ее завещание, взяла с него обещание, что он устроит перед домом на Побережье сад, по плану и во всем остальном подобный ее маленькому Собственному саду в Павловске. Это роскошный партер, заключенный между двух регулярных аллей. Он до крайности предан этой идее и умоляет нас, чтобы мы это исполнили. Но, Великий Боже! Как сделать две регулярные аллеи на склонах!»¹¹.

Парк, заложенный при строительстве дворца, еще сохраняет замысел его создателей, несмотря на утраты и искажения. Основ-

ная идея состояла в создании на природных склонах холмов побережья пейзажного романтического парка, в котором центральное место на отдельной возвышенности занимал замок-дворец в окружении небольшого регулярного партера. Южный склон перед дворцом оформлен в качестве многомаршевой сходящейся и расходящейся лестницы, ведущей в нижний пейзажный парк. Такая постройка сооружений, с широким обзором окрестностей, была свойственна еще средневековым феодальным замкам. Позже такой же принцип был использован в виллах Италии XVI–XVIII вв. И.А. Бартенев и В.Н. Батажкова, описывая схему создания «вилл итальянской знати», в частности, пишут:

«...Главное здание, обычно призматической формы, ставилось на склоне холма, поверхность которого использовалась для создания системы подъемов и разбивки парка. Основные архитектурные средства паркового комплекса – лестницы, террасы, каскады, гроты сосредоточены на главной оси. Все остальные площадки, спуски, дорожки, группировка зелени подчинены тому, что находится в центре парка»¹². Все это в значительной степени воплотилось в устройстве Гаспринского парка. Княгиня в молодости путешествовала по Италии и Швейцарии и хорошо была знакома с итальянскими виллами. Немало своего вкуса, знаний и энергии она постаралась вложить в устройство парка. Не обошлось и без соперничества с соседним алушкинским парком, распоряжаться которым было предоставлено графине Воронцовой. И вот дамы поспорили! В письме Воронцову от 10 февраля 1834 г. имеется следующая приписка для графини: «Я не говорила, что спорю с Богом, но только с вами, любезная графиня. Другими словами, я не претендую на то, чтобы сделать Гаспру прекраснее Алушки. Я говорила и повторю, Алушка уникальна во всей Европе, ни один государь не может похвалиться тем, что имеет нечто столь же прекрасное, столь же оригинальное.

Я говорила лишь о том, что мы хотели бы смирить ваше самолюбие, противопоставив ему наш вкус и знания, что дорожки, план-

тации, разнообразие зелени, лужайки, террасы смогут поспорить с тем, что ваш вкус и чувство изящного, и также искусство Кебаха до сих пор сумели сделать; мы так сказали и намерены это доказать. Но позволит ли осуществить это кошелек князя? Он потребовал у меня 200 рабочих; я великодушно предоставила ему 20»¹³.

Пейзажный парк Гаспринского имения отличался разнообразием природного рельефа и местной растительности. Вероятно, высокий профессионализм и усердие садовника К.Л. Крамера в той или иной мере сочетались или подчинялись вкусам и распоряжениям властной и энергичной княгини. Оба они, несомненно, пытались извлечь оптимальный эффект из имеющихся природных данных: крутые склоны чередовались с ровными террасами, дубовые и кедровые рощи – с небольшими лужайками, были высажены кипарисовые и жасминовые аллеи, вдоль Симеизского шоссе – оливковый и фруктовый сады Брат княгини Н.С. Всеволожский застал Крамера за работой: *«Садовник – старый немец, посвятил всю жизнь свою садовому искусству: он ни о чем другом не говорит, ничего другого не любит, сокрушается только об одном – что Князь не едет и не увидит его успехов. Надобно, впрочем, отдать ему полную справедливость: сад его прекрасен: он искусно сумел воспользоваться всеми выгодами местоположения, да и теперь беспрестанно роется, сажает, уравнивает...»¹⁴.* Парк оживляло журчание воды. С запада естественным ограждением парка являлся глубокий овраг – каньон горной речки. Внутри парка на основе естественных источников-родников были устроены бассейны, фонтаны, водопады, отражавшие романтическое миропонимание владельцев-заказчиков и романтическое направление в творчестве проектировщиков и непосредственных исполнителей. К сожалению, значительная часть этого романтического водного разнообразия форм была утрачена.

Осмотр замка «Александрия» императором Николаем I в отсутствие хозяина

18 сентября 1837 г. во время поездки по Крыму замок посетил в сопровождении свиты, императрицы и наследника император Николай. Князь Голицын, на попечение которого царская чета оставила детей, с грустью писал из Петербурга:

«Скоро Ваше Величество увидит мой hermitage, сожалею, что княгини Голицыной там нет, чтоб принять таких дорогих гостей». На полях помета Николая I: «Искренне благодарю за добрые вести, дай Бог, чтоб и впредь было также. Вчера были мы у тебя на даче, любезный Княже. Дом красив, место хорошо, ибо близ моря, которое все украшает, есть и {хорошие растения}. Но со всем тем нахожу, что есть что-то крайне унылое и голое от того, что везде одни камни торчат, а сзади ужасная скала, совершенно голая, как стена. Расположение дома очень хорошо, но самый дом выстроен не с должным тщанием, и местами видна крайняя сырость. Нашел в доме огромную железную двойную кровать, заключаю из сего, что в виду имеется бракосочетание, с чем честь имеем поздравить и вопросить: кто сия особа? Затем в заключение надеюсь, что ты поверишь старым друзьям, что славны бубны за горами и везде хорошо, а дома гораздо лучше»¹⁵.

В ответном письме от 29 сентября 1837 г. кн. Голицын пишет:

«Благодарю усердно, Ваше Величество, за подробное описание моей Гаспры, которую я назвал Александриею; а надпись, Вами сделанная над моим портретом, глубоко отдалась в моем сердце. Хотя я уверен в Ваших милостях, но повторение таковое утешно старому слуге. Сердце мое совершенно согласно с Вашим вопросом, сделанным моему портрету, но старое мое тело вопиет, что ему нужен теплый климат... когда увидите, что тело мое совсем замерзло, то отпустите оттаять его на южный берег; но сердце мое никогда не остынет и понесет с собою ту любовь, которую теперь к Вам ощущаю. Позвольте мне притом Вам доложить, что, отдавая справедливость моему замку, Ваше Величество его так хвалите, чтоб, однако, не манило бы меня туда переселиться, и за сие благодарю. Постель двуспальная ничего не предзнаменует, княгиня Голицына устроила ее без моего приказа, но чтоб моим старым костям было покойнее»¹⁶.

Речь идет о надписи, которую сделал Николай Павлович 18 сентября под портретом А.Н. Голицына: *«Рад видеть портрет, но оригинала здесь видеть никогда не желаю, ибо кого душевно любишь, с тем не рассташься, не так ли?»* Рядом императрица Александра Федоровна своей рукой добавила *«Согласна»*, а ниже подписались наследник цесаревич Александр Николаевич и вел. кн. Мария Николаевна¹⁷.

Служебные обязанности чрезмерно затянулись, и князю было не суждено переселиться в Гаспру при жизни Анны Сергеевны. Она скончалась в начале 1838 г. Теперь утешением князю служит переписка с баронессой Беркгейм, которой он *«очень благодарен за то, что вы мне сообщаете о моей стройке, мне всегда приятно мечтать об этом жилище»* (РА, 1905, с. 443).

В письме от 2 апреля 1836 г. он утешает баронессу, только что потерявшую мужа, с которым состоял в переписке. *«Если его жа-*

леют новые знакомые южного берега, то можете себе представить, как жалеют о нем старые друзья! Я так надеялся, что мы вместе будем жить в Крыму; но Господу это не было угодно» (РА, 1905, с. 444). «Мечты мои рушились относительно Южного берега; я надеялся насладиться перед смертью дружбою с княгиней, вдали от света...» Его трогают подробности кончины княгини и сопровождавшие ее уход видения, о которых сообщается в письме от 11 февраля 1838 г.:

«Меня особенно заинтересовала одна подробность в вашем письме, это когда она вам сказала: “Если бы вы только знали, что для меня сделала Святая Дева”, а затем ответ на ваш вопрос: “Завтра я вам это скажу”. Мне хочется знать, успела ли она вам это сказать и почему сказала докторам, что выслушает их завтра? У нее, вероятно, было видение, предварившее ее о дне кончины» (РА, 1905, с. 445).

«Когда здесь об ее смерти было еще неизвестно, графиня Фикельмон, дочь 2-жи Хитровой (некогда очень дружной с нашей княгиней), видела во сне княгиню Голицыну больною и что ее соборовали. Княгиня подозвала ее и сказала ей: «выбираю вас в посредницы между мною и вашей матерью и прошу ее меня простить, если она на меня за что-нибудь сердится». Заметьте, что княгиня была еще ребенком во время дружбы своей матери с княгиней и сама никогда не имела с ней никаких сношений. Посланница рассказала этот сон своей матери, которую это очень поразило» (РА, 1905, с. 447).

Из письма от 29 апреля 1838 г. становится известно, что в то время в «Розовом доме», предназначенном Анной Голицыной ее сестре кн. Мещерской, поселилась Каролина Собаньская, вынужденная расстаться с генералом И.О. Виттом и вышедшая замуж за его адъютанта Чирковича:

«Вы присылаете мне список вещей, мне принадлежащих и которые находились в Розовом доме, занятом 2-жей Ширкович (К. Собань-

ской)... Очень рад, что у вас г-жа Ширкович с семьей и что таким образом ваше глубокое уединение развлеклось обществом, столько же привязанным к вам, как и к покойной княгине. Дай вам Бог дольше оставаться вместе».

Кроме того, князя упрашивают похлопотать за нового мужа Собаньской на предмет его «трудоустройства» в связи с женитьбой, однако брак с Каролиной, особой, которой государь не благоволил (см. подробнее гл. VII), явно мешал его продвижению по службе. В письме от 3 октября 1838 г. князь отвечает:

«Вы просите похлопотать о месте консула для г-на Ширковича, и я бы это сделал, если только граф Нессельроде будет на то согласен... На все мои настойчивые просьбы он отвечал отказом, ссылаясь на то, что у него множество кандидатов, имеющих большие прав на получение места...»

Гораздо более удачными были хлопоты князя за Ошандо де ла Банда, испанского графа, семейство которого входило в окружение баронессы Крюденер и кн. Голицыной и одно время проживало в Кореизе. Молодой Франциско (Фракито) Ошандо, сын графини, урод. Софии Крюденер, уехал в Петербург, где надеялся устроиться на службу. Дядя молодого человека барон Павел Крюденер (сводный брат баронессы Беркгейм, урод. Крюденер) находился на российской дипломатической службе, возглавляя наше посольство в Берне. Он был знаком с князем Александром Николаевичем Голицыным, другом покойного императора Александра I и влиятельным вельможей при дворе царя Николая I. По ходатайству князя Фракито был принят на работу в российскую коллегия иностранных дел и введен в высшие круги петербургского общества. Начав службу в российской столице, молодой дипломат знакомится там с представителями придворной знати, в том числе с княгиней Софьей Волконской, женой Петра Ми-

хайловича Волконского, министра двора. Спустя несколько лет, в 1840 г., уже работая в Берне, Фракито заедет в Женеву, где снова встретится княгиней и познакомится ее братом – князем Николаем Григорьевичем Репниным-Волконским, активным участником войны с Наполеоном, а также с его другом графом Остерманом-Толстым. В женевском салоне Волконской он впервые увидит дочерей графа. В 1841 г. одна из них – Екатерина стала женой испанского графа Фракито Ошандо. Однако счастье их было недолгим: через несколько лет Катенька скончалась.

Касается он и проблемы наследования Кореиза, которая сильно усложнилась из-за ранней смерти княгини:

«Что же касается до предложения м-ль Маурер протестовать против духовного завещания княгини, подписанного вами обеими, это невозможно. Но вы могли бы предложить сделку кн. Софье Мецкерской: не согласится ли она вернуть вам ваш капитал и немедленно войти во владение Кореизом, который должен принадлежать ее дочери Марии (Марии Ивановне Гончаровой) только после вашей смерти. Если она на это согласится, вам можно будет представить эту сделку в суд и извлечь выгоду из этого капитала; ибо вы не имеете средств поддерживать виноградники княгини, обладая другими именьями. Вот что мне кажется для вас приличнее всего сделать; протестовать же против завещания, составленного вами вместе с княгиней, вы не имеете права... Кореиз оставлен вам в пожизненное владение, у вас есть земли, купленные на ваше имя».

Князь с грустью вспоминает о Южнобережье, уже почти теряя надежду когда-либо поселиться в своей Александрии, «воздушном замке», но все же тверд в своем решении:

«...Я, слава Богу, здоров, вопреки климату; Господь меня хранит, а у вас, должно быть, прелестная погода. Южный берег для меня как

обетованная земля. Не случилось бы со мной то же, что с Моисеем, который, по воле Божией, не вошел в нее.

Потемкин (вместе с женой Татьяной Борисовной Потемкиной, основатель и владелец поместья Артек) хотел купить мой замок, но я не согласился» (РА, 1905, с. 453).

*Наконец, в Гаспре!
Последние два года жизни кн. А.Н. Голицына*

*К*нязю Голицыну довелось прожить в прекрасной его Гаспре только два с половиной последних года его жизни и почти все это время в слепоте. В эти последние годы его жизни в своем крымском поместье, несмотря на старческие немощи, он был счастлив. Приведем два его последних письма графу и графине Воронцовым.

*«Князь А.Н. Голицын – М.С. Воронцову
Замок Александрия 8 января 1843 г.*

...Благодарение Богу, я чувствую себя хорошо и с 1 января мы наслаждаемся температурой 10–15 градусов тепла в тени; на празднике благословения вод дамы не могли обойтись без зонтиков, настолько солнце было жарким...»

«Дорогая графиня,

Примите мои поздравления по случаю Нового года. Благодарю вас от всего сердца за ваши пожелания: со своей стороны, молю у Господа милостей для вас и продления вашего счастья. Вас нам особенно не хватает, и если вы так добры, что сожалеете о моих вечерах, то как же я должен сожалеть о вашем отсутствии! Я,

слава Богу, чувствую себя хорошо. И можно ли быть больным в прекрасную погоду, которая установилась у нас с 1 января? Я расскажу вам, что происходило здесь 6 января, чтобы вы представили себе погоду в этот день. После обедни в Кореизе я следовал за процессией пешком, в одном сюртуке до моего сада, где было устроено благословение вод в фонтане у подножия креста, который сестра моя украсила венком из цветов и гирляндой. Когда церемония началась, пчелы, привлеченные запахом цветов, кружились вокруг и когда крест погрузили в воду, здешние жители, по местному обычаю, сделали несколько залпов из ружей. Место церемонии было окружено множеством народа, расположившегося по горам, что, говорят, было прекрасным зрелищем. Я этого не видел, но чувствовал; я вдыхал воздух весны, и сердце мое было взволновано. Я сильно сожалел, что вы, графиня, и граф не были здесь, чтобы разделить мою радость. После церемонии я был в состоянии проводить процессию пешком до Кореиза, не чувствуя усталости. Мое письмо становится долгим, но мне хотелось сообщить вам эти подробности, так как вы интересуетесь моим житьем-бытьем, и чтобы воздать хвалу климату побережья при мысли о том, что происходит в этот день в Петербурге. Приветы лорду.

Целую ваши ручки. Князь Александр Голицын»¹⁸.

Владелец Александрии в последние годы жизни был окружен вниманием и почетом. По распоряжению М.С. Воронцова Александру Николаевичу ежедневно доставляли из Алупки лучшие фрукты и вина. Его навещала сама графиня Е.К. Воронцова и другие дамы из ее окружения, проводя время в чтении избранных мест из Библии или в душевспасительных беседах.

Интересны воспоминания Бартенева, Юрия Никитича (1792–1866), посетившего кн. Голицына в его любимой Гаспре в 1842 г.

Ю.Н. Бартенев¹⁹ приехал в Симферополь летом 1942 г., а к осени прибыл в Кореиз, который перешел в пожизненное владение

баронессы Беркгейм, после смерти в 1838 г. кн. Голицыной. Отсюда было рукой подать до Гаспры, где давно поджидал своего друга его покровитель кн. А.Н. Голицын. Впечатления его противоречивы – красоты природы и отсутствие удобств, и это он писал, находясь в обжитой усадьбе! Каково же было Анне Сергеевне, приехавшей на голое место, поселившейся в татарской избе, куда возводились дом и хозяйственные постройки, и не проронившей ни слова жалобы на неудобства!

«Что вам сказать о южном берегу Крыма, – пишет Бартенев. – Надобно его видеть, чтобы понять богатство премудрости Сотворившего сии дивные горы с их ненаглядными совершенствами. Это письмо пишу я на конторке, прислоненной к галерее с разноцветными стеклами, обращенной на Черное море... Я живу в каком-то Радклифском замке, прислоненном к утесу горы. На Полдень синее или зеленое море (смотря по разливу света) тихо вблизи дробится гармоническим колебанием, иногда шумит сердитое по произволу ветра, иногда стелет как лютый вепрь в порывах бури. На Запад с галереи возникает хребет гор, прекрасных и гордых в своем величии; гора св. Петра, обнаженная сверху, скатывается уступами и террасами к морю... Климат очарователен, виды радостны и величественны, виноград и фрукты вкусны и ароматны, особенно первый, имеющий всевозможные сорта; сегодня я ел за столом александрийский мушкат, с которым ничего сравниться не может... Но если благорастворенный климат нам улыбается, за то тысячи неудобств и лишений нас встретили. Дороговизна невыносимая, спорящая с петербургской, и часто ее превосходящая; но, кроме дороговизны, неимение удобств для практической жизни очень преогорчает нас; никто не позаботился о нашем покое»²⁰.

Владелицы, баронессы Беркгейм, в Кореизе не было; гостей встретили «управительница большого имения Кореиз, добрая девица Ниц, немка по языку, русская по сердцу и православию... (Ольга

Карловна Ниц. Всеми же именами баронессы Беркгейм заведовал некто Александр Дмитриевич Ганскау). *Другая хозяйка, милая девушка, сиротка, не знавшая никогда ни отца, ни матери... Лизочка Франк, воспитанница покойной княгини Анны Сергеевны Голицыной*».

В письме в Киев к Хвостовой Бартнев, которого к тому же беспокоила больная нога, высказывает те же жалобы: *«природа прекрасна, но практическая жизнь во младенчестве; дом без русских печей, а с железными нагревалками; дороговизна страшная. ...Самые необходимые припасы, начиная с зелени, надобно выписывать из губернского города, столь от нас отдаленного*».

Что же касается «благодатного старца», как называет он князя, к которому ездит ежедневно, *«то Господь, видимо, поддерживает его в цветущем здоровье, мире и благоденствии. Настоящий дом его гораздо покойнее и комфортабельнее петербургского; все здешние матадоры, мужчины и женщины, наперерыв стараются облегчить бремя его уединения. Граф Воронцов каждый день к нему является и ежедневными взносами местных произведений разнообразит обыденную жизнь достопочтенного князя. Безпрестанное чтение, как неугасающая лампада, поддерживает теплоту в мышлениях старца. Графиня Воронцова не доедает своего позднего английского обеда, чтобы поспешить перескакать довольно нарочитое пространство пути, дабы в условленный и привычный час утешить князя постоянным и продолжительным чтением. Другой чтец, князь Мецкерский²¹, тот живет под боком у князя»²².*

Гаспринский дворец был виден издалека, образуя вместе с постройками Кореиза весьма живописный ансамбль, выступавший на фоне парковой зелени. Первое изображение церкви и дворца вместе представлено на литографии Ф. Гросса, датируемой 1842 г. Брат владелицы Артека Татьяны Борисовны Потемкиной князь Николай Борисович Голицын, посетивший Гаспру в августе 1844 г., выражает свое восхищение: *«Уже более 10 лет, как подле татарской деревни Гаспры возвысился замок готической архитек-*

туры, который посреди роскошной природы этих мест довершает живописность пейзажа», и далее: «Подле дома выстроена им недавно церковь, которая имеет сообщение с покоем через особый коридор, ведущий на хоры»²³.

Князь Александр Николаевич Голицын скончался 4 декабря 1844 г. *«Его душевная доброта, искреннее благочестие и честное царедворчество не подлежат сомнению»,* – писал публикатор его писем в Русском Архиве П. Бартенев. Князь был похоронен в Георгиевском монастыре под Балаклавой. Он заранее выбрал себе скромное место «у порога», где и был погребен со всеми почестями.

Примечания

- ¹ Из записок фон Геце П.П. // Русский Архив, 1902. Кн. 3. № 9/12.
- ² Рассказы князя А.Н. Голицына. Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский Архив. 1886. Т. II. – С. 316.
- ³ Князь А.Н. Голицын в его письмах // Русский Архив. 1905 г. Т. III – С. 360–421 (Далее РА, 1905, с. ...).
- ⁴ Священный союз – союз Австрии, Пруссии и России, основанный на принципах христианской религии, был заключен в Париже 14(26)сентября 1815 г., после падения империи Наполеона I. Целью Священного союза являлось обеспечение незыблемости решений Венского конгресса 1814–1815 гг. В 1815 к Священному союзу присоединились Франция и ряд других европейских держав. Французская армия встретила в России невиданное сопротивление, а героическое Бородинское сражение не только переломило ход войны, но и определило судьбу всей Европы на долгое время. Именно Венский конгресс 1814–1815 гг. определил новую расстановку сил в Европе, сложившуюся к концу наполеоновских войн, когда были созданы условия так называемого баланса, построенного не только на взаимном учете интересов стран, но и на моральных ценностях. Он на долгое время обозначил решающую роль стран-победительниц – России, Пруссии, Австрии и Великобритании – в международных отношениях. Этот миропорядок разрушила Крымская война 1853–1856 гг.
- ⁵ Деревня Каирово по Петергофской дороге.
- ⁶ Рассказы князя А.Н. Голицына. Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский Архив. 1886. Т. 2. – С. 152.
- ⁷ Монферран Август Августович (Огюст Рикар де Монферран, *de Montferrand*) [1786–1858], русский архитектор, декоратор и рисовальщик, представитель позднего классицизма. С 1816 г. работал в России. Такие постройки Монферрана, как Исаакиевский собор и Александровская колонна, сыграли значительную роль в формировании ансамблей центра Петербурга.
- ⁸ РГАДА. Ф. 1261, е/х 1332. Л. 37–38.
- ⁹ Ширяев С.Д. Усадебная архитектура Крыма 1820–1840 гг. // Крым. – М.–Л., 1928. – № 2 (8). – С. 80.
- ¹⁰ Сейчас санаторий «Ясная поляна» в память о пребывании Л.Толстого. Однако кратковременное пребывание великого писателя не могло заглушить в умах любопытных туристов стремления узнать имя создателя романтического замка. Для них повесили доску «Имение гр. Паниных». Да, они его подремонтировали и кое-что переделали. Но неужели память так коротка? Мы предложили бы следующую надпись: Замок-дворец, построенный по заказу и на средства князя А.Н. Голицына попечением его дальней родственницы и друга кн. А.С. Голицыной по проекту архитекторов Ф. Эльсона и Ч. Гунта в 1829–1836 гг.

- ¹¹ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. Л. 38.
- ¹² Бартенева И.А., Батажкова В.Н. Очерки истории архитектурных стилей. – М., 1983. – С. 141.
- ¹³ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. Приписка.
- ¹⁴ Всеволожский Н.С. Путешествие... в 1836–1837 гг. – М., 1839. Т. 1. – С. 64.
- ¹⁵ Донесения А.Н. Голицына императору Николаю I // Российский архив. – М., 2011. – С. 334.
- ¹⁶ Там же. С. 336.
- ¹⁷ Там же. С. 360.
- ¹⁸ АКВ. Т. 38. – С. 529.
- ¹⁹ Ю.Н. Бартенева с 1830 по 1844 г. служил в почтовом департаменте под начальством кн. А.Н. Голицына и был одним из его единомышленников, широко интересовавшимся философско-религиозной литературой. Бартенева принадлежат: «Рассказы князя А.Н. Голицына. Из записок Ю.Н. Бартенева» (в Русском Архиве, 1886. Т. I, II и III); «Черты из жизни М. М. Хераскова (в «Москвитяине», 1850, т. IV, с. 72–77; перепечатаны в «Русском Архиве», 1879, т. III). Не безынтересна также переписка его с Ф.А. Голубинским, для которого он был ходатаем пред князем А.И. Голицыным, помещенная в «Русском Архиве», 1880, т. III, с. 405–430. Известный сонет Пушкина «Мадонна» был впервые написан им в альбом Бартенева с припиской поэта: «в память любезному Юрию Никитичу Бартенева».
- ²⁰ Рассказы князя А.Н. Голицына. Из записок Ю.Н. Бартенева // Русский Архив. 1886. Т. 2. – С. 67–68.
- ²¹ Сергей Иванович Мещерский, племянник кн. Голицыной, привлеченный ею на побережье и создавший имение в Гаспре по соседству с Александрией.
- ²² Из записок Ю.Н. Бартенева. С. 68.
- ²³ Голицын Н.Б. Поездка в полуденную Россию и к берегам Тавриды // Москвитянин. – М., 1845. № 5, 6. – С. 179, 181.

Глава IV

ДРУЗЬЯ ПУШКИНА НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА. КНЯГИНЯ СОФЬЯ МЕЩЕРСКАЯ И ЕЕ ДЕТИ

Софья Сергеевна Всеволожская – друг Александра I, мать его внебрачного сына. Ее брак с кн. Мещерским и дети. Кн. Софья Мещерская – автор и переводчик, активный деятель Библейского общества, председательница Санкт-Петербургского дамского попечительного комитета о тюрьмах.

Из писем кн. С.С. Мещерской об обращении Александра I к религии в 1812 г. Кн. Софья Сергеевна в воспоминаниях ее внука А.В. Мещерского. Ее сын С.И. Мещерский, основатель имения в Гаспре, в письмах А.С. Голицыной. Мария Гончарова, урожд. кн. Мещерская, – несостоявшаяся наследница Кореиза. Кн. П.И. Мещерский и его жена Е.Н., урожд. Карамзина, – друзья Пушкина. Первые известия о гибели поэта в письмах из Кореиза.

Письмо Екатерины Мещерской, урожд. Карамзиной, Марии Гончаровой, урожд. Мещерской, о гонителях Пушкина

*Софья Сеогеевна Всеволожская – друг Александра I,
мать его внебрачного сына*

*К*нягиня *Софья Сергеевна Мещерская*, урожденная Всеволожская (1775–1848) – писательница и переводчица, трудившаяся в рамках Библейского общества, автор религиозно-нравственных сочинений. С.С. Мещерская бывала в Крыму, в имении Кореиз своей сестры княгини Анны Сергеевны Голицыной, где для нее и ее детей был специально выстроен дом, так называемый «Розовый дом».

«Розовый дом» и прилегающая к нему территория сада А.С. Голицыной должны были перейти по наследству ее сестре – княгине Софье Сергеевне Мещерской. В семье было решено, что это владение станет приданым ее замужней дочери Марии после смерти Ж. Беркгейм¹.

Молодость Софьи Сергеевны была отмечена ярким событием – романом с наследником престола Александром Павловичем, будущим императором. Слишком ранний брак 16-летнего Александра с 14-летней принцессой, несмотря на то что юные супруги были привлекательны во всех отношениях, оставил их довольно равнодушными друг к другу. Александр пользовался большим успехом у женщин. Правда, к чести его следует сказать, что не в меньшей степени его привлекали в дамах и высокие душевно-нравственные качества.

К их числу можно отнести и роман с 20-летней Софьей Всеволожской, тогда девицей. Плодом его было рождение в 1796 г. сына Николая, которого считают первым внебрачным ребенком Александра Павловича. Ему было дано имя Лукаш по названию поместья.

Позднее отношения продолжились в форме переписки, из которой явствует, что Александр, уже император, находился под ее духовным водительством. О высоком духовно-нравственном авторитете княгини свидетельствует и ее переписка (частично сохранившаяся) с П.Я. Чаадаевым, А.И. Тургеневым, Ф.Н. Глинкой.

Сын Софьи Всеволожской и вел. кн. Александра Николай Лукаш (1796–1868) – поручик гвардейского генерального штаба, тифлисский губернатор, сенатор. Он был женат первым браком на княжне Александре Геденовой (1804–1834). После ее кончины женился на княжне Александре Шаховской (1806–1864). Человек это был незаурядный, прекрасно образованный, можно сказать, унаследовавший от своих родителей глубокий интерес к вопросам религии. Приведем слова князя Александра Васильевича Мещерского, который пишет в «Воспоминаниях», что после кончины матери² было «одно лицо, посещения которого доставляли отцу (Василий Иванович Мещерский) истинное утешение. Это был почтенный и известный тогда в Москве генерал Николай Евгеньевич Лукаш, друг детства моего отца. Человек он был весьма образованный и глубоко религиозный, которому отец мог открыть наболевшую душу и поделиться горем. Будучи весьма знаком с религиозными литературами всех стран, он сам обладал особым даром слова, когда говорил о вопросах богословских или нравственных. Он часто занимал отца чтением вслух книг религиозного содержания, на котором я почти всегда присутствовал, при чем знакомился с проповедями известных тогда знаменитых западных проповедников, каковы Гранпьер и Равиньян, более других мне понравившиеся. Почтенный Николай Евгеньевич получил свое образование в высшей школе колонновожатых, учрежденной Н.Н. Муравьевым... был блестящим в свое время офицером Генерального штаба, делал Турецкую и Польскую кампании, отличился при взятии

Варшавы, первый вскочивши на брешь, за что получил Георгиевский крест. Впоследствии он был в Москве начальником штаба 6-го корпуса, которым командовал генерал Нейдгарт; но до вступления моего на службу в этот корпус, он вышел в отставку и был заменен генералом Анненковым, тем самым, который был впоследствии Новороссийским генерал-губернатором, а затем государственным контролером.

Генерал Лукаш был женат первым браком на княжне Гедеоновой, последней из этого княжеского рода Гедеоновых. Она отличалась редко встречаемой античной красотой, хотя и была небольшого роста. Она боготворила своего мужа; можно сказать, что их чета представляла идеал супружеской жизни. Но, увы, ее свела в могилу чахотка. Его спасла от отчаяния его глубокая вера. Это-то пережитое им ужасное горе сблизило отца моего с ним после тяжелой собственной утраты»³.

Ее брак с князем Мещерским и дети.

Софья Сергеевна Всеволожская (1775–1848) через несколько лет после рождения внебрачного сына, около 1798–1799 гг., стала второй женой князя Ивана Сергеевича Мещерского (1775–1851).

Упомянутый выше князь Василий Иванович (1791–1871) был сыном отставного майора князя Ивана Сергеевича Мещерского и Елены Александровны, в девичестве Трубецкой. Родился в 1791 г. (краеведы Лотошино полагают – в 1797 г). В 1798 г. умерла его мать, и отец женился вторично на Софье Сергеевне Всеволожской. О самом Василии Ивановиче, его деятельности на поприще государственной службы и личной жизни известно очень мало – лишь то, что он был действительным статским советником и камергером, служил в Министерстве иностранных дел, но рано вышел в отставку и поселился в деревне, занимаясь воспитанием детей. Из частной жизни Василия Ивановича известно, что от брака с Шарлоттой Борисовной Фитингоф у него было шестеро сыновей и одна дочь. Следует добавить, что супруга В.И. Мещерского была внучкой при-

дворной дамы Шарлотты Карловны Ливен, воспитательницы дочерей Павла I, пожалованной титулом светлейшей княгини и имевшей в свое время огромное влияние при дворе в течение четырех царствований⁴. Прожив в Петербурге после свадьбы около пяти лет, Василий Иванович со своей семьей переезжает в Ошейкино Волоколамского уезда, а затем в Лотошино⁵. В этом имении числилось 2 тысячи душ крестьян и 12 тысяч десятин земли, и оно славилось умело организованным хозяйством. Еще в XVIII в. здесь наладили производство мешчерского сыра, славившегося на всю Россию. Молоко на сыроваренный завод и маслобойню поставлялось из собственной молочно-товарной фермы, на которой разводили еще и редкие породы коров. В селе были винокуренный и кирпичный заводы, выращивался картофель, вывозившийся на продажу в Москву и Тверь. Славился и лотошинский лён, экспортируемый в Англию. Посмотреть на хорошо налаженное Мещерскими хозяйство к ним в имение заезжал император Александр I. Бывали у них поэты А.С. Пушкин, Я.П. Полонский, историк-археолог С.Д. Шереметьев и другие известные лица. В наше время краеведы Лотошино установили и место захоронения представителей этого княжеского рода возле Преображенского храма поселка, ныне центра муниципального образования. Среди них сам князь Василий Иванович Мещерский и его супруга, старший сын Борис, его жена и сын, а также князь Александр Васильевич Мещерский, автор вышеприведенных воспоминаний.

Во втором браке князя И.С. Мещерского с Софьей Сергеевной Севоложской родились дети:

София Ивановна Мещерская (около 1798–1881), незамужняя, друг Чаадаева, Тургеневых и др.;

Николай Иванович Мещерский (1798–1853);

Сергей Иванович Мещерский (1800–1870), жена – княжна Александра Борисовна Голицына, родная сестра Татьяны Борисовны Потемкиной (см. гл. V). Владелец имения в Гаспре по соседству с Александрией кн. А.Н. Голицына;

Пётр Иванович Мещерский (1802–1876) подполковник гвардии в отставке. Женат дважды: первая жена – дочь графа С.П. Румянцева, Екатерина Сергеевна Кагульская; вторая – Карамзина Екатерина Николаевна (1806–1867), дочь историка, сводная сестра Софьи Карамзиной. Постоянно встречался с Пушкиными и Гончаровыми у Вяземских и Карамзиных;

Мария Ивановна Мещерская (Гончарова) (1815–1859), жена Ивана Николаевича Гончарова, родного брата Натальи Николаевны Пушкиной.

Князь Иван Сергеевич, пишет его внук, *«движимый патриотическим чувством, которое было так сильно в нашем обществе в 1812 году, имея сам значительное состояние и потому не думая о наживе, решился предложить в то время свои услуги Военному министерству с целью взять на себя подряды по снабжению нашей армии провиантом во время народной войны»*. Для этого он взял себе в компаньоны богатого купца Варгина, не менее одушевленного патриотическим чувством и желанием помочь правительству в это трудное для него время». Все это, однако, кончилось печально. По окончании войны казна осталась им должна несколько миллионов. Дело это тянулось несколько десятков лет и кончилось полным для них разорением. Имение князя, село Лотошино, спасли родственники, а именно княгиня Анна Голицына, сестра Софьи Сергеевны, *«купив его довольно дешево, при содействии их брата, бывшего тогда Тверским губернатором, и по вольной цене, по особому высочайшему повелению государя Александра Павловича»*⁶.

После разорения Мещерских в Отечественную войну 1812 г., князь совсем упал духом и передал все дела в руки жены Софьи Сергеевны Мещерской.

*Княгиня Софья Мещерская – автор и переводчик,
активный деятель Библейского общества,
председательница Санкт-Петербургского дамского
попечительного комитета о тюрьмах*

Эти дела состояли прежде всего в управлении селом Лотошином – родовым именем князей Мещерских с XVII в. Их древний род, согласно семейным преданиям, восходил к ордынским ханам. В 1646 г. владевшая тогда Лотошином боярыня А.И. Морозова, сестра царицы Н.И. Милославской, отказала село Лотошино князю Петру Федоровичу Мещерскому. В 1760–1770-х гг. здесь строится небольшая деревянная усадьба князя Мещерского в стиле барокко, деревянная церковь Преображения Господня, а в 1792 г. – уже каменная церковь. Деревня славилась также сыроварением и свеклосахарным, а затем и винокурным заводом.

Прославили Лотошино и его гости: в 1825 г. здесь побывал, прощаясь с Софьей Сергеевной, император Александр I, державший путь на юг России и в Крым; в 1833–1834 гг. имение посетили А.С. Пушкин и И.С. Тургенев. Наконец, в 1898 г. Лотошино посетил граф Шереметев, оставивший описание этой образцовой дворянской усадьбы. Он отметил ее достопримечательности, прежде всего уникальный парк с редкими видами насаждений, а также

прекрасную церковь, куда стекалось население округи для молитвы и общения. Протекающая по территории поселения река Лобь дополняла естественную красоту ландшафта. Впервые в России Мещерскими в 1812 г. было налажено производство сыра. Кроме этого они владели кирпичными заводами, мельницей, фермой высокопродуктивного скота. У князей имелась государственная лицензия на производство спирта. Вокруг усадьбы располагались дома жителей, при въезде в село находились складские здания. Все это можно было видеть на исторических полотнах художников и сохранившихся фотографиях того времени. Село было многолюдным, окружающие его земли использовались под сельскохозяйственное производство. Окрестности всегда славились отменной охотой и рыбалкой. К сожалению, эти памятники истории и архитектуры не сохранились до наших дней.

В этой усадьбе проводила большую часть времени Софья Сергеевна Мещерская, урожд. Всеволожская (1775–1848) – родная сестра Анны Сергеевны Голицыной, писательница и переводчица. Вместе с этим она занималась благотворительностью, посещала тюрьмы, больницы, приюты, где читала и разъясняла Библию. Это составляло часть ее обязанностей как председательницы Санкт-Петербургского дамского попечительного тюремного комитета, который был открыт 13 октября 1819 г. и на протяжении многих десятилетий занимался филантропией исключительно в интересах арестованных женщин и их детей. С.С. Мещерская, возглавлявшая комитет с момента открытия по 1827 г., пользовалась, по воспоминаниям современников, заслуженной популярностью и уважением за ее умственные и нравственные качества. Тюремные деятели сравнивали Мещерскую со знаменитой англичанкой Елизаветой Фрей и очень ценили ее благотворительную деятельность.

В целом кн. Мещерская издала 93 книги и брошюры в числе более 400 тысяч экземпляров; книжки продавались по дешевым ценам или раздавались даром. Значительная часть материала этих книжек была заимствована из английской литературы и из из-

даний английского Общества религиозных трактатов (*Religious Tracts Society*), однако среди них были и собственные труды кн. Мещерской (анонимные), например:

- «Разговоры матери с детьми о духовных предметах»;
- «Известия о распространении христианства между языческими народами и магометанами во всех частях света»;
- «Три разговора священника со своими прихожанами об истинном пути к спасению»;
- «Бодрствующий христианин»;
- «Воин царя земного во всеоружии царя небесного»;
- «Извлечения из сочинений Тихона Задонского и митрополита Михаила».

Эти брошюры, носившие религиозно-просветительный характер, печатались в 20-х и 30-х гг. и были предназначены для назидательного популярного чтения.

Роберт Пинкертон, председатель Библейского общества, хорошо знакомый с княгиней Мещерской, посвятил ей главу 15 своей книги о России⁷. Поскольку личность этой выдающейся женщины почти неизвестна российскому читателю, приведем перевод посвященных ей строк.

«Эта княгиня с 1811 года самым усердным и неустанным образом продвигала дело благочестия и благотворительности среди своих соотечественников. Она была одной из первых, кто побуждал меня в 1811 году создать Библейское общество в Москве, что и было осуществлено в 1813 году. Она сама приезжала вместе со мной в Москву и использовала все свое влияние среди возвращавшегося после войны дворянства в пользу основания этого общества. Она стала самым ценным и активным членом Общества попечения тюрем, позднее учрежденного в С-Петербурге, следуя примеру миссис Фрай и проводя чтения и разъяснения Святого писания несколько раз в неделю. Больницы и богадельни Петербурга широко пользовались ее щедростью и благотворительными посещениями. Но самым ее важным

трудом для России были перевод, составление и публикация многих религиозных и моральных трактатов на современный русский язык, написанных в простом и легком стиле, приспособленном к уровню понимания всех классов. Первая из ее публикаций этого рода появилась в 1813 году, сразу после того, как французы оставили Москву, – «Обращение к страждущим». Трудно было найти что-либо более подходящее к состоянию разоренных и разбредшихся жителей Москвы, чем этот трактат: он был принят и прочтен с пользой и удовольствием. Начиная с этого труда 1813 года и вплоть до моего отъезда из России, княгиня опубликовала 93 различных произведения, размноженных в 400 000 экземпляров, на религиозные и моральные темы, вместе составившие 8 томов и распространенные бесплатно или по низким ценам.

...Расходы по печатанию многие годы несла сама княгиня; хотя многие епископы, поощрявшие распространение этих работ, возвращали деньги от продажи, сама она потратила 10 000 рублей на это предприятие. Наконец, император пожелал лично принять участие в этой полезной и благочестивой работе, направленной на просвещение его подданных, и четырежды он внес в его пользу в общей сложности 12 000 рублей...

После того как я оставил Петербург, а княгиня удалилась в свое поместье Лотошино, свое основное место пребывания, переиздание этих полезных брошюр перешло в руки ее благочестивых друзей в Петербурге и таким образом обращение продолжается. В 1832 г. эти друзья напечатали 120 000 экземпляров. И действительно, их публикация стала новой эрой в России в области издания религиозных книг, поскольку, как правило, книги по религиозной догматике у русских печатаются на старославянском и такими же буквами. Поэтому, когда появились эти брошюры на современном языке и шрифте, написанные простым и изящным стилем, а не в жесткой схоластической манере церковных писаний, религия в ее более привлекательном одеянии приблизилась и стала более понятной читателям всех классов. И только с момента появления этих ра-

бот Новый Завет сбросил свое жесткое покрывало X столетия, и Христос и его Апостолы обратились к русскому народу на их современном языке.

Но основной пружиной всех этих христианских и благотворительных деяний был, конечно, император; ибо в такой стране, как Россия, ничто не может состояться без одобрения правящей власти. И поскольку этого благородного защитника Библейских обществ уже нет с нами, а деятельность Русского библейского общества прекращена нынешним сувереном, я добавлю некоторые замечания в уважение памяти покойного императора»⁸.

Автор перечисляет дела покойного императора, направленные на дела науки и Просвещения, особо подчеркивая поддержку им Библейского общества, перевод и распространение на современном русском языке Нового Завета и Псалтыри и утверждая, что публикацией 876 106 экземпляров Писания на 30 различных языках и диалектах «он заложил основание гражданского, религиозного и морального улучшения своих соотечественников, превосходящего по сути и последствиям все, что было осуществлено другими его неусланными деяниями, направленными на их благополучие».

Характер последнего российского императора все еще загадка для многих, продолжает Пинкертон. «Снисходительность манер, подлинная доброта сердца, естественное стремление избежать неправильных действий и решений, сильное чувство ответственности как Суверена, перед Богом, сознание собственного несовершенства как человека, соединенное, тем не менее, с обширным умом, отлично образованным и наделенным сильной склонностью к математической точности, – к этому может быть добавлено бесконечное желание способствовать мирскому и духовному благу своих подданных, постоянная готовность поощрять всякое деяние, на это направленное, искренняя радость при любой возможности облегчить участь несчастного, страдающего, бедного; – искренняя и сильная религиозная впечатлительность; – обширное знание че-

ловечества и, как следствие этого знания, недоверие к его слабостям – таковыми представляются ведущие черты этого благородного характера.

Со всей правотой можно утверждать, что Александр I никогда не наносил раны даже виновному, не изливая на нее целительный бальзам другой рукой. Он правил русскими с беспрецедентной мягкостью, что позволяло недостойным пользоваться его снисходительностью. Нередко сама доброта его сердца становилась источником некоторых его упущений в управлении подданными. Не стану останавливаться на политической карьере и отличительных чертах его царствования в ходе французского нашествия на Россию, свержения Бонапарта, взятия Парижа и т.д. Задача этих и последующих замечаний одного из его друзей состоит в том, чтобы просто пролить свет на его характер как человека и христианина».

Из писем кн. С.С. Мещерской
об обращении Александра I к религии в 1812 г.

*Р*еже чем привести извлечения из писем княгини Софьи Мещерской, Пинкертон останавливается на отношениях княгини и Александра I, служивших для императора духовной опорой в годы Отечественной войны с Наполеоном, зарубежного похода и религиозных исканий.

«С конца 1810-х гг. княгиня Мещерская выступала в роли духовной наставницы Александра I. Христианские воззрения княгини Мещерской оказали значительное влияние на императора, вытеснив его увлечение религиозным мистицизмом баронессы В.Ю. Крюденер (1764–1825), русско-французской писательницы, также участвовавшей в издании религиозно-нравственных брошюр. Договорившись одновременно начать чтение Библии, С.С. Мещерская и Александр I синхронно читали по две главы в день; их переписка на эту тему уничтожена Мещерской перед смертью».

«...Перед отъездом в Таганрог в 1825 г. император Александр I посетил княгиню Мещерскую в Лотошино. Комнаты, в которых останавливался государь, до самой революции 1917 г. оставались мемориальными, в них никто больше не жил и ничего не изменяли в обстановке.

Княгиня Мещерская являлась близкой знакомой и другом императора Александра в течение многих лет, предшествовавших его кончине. Он ценил ее высокие таланты и достижения и черпал радость и вдохновение от ее глубокого знания христианства как в его богословских тонкостях, так и в жизни. Его смерть стала для нее суровым ударом; это послужило темой некоторых ее писем ко мне (Р. Пинкертон. – Прим. авт.) в то время. И поскольку религиозный характер Александра служил предметом подозрения для тех, кто ранее думал об этом положительно, и поскольку он мало известен вообще, я позволю себе привести некоторые отрывки из писем княгини по этому интересному предмету, написанные в связи с его кончиной, и которые, несомненно, будут прочитаны с пользой. Они представляют собой живое излияние пылкого и энергического ума и несут следы дружеского участия; но в них приведены факты и взгляды, свидетельствующие о действительно религиозном характере покойного императора, дающие возможность узнать и оценить их»⁹.

Далее следуют отрывки из писем княгини С. Мещерской, посвященные Александру I.

«...Видим императора Александра, суверена обширной империи, главы огромной армии, гордого своей властью, полного юношеским пылом и жаждущего славы этого мира! Он еще не понимает источника всех этих благословений и пренебрегает им; и, доверяя собственным силам, он одерживает победы и триумфы, забывая о том, что «ни один царь не спасется множеством войска – сильный не будет избавлен своей силой». Он еще полностью лишен истинной веры. Буонапарте, подобно буре, рассылает свои войска во все части света, они летят перед этим гением зла, этим посланцем ярости; и вот вскоре император видит, что часть его империи опустошена, древняя столица предана пламени, его народ спасается бегством из города в город, его войска рассеяны и в беспорядке, лишены снабжения; повсюду царит отчаяние и кровь льется со всех сторон.

В этом бедственном состоянии Господь все же поддерживает его, но не открывает Себя ему; Он внушает ему храбрость и твердость; тогда Он нисходит ближе и посылает его душе луч своей благодати, следующим образом.

Около середины 1812 года император, уезжая из Петербурга и уже простившись с семейством, удалился в свой кабинет и оканчивал некоторые дела перед отъездом. В это время появилась женская фигура, которую он сначала не узнал, потому что комната была слабо освещена. Удивленный таким необычным посещением, — поскольку женищинам, даже из своей семьи, не дозволялось войти в его кабинет без разрешения, к тому же в такой поздний час, — он подошел к ней и узнал графиню Толстую; она, извинившись в своей смелости, сказала, что хотела пожелать ему счастливого пути, и подала ему бумагу. Император, всегда снисходительный, и чувствительный к малейшему проявлению привязанности, поблагодарил ее и простился с ней; бумагу он спрятал в карман, полагая, что это какая-нибудь просьба и что он займется ею на досуге. На первом ночлеге он вспомнил об этой бумаге и, желая отвлечься от тяготивших его забот, вынул ее и стал читать. Но, к изумлению своему, он увидел, что в ней заключался 91-й псалом. Он прочел его, и это чтение успокоило его мятущуюся душу; его сердце тайно подсказало ему: «Ах! Эти слова обращены ко мне!» Едва эта мысль мелькнула в его сознании, кто-то вошел в комнату и отвлек его.

Потом, через какое-то время он находился в Москве в один из критических периодов своей жизни (кто не помнит ужасных событий памятного 1812 года?). Один в своем кабинете он перебирал книги на столе, и одна из них при этом упала и раскрылась, и когда Александр поднял и взглянул на нее, он увидел тот же самый псалом, который однажды доставил ему утешение! — В это время он узнал голос, который звал его; и он ответил, сказав: «Вот я, Господи! Говори своему слуге!» Он прочел его и нашел, что каждое слово псалма применялось к нему самому; и даже впоследствии, до последней своей минуты, он всегда имел при себе этот псалом, выучил его наизусть,

и каждое утро и вечер читал его при молитве¹⁰. Теперь страдающее сердце монарха восприняло луч света с радостью; и с момента, когда внутреннее существо его обновилось, он неустанно предавался изучению Божественного слова. Теперь он узнал свою слабость; и без принуждения и чьего-либо воздействия он упал к ногам Господа: и Господь вооружил его, подобно Давиду, верой и опытом; и вот, смотрите! Новый Голиаф падает под ударами того, кому незадолго до того собирался нанести поражение».

«...Мы не станем, однако, стараться проследить блестящую карьеру нашего христианского героя в его победах; но просто отметим, что сам он говорил о них в следующих выражениях: “Я чувствовал себя ребенком; опыт показал мне мою несостоятельность; вера побудила меня отдаться Тому, кто говорил ко мне в псалме, и внушила мне уверенность и силы, совершенно для меня новые. При каждой новой трудности, которую нужно было преодолеть, и при каждом вопросе, который надо было решить, я склонялся к стопам моего небесного Отца, – или, углубляясь в себя на несколько минут, я взывал к нему из глубины моего сердца, и все чудесным образом улаживалось, решалось и исполнялось; все затруднения исчезали перед Господом, который шел впереди меня. Я непрестанно читал Его слово. Вспоминаю, что однажды, по вступлении в небольшой городок на границе Франции, название которого я забыл, сидя в моей палатке, я читал Новый Завет о евнухе царицы Кандакии, читавшем книгу пророка Исаяи и желавшем, чтобы кто-нибудь объяснил ему смысл прочитанного. И тогда я подумал: “О, если бы Господь послал мне кого-нибудь, чтобы помочь мне правильно понять Его святую волю”». И в этот самый момент, когда я всем сердцем пожелал этого, появилась мадам Крюденер, прося позволения видеть меня. В то время я думал, что именно она была употреблена Богом для этой цели; но очень скоро я убедился, что это было нечто иное, как блуждающий огонь (*ignis fatuus*). – Это были его собственные слова.

И действительно, такова была воля Божья, что лишь Сам Он может учить и вести эту избранную Им душу – это сердце, открытое Его любви. И должна сказать, что я часто бывала удивлена – и не только я, но и другие – даже самые образованные и продвинутые христиане восхищались его просвещенной верой и его глубокими познаниями, почерпнутыми непосредственно из Святого Писания – его истинным смирением и тем, как он предан той простоте, которой требует Господь, обещая: “Истинно говорю вам, если не будете как дети, не увидите в Царствие небесное”.

«... Откуда появилось у него это божественное знание? Мы знаем всех, кто окружал его – всех, с кем он говорил на религиозные темы; но я осмелюсь сказать, что ни один из них не достиг его уровня. Его благородный и утонченный дух вскоре почувствовал холодящую атмосферу его двора; и он больше не говорил о религии, или о состоянии своей души, или о своих благочестивых чувствах, за исключением немногих, разделявших его умонастроения.

Два последних года его жизни были годами страдания. Порой, будучи больным и не желая показывать этого, чтобы не тревожить родных и друзей, он страдал молча, и его здоровье подтачивалось злом, которому он не мог противостоять, покуда не был вынужден стать его жертвой. В других случаях он чрезмерно страдал из-за неизлечимой болезни его августейшей супруги императрицы, которую редко покидал во время болезни. Он ухаживал за ней в этот период, как за ребенком; ночью и днем он смотрел за ней, давал лекарство, сам пробуя то, что давалось; он с тревогой отмечал малейшие изменения ее состояния, изменения, бывшие симптомами ухудшения.

В конце концов, утомленный заботами и бесконечными трудами, связанными с управлением огромной империей, одним словом, созревший для вечности, он уже не принадлежал этому миру. Перемена в его здоровье была внезапна и такова, что он, ранее такой живой и деятельный, стал неподвижным и угрюмым; его живой и общи-

тельный нрав стал меланхолическим и печальным, невзирая на все его усилия справиться с ним и невзирая на необычайную сердечную доброту, благодаря которой он скрывал собственные страдания из-за боязни огорчить ближнего»¹¹.

Эти отрывки из писем княгини Софьи Сергеевны Мещерской очень важны, так как в них говорится о внутренних переживаниях государя, которые можно было доверить только дружескому сердцу.

*Княгиня Софья Сергеевна
в воспоминаниях ее внука А.В. Меццерского*

В своих воспоминаниях внук Софьи Сергеевны, кн. Александр Васильевич Меццерский¹², уделяет особое внимание «более всех выдающейся личности, а именно о проживавшей постоянно в селе Лотошино нашей бабушке, княгине Софье Сергеевне Меццерской, рожденной Всеволожской. Она была женщина строгой жизни, очень приятной наружности; ее все любили, но и немного побаивались. Она имела обыкновение высказывать свои мнения без околичностей и всем говорить правду в глаза, что не всем нравилось, но к чему все привыкли и что придавало этой замечательной старушке особую оригинальность. Я всегда находил справедливым то замечание, что в образованных европейских обществах каждая историческая эпоха имела свой особый тип, даже наружный, как мужчин, так и женщин; например, совершенно верно, что тип нашей бабушки имел необыкновенное сходство с большинством портретов, писанных в свое время знаменитой французской художницей мадам Лебрэн (Виже-Лебрэн. – Т.Ф.) и, можно сказать, что она так и просилась на полотно знаменитой портретистки. Она была выше среднего роста, ходила всегда в белом чепце, из-под которого виднелись седые волосы, а два довольно длинных белых локона окаймляли ее умное лицо и светло-голубые глаза. Она носила всегда черное кашемировое платье самого простого фасона, была довольно подвижная и не выходила иначе как

с палочкой и со своей любимой собачкой Кеч (французской породы сеттер, красивой, каштанового цвета).

Бабушка была строго православная, соблюдала все посты и все правила церкви, что не мешало ей, в своем образе жизни и в своем мировоззрении очень походить на английских пиэтистов. Она была англоманка, очень много переводила и печатала сочинений с английского языка, преимущественно тех простых и превосходных рассказов для детей, которые в Англии составляют целую литературу. Легкий оттенок в ней английского методизма происходил столько же от ее глубоких религиозных убеждений, сколько от влияния на нее простой и ясной религиозно-нравственной английской литературы.

Она поддерживала частую переписку с разными выдающимися личностями в России и еще за границей. Несомненно, одна из самых интересных была ее переписка с государем Александром I-м, в то время как он был под сильным влиянием баронессы Крюденер. К великому нашему сожалению, она перед самой своей кончиной сожгла эту переписку, вместе с письмами незабвенного нашего покойного иерарха митрополита Филарета, объяснив, сколько я помню, своим близким этот поступок именно тем, что никто не достоин читать эти письма. По-видимому, она в своей корреспонденции с государем Александром Павловичем боролась именно с преобладавшим тогда на него влиянием мистицизма и сведенборжизма знаменитой проповедницы баронессы Крюденер.

Государь Александр Павлович так близко принимал к сердцу эту, так сказать, духовную полемику, что перед отъездом своим в Таганрог, склоняясь уже тогда к превосходству выраженных ему в письмах бабушки религиозных убеждений, сам заехал к ней в село Лотошино для личных с нею бесед. Я хорошо помню, что в ее кабинете между множеством разных портретов и картин находилась одна небольшая литография в рамке под стеклом, изображавшая высочайший приезд в Бозе почившего государя Александра Благословенного в село Лотошино. Насколько же были близки духовные сношения бабушки с покойным митрополитом Филаретом, мне сделалось известно

тогда, когда я, уже будучи взрослым молодым человеком, считал своим долгом отправиться к нему в день ее смерти, чтобы известить его об ее кончине; на что он, помолясь и сказав несколько прочувствованных слов, изъявил свое желание отслужить самому в нашем приходе над ней отпевание и этим отдал дорогой для него покойнице последний долг»¹³.

Историк и археолог, автор книг по истории дворянских усадеб, граф С.Д. Шереметев (1844–1918) в очерке «Лотошино» (в книге путевых очерков «В дороге») провел несколько дней у кн. С.Б. Мещерского в Лотошино и описал «особое, отдельное помещение, состоящее из трех комнат; они носят поныне название царских комнат. Здесь останавливался и ночевал император Александр I, когда в последний раз покинул Петербург и гостил у хозяйки дома, княгини Софьи Сергеевны Мещерской. Комнаты эти сохранили свой особый, выразительный отпечаток»¹⁴.

К счастью, одно из писем императора княгине уцелело и было опубликовано в «Русском Архиве». Оно написано 23 октября 1820 г. из Тропшау (городок в Богемии, где в то время происходил конгресс, куда вторично съехались члены Священного союза – Франц I, Фридрих Вильгельм III и Александр I для совещания о европейских делах ввиду волнения в университетах и убийства студентом русского политического агента Августа Коцебу в Карлсруэ. В письме этом ярко выражено религиозное настроение императора, которое историками подвергалось строгой критике. Но чтобы судить его, надо принять во внимание его время и господствовавшие тогда умонастроения. Именно с этих позиций постарался понять его литератор и историк князь П.А. Вяземский, слова которого приведены в качестве предисловия к публикации письма.

«Александр, – повествует князь Вяземский, – в последнее десятилетие уже не был и не мог быть Александром прежних годов. Он прошел школу событий и тяжких испытаний. Либеральные помыслы его и молодые сочувствия болезненно были затронуты и по-

трясены грубою действительностью. Заграничные революционные движения, домашний бунт Семеновского полка, неурядицы, строптивые замашки Варшавского сейма, на который еще так недавно он полагал лучшие свои упования, догадки и более чем догадки о том, что и в России замышлялось что-то недоброе, все эти признаки, болезненные симптомы, совокупившиеся в одно целое, не могли не отразиться сильно на впечатлительном уме Александра. В Александре уже не могло быть прежней бодрости и самонадеянности. Он вынужден был сознаться, что добро не легко совершается, что в самих людях часто встречается какое-то необдуманное, тупое противодействие, парализующее лучшие помыслы, лучшие заботы о пользе и благоденствии их... Тяжки должны быть эти разочарования и суровые отрезвления. Александр их испытал: он изведal всю их удивительность и горечь. Строгие судьи, умозрительные и беспощадные, могут, конечно, сказать, что человек с твердой волей, одаренный могуществом духа, должен всегда оставаться выше подобных житейских невзгод и сопротивлений. Может быть. Но мы не чувствуем в себе достаточной силы, чтобы пристать к этим приговорам. Мы полагаем, что если и были ошибки, то многие из них были куплены подобными испытаниями и подобным горем. Мы здесь не осмеливаемся судить: мы можем только сострадать... Что ни говори, но Александр I вплеl такую яркую и незабвенную страницу в нашу народную историю».

Далее следует письмо государя – единственное уцелевшее из переписки с княгиней Мещерской¹⁵.

«Троппау, 23 октября 1820.

Спешу поблагодарить вас, княгиня, за ваше письмо, полученное мною три дня тому назад. Рассказ ваш о том, каким образом Божественное Провидение заставило вас осознать погрешность, в вас кроющуюся, послужил мне новым доказательством истины, которую так часто случалось мне признавать в самом себе. Счастливы

те, которые тщательно вникают в чувствования этого рода, спешат сообразоваться с ними, и следовать их направлению. Тысячу раз поблагодарите митрополита за его память, а в особенности за его благословение, которое я никогда не принимаю от него иначе, как с живейшим душевным ощущением, будучи убежден, что получаемое от него – есть благословение Вышнего, так как действующую силу его он испрашивает с верою у Спасителя, которого никогда не призывают вотще. Скажите ему, что я более, чем когда-либо нуждаюсь в этом б л а г о т в о р н о м б л а г о с л о в е н и и и в е г о м о л и т в а х, потому что мы заняты здесь одним из самых важных, но и трудных дел. Дело это заключается в том, чтобы изыскать целебное средство противу г о с п о д с т в а з л а, распространяющегося быстро и всеми тайными путями, к которым прибегает с а т а н и н с к и й д у х, им управляющий. Искомое нами врачевание увы! превышает нашей немогущей человеческой силы. Один Спаситель силою Своего Божественного Слова, может даровать это средство. Призовем же Его от всей полноты и со всюю горячностью наших сердец, да ниспошлет он на нас Духа Всесвятого и да наставит нас следовать по тому пути, который один ему угоден. Сила молитвы существа такого как митрополит беспредельна, когда сердца, преисполненные верою, прибегают к ним со всем чувством убеждения в их действительности, и я нахожусь пред ним в таком именно положении.

Я с величайшим вниманием прочел вторую главу Апокалипсиса, на которую вы мне указываете¹⁶. Хотя я ее знал почти наизусть, и еще читал не очень давно, но перечитал еще раз. Ах, не знаю, какого упрека я наиболее заслуживаю, но знаю хорошо, что чем более подвигаюсь на жизненном пути, тем более сознаю, насколько я немогущ, слаб и склонен ко всякому злу и что одно только милосердие Божественного Спасителя предохраняет меня, чтоб не сделаться еще более дурным.

Насколько сообщаемые вами вести о ваших сыновьях и старшей дочери меня порадовали, настолько же то, что вы мне говорите

о младшей, меня опечалило. Какая же причина того, что с ней произошло? Вам следовало бы, однако, переговорить с каким-нибудь искусным врачом, например, с Миллером или Штофрегенем, так как при подобных явлениях не следует терять времени.

По совести, вы не должны были более сомневаться, что, в каком бы помещении вы ни жили, я всегда навещу вас, если Бог мне дарует жизни и здоровья. Предоставляю вам решить, остался ли я таким же, каким был; могу, по крайней мере, уверить вас, что не имею ни малейшего желания измениться за исключением указанных Спасителем пороков и недостатков в моем немощем существе, об исправлении которых долг каждого христианина заботиться.

Чтобы говорить как можно менее о деньгах, скажу лишь, что доверенный мой передаст вам половину оставшегося, другую же половину через месяц. Прощайте, княгиня, сохраните мне ваши добрые чувства и ваши молитвы и будьте убеждены во всей моей привязанности к вам. А.» (РА, ч. 24, 1886, № 10–12, с. 403–408).

*Ее сын С.И. Мещерский,
основатель имения в Гаспре, в письмах А.С. Голицыной*

*В*ыше говорилось, что княгиня Анна Сергеевна Голицына (1774–1838) построила на территории поместья дом для сестры Софьи Сергеевны Мещерской (1775–1848), урожд. Всеволожской, и ее детей. Этим самым близким своим родственникам она завещала Кореиз, но ситуация осложнялась тем, что пожизненно поместье должно было принадлежать баронессе Беркгейм. Поэтому после смерти княгини в начале 1938 г. сразу вступить в права наследования Мещерские не могли (см. подробнее гл. 3, с. 170, советы князя А.Н. Голицына о разрешении сложившейся ситуации).

Племянник княгини Сергей Иванович Мещерский, увлеченный крымским побережьем, не стал ждать: он приобрел земли в Гаспре и создал собственное имение по соседству с замком «Александрия» кн. Н.А. Голицына на рубеже 1820–30-х гг. Его сестра Мария Ивановна Мещерская стала женой И.Н. Гончарова, родного брата Натальи Николаевны Пушкиной. Их брат Петр Иванович Мещерский был женат на дочери историка Карамзина – Екатерине Николаевне. Таким образом, в этих местах обосновался круг близких к Пушкину людей – Карамзиных, Мещерских, Гончаровых; их воспоминания и письма пополняют источники, освещающие трагические события, предшествовавшие дуэли и смерти поэта.

Итак, первым из детей С.С. Мещерской обосновался на Южном берегу ее сын Сергей Иванович, женой которого стала княжна Александра Борисовна Голицына, родная сестра Татьяны Борисовны Потемкиной. По воспоминаниям его племянника кн. Александра Васильевича Мещерского, дядя «был блестящим гвардейским офицером, флигель-адъютантом при государе Николае Павловиче, когда флигель-адъютантов было еще весьма немного, и в первую турецкую кампанию заслужил Георгиевский офицерский крест при взятии Варны (Русско-турецкая война 1828–1829 гг. – Прим. авт.), получив во время штурма этой крепости весьма тяжелую рану. Впоследствии... уже произведенный в генерал-майоры свиты, вышел в отставку и навсегда поселился на Южном берегу Крыма, где у него было имение, которое впоследствии было куплено великим князем Михаилом Николаевичем»¹⁷.

В письмах кн. А.С. Голицыной Воронцову нередко упоминается ее «племянник Мещерский». В письме от 29 марта 1827 г. она пишет:

«Я имею удовольствие принимать моего племянника¹⁸, который несколько дней провел в Алушке. Я отчаялась сделать ему описание Алушки, недостает слов, чтобы описать эти скалы, эти тропинки и ступени, лужайки, сияние солнца – и все это в январе месяце! Племянник говорит, что Алушка уникальна, ей нет подобных»¹⁹.

Супруга кн. Мещерского Александра Борисовна вместе с кн. Голицыной принимала деятельное участие в поисках подходящего имения для супругов Потемкиных. В заботе о слабом здоровье Татьяны Борисовны, они вначале выбрали Кучук-Ламбат – как самое обустроенное имение на Побережье. Как мы знаем, дело окончилось приобретением Артека, неожиданно выставленного на продажу польским графом Олизаром.

Вскоре сама Татьяна Потемкина и родной племянник Анны Сергеевны кн. Мещерский, обосновавшийся рядом с Гаспррой,

в свою очередь стали ее «агентами» по рекламированию Южно-бережья.

«Татьяна пишет мне, что врачи предписали морские купания моему племяннику; император был так добр, что предложил ему ехать с ним в Англию, племянник благодарил (но отказался); император настаивал, и был так добр, сказав, что если это по причинам экономии, то Он берет расходы по путешествию на себя. “Сир, – ответил мой племянник, – поскольку Россия имеет счастье владеть Южным берегом, русские должны перестать ездить для поправки здоровья за границу; так позвольте мне, Сир, поехать именно туда принимать морские ванны”. Император рассмеялся и милостиво согласился.

Императрица, которой он был представлен, долго расспрашивала его о Побережье, и под конец сказала: “Вы добились своего, Татьяна (Потемкина. – Прим. авт.) покидает нас и едет, чтобы обосноваться на счастливом Побережье. Прошу вас, князь, по возвращении привезти несколько видов этой прекрасной страны”»²⁰.

Рассказ о крымском побережье из уст гвардейского офицера, отличившегося в русско-турецкой войне, флигель-адъютанта государя, несомненно, произвел должное впечатление на его окружение.

В очередном письме кн. Анна Сергеевна благодарит Воронцова за заботу о племяннике:

«Как благодарить вас, дорогой граф, за доброту, которую вы проявили, предложив место моему племяннику! Он прислал мне ваше письмо, и вот что он пишет: “Тетушка, смотрите сами, если я буду неправ и откажусь, вы знаете, я никогда не получу такого рода службы; однако я, несмотря на все свое усердие, мог бы допустить ту или иную оплошность, которая могла бы вызвать неудовольствие графа, и он стерпел бы это из доброго отношения ко мне; но я, любя

его до обожания, не могу рисковать принять то, что не сумею хорошо исполнить»».

«Ряд всех этих (высоких. – Прим. авт.) имен, которые вы были так добры назвать, чтобы возвысить место в его глазах, имели следствие, противоположное тому, что вы ожидали, у него не оказалось времени поразмыслить о том, что это место было лишь частью вашей канцелярии, следовательно, не могло быть (вне его компетенции); он видел только вас и все эти имена, и так как он не амбициозен, но, будучи в полном смысле слова скромн и считая себя менее способным, чем он есть на самом деле, из энтузиазма к вам, он вам отказал. В конечном счете, мой дорогой граф, я не слишком сержусь на него, это место потребовало бы его присутствия в Одессе, а его здоровье, учитывая, что он еще не оправился от раны²¹, требует провести 1–2 года в Крыму. Этой осенью он приедет ко мне, я зову его оставить (модный курорт), который только наносит ущерб телу и кошельку, а потом, с вашей добротой, увидим, что можно сделать»²².

К. Монтандон в «Путеводителе» 1834 г. описывает это имение, начало которому было «положено 5 лет назад», то есть в 1829 г.: «это хорошо распаханная земля под виноградник, насчитывающий 60 тыс. кустов»²³. Н.Г.Чернецов зарисовал построенный там дом – легкую романтическую постройку в модном тогда «восточном» стиле.

Имение процветало: в 1861 г. кн. Владимир Петрович Мещерский упоминает в «Воспоминаниях» о том, как приглашенный царской четой в 1861 г. в Ливадию, он «из Ялты отправился в чудное имение, тогда принадлежавшее моей тетке, кн. Мещерской (Александре Борисовне. – Прим. авт.), сестре Татьяны Борисовны, – Гаспру, где я и поселился, застав уже в имении Татьяну Борисовну Потемкину. В тот год, благодаря приезду Двора, южный берег начал переполняться приезжими гостями, но все удобства, начиная

с гостиниц, были еще в зародыше... Их Величества посетили мою тетку и Татьяну Борисовну в Гаспре и провели у них вечер». Представляет интерес его описание трудностей высадки пассажиров с парохода в ялтинском порту²⁴. Особенно интересно, что героиней этой высадки, причем в бурную погоду, была сама императрица Мария Александровна, супруга Александра II, явившая образец храбрости. «Затем я был приглашен на морскую прогулку на пароходе в Судак, – продолжает кн. В.П. Мещерский. – Первая часть поездки была восхитительная, благодаря чудной погоде, но к вечеру начался ветер, все усиливаясь, он дошел до таких размеров, что явился вопрос об опасности высаживаться в ялтинской бухте. Но Императрица была удивительно храбра, не говоря о том, что ее не укачало. Она была бодра и весела и слышать не хотела об опасностях для высадки... Подошли мы, однако, к Ялте. Действительно, положение было не из приятных. Море волнуется страшно, темно, шквал дует вовсю, а приходится высаживаться на катер и потом пройти добрых полторы версты. Императрица только смеялась, видя озабоченные лица окружавших, и храбро пошла вперед, ступая по трапу, при поэтическом свете факелов. Попасть в катер было нелегко: надо было ждать, когда волна поднимет его до трапа, и сразу броситься в объятия матросов. Императрица это совершила весьма ловко, на всяком из нас лежала обязанность ей подражать»²⁵.

*Мария Гончарова, урожд. кн. Мещерская, –
несостоявшаяся наследница Кореиза*

К дочери Софьи Сергеевны Мещерской Марии по наследству должны были перейти земли Кореиза, но лишь после смерти баронессы Беркгейм, согласно духовному завещанию княгини А.С. Голицыной владевшей Кореизом пожизненно. Однако кн. Мария Ивановна не дожила до этого времени, она скончалась в 1859 г., лет за семь до кончины Беркгейм, и не успела вступить в права наследства. Тем самым в распоряжении ее мужа И.Н. Гончарова, который в 1861 г. вступил во второй брак, оказалась большая часть земель имения. Гончаров начал активно распродавать их.

Иван Николаевич Гончаров, родной брат Натальи Николаевны Пушкиной, – участник Русско-турецкой войны 1828 г., а также боевых действий против польских мятежников, был ранен, имел награды. В 1861 г. полковник по армейской кавалерии для особых поручений в Риге. Владелец имения Ярополец (в 1860 г. – 835 душ). Предводитель дворянства Волоколамского уезда в 1852–1863, 1870–1875, 1878–1881 гг. Его женой в 1837 г. стала Мария, дочь соседей по Яропольскому имению Ивана Сергеевича и Софьи Сергеевны Мещерских. По воспоминаниям кн. А.В. Мещерского, внука Софьи Сергеевны, обе ее дочери Софья Ивановна и Марья Ивановна (впоследствии Гончарова) *«отличались унаследованным от нее замечательно-ясным умом и начитанностью»*. Мария Иванов-

на «...была смолоду очень красива и соединяла блестящие дарования и остроумие с подкупающей добротой и необыкновенной пылкостью и отзывчивостью сердца. Вскоре вышедши замуж за Ивана Николаевича Гончарова, она из беззаботной, веселой и непосредственной натуры, какой она была, превратилась в самую тихую и нежную мать»²⁶. Однако по отзыву Натальи Николаевны, брак этот не был удачен: «Это две половинки яблока, которые не подходят друг к другу», – писала она мужу, П.П. Ланскому, в 1856 г. К слову, Гончаровы породнились с Ланскими еще раз, в 1861 г., и на этот раз Наталья Николаевна отнеслась к этому браку весьма одобрительно²⁷.

*Кн. П.И. Мещерский
и его жена Е.Н., урожд. Карамзина, –
друзья Пушкина*

Сын Софьи Сергеевны князь Мещерский Петр Иванович (1802–1876), подполковник гвардии в отставке, был знаком с Пушкиным, во 2-й пол. 1820–1830-е гг. встречался с ним у своих родителей, у Карамзиных, у Вяземских, в петербургском обществе.

Александр Сергеевич часто проводил время в обществе братьев Петра и Сергея Мещерских. Известно, что поэт был не чужд мистике, и его заинтересовала семейная легенда о таинственных серьгах с алмазами и рубинами, хранившихся в семье со времен татарских предков, князей Ширинских, и приносивших несчастье тем, в чьи руки они попадали. В частности, они обладали способностью обличать неверность жен.

Спустя некоторое время поэт женился на красавице Наталье Гончаровой, и его стала мучить ревность. Если верить преданию, он упросил князя Петра дать ему на время таинственные алмазные серьги, чтобы проверить: верна ли Натали? Пушкин проявил удивительную настойчивость, не хотел слушать никаких уговоров. Видимо, князь уступил, но роковые серьги принесли гибель самому поэту.

Известно, что серьги с древними камнями вернулись в семью Мещерских. В начале XX в. они принадлежали внуку кн. Софьи

Сергеевны Александру Васильевичу Мещерскому и оказались в руках второй жены князя Екатерины Прокофьевны Подборской. Родные князя не одобряли и не признавали этот брак 16-летней девицы с 80-летним старцем, он вызвал множество пересудов в светском обществе, а дочь князя от первого брака предсказала, что незаконное обладание алмазами Мещерских погубит Подборскую: роковыми камнями без вреда для себя могли владеть только потомки древних царей!

И действительно, одно за другим посыпались несчастья: умер муж; возлюбленный отказался жениться на Екатерине Прокофьевне и признать их дочь; потом революция лишила их средств; мать и дочь более десяти раз арестовывались и только чудом остались в живых. В конце концов, дочь Подборской решилась расстаться с серьгами, чтобы обрести на старости лет покой и достаток...²⁸

27 апреля 1828 г. Петр Иванович женился на дочери историка Н.М. Карамзина – Екатерине Николаевне (1806–1867). По отзывам современников, П.И. Мещерский был добрым и мягким человеком, отличался остроумием и был приятен в общении. В семейной жизни был полностью предан своей жене, отличавшейся как сильным характером, так и сердечностью и незаурядным умом. А.С. Пушкин, А.И. Тургенев, П.А. Вяземский ценили ее общество. В ее альбом 24 ноября 1827 г. Пушкин записал свое стихотворение «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» – реплику на мифологическую тему «Ариона», знаменовавшую «чудесное спасение от “бури”, пронесшейся над поэтом и едва не погубившей его» (Измайлов Н.В. Пушкин и семейство Карамзиных. – Карамзины, с. 19).

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.
Так посвящаю с умиленьем

Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

Именно Екатерине Николаевне мы обязаны письмом к сестре мужа (золовке) Марье Ивановне Гончаровой, урожд. Мещерской, которое содержит взволнованный рассказ о последних днях и смерти поэта и изобилует подробностями, которые могли быть известны только близким друзьям. Оно будет приведено ниже.

Дочь Петра Ивановича Мещерского и Екатерины Николаевны, урожд. Карамзиной, Екатерина Петровна, в замужестве Клейнмихель (1846–1924), поселившись в Кореизе, продолжила традицию благотворительности своей бабушки Софьи Сергеевны. Екатерина Петровна Клейнмихель поселилась в Кореизе после того, как у нее были обнаружены признаки туберкулеза. Живя в Крыму и слыша рассказы об отчаянном положении приезжающих больных, большей частью учащейся молодежи и бедной интеллигенции, она сумела организовать Общину сестер милосердия «Всех скорбящих радость», ставшую известным в Ялте благотворительным учреждением начала XX в.

*Первые известия о гибели поэта
в письмах из Кореиза*

В образованных слоях российского общества весть о смерти Александра Сергеевича Пушкина быстро облетела всю Россию. Практически все отклики опубликованы пушкинистами за 100 с лишним лет. Мы обратим внимание на малоизвестные известия об обстоятельствах дуэли и смерти Пушкина за февраль 1837 г., опубликованные в 1909 г., во втором томе «Архива Раевских» на французском языке в издании, ставшем сегодня библиографической редкостью. Речь идет о письмах, написанных в Кореизе баронессой Юлией де Беркгейм и адресованных генералу Н.Н. Раевскому-младшему, проживавшему по соседству, в имении Тессели близ Фороса. В переводе на русский язык выдержки из писем о гибели Пушкина публикуются впервые²⁹.

Генерал Николай Николаевич Раевский-младший (1801–1843) – близкий друг Пушкина с лицейских времен. Известно, что с семьей Раевских поэт совершил путешествие по Кавказу и Крыму, среди них он провел «счастливейшие», по его словам, минуты жизни. Впоследствии поэт оказывал посильную помощь Раевским, в том числе и Н.Н. Раевскому, который в 1832 г. появился в Петербурге, пытаясь решить возникшие перед ним служебные и семейные проблемы.

Декабрьское восстание 1825 г. тяжело отозвалось на семье Раевских. Под следствием побывали оба сына прославленного генерала – Александр и Николай, арестованы оба зятя – С.Г. Волконский и М.Ф. Орлов, а также брат от второго брака матери – В.Л. Давыдов, в Сибирь вслед за мужем отправляется его дочь – М.Н. Волконская. 16 сентября 1829 г. на 59-м году жизни скончался Н.Н. Раевский-старший. После его смерти семья оказалась в тяжелом материальном положении. После ссылки в 1827 г. старшего брата Александра в Полтаву с запрещением выезда из губернии эти проблемы легли на плечи младшего брата Николая. Хотя он никогда не состоял членом Тайного общества, но, будучи командиром Нижегородского драгунского полка, всегда покровительствовал разжалованным в солдаты и сосланным на Кавказ декабристам, за что и претерпел неприятности по службе. Он героически проявляет себя в персидской и турецкой кампаниях 1827–1829 гг. при взятии Карса и Эривани, 1 января 1829 г. производится в генерал-майоры. Но... по окончании кампании на него заводится дело «за проезд его в Тифлис в обществе государственных преступников». Затем его отстранили от командования полком и одновременно направили донос о «мнимых тайных сношениях его с лезгинами». Сдача полка затянулась на два года. Наконец, Раевского вызывают в Петербург для дачи объяснений, которых требует и военный министр граф А.И. Чернышев. Для Раевского это долгожданная возможность оправдаться на высоком уровне, но предварительно он советуется с бывшими сослуживцами отца Д.В. Дубельтом и А.Х. Бенкендорфом, которому пишет следующее письмо (октябрь–ноябрь 1831 г., рус. яз.).

«Милостивый государь Александр Христофорович!

...Нижеизложенные обстоятельства были причиною настоящего моего положения: снисходительный прием лишенных чинов был главным моим обвинением, но сие было внушено как общим примером и обращением, которое оказывали к сим же разжалованным мои на-

чальники, так и того более участием г. генерал-фельдмаршала, изъ-
явленным мне письменно об одном из них – поляке Довгарде при его
в мой полк определении.

Обстоятельство сие было доведено до Высочайшего сведения,
и я один, исключительно от всех прочих, выставлен как престу-
пивший границу моих обязанностей. Следствием чего Его Свет-
лость отрешил меня от командования полком, в котором звании
был я оставлен, в чине генерала, три месяца прежде того по осо-
бенному его представлению, – и, циркулярным предписанием, вы-
ставлен пред целым корпусом в унижительном виде виновника: не
получил ни одной из наград, к которым представлен я был генерал-
фельдмаршалом за последнюю турецкую кампанию; лишился орде-
на св. Георгия 3-й степени, к которому был представлен двукратно
в чине полковника за дела под Ахалцыгом, – тогда, когда кавалерия,
которая под моею командою в течение четырех кампаний взяла
34 орудия и 66 знамен и вследствие моих представлений удостои-
лась получить следуемые ей награды, а Нижегородский драгунский
полк получил Георгиевские штандарты и знаки отличия на киве-
рах. Я же, по Высочайшему повелению, в чине генерал-майора, был
арестован.

Следовавшие затем притеснения при сдаче полка удержали меня
два года за Кавказом. Я был подвергнут безпрестанным следствиям
и преследуем клеветою в тайных будто бы сношениях с лесгинца-
ми; наконец, оправдался и сдал полк с казенными суммами без всякой
придачи, представив в пользу казны 60 т. рублей...

Между тем как сими обстоятельствами удерживали меня за
Кавказом, я лишился отца, и дела расстроенного состояния остава-
лись без призрения...»³⁰.

Шеф жандармов, понимая ситуацию, когда после кончины
старого льва Раевского, героя Бородина, к тому же его родствен-
ника по жене, недоброжелатели накинудись на его сына, обеща-
ет сначала сам поговорить с военным министром А.С. Черныше-

вым. Одновременно Раевский вместе с А.С. Пушкиным составляет письмо военному министру. Сохранился черновой вариант этого письма с правкой Пушкина (выделено).

«Милостивый государь, граф Александр Иванович!

*Я принял смелость всепокорнейше просить Ваше Сиятельство довести до Высочайшего сведения мое оправдание и испросить мне возвращение наград, **коих** удостоен был представлениями **начальства**. Его Императорскому Величеству благоугодно было **не только** соизволить на **всеподданнейшую** просьбу мою, но и определить меня на действительную службу.*

*С чувством благоговения и глубочайшей благодарности принял я сию **Высочайшую Милость**, но после смерти отца моего судьба моего семейства лежит на мне, и как въезд в столицы запрещен **старшему** брату моему, то я должен на место его заниматься делами нашего имения и думать об устройстве **двух сестер**, разделяющих с **братом** его уединение. Не осмеливаясь **озабочивать** преждевременно Высочайшее **внимание**, но вынужден испрашивать себе позволение **проживать** в Петербурге и в **Москве**, сохраняя мое назначение...»³¹.*

Вследствие этого письма с Н.Н. Раевского были сняты все обвинения, он получил 7 февраля 1832 г. орден св. Анны 1-й степени, а его семья, как говорилось в именном указе, «в уважение знаменитых его заслуг отечеству» – рассрочку состоящего на наследниках долга казне на 37 лет³².

В письме А.Х. Бенкендорфу от 27 декабря 1832 г. Раевский объясняет, что необходимость управлять делами семьи, притом что старшему брату (Александру Николаевичу) по-прежнему запрещен въезд в обе столицы³³, вынуждают его просить временно находиться вне военной службы (*à la suite de l'armée*), исключая случай войны. «Я сам сознаю, что при этом я теряю, в сравнении с моими товарищами по оружию»³⁴.

В силу указанных обстоятельств Н.Н. Раевский с 1834 г. до осени 1837 г. большую часть времени проводил в имении Тессели, по соседству с Форосом. По сведениям Б.Л. Модзалевского, после того, как 14 марта 1833 г. он был снова «зачислен по кавалерии», 28 августа того же года Пушкин и Раевский встречались в Москве. Самые ранние из сохранившихся в архиве Раевских письма А.С. Голицыной и Ю. Беркгейм к Н.Н. Раевскому датированы начиная с декабря 1834 г.

Там он занимался имением, парком, участвовал в создании Российского общества любителей садоводства. Несчастья, сыпавшиеся одно за другим на семью Раевских, сказывались на его душевном состоянии и взаимоотношениях со знакомыми, судя по попыткам утешить и подбодрить его в письмах, которые писала ему Юлия (Жюльетта) Беркгейм.

Кореизское имение А.С. Голицыной, рядом с которым находилось почтовое отделение, было источником новостей и своеобразной библиотекой Южнобережья, сюда приходили книги, газеты и журналы, которыми могли пользоваться и соседи. Голицына и Беркгейм поддерживали отношения со всеми южнобережными помещиками, всех принимали у себя, навещали тех, кто нуждался в их помощи. Благодаря обширной корреспонденции кореизские дамы всегда были в курсе важнейших событий в России и Европе. В письмах к Н.Н. Раевскому они пытаются морально поддержать его в трудный период, не дать замкнуться в собственных переживаниях. Получив известие о смерти Пушкина, м-м Беркгейм немедленно сообщает об этом Раевскому. Переписка южнобережных жителей, отрезанных зимой от России, представляет особый интерес изложением своего варианта первых подробностей дуэли и объяснением ее обстоятельств.

Как выясняется из писем, м-м Беркгейм не была лично знакома с Пушкиным и не знала, что Н.Н. Раевский был его другом. Но она сознавала значение этого имени для русской литературы и начала очередное письмо с сообщения этой важнейшей на ее взгляд новости.

«Баронесса Ю. Беркгейм – Н.Н. Раевскому
Середина февраля 1837 г., Кореиз

Одесса полна слухами о смерти поэта Пушкина. Император необыкновенно великодушен к несчастной вдове и сиротам, говорят, что муж, умирая, во всеуслышание провозгласил невинность своей жены, она была оправдана; он ничего не хотел принимать кроме как из ее рук. Вот поистине печальное событие. Мы не располагаем подробностями этой ужасной и печальной дуэли, но нам писали недавно из Петербурга, что один французский офицер из конногвардейского полка, по имени Дантес, был влюблен в мадам П[ушкину], и что его (то есть Пушкина) внимание было привлечено с помощью анонимного письма, достаточно пошлого и злого [Карандашом, рукой А.Н. Раевского (?), приписка: du Bancal Dolgoroucoy, хромого Долгорукого, т.е. князя Петра Владимировича Долгорукого. Видимо, уже тогда личность автора пасквиля не вызывала сомнений. – Прим. Л.Б. Модзалевского]. В момент, когда Пушкин получил этот пакет, Дантес был у его жены. Взбешенный, он вышел в другую комнату, и предложил дуэль. Тот ему говорит, что он влюблен в сестру мадам Пушкиной. Пушкин у него спросил – которую, Дантес застигнутый врасплох, ответил, что старшую. Тогда Пушкин вывел его в гостиную и объявил своей невестке, что Дантес делает ей предложение, и вот они обручены к большому удивлению всего общества!

Может быть, что дуэль была спровоцирована другими обстоятельствами. Эта новость меня огорчила, это большой талант, ставший жертвой мелких страстей и хуже того, – дурной шутки»³⁵.

В конце этого же письма она добавляет:

«Вот что еще написали мадам Потемкиной о Пушкине и что она только что нам сообщила. Он был смертельно ранен в дуэли с Дантесом. После этого он прожил еще 24 часа, не теряя сознания, и помирился со своею женой. Дантес после своего брака с сестрой

жены Пушкина по-прежнему продолжал ухаживать за мадам Пушкиной, муж потерял терпение, написал Дантесу угрожающее письмо и на следующий день произошел поединок»³⁶.

Следующее подробное письмо м-м Беркгейм написано под впечатлением ответного письма Раевского, в котором он посвятил баронессу в свои достаточно тесные отношения с Пушкиным. Так, в своем ответе она упоминает о «страданиях» поэта, о «невинности действующих лиц этой драмы», рассуждает «о силах зла», стремившихся лишь навредить. Остается только сожалеть о том, что до нас не дошло это письмо, содержавшее мнение о ситуации, сложившейся вокруг Пушкина, его друга и современника Николая Раевского.

«Баронесса Ю. Беркгейм – Н.Н. Раевскому.

Конец февраля – начало марта 1837 г. Артек

...Если вы были огорчены смертью Пушкина, то я, не будучи знакома с ним, испытала настоящую скорбь, которая не оставляет меня все эти дни. То, что вы мне пишете о нем, меня живо интересует, я сожалею об этой душе и полагаю, что ее страдания были крещением. Действующие лица этой печальной драмы не виновны, виноваты лишь силы зла, которые не имели иного интереса, кроме как навредить. Все эти дни я находилась под влиянием чувств грусти, которую этот ход событий не изменил; однако я хотела бы послать вам несколько слов утешения, но утешает сама возможность писать доверительно, и в этом смысле ваше письмо меня порадовало. Я не знала, что вы были близко связаны с Пушкиным. У меня нет иных подробностей о нем, кроме того, что Император был великодушен и добр по отношению к вдове. Пушкин помирился со своей женой, он ничего не хотел принимать кроме как из ее рук. Обвиняют приемного отца Дантеса в дурных поступках, говорят также, что домогательства Дантеса не прекращались, и сама мадам Пушкина предупредила об этом своего мужа. Он потребовал, чтобы она носи-

ла траур два года и удалилась в деревню подальше от Петербурга. Это нам рассказала Александрина³⁷.

Спустя почти месяц, явно не находя слов, чтобы выразить обу-ревающие его чувства, Н.Н. Раевский пишет краткое соболезнова-ние отцу поэта».

«Н.Н. Раевский – Сергею Львовичу Пушкину.

5 марта 1837 г. Севастополь

Сударь

Я только что узнал о поразившем вас несчастье. Я не могу пред-ложить вам иного утешения, кроме как разделить ваши горе. Ради Бога, сообщите мне о вас, об Александре, о его семье. Я в полном не-ведении обо всем, что случилось. Мой адрес: Севастополь, в Крыму.

Имею честь приветствовать вас с самым глубоким уважением и с совершеннейшим почтением.

5 марта 1837.

Н. Раевский».

Жюльетта Беркгейм продолжала передавать Раевскому все но-вые сведения, получаемые ею в связи со смертью Пушкина.

«Баронесса Ю. Беркгейм – Н.Н. Раевскому.

Март 1837 г. Кореиз

...Вот что еще пишут из Петербурга о Пушкине. Говорят, буд-то бы в присутствии нескольких лиц он объявил свою жену невин-ной во всем этом деле и чистой как божий день. Говорят, что она почти лишилась чувств в этот момент и что ее полуобморочное состояние внушало опасения за нее. Дантеса осудили; говорят, буд-то бы он должен быть исключен из службы и выслан за границу. Его приемный отец уезжает; поведение обоих сильно порицают»³⁸.

В одном из последующих писем, рассуждая о силах добра и зла, Юлия Беркгейм вновь обращается к трагической судьбе Пушкина;

мы узнаем, что Раевский-младший написал ей о своем старшем брате, который известен как «злой гений» юного поэта, и которого сам Пушкин изобразил в стихотворении «Демон» (см. подробнее стр. 388):

«Баронесса Ю. Беркгейм – Н.Н. Раевскому.

Март-апрель 1837 г. Кореиз

...Дорогой мой, я ничуть не верю в злое существо, я ничуть не верю, что оно существует, говорят, что ваш брат злой? Я в это не верю, сознание во власти дурных страстей – вот во что я верю. Я хотела бы знать его (Александра Раевского. – Прим. авт.), я хотела бы знать Пушкина, поднять его до возвышенного состояния Христианина, помочь ему постигнуть власть, исходящую свыше, счастье служить Высшему Существу, которому нам надлежит повиноваться...»³⁹.

Эти строки завершают тему смерти А.С. Пушкина в письмах Юлии Беркгейм к Н.Н. Раевскому. Они интересны не новыми подробностями, а скорее важны для наших представлений о русском дворянстве, проживавшем на Южном берегу Крыма в 30-х гг. XIX в., об их реакции на эту смерть и сопутствовавшие ей обстоятельства.

*Письмо Екатерины Мещерской, урожд. Карамзиной,
Марии Гончаровой, урожд. Мещерской,
о гонителях Пушкина*

Обитатели Кореиза, их друзья и соседи были в той или иной степени знакомыми, друзьями, почитателями таланта Пушкина. В Кореиз, в дом княгини Голицыной впервые приходит и отсюда распространяется скорбное известие о дуэли и гибели поэта. Выше мы писали о молодых князьях Мещерских, друзьях и знакомых Пушкина. Жена Петра Ивановича Мещерского Екатерина Николаевна, урожденная Карамзина, откликнулась страстным взволнованным письмом, которое было адресовано Марии Гончаровой, урожд. княжне Мещерской. Ее брак с Н.Н. Гончаровым, родным братом Натальи Николаевны Пушкиной, с одной стороны, вводил Марию Ивановну в круг родных поэта. Однако семья Гончаровых относилась к Пушкину достаточно критично. Сама же Мария Ивановна представляла сторону Мещерских, искренних друзей и почитателей поэта. Вероятно, данное обстоятельство, среди прочего, сыграло свою роль в том, что брак этот не был счастливым. Мария умерла рано, не успев стать наследницей Кореиза, а ее муж поспешил вступить во второй брак и стал распродавать дорогое сердцу Мещерских имение.

Поэтому неслучайно Екатерина Николаевна адресовала именно своей золовке Марии Гончаровой письмо, которое мы назвали бы прекрасным образцом публицистики. Мы приведем его полностью.

*Мещерская Екатерина Николаевна –
Мещерской Марии Ивановне.*

«Мы были так жестоко потрясены кровавым событием, положившим конец славному поприщу Пушкина, что дней десять или недели две буквально не могли опомниться и ни умом, ни сердцем не были доступны ничему, кроме мысли о нравственных муках, предшествовавших катастрофе, – кроме чувств удивления, грусти и скорби, которые эта прекрасная, тихая, христианская и поэтическая кончина внушала всем друзьям Пушкина. С самого моего приезда я была поражена лихорадочным его состоянием и какими-то судорожными движениями, которые начинались в его лице и во всем теле при появлении будущего его убийцы. Необходимость непрерывно вращаться в неблагоприятном свете, жадном до всяких скандалов и пересудов, щедром на обидные сплетни и на язвительные толки; затем вдвойне преступное ухаживание Дантеса после того, как он достиг безнаказанности своего прежнего поведения непонятною женитьбой на невестке Пушкина, – вся эта туча стрел, направленных против огненной организации, против честной, гордой и страстной его души, произвела такой пожар, который мог быть потушен только подлою кровью врага его или же собственно его благородною кровью. Во все время роковой дуэли и до последнего вдоха он вел себя геройски по свидетельству самого француза, бывшего секундантом Дантеса и который, рассказывая про это дело, говорил: “Один Пушкин был на этой дуэли изумительно высок, он выказал нечеловеческое спокойствие и мужество”. Когда его привезли домой умирающим, он ни на минуту не усомнился в неминуемости близкой смерти и посреди самых ужасных физических

страданий (заставивших содрогнуться даже привычного к подобным сценам Арендта), Пушкин думал только о жене и о том, что она должна была чувствовать по его вине. В каждом промежутке между приступами мучительной боли он ее призывал, старался утешить, повторял, что считает ее неповинною в своей смерти и что никогда ни на минуту не лишал ее своего доверия и любви. Он исполнил долг христианина с таким благоговением и таким глубоким чувством, что даже престарелый духовник его был тронут и на чей-то вопрос по этому поводу отвечал: “Я стар, мне уже не долго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имел”.

Прощаясь с друзьями, которые, рыдая, стояли у его одра, он спросил: “Карамзиных здесь нет?” Тотчас же послали за Е.А. Карамзиной, которая через несколько минут приехала. Увидев ее, он сказал слабым, но явственным голосом: “Благословите меня”; когда же она благословила его издали, он знаком попросил ее подойти и поцеловал ее руку. Потом он потребовал четверых детей своих и благословил одного за другим; наконец, минут за десять до неизбежного исхода, чувствуя распространявшийся по членам его холод смерти, он сказал: “Все кончено”. Не расслышав этих слов, кто-то спросил: “Что кончено?” – “Жизнь кончена”, – отвечал он совершенно внятно и ясно. Через несколько минут голова его опустилась, глаза сомкнулись и последний вздох вылетел свободно, без всякого судорожного напряжения. Когда друзья и несчастная жена устремились к бездыханному телу, их поразило величавое и торжественное выражение лица его. На устах сияла улыбка, как будто отблеск несказанного спокойствия, на челе отражалось тихое блаженство осуществившейся светлой надежды. В течение трех дней, в которые тело его оставалось в доме, множество людей всех возрастов и всякого звания беспрерывно теснилось пестрою толпою вокруг его гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху

любимого народного поэта. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь думал и сожалел о краткости его блестящего поприща. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славного поэта и несчастного супруга, с изумительным мужеством принесшего свою жизнь в жертву чести, и в то же время раздавались похвалы рыцарскому поведению гнусного обольстителя и проходимца, у которого были три отечества и два имени. Можно ли после этого придавать цену общественному мнению или, по крайней мере, мнению нашего общества, бросающего грязью в то, что составляет его славу, и восхищающегося слякотью, которая его же запачкает своими брызгами. Я все это время была каждый день у жены покойного, во-первых, потому, что мне было отрадно приносить эту дань памяти Пушкина, а во-вторых, потому, что печальная судьба этой молодой женщины в полной мере заслуживает участия. Собственно говоря, она виновна только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина; теперь, когда несчастье раскрыло ей глаза, она вполне все это чувствует и совесть иногда страшно ее мучит. Дай Бог, чтобы нынешние страдания послужили для души ее источником возрождения и искупительною жертвой. В сущности, она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых, однако ж, из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и, что еще важнее, она не поняла, что ее муж был иначе создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам».

Текст этот был впервые напечатан (французский текст и русский перевод) как письмо к неизвестной даме в кн.: Грот Я.К., 1899,

с. 258–262. Опубликованная А.А. Фоминым (ПиС, вып. VI. СПб., 1908, с. 94–97) копия с этого письма, сделанная для А.И. Тургенева и дающая более полный текст, позволила установить адресата письма и его дату (*16 февраля* – день отъезда Н.Н. Пушкиной в Полотняный завод). В настоящем издании письмо публикуется в русском переводе, приведенном в книге Грота.

Примечания

- ¹ Однако Мария Ивановна не дожила до этого времени, и владение оказалось в руках ее мужа – Ивана Николаевича Гончарова, брата Натальи Николаевны, жены А.С. Пушкина. В 1867 г. Гончаров продал свою часть земли вместе с домом генерал-адъютанту Его Величества, участнику первой обороны Севастополя графу Феликсу Николаевичу Сумарокову-Эльстону.
- ² Князь И.С. Мещерский от первого брака с кн. Е.А. Трубецкой, умершей до 1798 г., имел сына Василия Ивановича Мещерского (1791–1871), женатого на баронессе Шарлотте Борисовне, урожд. баронессе Фитингоф.
- ³ Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. – М., 1901. – С. 122.
- ⁴ Данилова Э.В., Мануйлов В.А., Назарова Л.Н. Письма С.А. Карамзиной к Е.Н. Мещерской о Лермонтове / Лермонтов: Исследования и материалы. – Л. Наука, Ленинградское отд-ние, 1979. – С. 343–369.
- ⁵ В 1832 г. князь Василий Иванович Мещерский, как и его сводный брат, Сергей Иванович, приобрел имение в Крыму, в Симеизе.
- ⁶ Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. – М., 1901. – С. 24–25.
- ⁷ Pinkerton Robert. RUSSIA or Miscellaneous Observations on the past and present state of that country and its inhabitants. – L., 1833. Ch. 15.
- ⁸ Ibid. – P. 357–364.
- ⁹ Ibid. – P. 364.
- ¹⁰ В 91-м псалме содержались строки: «10. Ибо вот враги твои, Господи, – вот враги Твои гибнут, и рассыпаются все делающие беззаконие: 11. А мой рог Ты возносишь, как рог единорога, и я умащен свежим вослеем; 12. И око мое смотрит на врагов моих, и уши мои слышат о восстающих на меня злодеях». После смерти государя его камердинер сообщил, что император всегда имел в кармане некую бумагу, которую запрещено было трогать, а только переключивать в другой карман при смене костюма. Только при кончине узнали содержание этого листка и чувства императора. Бумагу передали вдовствующей императрице, и та велела положить ее в гроб рядом с покойным.
- ¹¹ Pinkerton R. Op. cit. P. 366–371.
- ¹² Князь Александр Васильевич Мещерский (1822–1900) – тайный советник, шталмейстер, верейский уездный предводитель дворянства (1863–1869), московский губернский предводитель дворянства (1869–1875), полтавский губернский предводитель дворянства (1883–1884), кавалер ордена Св. Андрея Первозванного.
- ¹³ Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. – М., 1901. – С. 12–13.
- ¹⁴ Шереметев С.Д. Лотошино. – М., 1899. – С. 5.

- ¹⁵ Письмо Александра I к кн. Софье Сергеевне Мещерской // Русский Архив. Ч. 24. 1886, № 10–12. – С. 403–404.
- ¹⁶ В этой главе, между прочим, сказано: «Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы» (2,2); «Но имею немного против тебя, потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов моих» (2,20).
- ¹⁷ Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. – М., 1901. – С. 28.
- ¹⁸ Мещерский Сергей Иванович (1800–1870).
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. Л. 7.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. Л. 106–107.
- ²¹ Речь идет о тяжелой ране, полученной при штурме крепости Варна в 1828 г.
- ²² РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. Л. 52–53.
- ²³ Монтандон. Указ соч. С. 155.
- ²⁴ Только в 1886 г. по указанию императора Александра III разрабатывается новый проект на строительство мощного каменного мола с маяком и каботажной набережной. Первая очередь строительства завершилась в 1890 г., вторая – в 1903 г. Вторым важным проектом 1880-х гг. была набережная Ялты. Строительство мола Ялтинского порта и маяка происходило под руководством талантливого инженера и известного знатока крымской истории А. Бертье-Делагарда.
- ²⁵ Князь В.П. Мещерский. Мои воспоминания. – 2е-изд. – М.: Захаров, 2003. – С. 117, 119–120.
- ²⁶ Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. – М., 1901. – С. 23.
- ²⁷ В 1861 г.: Иван Николаевич Гончаров после смерти первой жены Марии Ивановны женился на Екатерине Николаевне Васильчиковой, племяннице Петра Петровича Ланского, дочери его родной сестры Марии. В письме к будущей второй жене, тогда невесте, Наталья Николаевна писала: «Выходя за него замуж, вы берете на себя миссию, достойную Вас, – вернуть спокойствие и исцелить сердце, которое так много страдало; с вашей добротой, открытым характером, вашим умом и тактом, вы легко преуспеете в этом». 6 мая 1861 г. Наталья Николаевна написала ей: «Дорогая Катрин... я предоставила мужу заверить вас в том, как мы были счастливы, получив известие о вашей предстоящей свадьбе» [РГАДА 1265/3/2543].
- ²⁸ См.: Екатерина Мещерская: бывшая княжна, бывшая дворничиха... Глава из книги Феликса Медведева «Мои Великие старухи». Дата публикации: 06.09.2011, Издательство «БХВ-Петербург».
- ²⁹ Согласно сведениям, полученным из ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), публикации этих писем были только на французском языке.

- ³⁰ Архив Раевских. В 5 т. Т. 2. – СПб., 1909. – С. 95–96.
- ³¹ Там же. С. 107–108.
- ³² Там же. С. 110–111.
- ³³ О причинах см. гл. 7. С. 389.
- ³⁴ Архив Раевских. Т. 2. – СПб., 1909. – С. 133. 14 марта 1833 г. Н.Н. Раевский назначен был состоять при кавалерии; в этом положении он находился до 21 сентября 1837 г., когда состоялось его назначение начальником 1-го Отделения (а затем и всей) Черноморской Прибрежной линии.
- ³⁵ Архив Раевских. Т. 2. – СПб., 1909. – С. 323.
- ³⁶ Там же. – С. 328.
- ³⁷ Там же. – С. 330.
- ³⁸ Там же. – С. 334.
- ³⁹ Там же. – С. 339.

Глава V

АРТЕК

И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ ПОТЕМКИНЫ

*Происхождение, брак, пребывание за границей:
лечение души и тела. Восстановление Святогорского монастыря.
Повседневная благотворительная деятельность. Приобретение
имения Артек: хлопоты кн. А.С. Голицыной.*

*Визиты в Артек к Татьяне Потемкиной
в письмах кн. Голицыной. Обустройство имения Потемкиных
и прием царской семьи в 1837 г.*

*Сестра и брат Т. Потемкиной в Артеке. Н.Б. Голицын,
друг Пушкина и переводчик его поэзии*

*Происхождение, брак, пребывание за границей:
лечение души и тела*

*Т*атьяна Борисовна Потемкина, урожденная княжна Голицына (1797–1869), дочь князя Бориса Андреевича Голицына и княгини Анны Александровны Грузинской, славилась красотой, но еще более – благотворительностью.

«Обладая в жизни всем, – пишет ее внучка Хвощинская, – красотой, богатством и высоким положением, Татьяна Борисовна не брала от жизни ничего для себя, а жила исключительно для других, отдавала все, что могла, не привязываясь ни к каким благам жизни... живя с той мыслью, что дом ее не на земле, не заглядывалась ни на что земное!»¹.

Внучка ее вспоминает фразу, сказанную кем-то при взгляде на Татьяну в детстве: *«Бог улыбнулся, сотворив этого ребенка!»*

Однако всему этому предшествовали трагические события и долгие духовные искания Татьяны. Замуж она вышла очень молодой, в 18 лет. Мужем ее стал Александр Михайлович Потемкин, сын родной племянницы Потемкина Татьяны Энгельгардт (впоследствии замужем за Юсуповым), однако, несмотря на столь высокое родство, он не занимал блестящего положения в свете, но

зато обладал немалым состоянием. Это был обычный для того времени брак – не по любви, но по решению родителей.

Потеря в первый год замужества ребенка стала для нее сильным потрясением. Беспокоило ее и собственное равнодушие к мужу, который был намного старше нее. По ее рассказам внучке, она остро переживала, что «к такому близкому человеку как муж, с которым должна была делить радости и горести, – кроме равнодушия ничего не чувствовала. Она горячо молилась, чтобы Бог дал ей любовь к мужу, – и была услышана.

«Молодая красавица так горячо полюбила своего, хотя и достойного, но с тяжелым характером мужа, что, прожив 53 года вместе, мирно, благочестиво, они были так нежны друг к другу, что в редких молодых супругах светится такая любовь, какая светилась в их потухавших глазах...»².

Опасаясь за ее здоровье, с детства слабое, ее отправили на лечение за границу, и там она провела семь лет, побывав в Италии, Швейцарии и Франции. За границей, в поисках духовной опоры, она обращалась к протестантизму и католицизму, слушала проповедников, говорила с ними. Позднее, по возвращении в Петербург, император Александр I, мучимый теми же сомнениями, нашел в ее лице интересную собеседницу.

«Он часто бывал у меня, – вспоминает Татьяна Борисовна, – и в разговорах со мной старался разъяснить свои сомнения. Он жаждал уединения и чуждался толпы, в семье же своей он не находил сочувствия и часто ее покидал. Он уезжал в Царское Село и там занимался важными государственными делами. Часто, бывало, все думали, что он уехал из Петербурга, а он, между тем, проводил вечер у меня, заранее потребовав на это разрешения. И я принимала его одна, без угрызения совести, так как наши отношения были чисты перед Богом. Государь желал знать, что нового узнала я от моих же-

невских друзей. Я ему передавала их переписку; но вскоре заметила, что протестантизм уже утратил над ним свое влияние, а истины нашей церкви проникли в его душу, и он стал приверженцем православия»³.

Сама Татьяна очень мудро проводит грань между «чувством любви и благодарности к людям, обратившим меня Богу еще в Женеве, и своим обращением к истинам Православия – веры, в которой родилась».

Восстановление Святогорского монастыря

Укрепило ее и то, что ей довелось стать восстановительницей древнего Святогорского монастыря в Харьковской губернии. Один монах еще в 1824 г. рассказал ей о месте, похожем на Святую Афонскую гору, некогда населенную отшельниками, и о своей мечте продолжить эту традицию. Рассказ этот врезался в ее сердце. Местность принадлежала брату ее свекрови, урожд. Татьяны Васильевны Энгельгардт. После неожиданной смерти брата она умолила свекровь выкупить у сестер их доли и сделаться единственной наследницей *«этого прелестного уголка южной России»*. В 1832 г. Татьяна Борисовна с мужем впервые посетили Святые Горы, подивились этому чуду природы, и мечта о восстановлении монастыря овладела уже обоими. Имение Святые Горы досталось Александру Михайловичу при разделе наследства умершей в 1841 г. матери. Вскоре Потемкин обратился с прошением в Священный синод о восстановлении монастыря. 15 января 1844 г. Святогорский монастырь был возобновлен по высочайшему согласию императора Николая I, а 12 августа того же года состоялось его официальное открытие. Для восстановления обители Потемкины сразу же пожертвовали 10 тысяч рублей и 70 десятин земли, продолжая выделять значительные денежные пожертвования и в последующие годы.

«С тех пор прошло 19 лет, а я каждый год езжу сюда и люблюсь на это дело рук Божиих, на эту святую обитель, – говорила Татьяна Борисовна внучке. – Для восстановления монастыря была масса пожертвований, и приносил каждый, кто что мог...»

Кн. В.П. Мещерский⁴, внучатый племянник Потемкиной, описывает свои чувства при виде Святогорского монастыря, которые, вероятно испытала и его тетушка.

«Прибыв в Святые Горы, я ахнул от никогда не виданной мною подобной красоты местности, с живописным Донцом, с одним берегом луговым, а с другим – горным, с огромною меловую скалою, на которой зиждится верхняя часть громадного Святогорского монастыря, с роскошною зеленью... На другой же день я был посвящен в историю этого волшебного святилища мира и поэзии. Тут когда-то был монастырь, потом он закрылся и обратился в развалины. Татьяна Борисовна Потемкина возымела мысль снова устроить на старом месте монастырь; нашелся своего рода Петр Великий из монахов, отец архимандрит Арсений; он взялся за устройство монастыря, Татьяна Борисовна убедила мужа дать монастырю землю, лесу, дали в распоряжение настоятеля крепостной труд мужика, и создалась новая Святогорская обитель с уставом афонских монастырей. Благодаря помощи Татьяны Борисовны или, вернее, щедротам ее мужа и энергичным трудам отца Арсения, монастырь в несколько лет обстроился, расширился и населился монашескою братиею... В этом монастыре все работало в поте лица, так как у монастыря имелись большие хозяйства: хлебное, молочное и лесное. При этом церковная служба строго подчинялась афонским уставам; прекрасный хор певчих пел старые напевы; всенощная начиналась в 6 и длилась по 6 и 8 часов подряд»⁵.

Повседневная благотворительная деятельность

*В*нучка Татьяны Борисовны Е.Ю. Хвощинская описывает любопытный распорядок этого старомосковского дома.

«Бабушкино утро начиналось рано, – вспоминает внучка, – она вставала в 8 часов и с этого часа как швейцарская, так и приемная комната наполнялась разным людом всех классов и сословий – отказа никому не было. И всем был доступ к ней. Если кто из просителей нуждался в рекомендательном письме к великим мира сего, то бабушке подавали перо и она писала к разным высокопоставленным лицам, прося помощи; приходилось нередко писать членам царской фамилии и самой государыне... Она выходила к просителям счастливая и сияющая, если у нее было достаточно денег для их нужд; Если же запас из суммы, которая ей выдавалась мужем на благотворительные дела, был истощен и незначителен для помощи, то Татьяна Борисовна была в отчаянии. Ей приходилось просить мужа о выдаче новой суммы, а он был аккуратен, скуповат и не любил выходить из бюджета. Зная же готовность жены отдать последнее платье, Александр Михайлович хранил у себя все брильянты. Когда надо было их надеть – старшая фрейлина отправлялась к нему за ними, счетом их получала, надевала на свою госпожу и строго приказывала выездному лакею следить, чтобы Татьяна Борисовна не по-

теряла их. По возвращении бабушки с нее снимались все брильянты и неслись опять на сохранение к мужу.

Александр Михайлович обожал жену и все делал, что она желала, но находил, что всему должна быть мера. Если получался отказ, то она посылала закладывать свое туалетное серебро, которое часто таким образом выручало ее бедных, для которых она положительно была послана Богом; вставая и ложась, она думала о них»⁶.

Несмотря на кажущиеся разногласия, А.М. Потемкин (1790–1872) чрезвычайно много сил, средств и времени посвящал благотворительности. Участник боев с Наполеоном, он за проявленное мужество и храбрость был награжден орденом св. Анны IV степени, золотой шпагой с надписью «За храбрость», прусским орденом Железной короны. По окончании наполеоновских войн вышел в отставку в чине полковника. В 1827 г. поступил на гражданскую службу. Пожалован чинами действительного статского советника (1843) и действительного тайного советника (1853), избран председателем Санкт-Петербургского губернского дворянства (1842–1854). Потемкин был попечителем Санкт-Петербургского сиротского дома, почетным опекуном Санкт-Петербургского опекунского совета, управляющим Родовспомогательным заведением, управляющим Ссудною кассою, управляющим Училищем глухонемых, действительным членом Императорского человеколюбивого общества. За отличия по службе был награжден орденом Белого орла (1856), орденом Святого Александра Невского (1860), алмазными подвесками к ордену Святого Александра Невского (1866), орденом Святого Владимира I степени (1870).

Немного о родстве А.М. Потемкина и светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического: отец Александра Михайловича приходился Светлейшему князю 8-юродным племянником, а сам Александр Михайлович 8-юродным внучатым племянником, титула не имел. Мать Александра Михайловича Татьяна Васильевна Энгельгардт приходилась Г.А. Потемкину-

Таврическому родной племянницей, ее мать была родной сестрой светлейшего князя. Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739–1791) детей не имел, поэтому его княжеский титул никому не был передан.

Колоритно описывает Потемкинский дом на Миллионной В.П. Мещерский, посещавший его в середине XIX столетия, когда он воспринимался как островок московской старины:

«Такого дома не было, наверно, ни до, ни после. Состоял он из двух лиц, из старика Александра Михайловича Потемкина, изображавшего собою тип старого вельможи-дворянина и носившего преобразенский мундир Павловского времени, и жены его, Татьяны Борисовны. При них состояли старик-врач Патенот⁷ и две барышни в роли компаньенок...»

«В доме Потемкиных я был принят как родной, так как одна из сестер Потемкиной была моя тетка, – вспоминает Мещерский, – а так как эта необыкновенная, чудная, сказочная женщина имела огромное значение в моей жизни, то об ней мне придется еще не раз говорить. Сорок лет прошло, и, приглядываясь к людям и к жизни, спрашиваешь себя: неужели такая женщина, как Татьяна Борисовна, жила на свете столь недавно: до того она была одна в своем роде»⁸.

Зорко подмечает он и отношения супругов, весьма неоднозначные из-за разности характеров и привычек.

«Муж был добрейший человек, но в то же время весьма цельный и упрямый в своих привычках. Он был полнейшим олицетворением, как я сказал, старого вельможи, рыцарски честен, доступный для последнего из простейших людей и неумолимо гордый со всеми, так наз. Тузами; но гордость эта была так же добра и проста, как его натура; всякий чувствовал презрение, которое Потемкин питал к идолам света, но жестких, резких или злых проявлений этой гор-

дости или этого презрения никто не видел, потому что он был инстинктивно любезен со всеми и был христиански добр, хотя любил и ворчать, и делал вид, что сердится». Самое смешное было, что более всего старик Потемкин ворчал на свою жену: он терпеть не мог монахов и духовенство вообще, тогда как именно это было любимым занятием жены. Сам он делал добро так, чтобы никто не мог узнать, и сердился, когда об этом заговаривали. Татьяна Борисовна, напротив, держала свой дом открытым для каждого, кто обращался к ней за помощью. Помощь эта была богата разнообразием, начиная с простых подаваний и кончая разными просьбами об определении на место. По десяти и пятнадцати записок в день собственноручных вылетали из дома Потемкиных по адресу разных министров, с просьбами за беззащитных, а когда дело чье-либо было драматическое или безысходное, такая же записка с нарочным отправлялась или к Императрице, или к Государю в собственные руки. Разумеется, подчас злоупотребляли этою идеальною добротою и высокохристианским милосердием Татьяны Борисовны, подчас обманывали ее рекомендацию, подчас смеялись над ее легковерием и над ее добродушием. Называли ее протееже – потемкинскими, с пренебрежением, но рядом с этим какое изобилие добра делала она и делал ее муж»⁹.

Мещерский рассказывает о «бедняках всякого рода», размещаемых Татьяной Борисовной по комнатам тайно от мужа, дабы не сердить его; об обедах, «где сидели рядом и представители высшей аристократии, даже дипломатии, высшие сановники, затем какой-нибудь монах и разные типы бедняков».

Довольно сурово критикует порядки дома на Миллионной граф С.Д. Шереметев, близко знавший Потемкиных. В своих мемуарах он описывает заведенные в доме порядки следующим образом:

«Известный дом Потемкиных в столице был в свое время каким-то открытым домом, чуть не гостиницей для всякого, кто только носил рясу или слыл за святого. Кто только ни перебивал в этом

доме, кому только ни давали приюта в бесчисленных комнатах и закоулках этого лабиринта, чего только ни выделяли в этом доме с ведома и без ведома хозяйки, всесильной Татьяны Борисовны, которая до сих пор для меня словно загадка... Именем Татьяны Борисовны злоупотребляли... Им прикрывались многие неправды. Она окружала себя без разбору толпою приживалок, ханжей, всяким сбродом случайных и сомнительных личностей... Наружная личина святости ее легко обманывала... Почетное положение в свете и при дворе, связи с когда-то царствовавшим домом грузинских царей (ее мать была царица Грузинская, а отец князь Голицын), ее влияние на многих придавали вмешательству ее большую силу, подкрепляемую авторитетом представителей духовенства, обширные связи с которым она неизменно и вполне искренне поддерживала»¹⁰.

Но все эти злоупотребления не имели отношения к самой Татьяне Борисовне, которую Шереметев рисует весьма привлекательно:

«Она была проста, спокойна и держалась величаво, ей стоило только захотеть, чтобы воздействовать обаятельно. Когда надевала она мантию, опушенную белым горностаем, она имела вид восточной царицы, в ней много было породы, голос у нее был чрезвычайно приятный и доброе выражение глаз. Окруженная гостями, около стола, покрытого поднесенными букетами цветов от разных вел. княгинь, она умела всех занять и со всеми быть приветливой»¹¹.

Самым блестящим приемным днем был Татьянин день: все знали, что Государь непременно посетит именинницу от 3 до 4 часов, и к этому времени собиралось много гостей всех состояний «из разных боярских палацио, и с Выборгской и с Петербургской стороны пешеходы...

Приезжал Государь... Александр Михайлович его встречал в сенях, внизу, именинница – на верху лестницы, и Государь, проходя

по гостиным, раскланивался направо и налево, причем непременно Татьяна Борисовна где-нибудь находила возможность представлять Государю какую-нибудь темненькую и жалкую личность, нуждающуюся в помощи. Государь это знал по преданиям и всегда весело знакомился с протееже Татьяны Борисовны. Александр Михайлович, проводив Государя до гостиной, сдавал, так сказать, Гостя в руки жены и сам возвращался в свои кельи, и оттуда выходил, чтобы снова провожать Государя до низу, когда он уезжал...

Ее сестры были пожалованы во фрейлины, а сама она не успела получить этого почетного звания еще и потому, что муж ее не имел чина, допускающего прием при дворе или посещение царской фамилии. Однако она пользовалась таким расположением и любовью царской семьи, что в любой момент могла прийти во дворец. Но своим высоким положением в свете она пользовалась с одной целью: «просить за несчастных, навещать больных, кого утешать, кого наставить и обратить на путь истинный. «Император Николай очень любил бабушку, называл ее «моя игуменья», и никогда не отказывал в ее просьбах.... Она рассказывала, что ехала к государю с такой покойной душой, с такой уверенностью, что в его благородной душе и ясном понимании дел всегда найдет отголосок и просьба ее не останется без исполнения»¹².

После возвращения в Россию она посвятила себя делу служения ближним. Приобретая в 1824 г. прекрасное имение Гостилицы (около Петербурга), Потемкины узнали, что шестьдесят местных крестьян были сосланы в Сибирь за бунт, вызванный жестоким отношением управляющего. Татьяна Борисовна много ходатайствовала и хлопотала о возвращении их на родину, и по ее личной просьбе император Николай приказал водворить ссыльных на прежнее место жительства. В Гостилицах в начале 1820-х гг., при участии кузена Трубецкого¹³, состоявшего членом Вольного общества учреждения училищ взаимного обучения, она устроила ланкастерскую школу¹⁴. Сергей Петрович Трубецкой, прихо-

дившийся ей двоюродным братом по сестре матери, светлейшей княжне Грузинской Дарье Александровне, впоследствии стал декабристом умеренных взглядов. Они близко познакомились еще в 1819–1821 гг., когда проживали в Париже в одном доме на улице Бержер¹⁵. Князь Сергей Петрович Трубецкой, живший вот уже несколько лет во Франции, изучал по заданию тайного общества «Союз благоденствия» опыт Французской революции 1789–1799 гг., а также старался пополнить свое образование, посещал лекции известных профессоров, прошел полный курс естественных наук. Татьяна Борисовна, слушая доводы своего кузена в пользу Французской революции, не могла согласиться с ним, резко критикуя деспота Робеспьера, насилие и террор. Об ужасах революционного террора она многое могла услышать от своей гувернантки и наперсницы, сопровождавшей ее в Париже: это была Альбертина де Нуазвиль (урожд. де Фьерваль; 1766 – не позже 1842), побочная дочь графа де Водрея (1740–1817), приближенного королевы Марии-Антуанетты. Госпожа де Нуазвиль, спасаясь от революции, около 1795 г. переехала в Петербург, а с начала 1800-х гг. стала гувернанткой в семействе Голицыных.

Трубецкой во многом был согласен с кузиной, но к достижениям этой революции относил факт ликвидации дворянских привилегий и феодальных крестьянских повинностей, закрепление за крестьянами земли. После 25 декабря он был арестован и, находясь в крепости, в письмах жене упомянул Татьяну: *«пусть она помолится обо мне»*.

В 1827 г. Потемкина приняла на себя обязанности председательницы Санкт-Петербургского дамского попечительного о тюрьмах комитета и исполняла эти обязанности в течение 42 лет, стараясь улучшить положение заключенных, оказывая им материальную и духовную помощь. По желанию Татьяны Борисовны был учрежден приют детей заключенных, поддержанию которого она очень много способствовала своими средствами. Кроме этого приюта Потемкина учредила и другой, исключительно на

свои средства, – вообще для бедных детей и содержала его на свой счет. Были ею учреждены также богадельни и приюты для призрения дряхлых и больных, для приготовления иноверных к таинству крещения и для кающихся падших женщин. Во всех почти учебных заведениях она открыла несколько вакансий для бедных сирот, а в Гостилицах (своем имении близ Петербурга) устроила ланкастерскую школу. Отличаясь редкой доступностью, Потемкина и в своем собственном доме давала приют многим бедным, которых поддерживала до приискания мест. Она всегда готова была принять, выслушать каждого прибегавшего к ее покровительству и помочь ему. Порой ее доверчивостью злоупотребляли, сохранились московские анекдоты на этот счет, записанные П.А. Вяземским. Он писал:

«Потёмкина была вообще, очень может быть, слишком доступна ко всем искательствам меньшей братии, да и средней, особенно из духовного звания. Она никому не отказывала в своем посредничестве и ходатайстве; неутомимо, без оглядки и смело обращалась она ко всем предержавшим властям и щедро передавала им памятные и докладные записки. Несколько подобных записок вручила она и митрополиту Московскому Филарету. Однажды была она у него в гостях. В разговоре, между прочим, он сказал ей:

– А вы, матушка, Татьяна Борисовна, не извольте беспокоиться о просьбах, что мне дали: они все порешены.

– Не знаю, как и благодарить Ваше Высокопреосвященство за милостивое внимание ваше ко мне.

– Благодарить нечего,– продолжал он,– всем отказано»¹⁶.

Ее покровительством пользовались и родственники. Так, брат, Николай Борисович, любивший жить широко и расстроивший свое состояние, был вынужден заложить свое имение Богородское. Татьяна Борисовна выкупила усадьбу и отдала ее под управление Вере Федоровне, супруге брата.

«Дом Татьяны Борисовны был открыт для всех: начиная с государя, удостоивавшего ее своим посещением, кончая последним нищим, – все переступали ее порог. Ни один архиерей не бывал в Петербурге, чтобы не посетить ее. Будучи попечительницей тюрем, она знала почти каждого преступника, говорила с ним, стараясь обратить на путь истины. И как любили ее эти порочные люди! Они целовали ей руки, платье, готовы были целовать и ноги...»¹⁷.

Потемкина также много заботилась о поддержании благолепия храмов, делала щедрые пожертвования на церкви и монастыри.

*Приобретение имения Артек:
хлопоты кн. А.С. Голицыной*

*И*стория появления в Крыму Татьяны Потемкиной, ставшей одной из близких подруг княгини и владелицей имения Артек, складывалась непросто. Около 1830 г. Потемкин, беспокоясь о здоровье жены, решил приискать имение на Южном берегу и обратился к княгине. Поначалу их выбор остановился на Кучук-Ламбате. Это было одно из самых ранних благоустроенных имений Южного бережья, его создателем стал генерал-лейтенант Андрей Михайлович Бороздин, Таврический генерал-губернатор в 1807–1816 гг. Это поместье и решено было поначалу предложить Потемкиным, причем важным аргументом в его пользу была близость города.

«Я нашла, что не что иное, как Кучук-Ламбат, ему подойдет... Слабое здоровье Татьяны и тысяча мелких забот, которых оно требует, делает это место предпочтительным: ведь отсюда легко послать человека верхом на лошади за всякой мелочью... В конечном счете, если нас постигнет неудача и сделка сорвется, мы не дадим Потемкину ускользнуть отсюда, мы вложим весь наш ум, гений, энергию и найдем ему что-нибудь другое, пусть только придет»¹⁸.

Тем временем ситуация с покупкой имения для Потемкиных изменилась, и надо оценить дальновидность подруг Голицыной и Беркгейм, которые, на случай, если сделка сорвется, готовы были предложить им что-нибудь другое. Такой случай представился. Польский граф Густав Олизар, владелец прекрасного имения у подножия Аю-Дага (200 десятин, или 218 га), которому он дал название «Кардиатрикон» (Утешение сердца), по-местному – «Артек», вынужден был выставить его на продажу. Олизар, поэт, мемуарист, общественный деятель, входил в Польское патриотическое общество, привлекался по делу декабристов. Неудивительно, что польское восстание 1830–1831 гг. отразилось на его судьбе. В 1831 г. Густав Олизар, как подозреваемый в поддержке восстания, был выслан с семьей в Курск, а в 1832 г. получил разрешение выехать в Италию. С крымским имением приходилось расстаться. Узнав об этом, Княгиня и Воронцов немедленно сообщают об этом Потемкиным. В марте 1832 г. Александр Михайлович Потемкин покупает значительную часть имения Артек. Между владелицами Кореиза и Артека поддерживались самые дружеские отношения и постоянная переписка. Татьяна Борисовна отличалась хрупким здоровьем, и княгиня вместе с баронессой нередко посещали ее, особенно в дни, когда ухудшение ее состояния внушало серьезную тревогу. Об этом особенно просила Елизавета Ксавьерьевна, называвшая Татьяну кузиной (мать графини Воронцовой приходилась светлейшему князю Г.А. Потемкину родной племянницей).

В Крым Потемкины приехали осенью 1935 г.

«Мы жили совершенно одни на берегу моря, в октябре месяце: ни церкви, ни общества, ни развлечений! Одна грустная осенняя природа, да при том еще разные неудобства и лишения. Редкие хорошие деньки были нашим единственным развлечением», – вспоминает Татьяна Борисовна. К тому же супругам (вероятно, чтобы не заразить друг друга) было велено жить отдельно. *«В первый год моего пребывания в Крыму, – рассказывает она внучке, – я страдала*

болью в груди. Кроме того, я страшно скучала, грустила, не видя своего мужа, который был тоже болен и жил в отдельном маленьком домике. Единственная польза, приобретенная мною во время жизни в Крыму, была та, что я осознала все свое ничтожество, все Могущество Вседержителя и все его милосердие ко мне, грешной. Во время этой однообразной жизни я прочла много духовных книг из библиотеки брата моего Андрея, а в том числе и творение св. Иоанна Милостивого, которое я прочла с наслаждением. Этот отец церкви дает замечательно хорошие наставления в монастырской жизни и сам показывает нам пример в постоянном усовершенствовании христианских добродетелей. Это произведение было вполне ново для меня и было настоящей духовной пищей для моей души. Однако я все еще продолжала страшиться своей будущности. Благодаря стараниям и знанию моего врача, моя болезнь поддавалась лечению, я стала быстро поправляться и к приезду Императрицы (сентябрь 1937 г.) совершенно выздоровела... Императрица уехала поздней осенью, а потому и наш отъезд был задержан, и нам пришлось провести в Крыму третью зиму»¹⁹.

*Визиты в Артек к Татьяне Потемкиной
в письмах кн. Голицыной*

днако письма свидетельствуют, что Татьяна Борисовна обрела в годы жизни в Артеке (1935–1938) близких друзей, точнее, подруг. Княгиня А.С. Голицына с баронессой Беркгейм и их приятельницы-единомышленницы навещали ее довольно часто. Вот отрывки из писем княгини Воронцову, в которых она сообщает о поездках в Артек в январе и феврале 1836 г.

12 января 1936 г.

«Я собираюсь провести несколько дней у Татьяны (Потемкиной. – Прим. авт.). Буду осторожна и, несмотря на прекрасную погоду, благоприятную для путешествия зимой, опасаясь замерзнуть в моей повозке. Поэтому хотела бы надежной четырехколесной коляски из Мисхора, которую Ольга (Нарышкина. – Прим. авт.) позволила мне взять на случай путешествия в Артек».

7 февраля 1936 г.

«Я снова была в Артеке, провела там 19 дней, это можно назвать, дорогой граф, чистой благотворительностью. 19 дней вне Кореиза, это и в самом деле настоящее самопожертвование. Я вернулась оттуда, как и вы, с острым ревматизмом, вся согнувшись, не в состоянии выпрямиться, все болело».

Чета Воронцовых проявляла особое беспокойство о Татьяне и ее здоровье: во-первых, графиня считала ее родственницей, во-вторых, близость ее царской семье, приезд которой ожидался в 1937 г., обязывала к особому вниманию к ней.

«Я отправилась в Артек, отвечая на просьбы Графини, обеспокоенной состоянием Татьяны. Передайте ей, чтобы она успокоилась относительно любезной кузины и дорогого кузена (супругов Потемкиных. – Прим. авт.)... Я нахожу болезнь достаточно серьезной, но боюсь не столько ее, сколько того, что последует. Режим и уход, назначенный г-ном Патенотом, превосходен, и мы уже видим его результаты. Лекарство действует эффективно. Нет больше приступов, хотя она испытывает головокружения.

По прибытии я нашла ее очень беспокойной и подавленной, но ко времени моего отъезда она успокоилась и даже повеселела. Ест и спит хорошо. Несколько серных ванн завершили выздоровление вашей кузины, она понемногу выходит из комнаты, порозовела. Успокойтесь, дорогая графиня, с Божьей помощью они (супруги Потемкины. – Прим. авт.) смогут совершить путешествие за границу»²⁰.

Княгиня нередко упоминает об ответных письмах Воронцова. Так, она описывает, что, получив очередное письмо, «такое любезное, дружеское, доброжелательное, столь полное настоящего интереса и искренней заботы, такое типично ваше», она «расчувствовалась и переслала его Татьяне, чтобы и та пролила над ним слезу вместе со мной». Она ответила, что это письмо, доброе и любезное, вполне показывает всю отзывчивость его сердца. И сверх того написала: «Ах, если бы он читал Великую книгу, он был бы святым...»

«Будьте спокойны, дорогой граф, Татьяна получает уход, необходимый при ее состоянии здоровья, и если, Боже сохрани, случится что-либо, что может нас обеспокоить, то я обращусь в первую оче-

редь к вам и потребую «Петра Великого» (корабль. – Прим. авт.). Но, надеюсь, в этом не будет необходимости, ваши врачи хорошо справляются со своим делом. // Я послала ей стул-носилки, она совершает прогулки, часто спускается пешком на берег моря и обратно. Муж ее, слава Богу, выздоровел и возобновил обычный образ жизни»²¹.

Мы дополним этот рассказ выдержками из опубликованных писем баронессы Ю. Беркгейм Н.Н. Раевскому-младшему, в которых те же события описаны более подробно.

Конец 1836 – начало 1837 г., Кореиз

«Для особ, которые не любят путешествовать, мы довольно подвижны! Да, мы совершили два путешествия, и потребовались веские причины, чтобы мы покинули Кореиз зимой, – но мое здоровье здесь ни при чем. Для поездки в такое время года достаточно сильным моральным поводом для наших слабых натур стало здоровье дамы, славной Татьяны.

19 дней, проведенных в Артеке, были самопожертвованием. Мы нашли г-на Потемкина больным, и ее в сильном беспокойстве из-за желез, причиняющих ему ужасную боль, а всех окружающих – подавленными этим тревожным положением дел. Наш визит пошел им на пользу. Княгиня (Голицына А.С. – Прим. авт.) смешила Татьяну, Патенот²² нашел, с кем поговорить о его (А.М. Потемкина. – Прим. авт.) болезни, и всем им наш приезд послужил развлечением. После того как князь Николай²³ вернулся, Потемкин стал выходить из своей комнаты, Патенот успокоился и больная стала гораздо спокойнее, мы поспешили выбрать благоприятный день, чтобы вернуться во-свои. Бедняжка княгиня усталая, разбитая, с наслаждением вернулась в свое кресло в углу у камина и готова беседовать, спорить и смеяться – со всеми, кто захочет ее понять»²⁴.

В письме, помеченном серединой февраля 1837 г., баронесса Беркгейм продолжает хронику событий в зимнем Кореизе.

«Граф Воронцов написал такое хорошее письмо, такое добродушное и полное искреннего интереса, что мы препроводили его мадам Потемкиной, которая была расстроена и ответила нам, что это письмо, доброе и любезное, вполне показывает всю отзывчивость его сердца. Он предлагает прислать за ней *Pierre le Grand* (Пароход «Петр Великий». – прим. авт.). Врачи в Одессе думают, что болезнь мадам Потемкиной имеет характер золотухи. Ей намного лучше. Княгиня (А.С. Голицына. – Прим. авт.) прислала ей свой портшез (стул-носилки), чтобы она могла пользоваться им для подъема в сад. Она может с пользой провести эти прекрасные дни февраля.

Мадам Потемкина очень добра, достойна быть любимой Богом и людьми. Она нам пишет: «Вторая маленькая Жаксон (дочка супругов Жаксон) заболела; похоже, что бедный Патенот (*Patenote*) обречен видеть их (родителей) страдания, потому что он продолжает лечение с тем же усердием. Вот еще одно беспокойство, от которого я не могу избавиться. Я чувствую тревогу бедных родителей и тревожусь не меньше за репутацию моего бедного Патенота. Вот кто достоин жалости, и кто не походит на вас».

Посмотрите, что она сочувственно пишет о Долорозе (*la Dolorosa* – принятое в их круге прозвище Каролины Адамовны Чиркович, более известной под фамилией Собаньская, вышедшей в то время замуж за Чирковича):

«Уже собираясь отослать это письмо, я получила ваше в сопровождении письма Долорозы. Меня чрезвычайно тронуло содержание последнего. Мое сердце предчувствовало все то, что происходило в ее сердце, и, предугадывая повседневные испытания для ее натуры, как последствия выбора столь сурового спутника жизни в качестве руководителя и опоры, я никогда бы не поверила в такое верховенство суждения и разума, которые ее заставляют признавать погрешность креста. В ее письме есть глубина, чувствительность

и много нежности. Одного этого письма достаточно, чтобы любить ее всю жизнь.

Представьте себе, что я начинаю также любить и ее Кристофа (Чирковича Степана Христофоровича. – Прим. авт.), так как он похож на Александра²⁵ (А.М. Потемкина. – Прим. авт.), и я знаю по опыту, что у природы мягкой и неустойчивой есть потребность в твердой воле. Это как ноль, будучи присоединен к единице, становится 10. Извините мне эту глупость, далеко не первую, но вам можно говорить все»²⁶.

Приведем еще один отзыв о Татьяне Потемкиной из письма Ж. Беркгейм, тем более ценное, что и ее тоже называли «ангельской Жюльеттой – *Angélique Juliette*»:

«...Когда я нахожусь в Артеке подле мадам Потемкиной, я понимаю, что можно проделать этот путь как своего рода паломничество, – такое благотворное впечатление производит существо столь редкое, которое внушает любовь к жизни, примиряет с миром, освежает, укрепляет, и само подобно ангелам; но как только я покинула Артек и вновь оказалась в Кореизе, сама мысль о поездках стала немыслимой; и блаженное чувство, испытанное мною по возвращении в Кореиз, к нашим милым привычкам, говорит мне, какая огромная жертва – лишать себя их»²⁷.

*Обустройство имения Потемкиных
и прием царской семьи в 1837 г.*

*П*ервый владелец имения Артек в XIX в. граф Густав Олизар (1798–1865), скупая землю у местных жителей, увеличил свое владение до 200 десятин, на которых развел виноградники и оливковую рощу, построил дом и хозяйственные строения и окружил стеной свое владение. «Уединенный анахорет на Аю-Даге», как называл себя Олизар, дал своему владению греческое имя «Кардиатрикон», что означает «лекарство сердца». Так граф утешал себя после отказа генерала Н. Раевского выдать за него замуж свою дочь Марию.

После покупки имения четой Потемкиных многое здесь в 1833–1835 годах подверглось реконструкции. Дом, церковь, беседки, сохраненные на многочисленных рисунках Н.Г. Чернецова, изящны, причудливы, и разворачивают во всем многообразии «стиль тюрок». Постройки в Артеке, считает историк-искусствовед А.П. Пальчикова, «по стилистическим особенностям можно отнести к проектам Эльсона, первого архитектора крымского Южно-бережья»²⁸. Была построена деревянная церковь во имя Воскресения Христова, долгое время бывшая единственной на территории большого Гурзуфа (разобрана в 60-е г. XX в.).

Купив часть имения (80 десятин – 87,2 га) у графа Густава Олизара, супруги Потемкины провели в Артеке три года (1835–1838),

обустроивая имение и готовясь к посещению императора Николая I с семьей и свитой. С августа по октябрь 1837 г. император Николай I предпринял большую инспекционную поездку по западным и южным губерниям России и Закавказью. По приглашению графа М.С. Воронцова в маршрут было включено и посещение Южного берега Крыма. 15 и 16 сентября (28 и 29 сентября по н.ст.) 1837 г. имение Артек посетила августейшая фамилия: император Николай I и императрица Александра Федоровна, в сопровождении большой свиты. К их приезду торопились закончить дорогу от Алушты до Ялты, причем спуск с основной дороги в Артек, извилистый и крутой, был только что проложен. Поэтому императрица Александра Федоровна и дамы спускались в экипажах, а сам император со свитой – верхом на лошадях. Здесь ожидал их почетный караул Балаклавского греческого батальона под командованием подполковника Качиони. С 15 на 16 сентября в имении Артек предполагался первый ночлег на Южном берегу. Описание маршрута содержится в «Дорожных письмах» генерала С.А. Юрьевича, воспитателя цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II).

«Артек: дача, принадлежащая Потемкиным (Гостилицким). Хозяйка Татьяна Борисовна (которую Государь в шутку называет митрополитом)... Гости спустились парком к дому. Парк прелестный, хотя еще недавно как начали возделывать его; небольшой, уютный, прекрасно меблированный дом, вид из него в правую сторону восхитителен; с левой стороны страшный Аю-Даг, кажется, грозит завалить дом и прилегающие строения своей дикою громадою... Приехав в шестом часу, Их Величества успели еще полюбоваться видами, погулять по террасе и по саду. В 9 час. вся компания собралась к ужину; хозяева радушно угощали гостей обильным ужином, богато украшенным цветами, отличными фруктами и несколькими сортами винограда... На другое утро в 10 часов наша странствующая компания тронулась с ночлега в путь дальнейший

также верхом по берегу моря. Не выезжая из Артека, мы в беседке останавливались пить шоколад и, проехав около 4-х верст шагом, по крутизнам гор, заехали в Юрзуф, дачу Фундукля...»²⁹.

Основным местопребыванием гостей была назначена Алупка, куда вслед за ними и направились Потемкины. Но 1 октября они вернулись, поскольку на другой день встречали великую княгиню Елену Павловну, супругу младшего брата императора – Михаила Павловича, «самую ученую из нашей семьи», по выражению Николая I. Любопытствуя увидеть как можно больше, великая княгиня порой отклонялась от общего маршрута. Вот и на этот раз она посетила Ореанду графа Витта, где «изволила ночевать», на другой день посетила Магарач и Никитский сад и оттуда прибыла в Артек к Потемкиным, где «изволила расположиться на ночлег». Вспоминая свое крайне болезненное состояние по прибытии в Крым осенью 1835 г., Татьяна Борисовна рассказывает внучке, что «к приезду императрицы уже совершенно выздоровела, приготовила все к принятию августейшей гостьи, и этот царственный визит, продолжавшийся два дня, был для меня самым приятным развлечением во время моей болезни и разогнал мои мрачные думы... Императрица уехала поздней осенью, а потому и наш отъезд был задержан»³⁰. Потемкины остались в Крыму и на следующий 1838 г. Этому радовались м-м Беркгейм и кн. Голицына, а также сестра Татьяны Борисовны кн. А.Б. Мещерская.

Гостем Потемкиных был также Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), поэт, академик Петербургской Академии наук (1841), основоположник русского романтизма, наставник будущего императора Александра II (1826–1841). Он посетил имение Артек 6 (18) сентября 1837 г. Во время поездки Жуковский сделал много зарисовок, которые составили знаменитый «Альбом Жуковского» (известно около 100 рисунков).

Прекрасному имению Потемкиных в Артеке посвящено немало рисунков Н.Г. Чернецова, по которым написаны картины

и акварели. В Русском музее хранится альбом акварелей, специально посвященных Потемкиным: одинокая чета, изображенная то на фоне грандиозного Аю-Дага, то на большой террасе с видом на море, еще более оттеняет пустынную побережья. Дома, павильоны, беседки, украшенные башенками, куполами, создавали сказочный пейзаж в «восточном стиле». Увы, от него почти ничего не сохранилось. Еще недавно можно было видеть Ротонду (у общежития сотрудников «Артека», фото 1958 г.) и фонтан питьевой воды, изображенный на литографии Ф. Гросса 1846 г., построенные в 30-х г. XIX в.

Потемкина часто посещала и Троице-Сергиеву пустынь, будучи знакомой с настоятелем Игнатием, еще с тех времен, когда он был офицером корпуса инженеров; много жертвовала туда вещами и деньгами на помин своей матери Анны Александровны.

К Татьяне Борисовне очень тепло относились в царской семье. При дворе императоров Николая I и Александра II она пользовалась большим уважением. Николай Павлович с семьей бывали в имениях Потемкиных (Святые Горы и Артек). Татьяна Борисовна была подругой и наперсницей старшей дочери императора, великой княгини Марии Николаевны. Именно священник Троицкой церкви Гостилицкой усадьбы Потемкиной совершил венчание Марии Николаевны и графа Григория Александровича Строганова. Близко общалась Татьяна Борисовна и с великой княгиней Александрой Петровной, которая также была очень религиозна.

Во время одного из визитов в резиденцию великой княгини Мариинский дворец, Потёмкина стала жертвой несчастного случая: один из первых в городе лифтов – подъемник с креслом – сорвался с большой высоты и упал, пробив мраморный пол. Получив серьезные травмы, Татьяна Борисовна чудом осталась жива, но с начала 1869 г. здоровье ее стало ухудшаться, и врачи посоветовали продолжить лечение за границей. Вместе с сестрой Софьей 29 июня она прибыла в Берлин, где и скончалась спустя два дня в ночь на 1 июля 1869 г.

Тело ее было доставлено в Россию и похоронено в Троице-Сергиевой пустыни. 9 июля при многочисленном стечении народа и в присутствии великой княгини Александры Петровны, Евгения Максимилиановича, Александра Петровича и Евгении Максимилиановны Ольденбургских и других знатных особ настоятелем обители архимандритом Игнатием была совершена литургия. Император писал Александру Михайловичу:

«С душевным прискорбием известясь о внезапной кончине супруги вашей, вменяю себе в сердечную обязанность выразить вам горячее участие, принимаемое Мною в столь неожиданно постигшем вас несчастии. Постоянно питав глубокое уважение к высоким качествам и добродетелям покойной Татьяны Борисовны, я искренне желаю, чтобы вы нашли некоторое утешение в том общем сочувствии к понесенной вами потере, которое вызывается памятью о достойной супруге вашей. Да поможет вам Бог смиренно покориться воле Всевышняго, подвергшей вас столь тяжкому удару».

На кладбище монастыря, расцвет которого пришелся на время, когда настоятелем обители стал архимандрит Игнатий (Брянчанинов), еще с екатерининских времен хоронили умерших из знатных, известнейших в русской истории фамилий. Массированное уничтожение кладбища началось в 1930-е гг. К 1993 г., когда в монастыре вновь появились насельники, кладбища уже не существовало, на его месте находился плац, покрытый асфальтом. В 1995–2000 гг. восстановлены надгробия над некоторыми захоронениями: канцлера А.М. Горчакова, архитектора А.И. Штакеншнейдера, принцев П.Г. Ольденбургского и К.П. Ольденбургского, генерала П.А. Чичерина и его супруги, А.А. Куракиной. Там, где определены места захоронений других лиц, поставлены кресты или плиты. Среди них нам посчастливилось найти могилу четы Потемкиных, на ней установлена плита с надписью, которую мы приводим ниже.

На сем месте погребены:
Потемкин Александр Михайлович,
действительный тайный советник,
Санкт-Петербургский губернский
предводитель дворянства,
род. 30 янв. 1787 г. сконч. 19 июня 1872 г.
Потемкина Татьяна Борисовна,
урожденная княжна Голицина,
в продолжение 42-х лет председательница
Санкт-Петербургского дамского попечительного
комитета о тюрьмах,
учредительница многих приютов
и богаделен для бедных и детей,
на свои средства восстановила в 1844 году
Святогорский монастырь.

Сестра и брат Т. Потемкиной в Артеке

*В*след за Потемкиными части огромного имения Олизара приобрели старший брат Татьяны Борисовны кн. Андрей Борисович Голицын (1791–1861) и ее сестра Софья Борисовна (1796–1871). Муж ее Марк Федорович Полторацкий (1782–1858) управлял певческой капеллой в столице. С 1804 г. участник всех сражений, он закончил войну в чине генерал-майора и кавалера почти всех российских орденов. В 1818 г. вступил в брак, жена его Софья Борисовна – фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны. Активно участвовал в работе Московского общества Сельского хозяйства. Однако оба они занимались только подготовкой земли под виноградники, и позднее эти земли перешли во владение Ашера. Настоящей крымской помещицей стала ее сестра Александра Борисовна, благодаря браку с кн. Мещерским Сергеем Ивановичем, племянником кн. Голицыной (об этом подробнее в главе IV «Князья Мещерские»). Граф Шереметев, заставший Татьяну Борисовну и ее сестер в преклонном возрасте, замечает:

«У Татьяны Борисовны было еще две сестры, София Борисовна Полторацкая и княгиня Мещерская. Последняя всегда жила в Киеве или в своем имении, в Кореизе. София Борисовна Полторацкая... жила неразлучно с сестрой. У нее был единственный сын, которого

она лишилась уже взрослым. По смерти мужа она переселилась к сестре... женищина была умная, с которою считались по влиянию ее на сестру "Татьяну"³¹. София Борисовна, – продолжает он, – совершенно была лишена прелести своей сестры; небольшого роста и горбатая, она могла гордиться живым, остроумным саркастическим умом. На стене кабинета Татьяны Борисовны висел ее портрет в молодости прекрасной кисти. Она была красавица»³².

Традиции благотворительности в русской аристократической среде порой выглядели на современный взгляд довольно причудливо. Читая рассказы о нравах свекрови Татьяны Борисовны, Татьяны Васильевны Юсуповой, понимаешь, что Татьяна Потемкина многое унаследовала от обычаев московской старины и от истовой религиозности, согласно которой творить милостыню следовало «втайне» и при этом «не судить ближнего». Вот что рассказывал об этом П.А. Вяземский:

«Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова также далеко не слыла расточительницей. Вот черта ее, переданная мне невесткою ее, Татьяной Борисовной Потемкиной. По известному скопидомству своему, княгиня очень редко возобновляла свои туалетные запасы. Она долго носила одно и то же платье, почти до совершенного износа. Однажды, уже под старость, пришла ей в голову следующая мысль: "Да, если мне держаться такого порядка, то женской прислуге моей немного пожитков останется по смерти моей". И с самого этого часа произошел неожиданный и крутой переворот в ее туалетных привычках. Она часто заказывала и надевала новые платья, из материй на выбор и дорогих. Все домашние и знакомые ее дивились этой перемене, поздравляли ее с щегольством ее и с тем, что она как будто помолодела. "Вы, которые знаете загадку этой перемены, – говаривала она невестке своей (Татьяне Потемкиной), – вы поймете, на какую мысль наводят меня эти поздравления". И в самом деле, она, так сказать, на-

ряжалась к смерти и хотела в пользу прислуги своей пополнить и обогатить свое духовное завещание.

Однажды *m-elle Noiseville* (Нуазевиль), воспитательница княжон Голицыных, к которым принадлежала и Татьяна Борисовна Потемкина, говорит княгине Юсуповой о затруднении своем приискать несколько тысяч рублей, необходимых для приятеля ее *Vaudreuil Водрей* (французский эмигрант), который пропадет, если не добудет этих денег. Вскоре потом г-н Водрей получает, неизвестно откуда, неизвестно от кого, спасительное для него пособие. Позднее узнали, что деньги высланы были княгиней Юсуповой. Все это было рассказано мне в Гостилицах, поместье, подаренном императрицей Елисаветой графу Разумовскому. Впоследствии было оно куплено за 900 000 рублей Потемкиным, но не Таврическим»³³.

*Н.Б. Голицын, друг Пушкина
и переводчик его поэзии*

С Артеком связано имя еще одного почитателя таланта Пушкина, знакомого ему еще по Одессе и Петербургу, переводчика его поэзии и адресата одного из последних писем Пушкина в Артек.

Речь идет о родном брате Татьяны Борисовны Потемкиной, князе Николае Борисовиче Голицыне (1791–1866), который бывал в Артеке у сестры с 1833 по 1853 г. Он являлся правнуком генерал-фельдмаршала М.М. Голицына, сыном генерал-лейтенанта князя Бориса Андреевича Голицына (1766–1822) и княжны Анны Александровны Багратион-Грузинской (1763–1842) – внучки картлийского царя Бакара III.

Князь Н.Б. Голицын был участником многих сражений, включая Бородинское, Отечественную войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. Как ординарец П.И. Багратиона (дальнего родственника его матери и друга его отца), сопровождал раненого полководца в имение родителей – Симы Владимирской губернии, где Багратион и скончался. В дальнейшем являлся адъютантом генерала Г.А. Эмануэля, о котором написал книгу «Жизнеописание генерала от кавалерии Эмануэля». Награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» (хранится в Эрми-

таже), орденами Святой Анны и Святого Владимира четвертой степени. Вышел в отставку с чином капитана (1821), вновь служил во Втором кавказском корпусе (конец 1820–1832-х гг., имел чин подполковника).

Музыкально одаренный, Н.Б. Голицын стал одним из основателей русской школы виолончелистов (играл соло и в ансамблях). Активный участник Петербургского филармонического общества и Общества любителей музыки, он дал более 400 благотворительных концертов. Голицын был лично знаком с Шопеном и Огинским, переписывался с Бетховеном пять последних лет его жизни (1822–1827), пропагандировал его творчество в России. Бетховен посвятил Голицыну три струнных квартета – Es-dur, op. 127, A-moll, op. 132 и B-dur, op. 134 (так называемые голицынские квартеты) и увертюру «Освящение дома», op. 124. По инициативе Голицына в России (раньше, чем в Австрии) впервые прозвучала «Торжественная месса» Бетховена. Пробовал он свои силы и как композитор: написал переложение хорового сочинения Д.С. Бортьянского на виолончельный квартет, фантазии и вариации на темы опер Винченцо Беллини, фантазию на русские темы. Деятельность Голицына высоко ценили М.И. Глинка и А. С. Даргомыжский.

Голицын был одним из первых переводчиков стихотворений Пушкина на французский язык и присылал свои переводы автору, с которым был знаком, возможно, еще с конца 1810-х гг., встречался с ним и в Одессе. За два месяца до гибели на дуэли (ноябрь 1836 г.) поэт писал Голицыну в крымское имение его сестры Т.Б. Потемкиной Артек (подлинник письма по-французски):

«Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три перевода, из которых один сделан выскопоставленным лицом из числа моих друзей, но ни один не стоит вашего. Отчего вы не перевели этой пьесы в свое время, – я бы послал

ее во Францию, чтобы щелкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов...

Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего «Онегина», и вы, конечно, узнали некоторых лиц.

Вы обещаете перевод в стихах моего «Бахчисарайского фонтана». Уверен, что он вам удастся, как всё, что выходит из-под вашего пера, хотя тот род литературы, которому вы предаетесь, самый трудный и неблагодарный из всех, какие я знаю. По-моему, нет ничего труднее, как переводить русские стихи французскими, ибо, при сжатости нашего языка, никогда нельзя быть столь же кратким. Итак, честь и слава тому, кто справляется с этим так удачно, как вы.

Прощайте, я еще не отчаялся скоро увидеть вас в нашей столице, ибо знаю, как вы легки на подъем».

Увы, увидеться им не довелось.

Николай Борисович Голицын в 1855 г. во время Крымской войны вместе с сыном и внуком участвовал в обороне Севастополя. Похоронен в Святогорской усыпальнице при церкви преподобных Антония и Феодосия Святогорского Святоуспенского монастыря, ныне Свято-Успенской Святогорской лавры.

Примечания

- ¹ Воспоминания Елены Юрьевны Хвощинской. – СПб., 1898. – С. 97.
- ² Там же. С. 98.
- ³ Там же. С. 164.
- ⁴ Князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914) – публицист, прозаик, издатель-редактор «Гражданина», внук Николая Карамзина, работодатель Федора Достоевского, камергер Александра II, друг Александра III. Пользовался большим влиянием в правительственных кругах. Автор интереснейших воспоминаний, впервые полностью изданных в 2003 г.
- ⁵ Мещерский В.П. Мои воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2003. – С. 108.
- ⁶ Хвощинская Е.Ю. Указ соч. – С. 117.
- ⁷ Он состоял при Потемкиных и в Артеке, его имя нередко встречается в письмах кн. Голицыной и Беркгейм.
- ⁸ Мещерский В.П. Указ. соч. – С. 84. «Моя тетка» – Александра Борисовна, родная сестра Татьяны Потемкиной, жена кн. Сергея Ивановича Мещерского, владельца имения в Гаспре.
- ⁹ Мещерский В.П. Указ. соч. – С. 82–84.
- ¹⁰ Мемуары графа С.Д. Шереметева. – М.: Индрик, 2001. – С. 57.
- ¹¹ Там же. С. 61.
- ¹² Хвощинская Е.Ю. Указ соч. – С. 99.
- ¹³ Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860). Отец – действительный статский советник, нижегородский губернский предводитель дворянства кн. Петр Сергеевич Трубецкой (14.7.1760–19.2.1817), мать – Дарья Александровна, светлейшая кн. Грузинская (ум. 1796). Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., капитан лейб-гвардии Преображенского полка, позднее полковник. Один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия и руководителей Северного общества. Придерживался умеренных взглядов, был сторонником установления конституционной монархии в России освобождения крестьян от крепостной зависимости. Избранный в диктаторы восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, не явился в день выступления, что было одной из причин поражения декабристов. Осужден на 20 лет каторги в Сибири. Встречался с Пушкиным в литературно-политическом обществе «Зеленая лампа», членами которого они состояли (1819–1820).
- ¹⁴ Белл-Ланкастерская система (Система взаимного обучения) – форма учебной работы, состоявшая в обучении более старшими и знающими учениками учеников младшего возраста. Из Англии Ланкастерская система обучения распространилась в других частях света, а также в европейских государствах. В России ланкастерскую систему использовали

- декабристы для обучения крестьян и солдат (М.Ф. Орлов, В.Ф. Раевский и др.).
- 15 Трубецкой С.П. Материалы к жизни и революционной деятельности. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. – Т. 2. Письма. Дневник 1857–58. – С. 465–608 («Полярная звезда»).
 - 16 Вяземский П.А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. – СПб., 1883. Т. VIII. С. 339.
 - 17 Там же. С. 101.
 - 18 РГАДА. Ф. 1261. О. 3. е/х 1335. Л. 46.
 - 19 Хвощинская Е.Ю. Указ.соч. – С.103–104.
 - 20 РГАДА. Ф. 1261. О. 3. е/х 1335. Л. 79.
 - 21 РГАДА. Ф. 1261. О. 3. е/х 1335. Л. 78.
 - 22 Врач Потемкиных.
 - 23 Князь Николай Борисович Голицын (р. 1794 – ум. 1866), брат Т.Б. Потемкиной.
 - 24 Архив Раевских. – Т. 2, 1909. – С. 304–306
 - 25 Александр Михайлович Потемкин (1790–1872), муж Т.Б. Потемкиной, впоследствии действительный тайный советник, Санкт-петербургский губернский предводитель дворянства.
 - 26 Архив Раевских. – Т. 2, 1909. – С. 324–325.
 - 27 Там же С. 334.
 - 28 Пальчикова А.П. Чертежи Ф.Ф. Эльсона в Алушкинском музее / 11 Дмитровские чтения. – Ялта, 1998. – С. 100.
 - 29 Юрьевич С.А. Дорожные письма во время путешествия по России наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 г. // Рус. Архив. 1876. Кн.3 С. 187–188.
 - 30 Хвощинская Е.Ю. Указ. соч. – С. 104.
 - 31 Шереметев С.Д. Указ соч. – С. 58.
 - 32 Там же. С. 61.
 - 33 Анекдоты публикуются по кн.: Русский литературный анекдот XVIII – начала XIX в. – М., 1990.

Глава VI

ПУШКИН И КАРОЛИНА СОБАНЬСКАЯ-РЖЕВУСКАЯ: ПРОЗА ЖИЗНИ И ПОЭЗИЯ

*Потоцкая или Собаньская? Спор о пушкинском рисунке 1823 г.
Каролина Собаньская – вехи биографии. Пушкин и Собаньская
в Одессе: 1823–1824 гг. Встречи в Петербурге: 1828–1830 гг.*

*Пушкин и Каролина-Клеопатра: египетская, одесская,
петербургская. Собаньская и польское восстание 1830–1831 гг.*

Крым, Ореанда: чета Витт принимает маршала Мармона.

Каролина в Кореизе: расставание с Виттом и второе замужество.

*Париж и третье замужество Каролины. Портреты Каролины:
пером Пушкина.*

*Потоцкая или Собаньская?
Спор о пушкинском рисунке 1823 г.*

*П*ушкин провел в Одессе в общей сложности 13 месяцев. Здесь им были написаны две с половиной главы «Евгения Онегина», «Цыганы», закончен «Бахчисарайский фонтан», более 30 лирических стихотворений. Здесь же им было пережито несколько любовных увлечений, переплавленных в его поэзию. Обратим внимание на то, что героинями их стали дамы, принадлежавшие к трем знатнейшим семействам, перешедшим на сторону России после второго раздела Польши – Браницких (графиня Е.К. Воронцова), Потоцких (графиня С.С. Киселева, урожд. графиня Потоцкая), Ржевуских (Каролина Адамовна Собаньская, урожд. графиня Ржевуская).

Подобно греческим богиням из мифа о суде Париса, дамы, а точнее, пушкинисты спорят о том, кто из них явился «музой Бахчисарайского фонтана» или, шире, «утаенной любовью» поэта. Еще интереснее – в спор вступили их портреты. Речь пойдет о носительницах двух последних фамилий.

В 1977 г. сотрудница музея А.С. Пушкина в Москве Л.И. Певзнер опубликовала статью «Муза «Бахчисарайского фонтана»¹, тем самым решительно обозначив выдающуюся роль в романтическом периоде творчества поэта Софьи Станиславовны По-

тоцкой, в замужестве Киселевой. В этом утверждении она опиралась на обстоятельное исследование выдающегося пушкиниста Л.Гроссмана, опубликованное еще ранее – в 1960 г.² Однако статья Певзнер интересна для нас прежде всего тем, что в ней собрана известная на тот период иконография Потоцкой-Киселевой. Сегодня мы с удовлетворением можем сказать, что число опознанных портретов нашей героини, а также ее сестры Ольги Потоцкой-Нарышкиной значительно приумножилось, расширились и наши знания о них.

Судьба семейных портретов Потоцких разделила судьбу многих фамильных собраний, которые были национализированы, кочевали из музея в музей, распадались; при этом портреты утрачивали имена изображенных на них лиц, нередко и фамилии художников.

Именно это произошло с портретами ранее «неизвестных дам», оказавшихся знакомыми А.С. Пушкина по Петербургу и южной ссылке. И не просто знакомыми – по мнению вышеуказанных исследователей, именно они поведали Пушкину «семейное предание» о бахчисарайском фонтане и именно их подразумевают строчки:

Младые девы в той стране
Преданье старины узнали
И скорбный памятник оне
«Фонтаном слез» именовали.

Это Софья и Ольга, урожденные графини Потоцкие, в замужестве соответственно – Киселева и Нарышкина. Об атрибуции их портретов рассказывается во 2-м выпуске «Художественного собрания Алушкинского дворца-музея»³, а именно в статье «Портреты Нарышкиных и Киселевых»⁴, представители семейств которых входили в ближайшее окружение генерал-губернатора Новороссийского края М.С. Воронцова.

Портреты сестер оказались в доме Воронцова в Одессе не в последнюю очередь потому, что их сближали родственные связи⁵, да и вся жизнь их была тесно связана с Одессой. Здесь же находился дворец Потоцких, куда девочек привозила их мать, графиня Софья Константиновна Потоцкая, прозванная «прекрасной гречанкой».

После посещения Тавриды с семьей Раевских, поэт, направляясь к месту службы в Кишинев, останавливается в Одессе в середине сентября 1820 г. и затем посещает ее регулярно. В начале июля 1823 г. он переезжает в Одессу, где его начальником становится М.С. Воронцов. Одесские адреса знакомых Пушкина проливают новый свет на круг его общения. Дом, где часто бывал Пушкин, на углу Конной и Софиевской улиц (Дом Давыдовых) был арендован для княгини Вяземской с детьми, неизменной приятельницы и наперсницы сердечных тайн поэта. П.А. Вяземский, давний знакомый и поклонник графини С.К. Потоцкой и ее дочерей, обратился с просьбой к Павлу Дмитриевичу Киселеву, мужу Софьи, подыскать дом для жены и детей. Рекомендованный Киселевым дом Давыдовых находился в одном квартале, в самом непосредственном соседстве с дворцом графини Потоцкой, где останавливалась вся семья, приезжая из Тульчина – своей основной резиденции⁶.

В июне 1823 г. участки поблизости с домом и службами купила и дочь графини Потоцкой – Ольга. Выйдя замуж за Льва Александровича Нарышкина (1.11.1823), двоюродного брата Воронцова, Ольга Потоцкая-Нарышкина поселилась вместе с мужем в Одессе. Им принадлежал двухэтажный каменный дворец, где ныне расположен Художественный музей (ул. Софиевская, 5а)⁷.

Пушкин присутствовал на обедах в доме М.С. Воронцова, где Липранди, описывая натянутую атмосферу этих обедов, отмечает, что Пушкин «*через стол часто переговаривался с Ольгой Нарышкиной (сестрой Софьи Киселевой)*», и это само по себе свидетельствует о возобновлении старого знакомства⁸. Вечера Пушкин часто проводит в салоне Е.К. Воронцовой, где, по словам Вигеля,

*«всегда можно было найти тут Марини, Ф.И. Брунова, Пушкина, Франка и близкого родственника Сенявина. Из дам всенедельной посетительницей была одна только графиня Ольга Станиславовна Потоцкая, месяца за два перед тем вышедшая за Льва Александровича Нарышкина, двоюродного брата графа Воронцова»*⁹. Нетрудно догадаться, что общение с Ольгой подразумевает и встречи с ее сестрой Софьей, часто наезжавшей в Одессу из Тульчина, своей резиденции, и останавливавшейся у сестры, по соседству с домом, где жила княгиня Вяземская. Пушкину нетрудно было знать о том, что происходило по соседству, встречать сестер Потоцких в их саду, где гуляла Вяземская с детьми.

Эти встречи происходили и в Одессе, куда Софья приезжала навестить сестру. Частый гость княгини Вяземской, соседки Потоцких, Пушкин не мог не встречаться с ними или по крайней мере не знать, что там происходит. В письме брату Льву из Одессы, 25 августа 1823 г. Пушкин писал: *«я прочел ему (Туманскому. – Прим. авт.) отрывки из “Бахчисарайского фонтана” (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру»*¹⁰. Юношеская неразделенная любовь и глубокое уважение к этой женщине, с 1821 г. – замужней даме, привели к тому, что поэт постарался скрыть это имя от любопытства публики; вследствие этого мы так мало знаем о Музе «Бахчисарайского фонтана» и стихов раннего периода.

Софья Потоцкая была в Одессе в июне-июле 1823 г., а затем осенью, в связи со свадьбой сестры Ольги. Пушкин, оканчивая в эти месяцы «Бахчисарайский фонтан», теперь мог сообщить ей об окончании «обещанного рассказа» – о переложении в стихи «семейного предания», которое она поведала ему еще в 1818–1819 гг. в Петербурге.

Своеобразным «документом», свидетельствующим о такой встрече, Л.И. Певзнер считает женский портрет на черновике

2-й главы «Евгения Онегина», сделанный в ноябре 1823 г. (оригинал в Пушкинском доме (ИРЛИ, Петербург)). Эфрос в 1933 г. считал его «воображаемым портретом», очевидно за классическую красоту профиля дамы. Сотрудница Пушкинского музея Л.И. Певзнер на основе сравнения имеющихся портретов доказала, что это изображение Софьи Потоцкой. Рисунок возник именно в те два месяца, когда поэт оканчивал «Бахчисарайский фонтан», когда он упоминает о Потоцкой в письмах и когда они встречались в Одессе¹¹.

Вновь «опознанные» портреты и новые подробности жизни изображенных на них дам в Одессе в период пребывания там Пушкина еще более убеждают в справедливости вывода Л.И. Певзнер относительно рисунка Пушкина. Хочется думать, что поэт изобразил ее за чтением только что принесенной рукописи «Бахчисарайского фонтана», а само изображение прелестной склоненной головки так перекликается с более поздними стихами:

Когда вы трудитесь прилежно,
глаза и кудри наклоня,
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя.

Рисунок был так хорош, а имя изображенной дамы так зашифровано, что возникло искушение выдать его за портрет более известной (причем скандально известной) и яркой дамы, являвшейся еще одним известным увлечением Пушкина Одесского периода. Речь идет о Каролине Собаньской, многолетней «спутнице жизни», «гражданской жене» сводного брата сестер Потоцких – Яна Осиповича Витта. Впрочем, если в случае Софьи Потоцкой-Киселевой имелись вполне достоверные портреты для сравнения, то в случае Собаньской этого не было – ее портреты, как неоднократно повторяли пушкинисты, отсутствовали. Амалия Ризнич, Елизавета Воронцова одно время отодвинули указанную даму на

второй план. Впрочем, были и другие причины, по которым пушкинисты не жаловали Собанскую. За ней тянулся шлейф подозрений и прямых наветов, ее обвиняли в том, что, попирая устои брака, она жила в открытой связи с генералом Виттом и, мало того, участвовала в его интригах и доносах, особенно в слежке за декабристами. Прямых доказательств нет и сегодня, но худая молва множилась, превращая предположения в утверждения. Впрочем, упоминая о ней, невозможно было отрицать и глубокое впечатление, произведенное ею на поэта и отразившееся на образах его творчества – это Марина Мнишек в «Борисе Годунове», Клеопатра в стихах и прозе, описания дам высшего света в восьмой главе «Евгения Онегина», а также в стихах и в адресованных ей черновиках нескольких писем. Первой это признала Анна Ахматова, хотя высказала все это в крайне неприязненном, презрительном тоне¹². Далее Лотман, признанный знаток и «высший судия» поэта и его окружения, характеризуя Каролину, а заодно и ее сестру Эвелину Ганьскую, как будто специально подбирает особенно резкие, негативно окрашенные выражения, которые едва ли можно признать объективными.

Его описание дает, тем не менее, фигуру в высшей степени романтическую и сильный, склонный к авантюрам характер:

«Польский аристократ граф Адам Ржевуский романтически женился на пленной гречанке. В истории этого брака было все, что знакомо нам по поэмам Байрона и его последователей: жена – купленная рабыня, авантюры, преступления, и в итоге – две дочери красоты неслыханной, даже в эту богатую прелестными женщинами эпоху. От родителей девушки не получили ничего, кроме красоты, коварства и какой-то врожденной страсти к предательству и авантюрам. Пушкин и А. Мицкевич видели в сестрах героинь Байрона – на самом деле это были скорее демонические героини Бальзака. Одна из сестер (Эвелина) в дальнейшем действительно стала женой Бальзака и тесно связала себя с его творческой биографи-

ей. Вторая – Каролина (по мужу – Собаньская) злоеце вторглась в жизнь Пушкина»¹³.

Хотя поэт, по словам Лотмана, испытывал к ней «искреннее и страстное чувство», посвятил ей несколько великолепных стихотворений, пушкинисты сочли ее недостойной звания Пушкинской музы. Связав свою жизнь с графом Виттом, Собаньская навлекла на себя и подозрения в связях с III отделением, чем Витт занимался по долгу службы. Однако в последние годы наметился поворот по отношению к этой неоднозначной фигуре. Появились новые материалы и статьи, в которых дается более объективная интерпретация как самой Каролины, так и ее места в пушкинском творчестве. Среди них можно назвать сравнительно недавние работы М. Яшина¹⁴, В. Рапопорта¹⁵, Н.П. Прожогина¹⁶, С. Мрочковской-Балашовой¹⁷ и др. Итак, представим ее читателю, попутно обращая внимание на моменты сходства ее биографии с судьбой матери и дочери Потоцких. О том как пушкинский портрет прекрасной «дамы “со склоненной головой”» попытались превратить в портрет Каролины Собаньской, будет рассказано в последней части главы.

Каролина Собаньская – вехи биографии

*К*аролина-Розалия-Тэкла Собаньская (1795(?)–1885), принадлежала к одному из самых знаменитых польских аристократических семейств.

Ее отец, Адам Станиславович Ржевуский (1760–1825) – граф, сенатор, тайный советник, после раздела Польши, когда значительная часть ее перешла к России, был принят на русскую службу и с чином действительного статского советника назначен председателем Гражданской палаты во вновь образованной Брацлавской губернии. Позднее, в 1809 г. стал киевским предводителем дворянства, потом сенатором. Он также приходился племянником графу Северину Ржевускому, участнику Тарговицкой конфедерации, которую возглавлял граф Станислав Щенный-Потоцкий. Любовь к «прекрасным гречанкам» графа Станислава Потоцкого, о которой мы рассказали выше, и графа Адама Ржевуского как будто предопределила встречи и сложные отношения их детей в следующем поколении. Каролина, урожденная Ржевуская, связала свою жизнь с Виттом, сыном графини Софии Витт-Потоцкой от первого брака, следовательно, сводным братом ее детей от второго брака с Потоцким, в первую очередь с Софьей и Ольгой.

Каролина получила хорошее образование, в особенности светское; поскольку, рано осиротев, воспитывалась в Вене у своей тетки Розалии Ржевуской-Любомирской, в чьем салоне собирались вид-

ные представители европейской аристократии, политики и дипломаты и даже монархические особы. Ее сестра, Эвелина Ганьская, известна многолетней перепиской с Бальзаком, завершившейся браком. Ее брат Генрих – известный польский романист. Их отец, оказавшись в стесненных денежных обстоятельствах, видимо, надеялся поправить их тем, что выдал 16–17-летнюю красавицу-дочку за пятидесятилетнего помещика Иеронима Собаньского. Последний, владлец одного из самых больших торговых домов в Одессе, был, кроме того, членом Патриотического польского общества и вместе с графом Ходкевичем поддерживал связь с Южным обществом. От имени последнего Бестужев-Рюмин и Сергей Муравьев-Апостол обещали полякам независимость и возвращение некоторых завоеванных территорий, а поляки – поддержку повстанцам и обещание помешать вел. князю Константину вернуться в Россию.

Через год после брака и рождения дочери, в 1816 г. Каролина сумела, ссылаясь на нездоровье, добыть от католической консистории разрешение жить от мужа отдельно (только в 1825 г. она получила развод) и поселилась в Киеве у отца. Года через три она познакомилась с начальником военных поселений Новороссийского края графом Виттом, сыном «прекрасной гречанки» Софии Витт-Потоцкой от первого брака.

В 1821 г. прекрасная Каролина уже в Одессе, где имелись дом и дача графини Констанции Розалии Ржевуской, проживавшей в то время в Вене, где у нее воспитывалась в детстве Каролина. Вот какой она предстала перед своими современниками:

«Красивейшая из живших тогда в Одессе полек: веселая, живая, всесторонне образованная, любительница изящных искусств, прекрасная пианистка, она была душой того общества, к которому принадлежала»¹⁸.

Здесь ее связь с Виттом становится почти открытой. Витт пользовался успехом у дам, но было бы наивно предположить,

что только страсть связала его с Каролиной; гораздо более важную роль сыграла их обоюдная страсть к интриге. Высокое положение графа, обеспечивающее близость к «центру принятия решений», царившая на Юге России атмосфера заговоров, в которой переплетались интересы поляков, мечтавших о свободе Польши, и будущих декабристов, готовых свергнуть монархию и погрузить страну в хаос, – все это давало прекрасную возможность нашим героям проявить свои немалые способности, находясь в центре событий, и в известной степени, при необходимости, направлять их. Перспектива такой крупной игры и свойственный ее характеру авантюризм заставили Собаньскую пренебречь мнением света и стать фактически содержанкой Витта. В свете считали, что Витт со временем женится на ней после того, как уладит формальности с разводом. Такое поведение считалось скандальным, однако во мнении света, особенно мужской его части, оно скорее усиливало интерес к красавице-аристократке с романтической судьбой. Штаб Витта находился в захолустном Вознесенске. Но он добился, чтобы в дополнение к главной должности ему поручили управление Одесским Ришельевским лицеем, и потому часто и подолгу жил в Одессе. Граф ради Каролины устраивал пышные балы и маскарады в своем роскошном дворце. У нее были изысканные туалеты, драгоценности, кареты, слуги. Ядовитый Вигель не мог обойти вниманием столь яркую фигуру, но и в его описаниях злословие смешивается с восхищением. Предметом обличений служила прежде всего «незаконная» связь разведенной Каролины с женатым графом. По его словам, только *«две или три порядочные женщины ездили к ней и принимали у себя, не включая в то число графиню Воронцову, которая приглашала ее на свои вечера и балы единственно для того, чтобы не допустить явной ссоры между мужем и Виттом; Ольга же Потоцкая-Нарышкина, хотя по матери и родная сестра Витту, не хотела иметь с ней знакомства, все прочие также чуждались ее. В этом унижительном положении какую твердость умела она показывать и как высоко подыматься даже над преследующими*

ее женщинами! Мне случалось видеть в гостиных, как, не обращая внимания на строгие взгляды и глухо шумящий ропот негодования, с поднятой головой бодро шла она мимо всех не к последнему месту, на которое садилась, ну право, как бы королева на трон. Много в этом случае помогали ей необыкновенная смелость (ныне ее назвал бы я наглостью) и высокое светское образование». Действительно, Каролина всегда помнила, что в ее жилах течет кровь польских и французских королей. Королева Мария Лещинская, супруга Людовика XV, приходилась ей прабабкой. Двоюродная бабка Розалия Любомирская, подруга Марии-Антуанетты, пыталась спасти королеву от угрожавшей ей казни. Сама она была за это гильотинирована, и ее имя вошло в анналы жертв французской революции конца XVIII в. Память об этом помогала Каролине встать выше светского злословия. Ее красота, умение вести умные беседы, прекрасная игра на фортепиано делали ее салон одним из самых модных в Одессе. Скрепя сердце, это признает Вигель:

«Пален и Потоцкий часто бывали то на утренних, то на вечерних ее беседах и веселостию ума оживляли на них разговор... Вообще из мужского общества собирала она у себя все отборное, прибавляя к нему много забавного, потешного»¹⁹.

Одним из ее увлечений было коллекционирование автографов знаменитых людей. В собрании Каролины имелись автографы Питта, Веллингтона, Шатобриана, Лафатера, мадам де Сталь и даже самой Марии-Антуанетты.

Избранник Собаньской, граф Иван Осипович Витт, генерал, начальник военных поселений Новороссийского края, являлся сыном от первого брака известной красавицы, «прекрасной гречанки» с авантюрной судьбой, Софии Витт, во втором браке графини Потоцкой. Его отцом был комендант Каменец-Подольской крепости, в то время польский подданный, впоследствии генерал на русской службе. Таким образом, польские симпатии Витта

и Каролины вполне понятны и впоследствии много объяснят в их поведении. Витт был честолюбив, и карьера его складывалась удачно. В Русско-французской войне 1805 г. Витт, 24 лет от роду, уже командовал лейб-гвардии Кирасирским полком; неприятным фактом биографии стало то, что во время Аустерлицкого сражения, проигранного русскими, его полк во главе с командиром покинул поле боя. На карьеру графа это, однако, не повлияло. В Отечественной войне 1812 г. Витт заслужил несколько орденов и снова был на хорошем счету. В 1817 г. он, по приказу императора Александра I, занялся формированием Бугской уланской дивизии для размещения в Херсонских военных поселениях. Император два раза лично производил смотр поселениям, и в 1820 г. Витту был пожалован орден Александра Невского вместе с монаршей благодарностью. В 1823 г. Витт получил командование 3-м резервным кавалерийским корпусом и управление военными поселениями Новороссийского края. Он также по совместительству управлял Ришельевским лицеем, и по этому поводу часто бывал в Одессе, где Собаньская обычно проводила лето. Занимая видный пост в русской администрации, Витт, мастер интриги, тайком поддерживал связи с польскими патриотами (скорее всего при участии Собаньской, которая на протяжении всей жизни оставалась горячей защитницей польского дела), а также с русскими дворянскими заговорщиками, будущими декабристами. Из них следует прежде всего упомянуть Павла Пестеля, владевшего искусством интриги не хуже других. Готовя мятеж, Пестель задумал использовать в нем, в значительной степени как «пушечное мясо», военных поселенцев, находившихся под началом у Витта. Ради этого он был готов жениться на дочери генерала, старой деве. Витт, со своей стороны, поддерживал добрые отношения с Пестелем и другими на случай, если заговорщики одержат победу. Судьба решила по-своему: Александр, наконец, вручил Пестелю полк, и обращение декабристов к Витту сделалось ненужным.

Далеко идущие планы Витта не ограничивались отношениями с Пестелем. Он поддерживал связи и с польскими патриотами, но они не приняли Витта в свое общество, заодно предупредив об этом князя С.Г. Волконского, что насторожило против Витта членов Южного общества. С весны 1825 г. Витт через своего агента Бошняка, который числился при нем писателем и натуралистом, установил регулярное наблюдение за будущими декабристами. Его, однако, опередил унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка в Миргороде И.В. Шервуд. В июне Шервуд, через голову Витта, отправил в Петербург донос о существовании тайного общества. Это письмо, в котором Шервуд просил арестовать его, чтобы он мог доложить обо всем лично и не возбуждая преждевременных подозрений, попало к Александру I, который поручил расследование Аракчееву. Узнав про арест Шервуда, Витт принял свои меры: организовал анонимное письмо на свое имя, где сообщалось о существовании тайного общества. Кто был автором этого недошедшего до нас документа? Одни считают им Бошняка, другие – самого Витта, третьи – Собаньскую. Вооруженный этим письмом Витт попросил аудиенции у царя, которая состоялась 18 октября в Таганроге. Витт, умолчав о деятельности поляков, назвал некоторых из заговорщиков, которые были уже известны правительству благодаря Шервуду, в частности Пестеля. Последний, получив к этому времени полк, что ему долго не удавалось, отбросил за ненадобностью идею жениться на дочери Витта Изабелле. Витт упомянул также сыновей генерала Раевского, которые к тайному обществу не принадлежали. Возможно, то была личная месть. Каких-либо доказательств участия Собаньской в этом деле не имеется. Ф. Вигель, мемуарист не слишком надежный, считал, что она писала по поручению Витта все его доносы, поскольку хорошо владела французским языком. Царь Николай, напротив, полагал Витта орудием в руках Собаньской, целью которой была независимость Польши. Так считают и польские исследователи. Отечественные же пушкинисты склонны принять точку зрения Вигеля.

Пушкин и Собаньская в Одессе: 1823–1824 гг.

том, что в Одессе особым вниманием Пушкина пользовались три дамы – Каролина Собаньская, Амалия Ризнич, Елизавета Воронцова, – написано достаточно. Все они являлись украшением одесского общества, и внешне фигура влюбленного поэта при блестящих светских дамах выглядела достаточно традиционно. Именно о них в письме к мужу пишет Вера Федоровна Вяземская:

«Пушкин скучает гораздо более чем я: три женщины, в которых он влюблен, уехали. К счастью, одна из них возвращается этими днями, я его предупредила, что вы будете соперниками»²⁰.

О развитии отношений с польской красавицей известно чрезвычайно мало. Их канва такова. Пушкин впервые увидел Собаньскую в Киеве 21 января 1821 г. Однако только два года спустя, после переезда в Одессу, куда в июле 1823 г. приехала вместе со своей сестрой Эвелиной Ганьской (будущей женой Бальзака) и Каролина, принялся всерьез добиваться ее благосклонности. Поэт сам указывает дату начала романа – в письме от 2 февраля 1830 г. он пишет: *«сегодня 9-я годовщина дня, когда я увидел вас впервые»*. Судя по письму, он носил характер бурной чувственной, но кратковременной вспышки. Конец лета – начало осени 1823 г. считают временем постоян-

ного общения, но покуда Каролина находится в отъезде с конца сентября до конца октября, в августе на первый план выходит Амалия Ризнич (в черновике письма, вероятно, Раевскому (начало не сохранилось), за 15–22 октября поэт пишет, что его *«страсть в значительной мере ослабела»* и что тем временем он *«успел влюбиться в другую»*²¹, то есть в Амалию. Однако он, скорее всего, хотел ввести в заблуждение соперника по поводу своих отношений с Собаньской. В октябре он пишет элегию «Простишь ли мне ревнивые мечты», которую завершает и отправляет в Петербург для опубликования в альманахе «Полярная Звезда» 11 ноября. Именно в этот день в Кафедральном соборе Одессы, где присутствовала вся одесская знать, происходили крестины сына четы Воронцовых. Вероятно, сцена выглядела так: Каролина шутливо окунает пальцы в чашу со святой водой и, обернувшись, касается ими лба поэта (спустя семь лет он напишет: *«это прикосновение я чувствую до сих пор – прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика»*). В ноябре Пушкин пишет еще одно неоконченное стихотворение, рассказывающее о любовной игре светской львицы с юным поэтом.

Как наше сердце своевольно!
.....томимый вновь
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покорной,
В нее вливать огонь и яд.
Ты согласилась, негой влажной
Наполнился твой томный взор;
Твой вид задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговор
И то, что дозволяешь нежно,
И то, что запрещаешь мне,

Всё впечатлелось неизбежно
В моей сердечной глубине.

В ноябре вышел в свет, а в декабре появился в Одессе альманах «Полярная Звезда», где были напечатаны несколько стихотворений Пушкина, в том числе и элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты», где вместо фамилии автора стояла звездочка.

Простишь ли мне ревнивые мечты
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Мной овладев, мой разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной...

Наряду со словами любви элегия содержала непростительные, с точки зрения Собаньской и Витта, строки о «сопернике», который

...наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?

Это переходило все границы приличия, и Каролина разгневалась. Во всяком случае, в «Литературных листках» в Петербурге элегия, по просьбе Пушкина, была напечатана без возмутивших красавицу злополучных строк. Однако это не помогло, Каролина не сменила гнев на милость. Поэт вновь берется за перо: «*Все кончено: меж нами связи нет...*» и далее – роковая фраза «*Не для меня сотворена любовь*».

7 октября 1830 г., в Болдине, уже будучи женихом, Пушкин пишет забавное стихотворение, где самого себя стилизует под паж или Керубино. Но в нем рассыпано множество примет Каролины и ее отношений с поэтом одесского периода. Вера Вяземская сказала тогда, что он был бы похож на Керубино, если бы не внешность.

«Я старалась усыновить его, но он непослушен, как паж, и если б он не был так дурён собой, я бы прозвала его Керубино...»²²

В первоначальной редакции были слова «мою варшавскую графиню», позднее замененную на «севильскую». Далее – гордый, но томный взор; строга, властолюбива, величава; и неожиданно, – ужас как она ревнива (а мы-то думали, что это – отличительная черта поэта, оказывается, что он слишком часто обращал внимание на окружающих дам и это раздражало гордую графиню). А дальше – игра: выше мы видели «я умолял тебя недавно обманывать мою любовь... ты согласилась»; продолжение игры – замечательная, в испанском духе стилизация: «вечор она мне величаво / клялась, что если буду вновь / глядеть налево и направо, / то даст она мне яду; право, вот какова ее любовь».

Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
И между ими есть одна...
И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так тёмен,
Что жизни мне милей она.
Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму –
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.
Вечор она мне величаво
Клялась, что если буду вновь

Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду; право –
Вот какова ее любовь!
Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?..
Нет! ни за что не назову!

А. Ахматова во многих своих работах связывает ряд произведений болдинской осени (8-я глава «Евгения Онегина», «Каменный гость», «Паж, или Пятнадцатый год») с К. Собаньской. В «Неизданных заметках...» Анна Андреевна прямо назовет Собаньскую «одесской Клеопатрой».

О том, что значили для поэта одесские встречи с Собаньской, мы узнаем из черновиков двух писем, которые говорят о том, что старое увлечение вспыхнуло с новой силой в конце 1829–1830 гг., когда судьба снова свела Пушкина и Собаньскую в Петербурге. По мнению Анны Ахматовой, особые черты ее внешности и манеры вести себя отразились в 8-й главе «Евгения Онегина» в описании блистательных дам большого света, а в письмах Онегина Татьяне-княгине – чувства самого поэта к Каролине.

*Встречи в Петербурге:
1828–1830 гг.*

*В*стречи Пушкина и Собаньской происходили в конце 1829 – начале 1830 г., когда Каролина приехала по делам в Петербург. Есть предположение, что она приезжала и в 1828 г., и что, вероятно, присутствовала на чтении поэтом «Бориса Годунова» у графини Лаваль, где присутствовали А.С. Грибоедов и А. Мицкевич. Не было ли здесь и Собаньской, близкой приятельницы обоих поэтов? Предположение это основано на том, что в письме А.Н. Раевскому от 1829 г. (30 января или 30 июля) Пушкин вспоминает и о ней, называя ее здесь «кузиной г-жи Любомирской» и ссылаясь на ее оценку характера Марины Мнишек: «*Она ужас до чего полька, как говорила кузина г-жи Любомирской*»²³.

Во всяком случае, поэт к этому времени прочитал своей польской возлюбленной «Бориса Годунова» и, возможно, обсуждал с ней образ Марины, который, по мнению Р. Якобсона, навеян Собаньской. К тому же Пушкин собирался вернуться к истории Марины: «...она волнует меня как страсть».

Одним из косвенных свидетельств возобновившихся в Петербурге с конца 1828 г. контактов Пушкина и Каролины является упоминание французской писательницы мадам Кампан. Характерно, что, как и в Одессе, обоих объединял общий интерес к но-

винкам литературы. Это наблюдение мы заимствуем у С. Мрочковской-Балашовой в ее комментариях к публикации Дневника Долли Фикельмон.

«Пушкин упоминает франц. писательницу в статье о романе М.Н. Загоскина “Юрий Милославский, или русские в 1812”, *напечатанной в «Лит. Газете», 1830, № 5.* (Пушкин. Полное собр. соч. в 10 томах. Т. VII. С. 72–73). Говоря о том, что под жанром романа ныне разумеют “*историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании*”, он иронизирует над беспомощными попытками современных сочинителей воссоздать ту или иную эпоху. “*Под беретом, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером, сквозь кружевную фрезу а ла Henri IV проглядывает накрахмаленный галстух нынешнего dandy. Готические героини воспитаны у madame Camran, а государственные люди XVI столетия читают Times и Journal des Débats*”.

Между тем, упоминание о Madame Camran – казалось бы, вскользь, мимоходом – свидетельствует о хорошем знакомстве Пушкина с ее сочинениями и, несомненно, с самым главным, на шумевшим, – “*Mémoires sur la Vie privée de la reine Marie-Antoinette*” (“Воспоминания об интимной жизни Королевы Марии-Антуанетты”, опубл. в 1823 в Париже). Пушкин следил за новинками литературы, в том числе и западной, и сочинения Кампан явно не были обойдены его вниманием. Его замечание о готических героинях, похожих на воспитанниц Madame Camran, скорее всего, имеют в виду воссозданные в сочинениях фр. писательницы женские образы, их характеры, воспитание, манеру поведения, присущие прекрасному полу в эпоху Людовика XVI и Марии-Антуанетты».

Ставя вопрос о том, каким образом сочинения Madame Camran попадали к Пушкину, исследовательница высказывает предположение, что их привезла с собой Каролина Собаньская, появившаяся в столице в конце 1828 г. В черновике его статьи о Юрии Милославском имеется фраза, опущенная из напечатанного текста: «*Одна умная дама сравнивала роман Альфреда де Виньи с блед-*

ной дурной литографией» (Пушкин. Там же. С. 473). Такая дама, не только начитанная и следящая за всеми новинками западной литературы, но и способная изречь столь образное и меткое сравнение, несомненно, Каролина Собаньская, считает Мрочковская-Балашова²⁴. Действительно, она знакомила Пушкина с книгами, «в которых отразился век», еще в Одессе (вспомним одну из них – «Адольф» Констана Бенжамена). Добавим, что Каролина, чья тетка, подруга Марии-Антуанетты, погибла на эшафоте, не могла не проявить обостренного внимания к сочинениям м-м Кампан, чья жизнь так тесно переплеталась с жизнью версальского двора.

Собаньская провела в столице зиму 1829/30 г., и в это время вновь произошло ее сближение с поэтом. Вяземский был в курсе событий. 7 апреля 1830 г. он писал жене:

«Собаньска умна, но слишком величава. Спроси у Пушкина, всегда ли она такова, или только со мной и для первого приема».

К тому времени Собаньская уже имела все основания считать Пушкина видным русским поэтом и, увлеченная собиранием автографов великих людей, попросила написать ей в альбом стихи. Она получила их в день своего рождения, который отмечала в день католического Рождества, 25 декабря. И именно в этот день, 25 декабря 1829 г., Пушкин принес ей, как прощальный дар, листок со стихотворением «Что в имени тебе моем?», который она вклеила в свой альбом.

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный

Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волнениях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его, тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

Недавно собрание пушкинских автографов Пушкинского дома пополнилось еще одним стихотворением из альбома Каролины. 26 июня 2009 г. Президент России Владимир Путин передал в дар Санкт-Петербургскому институту русской литературы (Пушкинскому дому) Российской академии наук уникальный автограф стихотворения «На холмах Грузии». Оно было собственноручно вписано А.С. Пушкиным в альбом графини Каролины Собаньской. На альбомном листке под стихотворными строчками рукой графини сделана приписка по-французски: <Импровизация Александра Пушкина в Петербурге в 1829 году>. После смерти Собаньской альбомный листок со стихотворением несколько раз менял владельцев и в 1994 г. был приобретен Владимиром Гофманом, внуком известного русского пушкиниста, поэта и филолога Модеста Гофмана.

Но прощание с роковой красавицей затянулось. Об этом свидетельствуют черновики двух писем от 2 февраля, которые говорят о том, что страсть к ней не прошла, как он уверял А. Раевского в конце 1823 г. Из писем следует, что Пушкин на юге пережил роковую подлинную страсть и что, несмотря на все прочие

любовные приключения, она продолжала тлеть в нем, готовая разгореться. За несколько месяцев до венчания с Натальей Николаевной Гончаровой, 2 февраля 1830 г., Пушкин, встретившись в Петербурге с Собаньской, «готов был бросить все и пасть к вашим ногам». К тому времени, когда Пушкин написал эти строки, он уже давно был увлечен Натальей Гончаровой и даже просил (вначале безуспешно) ее руки. По мнению Т.Г. Цявловской, невозможность близости с Каролиной окончательно проявилась для Пушкина в феврале, после чего он отправился в Москву, где сделал второе предложение Гончаровой: *«Вероятно, Пушкин обрадовался возможности отвлечься от душевной боли, и контрастный образ скромной юной девушки, в которую он был уже год влюблен, вновь завладел им в какой-то мере»*²⁵. Вместе с тем даже перед самым бракосочетанием его состояние оставалось далеким от эйфории²⁶. Вот что пишет об этом А. Ахматова: *«Очевидно, получив согласие родителей невесты на брак, Пушкин понял, что попал в совершенно безвыходное положение»*. И далее, в сноске: *«письма кн. П.А. Вяземского к жене сообщают довольно неожиданные подробности пушкинского сватовства 1830 г. Князь очень долго не верит слухам об этом событии; наконец, уверившись, восклицает: “Как можно, любя одну женщину, свататься к другой”. Кн. Вера, вероятно, должна была понять, кого подразумевает муж под первой женщиной... Привожу эту цитату, чтобы показать, как сложна была психологическая обстановка 1830 года»*²⁷.

Пушкин в те годы решил, что ему уже пора жениться. В 1826 г. он сватался к С.Ф. Пушкиной, в 1828 г. – к Аннете Олениной и настолько был уверен в будущей женитьбе, что примерял, как будет выглядеть сочетание «Аннета Пушкина».

1 мая 1829 г. он просил руки Натальи Николаевны Гончаровой и получил неопределенный ответ. Однако в марте 1830 г. Вяземский сообщал жене из Москвы, что Пушкин чуть ли не помолвлен с Екатериной Николаевной Ушаковой, двадцатилетней красавицей, которую сам поэт называл «прелестной». Наконец, 6 мая

1830 г. состоялась помолвка Пушкина с Натальей Николаевной, и он официально сделался женихом.

Собаньская почти не упоминается в письмах Пушкина и в воспоминаниях близких к поэту людей. Она долгое время оставалась «тайной любовью» поэта. До конца XIX в. черновики его писем к ней печатались в собраниях сочинений Пушкина не в отделе писем, а как наброски некоего романа. Первым адресата писем определил одесский литературовед А.М. де Рибас. Тем не менее, гипотеза о глубокой влюбленности Пушкина в женщину старше его возрастом, и притом о любви, которую он пронес через все 1820-е гг., не сразу укоренилась в пушкинистике. В 1934 г. де Рибас пишет Т.Г. Цявловской:

«Свои первые догадки я сообщил уже много лет тому назад Н.О. Лернеру, который сначала не соглашался, находя невероятным, чтобы Пушкин во время своей влюбленности в Гончарову мог увлекаться еще другою страстью, но потом, через несколько годов, признал мои соображения правильными»²⁸.

Что касается вопроса о влиянии Собаньской на творчество Пушкина, то этот вопрос остается предметом многочисленных споров. Безусловно адресовано Собаньской стихотворение «Что в имени тебе моем», которое Пушкин собственноручно занес в ее альбом 5 января 1830 г. в ответ на просьбу оставить автограф. Вероятно, именно оно зашифровано в плане неосуществленного собрания стихотворений аббревиатурой «Соб-ой». С ним обычно связывают и непосредственно следующее в этом списке стихотворение «Когда твои молодые лета...». Т.Г. Цявловская относит к этому же циклу прощания с Собаньской знаменитый отрывок «Я вас любил...» и высказывает предположение, что при написании письма Онегина к Татьяне «*поэт в большой мере черпает мысли, обороты и жизненную силу из своих писем к Собаньской*»²⁹.

Большой интерес фигура Каролины Собаньской вызывала у Анны Ахматовой. В своих пушкиноведческих статьях она связывала с продажной и демонической «одесской Клеопатрой» тему египетской царицы, которая проходит через все творчество поэта и получает наиболее чистое и сосредоточенное воплощение в повести «Мы проводили вечер на даче» (с точки зрения Ахматовой, вершина пушкинской прозы)³⁰. Согласно пушкиноведческим построениям Ахматовой, до брака с Гончаровой сердце поэта терзали две «вамп» – Собаньская и Закревская. Именно с ними исследовательница связывает «темную даму», неуловимо скользящую по страницам «Евгения Онегина», и по-южному жгучую героиню «Каменного гостя» – Лауру.

Отмечалось, что письма Пушкина редко служат одной только цели обмена информацией, они – тоже литература. Это наследие XVIII в., когда эпистолярное искусство довели до высокого совершенства. Пушкин почти всегда в письмах к женщинам преследовал литературную цель, хотел произвести определенное впечатление³¹. Тем не менее, Анна Ахматова назвала эти два письма «единственными в своем роде в эпистолярном наследии» поэта.

Вероятно, Пушкин знал о планах Собаньской поселиться в Оранде, по соседству с княгиней Голицыной. Знал и о том, что хозяином поместья является Витт, и не рассчитывал быть гостем в этом доме. Письмо не было отправлено, потому что в этот же день Пушкин получил записку от Собаньской, написанную в холодном светском тоне и откладывавшую их свидание. И тон, и смысл письма как будто дразнили нетерпение Пушкина. Ответом было нервное письмо поэта, в котором раздражение и страсть слились воедино:

«Вы смеетесь над моим нетерпением, вам как будто доставляет удовольствие обманывать мои ожидания, итак я увижу вас только завтра – пусть так. Между тем я могу думать только о вас. Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье, я предпочитаю не говорить, а писать вам. В вас есть ирония, лукавство, которые

раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки. Вы – демон, то есть тот, кто сомневается и отрицает, как говорится в Писании. В последний раз вы говорили о прошлом жестоко. Вы сказали мне то, чему я старался не верить – в течение целых 7 лет. Зачем? Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною. Не говорите же мне о нем, ради Христа. – В угрызениях совести, если бы я мог испытать их, – в угрызениях совести было бы какое-то наслаждение, – а подобного рода сожаление вызывает в душе лишь яростные и богохульные мысли. Дорогая Элеонора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных (?) лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть. – Дорогая Эленора, вы знаете, я испытал на себе все ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и все, что есть в нем самого ошеломляющего. От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя, – и немного робости, которую я не могу побороть. Я прекрасно знаю, что вы подумаете, если когда-нибудь это прочтете – как он неловок – он стыдится прошлого – вот и все. Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним. Он полон самомнения, как его повелитель Сатана. Не правда ли? Однако, взявшись за перо, я хотел о чем-то просить вас – уж не помню о чем – ах, да – о дружбе. Эта просьба очень банальная, очень... Это как если бы нищий попросил хлеба – но дело в том, что мне необходима ваша близость. А вы между тем по-прежнему прекрасны, так же, как и в день переправы или же на крестинах, когда ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор – прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика. – Но вы увянете; эта красота когда-нибудь (?) покатится вниз как лавина. Ваша душа некоторое время еще продержится среди стольких опавших прелестей, а затем

исчезнет, и никогда, быть может, моя душа, ее (?) боязливая рабыня, не встретит ее в беспредельной вечности. Но что такое душа? У нее нет ни взора, ни мелодии, мелодия быть может...»³²

В письмах Пушкин настойчиво обыгрывает мотивы одного из своих любимых романов – «Адольф» Бенжамена Констана. Он даже называет Каролину именем его главной героини – Элеоноры: *«Дорогая Эллена, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне... и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование...»* (XIV, 446). Роман этот был отнесен Пушкиным к числу тех немногих романов, *в которых отразился век, и современный человек изображен довольно верно...* Известно, что романтический герой Б. Констана был одним из прототипов Онегина. Александр Михайлович де Рибас сообщил слова отца, который знал в своем детстве Собаньскую и слышал ее слова по поводу Пушкина и Мицкевича *«Ils ont été tous les deux amoureux de moi»* («Они оба были влюблены в меня»). А потом такую фразу о Пушкине: *«Мы читаем с ним романы, которые мне дает де Витт». Отец мой, передавший мне эти слова, всегда удивлялся, что роман Пушкина с Собаньской так мало известен биографам поэта»³³.*

Пушкин видел перед собой Элеонору – героиню «Адольфа» Бенжамена Констана. Его письмо, написанное по-французски, несет на себе отпечаток стиля французских романов. Текст «Евгения Онегина» легко распадается на цитаты, что было отмечено комментаторами. Между тем романтическая эпоха пользовалась цитатами, что позволяло расширить оттенки смысла. Используя цитату, человек романтической эпохи как бы возводил себя на уровень литературного героя. Черновики обоих писем одними трактовались как наброски к задуманному роману, другими – как личные письма поэта, обращенные к Каролине, но не отосланные. В пользу литературной версии говорят недавно обнаруженные факты из жизни Каролины. Из них следует, что в течение последующих двух месяцев они не могли встречаться: в первых числах января Каролина ука-

тила в Париж. Об этом сообщает Н.П. Прожогин, обнаруживший в Париже дневник австрийского посла Рудольфа Аппони (1782–1852), где содержится упоминание о светских похождениях польской красавицы, причем записи помечены 23 января и 9 февраля 1830 г. Нетрудно рассчитать, что она должна была уехать из России не позднее первых чисел января 1830 года³⁴. Получается, что пушкинские тексты, принятые за черновики писем к Каролине Собаньской, писались месяц спустя после того, как она покинула Санкт-Петербург. Встречи в столице, наложившиеся на одесские воспоминания, навели мысли, преломились в сознании поэта как замысел произведения, который можно было бы назвать русским вариантом романа Бенжамена Констан «Адольф».

Хотя упомянутые письма Пушкина очень литературны и, как показала еще Ахматова, навеяны настроениями романа Констан, это форма, за которой стоят реальные переживания. Обилие «литературных цитат» ни в коей мере не означает отсутствия искреннего и взволнованного чувства. Ахматова тонко подмечает автобиографичность женских образов, казалось бы, далеких от романа Констан и его героини Элеоноры (Лауры в «Каменном госте», Татьяны 8-й главы «Онегина», графини Леоноры в «Арапе Петра Великого»), в которых узнается роковая Каролина. *«От Лауры автор в восторге, – пишет Ахматова, – ей все разрешено, вплоть до любовного свидания при трупе убитого из-за нее Дона Карлоса; так и кажется, что сам автор готов тешить ее серенадами и убивать соперников на перекрестках. Она – в сиянии бессмертного искусства. Это – юность Пушкина, это – музыка – “из наслаждений жизни одной любви музыка уступает”... Она – “милый демон”. (Замечу вскользь, что Демон – было прозвище Собаньской и так называл ее Пушкин в письме от 2 февраля 1830 г.)»³⁵.*

*Пушкин и Каролина-Клеопатра:
египетская, одесская, петербургская*

В 1920–1930-е г. о Каролине писали пушкинисты А.М. де Рибас, Б.Л. Модзалевский, В.М. Базилевич. В 1935 г. вышла в свет книга «Рукою Пушкина» (Несобранные и неопубликованные тексты. Под ред. и с комментариями М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского и Т.Г. Зенгер). В ней-то и было опубликовано письмо К. Собаньской шефу жандармов Бенкендорфу, обнаруженное в секретном архиве III отделения. После этого имя Собаньской стало обрастать нелестными эпитетами, а затем и вовсе исчезло из работ пушкинистов. В последние несколько десятилетий ее имя возродили из небытия, причем было довольно твердо заявлено, что обвинения, возложенные на нее за это время, ничем не доказаны.

Поэзия Пушкина 1820-х гг. полна стихами, посвященными Каролине. В зрелые годы, когда поэт все чаще избирает прозаическую форму выражения, черты Собаньской сквозят еще ярче в набросках будущих произведений. Вопреки своей незавершенности, они шаг за шагом раскрывают нам неизвестную историю отношений двух ярких, сложных характеров, которая перелилась в образы пушкинской поэзии и прозы.

Стихи говорят нам о близости, о муках ревности... «Моя работа, – пишет Ахматова, – помогает установить до сих пор не улов-

ленные комплексы Пушкина: боязнь счастья, т.е. потери его (т.е. неслыханного жизнелюбия), и загробной ревности=загробной верности (примеры: Ленский, Командор, Ксения Годунова, Дона Анна). Вот стихи 1824 г., где впервые звучит формула «не для меня сотворена любовь», которая в разных вариантах будет повторяться: «Обманывать себя не стану вновь, тебя тоской преследовать не буду, прошедшее, быть может, позабуду, не для меня сотворена любовь». В письме 1829 г. встречаем признание того, что «не для меня сотворена любовь», «бегство от счастья» сыграли с ним злую шутку в одесский период отношений с Каролиной. В черновом письме 1829 г. он в жестких выражениях описывает ситуацию – в самый разгар любовных отношений он комплексует, предвидит их конец, страдания и муки ревности, унижение и, чтобы не страдала гордость, уходит первым.

«В последний раз вы говорили о прошлом жестоко. Вы сказали мне то, чему я старался не верить – в течение целых 7 лет. Зачем? Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною».

И вот в «Арапе Петра Великого» он подробно излагает психологическую основу «бегства от счастья». Героиня повести, графиня Леонора носит то же имя, каким Пушкин называет Каролину в письме – в память о «жгучих чтениях моих юных лет» модного в то время романа «Адольф», судьба героини которого напомнила ему судьбу Каролины («и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть»). Арап Ибрагим, от лица которого ведется рассказ, поясняет:

«Я еду, милая Леонора, оставляю тебя навсегда... Счастье мое не могло продолжаться. Я наслаждался им вопреки судьбе и природе. Ты должна была меня разлюбить; очарование должно было исчез-

нуть. Эта мысль меня всегда преследовала... Легкомысленный свет беспощадно гонит на самом деле то, что позволяет в теории: его холодная насмешливость, рано или поздно, победила бы тебя, смирила бы твою пламенную душу, и ты, наконец, устыдилась бы своей страсти... что было бы тогда со мною? Нет! Лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...».

Каролину Собаньскую называли «Одесской Клеопатрой». Откуда возникло это сравнение? Можно предположить, что Каролина, мастерица «любовной игры», касалась этой темы и что «условие Клеопатры» так или иначе, в шутку или всерьез, возникало в их разговорах. И притом ее жестокое условие «ценою жизни ночь мою» обсуждалось не как курьезный анекдот из нравов древности, а как экзистенциальная формула «любовь – смерть», или: что может быть мерою любви? – ответ: смерть. Но Каролина была образованной женщиной, она знала, что дошедшее из тьмы веков и пересказанное римским историком предание не дает права называть Клеопатру «сладострастной» или «продажной»: нет, египетская царица приносила великую жертву великой богине. Об этом ясно сказано в пушкинских стихах.

К этой теме Пушкин обращался несколько раз – в стихах и прозе. О том, что образ Каролины связан с «условием Клеопатры», писала Ахматова, к этой теме обратились в наши дни Мрочковская-Белашова, В. Непомнящий. Известный пушкинист в своей недавней книге скрупулезно подсчитал количество обращений к образу египетской царицы, это было четырежды: взялся за нее в 1824 г.; через четыре года написал примерно то же самое, только короче и одним размером, а не разными. Еще через семь лет – вернулся к этой теме в прозе «Мы проводили вечер на даче...» с включением стихов, которые варьируют и дополняют уже написанное раньше. «Египетские ночи» в 1835 г. – это четвертый раз!³⁶

12 лет мысль «любовь – смерть» владела поэтом, восклицает Белашова-Мрочковская:

«Она была той единственной, которая вызвала в поэте потрясение, вулканический взрыв, состояние на грани жизни и смерти... Любовь двух стихий обречена. Чем неодолимее их взаимная тяга, тем невозможнее ее удовлетворить. Она переходит в другую ипостась – борьбу. Борьбу титанов. И кончается гибелью обоих. Или одного из них. Жертвоприношением. Таков закон космоса. Вот объяснение темы «Клеопатра» – истинная любовь ценой смерти»³⁷.

Как выглядит «условие Клеопатры» в светском Петербурге? Пушкин возвращается к нему в незавершенной повести «Гости съезжались на дачу...». Вольская, «вдова по разводу», «чопорно опустив огненные глаза свои» (уже этими двумя-тремя штрихами напомнила нам Каролину), дает герою понять, что готова «предписать» условие Клеопатры. *«Но человек, истинно влюбленный, не усомнится ни на одну минуту, – скажет герой повести «Гости съезжались на дачу». – Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастье купить?.. Что жизнь, если она отравлена унынием, пустыми желаниями? И что в ней, когда наслаждения ее истощены?»*

В новой книге известного пушкиниста В.С. Непомнящего нас привлекли его размышления на тему творческой истории незаконченного отрывка «Египетские ночи» Пушкина. Они, как это бывает знакомо читателю, который обращается к поэту по прошествии времени и всякий раз открывает в нем для себя нечто новое, побудили и нас к размышлениям, а отчасти и к возражениям знаменитому пушкинисту.

«Клеопатра и ее любовники» – тема, выпавшая импровизатору на вечере («Египетские ночи»). С легкой руки Пушкина имя египетской царицы уже стало служить обозначением блестящей светской дамы: на балу его Татьяна сидит рядом «с блестящей Ниной Воронскою, сей Клеопатрою Невы». По утверждению Вяземского, это Елена Завадовская, по мнению Ахматовой, либо она, либо Закревская. Но в каждой из них, как и в Татьяне 8-й главы «Онегина»,

проглядывают черты Собаньской, которая появилась в Петербурге в начале 1828 г. Весь этот и последующие полтора года прошли для поэта в сумбуре чувств к ней и мучительных метаниях в стремлении заглушить страсть к невероятной польке попытками увлечься другими и даже бесплодными предложениями о женитьбе. Однако ни одну из своих героинь Пушкин не списывал с натуры. Образно говоря, сильный, независимый характер Каролины, ее красота, пережитое с ней давали огромный материал для творчества, которым поэт распоряжался по-своему. Письмо Ибрагима к графине Д., как и письмо Онегина к Татьяне, во многом повторяет обороты и содержание двух писем Пушкина к Каролине.

Поговорим о Клеопатре, вернее, о том, каким воспринимали этот образ Пушкин и пушкинисты. Сексуальная революция XX в. существенно исказила точку зрения даже тонкого и проницательного пушкиниста В. Непомнящего.

«Клеопатра» у Пушкина знаменует тему Эроса, пишет Непомнящий и продолжает: *«Эрос – свирепая, слепая безлика и всядная стихия похоти, плотской страсти, почти равная (а в условии Клеопатры вовсе и не почти) убийству»*³⁸. Но сказанное автором, относится именно к похоти, а не к эросу! Дальше – хуже: «смельчаки, принявшие условие царицы, влекомы вовсе не этой стихией: один, “воин смелый”, ступает на сладкую дорогу к смерти из-за отношений с женой, от обиды и безнадежности (может, на любовном ложе он не так великолепен, как в бою?)», размышляет автор. Боже! *Снести не мог он от жены высокомерного презренья* – это же о Клеопатре! *Жена*, в высоком стиле – женщина; см. у Пушкина *Мне жаль великия жены* (О Екатерине II). Но почему римского воина так задел высокомерный вызов египетской царицы? Потому что она женщина! Многочисленны примеры того, что в многовековом соперничестве полов, причем вовсе не в постели, а за власть и знаки власти, победа патриархальных нравов отнюдь не была окончательной и безусловной. То тут, то там надо было гасить следы бунта порабощенного, униженного пола, над кото-

рым надо было вновь и вновь утверждать мужское превосходство. И тут чуть ли не каждый мужчина чувствовал свою ответственность – как этот римлянин, «изрубленный в боях, в походах поседельный. // Презренья хладного не снес он от жены // И гордо выступил, суровый сын войны // на вызов роковых последних наслаждений, // Как прежде выступал на славный клик сражений (1824 год) // Он принял вызов наслажденья, // Как принимал во дни войны // Он вызов ярого сраженья (1828 год)».

Итак, поэт в кратких и сильных выражениях определил позицию одной противоборствующей стороны. Римляне и греки являют образец патриархального общества, для них нестерпимо превосходство женщины – царицы, военачальницы. А Римская империя, распространяясь на Восток, в Малую Азию, в Египет, столкнулась лицом к лицу с остатками древней традиции женовластия. Здесь сохранялись образы женщин-цариц – Клеопатра, Зенобия, Артемисия; о воительницах рассказывали поэмы Аристо и Тассо...

Теперь посмотрим на позицию царицы.

«Забыты мною днесь венец и багряница! / Простой наемницей на ложе восхожу; / Неслыханно тебе, Киприда, я служу, / И новый дар тебе – ночей моих награда...»

Клеопатра воскрешает древний обряд служения богине! Напомним некоторые его черты. Геродот рассказал нам, что в Вавилонии сохранялся обряд, когда девушки, перед тем как выйти замуж, должны были прийти в храм и отдать свою девственность тому, кто кинет им в подол монету; последняя предназначалась богине, то есть шла в храмовую казну. Вряд ли кто назвал бы это чрезмерным «сладострастием» шумеро-вавилонских невест. Для самой великой богини выбирался смертный, который год жил по королевски, а затем приносился в жертву. Так было у кельтов, этому посвящена книга Роберта Грейвса «Белая богиня». В древней Европе известен культ Арицийской Дианы, описанный Страбонем, положенный в основу книги Фрезера «Золотая ветвь»...

Но особенно яркими были реликты эпохи женовластия в Малой Азии. Здесь Геракл, совершая один из своих 12 подвигов, нанес решительное поражение амазонкам. Здесь чуть ли не каждый из славных городов гордился тем, что его основала амазонская царица. Во время Троянской войны одна из них – Пенфесилия – привела свое войско в помощь царю Приаму. Против нее выступил сам Ахилл и в единоборстве одержал верх; но, снимая шлем с головы смертельно раненой им амазонки, пораженный ее красотой, влюбился в умирающую. Все, что он мог для нее сделать – это устроить ей почетные похороны. Об этом рассказано в поэме Арктиноса «Эфиопида», до нас не дошедшей, и стало одним из любимых сюжетов вазовых росписей.

Традиции женовластия проявлялись здесь и во времена, о которых уже повествуют греческие и римские историки. Геродот, уроженец города Галикарнасса, рассказал о царице этого города Артемисии, которая во время Греко-персидских войн возглавила «лучшую часть персидского флота», а «ее советы царю были наиболее полезными».

Царица Пальмиры Зенобия, которая считала себя родственницей Клеопатры, гордилась прежде всего тем, что ее предшественница стремилась восстановить на восточных, малоазийских землях империю, свободную от Римской власти. В ее судьбе, на наш взгляд, зеркально отразилось то, к чему стремилась Клеопатра, привлекая к себе римских военачальников. В конечном счете, она предпочла смерть поражению.

Следование традициям женовластия вполне логично предполагало восстановление форм культа Великой богини, известной под многими именами – Кибела, Геката, Рея.

В этом контексте понятно обращение Клеопатры к древнему обычаю. Она приносит жертву не собственной прихоти, а богине! Об этом сказано ясно: «*Неслыханно тебе, Киприда, я служу*». Царица умаляет себя до «простой наемницы», «храмовой проститутки» перед лицом великой богини, дает страшную клятву подземным

богам – все говорит об исключительности жертвы. Ведь без помощи богов нельзя выиграть борьбу за власть...

Муза Пушкина представляла в самых различных образах и отличалась непостижимой пронизательностью, в том числе исторической. Временами его Муза приближалась к образу амазонки, как верно отмечает В. Непомнящий. И здесь мы вполне согласны с ним, поэтому приведем отрывок полностью:

«Образ вооруженной женщины его вообще необычайно волновал. Среди первых его стихотворений (1814) – “Кольна (Подражание Оссиану)”, где описан поединок двух рыцарей, один из которых женщина. Через несколько лет – “Кавказский пленник” (Черкешенка, вооруженная булатом). Горячий интерес к “кавалерист-девице” Надежде Дуровой. Любимая героиня – Жанна д'Арк (спасибо Вольтеру – от которого, кстати, он и будет пламенно защищать деву-воительницу едва ли не в последней своей статье). Что-то от этого образа есть в Полине (“Рославлев”, 1831), женщине с душой воина...»³⁹.

Добавим к списку и Зарему: *«кинжалом я владею, я близ Кавказа рождена».*

Собаньская и польское восстание 1830–1831 гг.

ба февральских черновика 1830 г., полагают пушкинисты, скорее всего не были перебелены и отправлены; во всяком случае, 4 марта поэт уехал из Петербурга в Москву. Но зато они славно послужили поэзии: читатель узнает их в «письме Онегина к Татьяне». *«Ситуация героев напоминает любовную ситуацию Пушкина в начале этого (1830) года, – замечает Т. Цявловская. – Его страсть не производит желаемого впечатления, она запоздала на несколько лет. Для письма Онегина к Татьяне поэт в большей мере черпает мысли, обороты и жизненную силу из своих писем к Собаньской»*⁴⁰.

Осенью того же 1830 г. вспыхнуло восстание в Польше, разгром которого не мог не развести по разные стороны Пушкина и Каролину Собаньскую. Поэт занял патриотическую позицию: *«Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей»*⁴¹, повторив эту мысль в стихах «Клеветникам России».

Продолжая наше сравнение судеб двух дам из знатных польских семей, перешедших на службу царской России, – Потоцких и Ржевуских, отметим, что по отношению к нашим героиням польское восстание и его подавление стоило им потери любви-

мых, разлада семейных отношений. Павел Дмитриевич Киселев как государственный деятель, верный царю и отечеству, вынужден был расстаться с женой – Софьей Станиславовной, которая, сочувствуя польскому восстанию 1831 г., заявляет мужу, что она «полька и забыть этого не может»⁴². Ян Осипович Витт, фактически по указанию Бенкендорфа и самого царя, вынужден расстаться с Каролиной Собаньской, употреблявшей все свое влияние для спасения поляков – активных участников восстания.

Итак, в 1830 г. на польских, литовских, белорусских землях, части украинских земель, находившихся в составе Российской империи, вспыхнуло польское освободительное восстание.

Витт со своим корпусом получил приказ двигаться к границам Польши. Относительно последнего император Николай, между тем, испытывал сомнения, которые он высказал в письме Дибичу: *«Один только Витт, отдельный командир, пугает меня, чтобы не натворил глупости»*. Витта на время даже отстранили от командования, но потом вернули. Он выполнил свой долг перед русским монархом, восстановил порядок, за что был удостоен золотой сабли с алмазами и назначен в августе 1831 г. Варшавским военным губернатором. Он прибыл в Варшаву в сопровождении Собаньской. Однако польское происхождение Витта и Собаньской, и ранее внушавшее подозрения высшим правительственным чиновникам, получило новые основания. Каролина Собаньская проявила себя как настоящая польская патриотка: она направила все свои силы на помощь землякам. Управляющий III отделением А.Н. Мордвинов доносил шефу жандармов Бенкендорфу: *«Поляки и польки совсем завладели управлением. Образовалось что-то вроде женского общества под председательством г-жи Собаньской, продолжающей иметь большую силу над графом Виттом. Благодаря этому главные места предоставляются полякам, которые наиболее участвовали в мятеже»*⁴³.

Наместник царства Польского Паскевич ходатайствовал перед царем за Витта, предлагая назначить последнего вице-председате-

лем польского временного правительства. Царь ответил отказом: «... женившись на Собаньской, он поставил себя в самое невыгодное положение, и я долго оставить его в Варшаве никак не могу. Она самая большая ловкая интриганка и полька, которая под личиной любезности и ловкости всякого уловит в свои сети, а Витта будет водить за нос в смысле видов своей родни»⁴⁴. Напрасно уверял Витт Паскевича, а тот – царя, что явный брак Витта и Собаньской не состоится, так как слух о смерти графини Витт оказался ложным и они остаются теперь в «прежнем положении, то есть тайно обвенчаны». Главное же состояло в том, что деятельность ее была полезной: «Преданность ее законному правительству не подлежит сомнению: она дала в сем отношении много залогов... Напротив того, родственные связи г-жи Собаньской с поляками по сие время были весьма полезны. Наблюдения ее, известия, которые она доставляет графу Витту, и даже самый пример целого польского семейства (Ржевуских. – Т.Ф.), совершенно законному правительству преданного, имеют здесь видное влияние»⁴⁵.

Тем временем поступила новая, враждебная Собаньской информация.

Николай, встревоженный неблагоприятным отзывом русского посланника в Дрездене Шредера об общении Собаньской с бежавшими из России польскими революционерами, написал Паскевичу весьма резкое письмо:

«Долго ли граф Витт даст себя дурачить этой бабой, которая ищет одних своих польских выгод под личной преданностью, и столь же верна г. Витту как любовница, как России, быв ей подданная? Весьма хорошо бы было открыть глаза графу Витту на ее счет, а ей велеть возвратиться в свое поместье на Подолию»⁴⁶.

Пушкинисты, увлеченно рисуя демонический образ осведомительницы, пытаются выстроить схему: якобы Витт послал Каролину в среду мятежников-эмигрантов с целью что-то о них

выведать, да «забыл» предупредить русского посланника Шредера, что Собаньская отправлена «со спецзаданием», а тот обвинил ее в том, что она опять спасает своих соотечественников (что было правдой). Что-то здесь не вяжется. Не проще ли увидеть в этой ситуации ее роль «двойного агента» в интересах Польши, добровольно взятую на себя? В самом деле, стать секретарем Витта, писать под его диктовку донесения, произвольно излагая его мнения, меняя и переиначивая по собственному усмотрению их направление и суть – все это давало возможность спасти, или по крайней мере облегчить судьбу многих.

О ее безупречной стилистике можно судить по письму Бенкендорфу, в котором Собаньская попыталась оправдаться, доказывая свою преданность русской монархии. Письмо было найдено в секретном архиве III отделения. Из него следует, что наместник прислал ей распоряжение, полученное им от царя, – немедленно покинуть Варшаву, и что она отправилась к одной из своих сестер в Минскую губернию. Она просит сочувствия к своему печальному положению оставленной женщины:

«Я порвала все связи и дорожу в мире лишь Виттом. У меня в мире больше нет ни имени, ни существования, жизнь моя смята, она кончена, если говорить о свете». Каролина подчеркивает свои монархические убеждения, ссылаясь на «взгляды моей семьи, опасность, которой подверглась моя мать во время восстания в Киевской губернии, поведение моих братьев, узы, соединяющие меня в течение 13 лет с человеком, самые дорогие интересы которого сосредоточены вокруг интересов его государя»⁴⁷.

Тем не менее варшавский скандал показал, что польский патриотизм в ней явно преобладал. Ее братьям царь доверял гораздо больше. Адам Ржевуский, служа в русской армии, отличился при подавлении польского восстания 1831 г. Генрик Ржевуский, о котором мы уже упоминали, был на своей родине официальным

царским публицистом и активно выступал против идеи независимости Польши. «Когда прусский король Фридрих Вильгельм IV, – писал Л. Гроссман, – усомнился в искренности и благонадежности этого публициста, Николай I поторопился успокоить его: «Не бойтесь, *il est plus russe que moi et plus royaliste que vous* [фр.: он в большей мере русский, чем я, и в большей мере роялист, чем вы]».

Результаты письма неизвестны. Однако позиция властей явно смягчилась, поскольку в 1834 г. Каролина и Витт снова вместе, торжественно принимают почетного гостя маршала Мармона в Одессе и в Ореанде. Однако надлом их отношений произошел.

В 1836 г. царь приехал на смотр херсонских поселений, встречей руководил Витт. Это означало, что его выбор сделан. Императорский смотр оказался крахом для супружеской жизни Собаньской. А в 1837 г., во время путешествия императора по Крыму вместе с семьей и свитой, Каролины уже не было в Ореанде. К этому времени она нашла приют в соседнем Кореизе, у княгини А.С. Голицыной. То ли она его бросила, то ли он оставил ее – свидетельства разноречивы. Николай I не раз корил Витта связью с Собаньской, и генерал в конечном счете внял советам императора и расстался с ней.

Трудно после этого называть Собаньскую агентом царизма. Пушкин оказался проницательнее, обратив к ней слова «она до невероятия полька», внешне обращенные к героине «Бориса Годунова» Марине Мнишек, но подразумевавшие «кузину госпожи Любомирской», то есть Каролину Собаньскую.

*Крым, Ореанда:
чета Витт принимает маршала Мармона*

Однако пока до окончательного разрыва еще далеко. Благоустраивается крымское имение Ореанда, где Каролина проводит лето вместе с Виттом. Она принята в кружок княгини Голицыной, владелицы соседнего Кореиза и негласной «законодательницы» Побережья.

Пушкин в курсе времяпрепровождения прекрасной польки. Очевидно, зимой 1829/30 г. в Петербурге она посвятила его в свои планы создания имения в Ореанде, где намерена проводить летние месяцы.

«Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни. Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами – всякая другая забота с моей стороны – заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется все бросить и пасть к вашим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму(?). Там я смогу совер-

шать паломничества, бродить вокруг Вашего дома, встречать Вас, мельком Вас видеть».

Слово «Крым» было написано неразборчиво, предполагалось, что там стоит название какого-нибудь крымского имения. Сегодня оно прочитано как «Ореанда», благодаря новой находке. Недавно в Париже, в библиотеке «Арсенал» пушкинист и литератор Владимир Фридкин обнаружил дневник Собаньской, точнее «записную книжку», куда Каролина переписала письма, которые писала сама или получала в 20–40-е г.⁴⁸ Среди них много писем от одесских и крымских друзей Собаньской – Роксандры Эдлинг (урожд. Стурдза), Юлии Крюденер, известной своими мистическими настроениями и влиянием на Александра I, и ее дочери баронессы Бергейм, составлявших кружок княгини Анны Сергеевны Голицыной, урожденной Всеволожской, владелицы Кореиза. Письма княгини Голицыной 1830–1836 г., посланные из Кореиза и адресованные Собаньской в Одессу, были переплетены в отдельный том; видимо, Собаньская дорожила ими и, уезжая из России в 1850 г., захватила их с собой вместе со своими записками. Письма княгини за 1830 г. из Кореиза в Одессу имеют пометку «в дом Ризнича». После смерти Амалии Ризнич, одного из одесских увлечений Пушкина, по свидетельству Вигеля, *«Собаньская высватала меньшую сестру свою Полину Ржевусскую за одного весьма богатого, любезного и образованного негоцианта Ивана Ризнича, который в угождение ей давал пышные обеды, что составляло ей другой дом, где она принимала свое общество»*⁴⁹. В письмах княгиня сообщает о работах по благоустройству имения Верхняя Ореанда, предназначенного для Витта и Собаньской. Княгиня Голицына уже проявила вкус и опыт в обустройстве своего собственного имения; она наблюдала за строительством замка в Гаспре (сохранился) для своего родственника князя А.Н. Голицына (см. гл. II) и, как следует из писем, взяла на себя заботу и об «Ореанде Витта». Вместе со своим управляющим Ашером она следит за постройкой дома, заботится о посадке парка

и виноградника. Она пишет: «Вы не представляете себе всего, что здесь сделано – скалы, которые снесли, земля, которую выкопали, всех бесчисленных трудностей, которые Ашер преодолел...»⁵⁰. И далее: «Я создала для вас уголок в Ореанде, думаю, он будет любим вами и Констанцией (дочь Собаньской от первого брака)... Работаем над вашим домом. Надеемся, что он понравится Вам и Вашему дорогому графу». Гнездышко было прелестно. Летом 1934 г. здесь побывал известный ученый, путешественник Дюбуа де Монпере. Он оставил описание поместья, где его восхищение вызвал «фантастический ансамбль галерей, портиков, черепичных крыши – смешение стилей восточно-татарского, готического, греческого, – соответствующих этому новому климату, где ищут воздуха и видов»⁵¹. Рисунки и акварели Никанора Григорьевича Чернецова сохранили нам облик этого романтического имения среди скал.

В мае 1834 г. Витт и Собаньская принимали в своем поместье в Ореанде почетного гостя из Франции – маршала Мармона, герцога Рагузского (1774–1852). Этот наполеоновский генерал, автор восьмитомных мемуаров и ряда других книг перешел в 1814 г. на сторону Бурбонов⁵².

В 1826 г. он был в Москве, представляя Францию на коронации Николая I, где и познакомился с Виттом. В 1834–1835 гг. Мармон совершил большое путешествие, побывав на юге России, в Турции, Сирии, Палестине и Египте. 19 мая 1834 г. он приехал в Одессу, где был принят Виттом. Гостю были показаны военные поселения, о которых он, как бывший профессиональный военный, отозвался с похвалой, уделив им довольно подробное описание в своем «Путешествии».

Витт пригласил Мармона в Крым на свою дачу в Ореанде. В его честь окружающие горы были иллюминированы цветными фонариками и устроен фейерверк. Гость был в восхищении от «обширной панорамы, самой красивой на всем побережье. Она охватывает весь Ялтинский залив до горы Медведь (Аю-Даг, Медведь-гора), которая замыкает его с востока... Дом графа Витта очарователен,

хотя и скромн. В нем находишь отпечаток души его владельца». Мармон пробыл в Ореанде четыре дня, с 20 по 24 июня. Совершенно пленила его «очаровательная мадам Собаньская», с которой он также встречался раньше, в Вене. Она в свою очередь не осталась равнодушной к любезностям гостя и призналась ему, что тучи собрались между ней и Виттом. Мармон советовал ей помириться и обещал писать. Каролина переписала в один из своих альбомов несколько писем Мармона. Письма эти хорошо написаны и полны живописных деталей, которые повторяются и в печатном «Путешествии»⁵³. Пьерро Роже приводит наиболее значительные пассажи, касающиеся душевного кризиса прекрасной Каролины⁵⁴.

28 июня он отправляет Собаньской письмо с благодарностью за оказанное гостеприимство:

«Несмотря на приятную надежду, которую я питаю вновь вскоре увидеть вас, я не могу упустить случая напомнить вам о себе и еще раз поблагодарить за доброту, которой вы меня окружили. Она никогда не сотрется в моих воспоминаниях, и пребывание в Ореанде навсегда остается в моей памяти, как и в моем сердце, светлым моментом поездки в Крым. Как я сожалею, что она была так коротка, и как дорого я бы заплатил за то, чтобы она повторилась. Ваш разговор, наполненный таким очарованием, ваш столь изящный ум, ваша душа, столь благодарная и созданная для того, чтобы оценить все то, что искренне и великодушно, делают общение с вами неоценимым, и нет такого препятствия и такого расстояния, которые могли бы помешать мне вновь насладиться ими. Дружба, которую вы мне оказали и которой я горжусь, очень глубоко тронула меня. Заслуживать ее все больше, оправдать и отплатить за нее самым щедрым образом будет одной из приятнейших забот до конца моей жизни».

Отвечая на письма Каролины, которая жалуется ему на расстройство своего союза с Виттом, он убеждает ее помириться

с ним. В письме от 20 июля из Константинополя он пишет: *«Есть бесконечное счастье в том, чтобы возбуждать чувства такой благородной души, как ваша, чуткой, щедрой и занимать ум столь изысканный, как тот, что дало вам Небо»*. И далее: *«Больше всего мне бы хотелось не видеть, как вы мучаете себя вещами, которые кажутся мне химерическими и которые покажутся такими же вам, когда вы подумаете о всем том, что отличает сердце, которое так долго вам предано и которое столь благородно и деликатно. Но мне стыдно говорить вам это, поскольку вы уже сто раз сказали себе то же самое...»*

22 августа, плывя из Смирны на остров Родос, Мармон отвечает на письмо Собаньской от 17 июля. Из него видно, насколько далеко зашли ее откровения:

«Ваши страдания, ваши огорчения глубоко отдаются в моем сердце, и я разделяю, как буду разделять всегда, самым истинным и самым искренним образом все, что вы будете чувствовать. Я смотрю с невыразимым сожалением на ваше столь тягостно отравленное существование и вместо пожелания того, чтобы результат, который вы мне сообщаете, не свершился, приношу вам свою самую искреннюю дружбу. Мнение, которое я вам выражаю, совершенно бескорыстно, но подумайте о прошлом, подумайте о будущем, и вы убедитесь, что ваши интересы, без сомнения, повелевают не порывать узы, которыми вы добровольно связали себя и которые время сделало достойными уважения». В концовке фразы имеется в виду, что общество, в котором связь Собаньской с Виттом долго выглядела скандальной, в конце концов смирилось с фактом их сожительства. Ходили даже слухи, что они тайно обвенчались.

Мармон настаивает на этой теме:

«Есть своего рода достоинство в длительности привязанностей, и общество более справедливо, чем считают, в суждении, кото-

рое оно выносит о подлинных и прочных чувствах. Если помните, вы, хотя и туманно, говорили мне о том, что может произойти, и я откровенно высказал свое мнение. Я повторю его вам и сегодня. Ради себя самой оставьте ему надежду на то, что не все кончено. Существуют взаимные интересы, которые должны обновить связи, казалось, предназначенные распасться. Воспоминания имеют столько прелести, когда они говорят о живой и преданной привязанности, и как отказаться от того нежного и трогательного, что они содержат в себе. И разве тот, кто интересуется вами, не обладает столькими сердечными качествами? Это такое доброе, такое достойное существо. И если он нуждается в снисхождении, надо ли ему в этом отказывать?»

Тем временем разрыв, видимо, уже наступил. 7 октября Мармон пишет из Александрии:

«Я не могу понять потрясения, которое резко подвергло испытанию все ваше существование, и еще меньше причину, которую вы ему приписываете. Если обстоятельства действительно таковы, то следовало бы предполагать своего рода безумие, но, конечно, лицо, которое вы обвиняете, обладает большим умом и способностью рассуждать. Мой Бог, как бы я хотел видеть вас вернувшейся к более спокойному состоянию, и сколь заслуживающей сострадания я нахожу вас, если вам приходится ненавидеть свои воспоминания. Но невозможно, чтобы каждый из вас не стал вновь самим собой и не изменил своих нынешних намерений».

Проходит несколько месяцев, проведенных Мармоном в Египте. 15 марта 1835 г., находясь в Риме, он повторяет свои пожелания:

«Я бы очень хотел, чтобы они исполнились и чтобы они могли благотворным способом повлиять на ваше счастье. Это счастье дорого мне, и я с живой болью смотрю на то, как страдает сейчас

ваши сердце. Признаюсь вам, что я ничего не понимаю из того, что произошло, того внезапного разрыва, которого, казалось, ничто не предвещало. В моих задушевных общениях с В[иттом], в моих разговорах с ним я находил выражение неизменности его чувств и твердых намерений относительно своего будущего, которое он никогда не отделял от вашего».

В альбоме Собаньской переписаны еще два письма Мармона, в которых уже нет речи о Витте, а только сожаления о моральной изоляции, в которой она оказалась. Упоминается «большая потеря». Очевидно, речь идет о смерти ее дочери Констанции, о чем в то же время говорилось и в переписанном в дневник письме графини Р.С. Эдлинг (тоже знакомой Пушкина с одесских времен).

Письма самой Собаньской к Мармону неизвестны. Но при чтении ответов на них невольно возникает вопрос, не рассчитывала ли она в момент разрыва с Виттом получить от Мармона нечто большее, чем ту дружбу, в которой он ее неизменно уверял? Во всяком случае, она изложила в этих письмах свою версию разрыва с Виттом, дабы подготовить к этому общественное мнение.

*Каролина в Кореизе: расставание с Виттом
и второе замужество*

А после разрыва с Виттом Собаньская живет в разных местах: гостит у сестер Эвелины Ганьской в Верховне и Полины Ризнич в Одессе, у брата в имении Погребище на Волыни. Оттуда она наезжала в Крым, в гости к княгине Анне Сергеевне Голицыной, в Кореиз, после того как Верхняя Орианда, имение графа Витта, где она обычно бывала, стала для нее недоступной. Этими сведениями мы обязаны Марии Александровне Сосногоровой (Танненберг), известной своими трудами о Крыме, которая упоминает о еще одной гостье княгини А.С. Голицыной, заслуживающей внимания, в особенности потому, что ее имя связано с Пушкиным. *«В то время, когда “Верхняя Орианда” принадлежала графу Витту, в ней проводила иногда летние месяцы известная в одесском высшем кругу 20–30-х годов графиня Сабанская, славившаяся красотой и блестящим светским умом. Разошедшись с графом Виттом, она нередко проживала на южном берегу, у графини Голицыной, в Кореизе... Пушкин написал ей в альбом одно из своих самых задушевных и безусловно прекрасных стихотворений. О лице, к которому оно обращено, долго не знали ни г. Анненков, ни другие биографы поэта, и только в 1871 году известный ученый наш Максимович напечатал (в письме к Иннокентию, архиепископу херсонскому и Тавриче-*

скому), что он видел это стихотворение написанным рукою поэта, в альбоме гр. Сабанской»⁵⁵. Далее приводится цитата из письма Максимовича: «Мы посетили знаменитую южнобережскую княгиню Голицыну (урожденную Всеволожскую), к которой у меня было письмо от ее сверстницы А.П. Хвостовой. Та старожитная и строгая княгиня, носившая всегда нагайку на своем поясе, имела большой авторитет и для высшего одесского круга. Под ее защиту явилась в то лето из Одессы покинутая и обиженная графом Виттом, – для него покинувшая своего мужа, – графиня Сабанская, в альбоме которой видел я стихи, некогда написанные ей Пушкиным»⁵⁶. Авторитет княгини Голицыной позволял ей брать под свое покровительство всех опальных, несчастных, обиженных и пострадавших. Каролину она знала и любила давно, но незадолго перед этим чем-то обидела ее, и вот теперь настойчиво призывала ее в Кореиз.

Поль Лакруа, брат ее последнего мужа (о нем ниже), автор книги о баронессе Крюденер, пользуясь рассказом самой Каролины и скрывая ее под инициалом «графиня К.», и письмами к ней, так рассказывает об этом.

«Она уже давно призывала знатную польскую даму, графиню К., которая испытала большие несчастья, поселиться вместе с ней в Кореизе. Графиня К. близко знала мадам Крюденер и сохраняла о ней воспоминание почтительного (благоговейного) уважения. Княгиня Голицына удвоила настояния, и вот одно из писем, которое она написала этой польской даме с целью ускорить ее решение покинуть свет, чтобы посвятить себя Богу и религии мадам Крюденер:

“Барон Беркгейм скончался вследствие тяжелой болезни. Мое "Второе я"⁵⁷ оставило меня, чтобы ухаживать за ним. Впервые за 17 лет мы расстались! Я не просто одна; я печальна, беспокойна и очень страдаю. Вполне достаточно, чтобы вас разжалобить и заслужить прощение. Как могла я обидеть вас так жестоко? Ваше страдание заставляет меня забыть о своем. Бедное дорогое дитя, как могла я стать причиной ваших слез! Вас, мое милое дитя, кого я люблю так

нежно, быть может, слишком... Поверьте же, только потому, что я вас люблю, могла я вас огорчить. Но, прежде всего, не вините Жюльетту; виновна только я, я одна. Жюльетта всегда была ангелом по отношению к вам. В течение какого-то времени досада и гнев против вас копилась в моем сердце. Вы непрестанно обещали мне приехать и непрестанно не сдерживали слова! Вы играли моим терпением. Я была раздражена долгим ожиданием. Жюльетта успокаивала меня: она горячо приняла вашу сторону и сумела почти без усилий снять с вас вину. Наконец, чаша терпения переполнилась, капли хватило бы, чтобы полилось через край. Я видела, что ваша душа ускользает от меня; душа, которая стоила мне стольких трудов и тревог, ради которой я столько страдала, душа, которую я так старалась привести к Господу! Великий Боже!

Тогда, под впечатлением чувства горечи я написала это и тут же пожалела. Едва письмо было отправлено, как Жюльетта сказала мне: «Вы были неправы, вы слишком суровы; вы раскаетесь. Она огорчится, а вы знаете, как это бывает у нее; она будет страдать, и это огорчит вас больше, чем ее».

– Но почему же, – ответила я ей, – ты меня не остановила, не сделала мне никакого замечания? – Когда вы диктуете, – сказала она, – я пишу молча; я только перо в вашей руке. – Дай Бог, – сказала я, – чтобы это роковое письмо никогда не дошло до нее! – Но письмо дошло. И ваш ответ причиняет мне угрызения совести. Простите меня, дитя мое. Вы не приехали, и, быть может, не приедете! Скажите же мне, что вы хотите приехать? Любите меня, потому что я вас люблю».

Эта дама, которая должна была стать украшением колонии Ко-реиза, уже несколько лет колебалась, приехать ли ей и похоронить себя в этой Фиваиде, которую Беркгейм и княгиня изображали ей как приют мира, молитвы, религиозного возрождения. Это было бы яркое обращение, которым обе подруги хотели поддержать религию мадам Крюденер. Однако м-м Беркгейм, похоронив мужа

и возвратясь в свое гнездо, не нашла там графини К., которую надеялась удерживать там в мистических узах, в царстве созерцательной жизни. Снова начали осаждать письмами любезную и очаровательную графиню, которая по-прежнему обещала приехать и не приезжала. М-м Беркгейм написала ей:

«Где вас искать, где встретиться с вами, дорогая душа, мы обычно следуем за вами очами телесными, но хотели бы следовать также мыслью и сердцем, но не знаем, где вас найти? В Киеве ли вы, или в Одессе? В свете или в уединении? У подножия ли креста или в светской суете?»

Не оставляйте нас без вестей слишком долго. Вам известно, как нам важно знать, что вы спокойны, счастливы и руководимы нашим добрым Учителем».

Жюльетта. 14 августа 1835.

Княгиня Анна Голицына отправила ей в виде властного призыва такой отрывок одной из мистических книг м-м Гюйон, ясно-видящей времен Людовика XIV:

«Припадите к этому источнику всякого блага и, вместо того, чтобы нести ваши жалобы слабым и ничтожным созданиям, которые не могут облегчить вашу душу при молитве, пожалуйте Богу на ваши горести, просите у него милости и в особенности любите. Испейте из этого источника живой воды, вместо того чтобы пить из испорченных колодцев творения, которые лишь усилят вашу жажду, а не утолят ее. О, если бы вы испили из этого источника, вы не искали бы иного!»

Княгиня и м-м Беркгейм напрасно ждали всю зиму очаровательную женщину, которую заранее провозгласили королевой Южного берега, но ей мешали процессы, разные заботы и неприятности. Тем не менее она сообщала о скором приезде, и княгиня

велела приготовить для нее феерическую виллу над морем, которую назвали «Розовый дом»; ежедневно посылали узнать, не привез ли корабль из Одессы в Кореиз прекрасную Долорозу, как называла княгиня Анна свою новую подругу во Христе. Наконец, в письме от 1 мая 1836 г. своей родственнице, супруге князя Василия Федоровича Голицына, она так описывает прибытие своей молодой и прелестной подруги в колонию, которая в полном составе радостно вышла ее встречать:

«Что это за флаг вьется по ветру? Чье прибытие возвещает он всему Побережью? Разбитое сердце, смиренное и безропотное, душа, испившая чашу горестей, нежное существо, доброе, скромное, которое забывает обиды, прощает оскорбления, молится за своих врагов.

Прекрасная Долороза поселилась в розовом доме!

Она была глубоко тронута тем, как ее принимали на прекрасном Побережье, каждый улыбался ей, подходил ближе, старался приложиться к ее руке. Стар и млад старались засвидетельствовать ей желанность ее приезда.

“Каролина! – сказала я ей, с нежностью и по-матерински прижимая ее к сердцу; вы утратили благосклонность графини В... (вероятно, Е.К. Воронцовой. – Т.Ф.) Я заменю ее своими заботами, искренней дружбой Татьяны П... (вероятно, Т.Б. Потемкиной. – Т.Ф.); она станет вам сестрой и подругой. Вы навлекли на себя гнев Ольги (вероятно, О.С. Нарышкиной, рожд. Потоцкой. – Т.Ф.). Я даю вам Жюльетту: она предложит вам сердце, полное преданности и любви; надеюсь, что ее спокойствие успокоит ту, которую она вам заменит. Вы навлекли на себя, уж не знаю, где и как, всю ненависть графини К...; ну что же! Вместо нее и для контраста отдаю вам себя целиком; буду служить вам щитом против всех ядовитых стрел. Каролина, всегда помните, что мир дает вам поцелуй Иуды и что в этом лицемерном объятии он стремился похитить счастье вашей жизни. Но Господь наблюдал за своей заблудшей овцой и сей мир, намереваясь похитить ваше счастье, лишь искоренил из ва-

шего сердца грех, ведущий к смерти... Примите же теперь поцелуй мира. Мир расточал вам лесть, усеянную фальшью и коварством; мы предлагаем вам истину, облеченную в Любовь. Откажитесь от мирских удовольствий, за которыми следуют усталость, досада и сожаления. Примите радость и покой, молитву и благодарность. Аминь”.

На другой день прекрасная Долороза, в сопровождении м-м Беркгейм и кн. Голицыной, отправилась молиться и оплакивать м-м Крюденер на ее могиле»⁵⁸.

Таков рассказ Поля Лакруа, объясняющий отношения Каролины с Крюденер, Голицыной и ее окружением и ее появление в Кореизе. Но мы продолжим наш рассказ о том, как сложилась здесь ее судьба. В это самое время покинутую Каролину застал в Кореизе брат княгини Николай Сергеевич Всеволожский, отправившийся в дальнее путешествие. Он описывает свои впечатления о встрече с сестрой и ее подругами – баронессой Беркгейм и графиней Собаньской.

«За столом я возобновил знакомство с неразлучной подругой сестры моей, почтенной и добродетельной баронессой Беркгейм. Она в недавнем времени лишилась супруга, скончавшегося здесь в поместье своем. После обеда присоединилась к нашей беседе гр. Сабанская, урожденная графиня Ржевуцкая. Я редко встречал женщин столько прелестных во всех отношениях. Она жила в маленьком домике, посреди сада сестры моей. Мы гуляли по саду, разведенному кн. Голицыной, и по горе, до самого моря понижающейся. Здесь все создала помещица; во всем видны вкус и мысль о пользе...»

Но бедная Каролина скучала без мужского общества.

«На другой день госпожа Сабанская, – продолжает Николай Всеволожский, – очень мило сказала мне, что мои разъезды лишают их

приятной беседы, а между тем мой скорый отъезд грозит надолго потерять ее. Она прибавила, что решилась не отпускать меня одного и едет со мной в Мисхор и Алуку. Ничто не могло быть для меня приятнее этого предложения! Я велел заложить таратайку, и мы поехали вместе. Дорогой, разговаривая с нею, я еще больше удостоверился, что с прелестью красоты она соединяет ум необыкновенный, большой навык в свете и любезность, редкую даже в самых лучших обществах»⁵⁹.

Княгиня Анна Сергеевна Голицына была последовательницей пиетистов, исповедующих отказ от чувственных удовольствий, очищение, духовное возвышение, смирение. В Кореизе были заведены строгие порядки, с обязательным чтением вслух Библии и духовной литературы. Все это в определенной степени отвечало духовным потребностям Каролины, которая была очень религиозна, хотя не могло вполне удовлетворить ее страстную натуру. Уверенная в любви и привязанности генерала Витта, долговременная связь с которым в глазах общества превратилась почти в супружескую, и вынужденная расстаться с ним, Каролина страдала от своего ложного положения. Об этом свидетельствует ее переписка с м-м Ошандо – еще одно любопытное лицо из окружения кн. Голицыной. У мужа м-м Крюденер имелась от первого брака дочь София. Она не только приходилась падчерицей м-м Крюденер и сводной сестрой ее дочери Жюльетты, в замужестве баронессы Беркгейм, но и вполне разделяла их религиозно-мистические устремления. Выше, в разделе, посвященном кн. Голицыной мы писали о стараниях княгини устроить на побережье м-м Ошандо, которая, вместе с Жюльеттой Беркгейм «ведала» религиозными вопросами. Исследовательница семейства Ржевуских София Корвин-Пиотровская подчеркивает, что эта переписка являет нам «двойственный образ Каролины, с одной стороны, “изо всех сил стремящейся к счастью”, а с другой – испытывающую настоящую потребность быть в ладах с религией». Оказывается, продолжает

Корвин-Пиотровская, Каролина была в дружеских отношениях не только с последовательницей знаменитой балтийской баронессы, но и знала ее саму с юности. Об этом свидетельствует Поль Лакруа, брат ее третьего мужа, известный под псевдонимом Библиофил Жакоб⁶⁰.

Вскоре она вышла замуж за капитана лейб-гвардии драгунского полка С.Х. Чирковича, серба или хорвата, в прошлом австрийского офицера.

Некоторые подробности этого брака, ставшего неожиданным для ближайшего окружения, сообщает Жюльетта Беркгейм в письмах Н. Раевскому. В начале января к этому отнеслись с недоверием: *«поговаривают о браке мадам Собаньской с Чирковичем, и только Спада и они оба не верят этому; она неправа, что не верит, но слишком долго писать об этом»*. Но через пару недель в середине января 1837 г. брак состоялся к немалому удивлению окружающих. *«Что вы скажете о браке мадам Каролины (Собаньской), я полагаю, вам уже сообщили эту важную новость»*.

Но сама Каролина решила опередить кривотолки и объяснить. Можно только восхищаться той психологической характеристикой, которую она дала самой себе. В то же время она вписала свое замужество в ту линию поведения, предполагавшего в первую очередь нравственно-религиозное самоусовершенствование, которая была принята в среде окружающих княгиню Голицыну дам. Брак предполагал укрепление своей позиции в общественном мнении, стирал двусмысленное положение К., чья более чем 10-летняя связь должна была, но не закончилась браком. В свете это было воспринято как некое поражение самоуверенной красавицы, подавало повод к злорадству. Кн. Анна Сергеевна, сочувствуя Каролине, пресекла сплетни, оказала ей моральную поддержку; как говорили, *«взяла под свое покровительство обманутую Виттом женщину»*. Примечательно, что, в соответствии с обычаем давать своему близкому окружению шуточные, но ласковые прозвища, присвоила ей имя «Долороза» («скорбная», «страдающая» —

в католической иконографии эпитет страдающей Богоматери). Письма самой Каролины до нас не дошли, но тем интереснее услышать ее собственный голос в цитатах из писем ее подруг. Итак, в письме к Николаю Раевскому-мл. Жюльетта Беркгейм, подруга и верный секретарь княгини Голицыной, приводит длинный отрывок из письма Каролины:

Середина января 1937 г., Кореиз.

«Вот что пишет нам мадам Каролина (Собаньская): “Я убеждена, что Бог в своем бесконечном милосердии к каждому из своих детей пожелал для меня этого союза; он был необходим для моей натуры, которая не может обойтись без руководителя и поддержки, необходимой в том свободном и независимом положении, каким было мое, натуры, которая использовала бы свою волю лишь себе во вред; необходим, чтобы обеспечить себя хлебом насущным в старости; необходим, чтобы защищать меня от мира и от себя самой, необходим также, чтобы избавить меня от этой привычки к счастью и нежности, расслаблявших еще более мою природную мягкость. Мое пребывание с вами обеими было моей последней главой полного счастья. Будьте благословенны за это, как и за все другие благодеяния, которыми вы осыпали мой жизненный путь. Я молю Бога вписать их в книгу жизни и воздать вам за это вечной радостью и блаженством. Я возвожу мои очи к Небу, чтобы испросить у него полное вознаграждение для вас. Вас, которых он избрал, чтобы спасти меня, защитить, любить, помогать мне, – мне, такой бедной, слабой, одинокой!

Сегодня в моей жизни свершается самое серьезное: мой муж – добрый, честный человек во всем значении этого слова; но серьезность его характера и строгость его принципов распространяются на все, из чего складывается существование; впрочем, мой муж следовал за мной и в годы моих светских безумств, и он требует изменения во всех моих привычках, обещая мне свое уважение. Я должна трудиться, чтобы заслужить это уважение, и это накладывает на меня ты-

сячи мелких обязанностей, которым порой противится моя дурная натура, вопреки тому, что мой рассудок их всегда одобряет. Серьезность моего мужа внушает моим родным беспокойство за мое счастье, но это такой достойный человек, столь проникнутый идеей своих обязанностей, что я уверена – мое счастье будет всегда зависеть только от меня, от моего рассудка, моего повиновения его воле, которая всегда будет желать мне добра»⁶¹.

Далее Жюльетта Беркгейм сообщает Раевскому и мнение об этом браке двух влиятельных дам крымского побережья – владелицы Кореиза княгини Анны Сергеевны Голицыной и ее подруги, владелицы Артека Татьяны Борисовны Потемкиной.

«Вопреки мнению 2-жи Потемкиной, – продолжает Беркгейм, – которая опасалась воздействия на нее (Каролину) сурового характера ее мужа, княгиня считает счастьем для нее союз с человеком, который может преданно любить ее, и находит этот уход от светской жизни благодетельным и надежным».

Наши пушкинисты создали искусственный образ Каролины, основанный фактически на словах Вигеля (которого сами признают мемуаристом ненадежным) и на крайней неприязни к Витту, как якобы главному разоблачителю заговора декабристов. Ее имя появляется в сопровождении слов «коварная оболстительница», «демоническая натура», «тайная осведомительница» и т.д. Ее современники и современницы относились к ней иначе.

Жюльетта Беркгейм приводит в своем послании и отрывок из письма Потемкиной о Каролине:

«Уже собираясь отослать это письмо, я получила ваше в сопровождении письма Долорозы. Меня чрезвычайно тронуло содержание последнего. Мое сердце предчувствовало все то, что происходило в ее сердце, и, предугадывая повседневные испытания для ее натуры, как

последствия выбора столь сурового спутника жизни в качестве руководителя и опоры, я никогда бы не поверила в такое верховенство суждения и рассудка, которые ее заставляют признавать потребность креста. В ее письме есть глубина, чувствительность и много нежности. Одного этого письма достаточно, чтобы любить ее всю жизнь.

Представьте себе, что я начинаю также любить и ее Кристофа (Чирковича Степана Христофоровича), так как он похож на Александра⁶² (А.М. Потемкина), и я знаю по опыту, что у натуры мягкой и неустойчивой есть потребность в твердой воле: так ноль, будучи присоединен к единице, становится десяткой. Извините мне эту глупость, далеко не первую, но вам можно говорить все».

Из письма Каролины можно заключить, что Чиркович издавна был ее поклонником. Своим предложением он спасал ее репутацию женщины, долгое время состоявшей в сожителстве, не увенчавшемся законным браком с Виттом, на что она рассчитывала. Расставшись с ним, она оказалась без материальной и моральной поддержки. Красота и светское обаяние не принесли ей ни богатства, ни статуса. Чиркович Стефан Христофорович был последним спасательным кругом. Он служил адъютантом Витта, и первое время после брака они жили в Умани Киевской губернии. Там был сделан ряд записей, туда адресовались письма Голицыной. Однако должность адъютанта Чирковичу пришлось оставить, после чего он долго не мог получить нового назначения. Каролина и ее подруги хлопотали об этом, пустив в ход все свои связи. В 1838–1839 гг., уже после смерти княгини, супруги живут в Кореизе, оставленном в пожизненное владение баронессе Ж. Беркгейм.

Лишь в 1841 г. Чирковича зачисляют в канцелярию графа М.С. Воронцова. В 1845 г. он становится вице-губернатором Бессарабии, но год спустя его здоровье ухудшается, он выходит в отставку и вскоре умирает. Каролина вновь остается одна.

Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов, праправнук Пушкина, под впечатлением «Записок» Собаньской, над которы-

ми собирался поработать, *«вынес твердое убеждение, что это была не только умная и талантливая, но и глубоко несчастная женщина, потерявшая себя в жизни»*⁶³. Об этом писал и современник Каролины, граф М.Д. Бутурлин, познакомившийся с Собаньской еще в Одессе, на балу, который устроил Витт на палубе судна, куда добирались на шлюпке; об этой «переправе» вспоминает Пушкин.

*«На этом бале, – вспоминает Бутурлин, – я был представлен красавице 2-же Каролине Собаньской (урожденной Ржевуцкой), всегда впоследствии оказывавшей мне сердечное участие. Если она споткнулась (как о том была молва) в женскую предосудительную слабость, то много искупила она душевными качествами и много перестрадала от фальшивого своего светского положения»*⁶⁴.

Париж и третье замужество Каролины

В 1846 г. после смерти Чирковича Собаньская уехала путешествовать по Германии, Франции и Италии, затем в 1847 г. вернулась, но вскоре навсегда уезжает из России. В ее дневнике сохранилась записка, свернутая в конвертик: внутри – засушенный желтый цветок. На записке надпись рукой Каролины: *«Подарок Ядвиги Любомирской в день моего отъезда из Одессы 26 июня 1848 г.»*.

Отзывы о Собаньской появляются в письмах Бальзака, выдержки из которых опубликованы в «Этюд бальзасьенн». Правда, первое упоминание имени Каролины 1 октября 1836 г., связанное с ее предстоявшим браком с Чирковичем, относится ко времени, когда они были еще незнакомы и судить о ней писатель мог только по словам Евелины: *«Вы мне сказали, что ваша сестра Каролина опаснейшая из женицн, а в вашем последнем письме это ангел, и вы мне сообщаете, что она близка к тому, что я называю верхом безумия, так как я не забыл, что вы писали мне о полковнике [Чирковиче?]. Она будет очень несчастлива»*.

Год спустя, 21 октября 1837 г., собираясь приехать в имение Ганской Верховню, Бальзак умоляет ее не верить Каролине, говорившей, что хозяйка не будет знать, что делать с *«остроумным парижанином»*. Вероятно, его беспокоило влияние на Еву сестры, явно к нему не расположенной.

Проходит несколько лет, прежде чем имя Каролины снова появляется под пером Бальзака, причем в весьма нелестных для нее выражениях. 30 августа 1844 г. он пишет в связи с ее пребыванием в Верховне: *«Дорогая, ваша сестра К[аролина] играет комедию, и я не знаю, что меня больше восхитило – великолепная простота вашей исповеди или ее двуличие».*

13 августа Бальзак пишет: *«Твоя сестра Кар[олина] сумасбродка, и что хуже – сумасбродка лицемерная».* Правда, неделю спустя он смягчается: *«Где ты теперь? На Рейне или с твоей сестрой, о которой мне говорил Деларю как об очаровательной женщине, которую он видел в Одессе. Он многое узнал о Витте»* (очевидно, упоминается М.Д. Деларю, знакомый Пушкина).

Когда Каролина с сестрой Алиной Монюшко должны были приехать в Париж, Бальзак заверяет Ганскую, которая не хотела, чтобы он с ними встретился, что они не смогут найти его, так как 30 августа его в Париже не будет.

5 октября 1846 г. состоялась свадьба дочери Ганской Анны с Георгием Мнишеком (последним в роде, к которому принадлежала Марина – жена Лжедмитрия). Незадолго до этого Бальзак возмущен невниманием Кфролины к племяннице: *«Две тетки Анетты находятся в Париже, когда она выходит замуж в Висбадене. Это свидетельство весьма малой привязанности к ее матери, особенно со стороны твоей сестры Каролины, которая бежит со старой безумицей».* «Старая безумица» – это бывшая приятельница Бальзака графиня Бокарме, с которой Каролина подружилась в Риме. *«Эти две очаровательные женщины, – саркастически замечает он, – чрезвычайно понравились друг другу и в настоящее время как две сестры на выданье».*

Чем объяснить такую неприязнь Бальзака к сестре дорогой ему Эвелины? Из приведенных текстов можно догадаться, что Каролина не была в восторге от брака сестры с «остроумным парижанином». Да и сама Ева, даже овдовев в 1841 г., не сразу решилась на брак «с вульгарным буржуа и богемой», по выражению ее вен-

ской тетушки Розалии. Последняя вообще была настроена против постреволюционной Франции, сокрушившей старую монархию и аристократию, против якобинской диктатуры и гильотины, жертвой которой стала ее мать – княгиня Любомирская, жена генерала французской службы; и сама она не могла забыть недель, проведенных в тюрьме, откуда спаслась чудом. Эти чувства вполне разделяла Каролина. Ее монархизм, глубокая религиозность казались «лицемерными» и даже «ханжескими» в глазах Бальзака, как и большинство французских буржуа, склонного к традициям вольтерьянского атеизма.

О том, чем занималась Собаньская в эти годы, известно мало. Большим ударом стала для нее ранняя смерть дочери Констанции: в 1832 г. в Дрездене состоялась ее свадьба с князем Ксаверием Павловичем Сапегой, а в 1835 г. она умерла. Мемуарист Маркевич свидетельствует, что и в 40 лет, невзирая на огрубевшие черты лица, она была все еще хороша:

«Я помню её еще в тридцатых годах в Киеве, в доме отца моего, – помню как теперь пунцовую бархатную току со страусовыми перьями, необыкновенно красиво шедшую к ее высокому росту, пышным плечам и огненным глазам»⁶⁵.

В 1840-е гг. ее красота по-прежнему впечатляет. Вот отзыв ее племянницы Анны Ганской (дочери Эвелины) на чьей свадьбе с Георгием Мнишекком в Висбадене 7 января 1846 г. она присутствовала. В сентябре 1847 г. Анна Мнишек встретила свою тетку Каролину у своих друзей. Каролине уже за пятьдесят, но она все еще красива. Анна пишет своей матери в 1847 г.: *«Тетя Каролина обедала у Раковских. Она ослепительно прекрасна. Я не думаю, чтобы она была когда-либо красивее, чем сейчас. Быть может, это лебединая песня ее красоты, но существует и такая красота, которая никогда не исчезает»*. Что ж, пророчество Пушкина в этом случае не оправдалось.

Пушкинистов удивляет то обстоятельство, что в записках Каролины нет ни слова о Пушкине.

«Понимала ли она, что стихи и письма Пушкина приобщили ее к вечности? – вопрошает Фридкин. – Известно, что у Собаньской был альбом с автографами, которым она очень дорожила и куда Пушкин вписал 5 января 1830 г. «Что в имени тебе моем». Этот альбом видел у нее Крашевский в 1843 г. Впоследствии, в начале 1930-х альбом Собаньской вместе с автографом был найден Базилевичем в Киеве. Как случилось, что Собаньская, уехав из России, увезла свой дневник, письма Голицыной, но оставила бесценный альбом с автографами?»⁶⁶.

Одесская исследовательница Л. Щербина придерживается другого мнения:

«Собаньская увезла с собою из Одессы желтый цветок и тайные воспоминания о Пушкине. Думаю, что отсутствие каких-либо записей о поэте в дневнике Собаньской говорит не о безразличии польской красавицы (как считает Фридкин), а наоборот, ведь женщина, подобная Собаньской, понимала значение любой записи о Пушкине, да и о самом дорогом сердцу чувстве нигде не пишут, чтобы сохранить его для себя (и Собаньская была отнюдь не сентиментальна)»⁶⁷.

Согласимся, что пока нам известно далеко не все из бурной, богатой встречами и событиями жизни Каролины. Приведем слова Андре Моруа в книге «Прометей, или Жизнь Бальзака», основанные на знакомстве с архивом Ганской, где сохранилась переписка сестер. *«У старшей сестры Евы, Каролины Собаньской, – писал Моруа, – тоже были любовники, но иметь возлюбленным Пушкина, принадлежавшего к подлинному и старинному русскому дворянству, казалось более приличным, чем сохранять связь с Бальзаком, буржуа и богемой – самое мерзкое сочетание в глазах*

Ржевуских»⁶⁸. Эти слова Моруа могут быть прочтены как свидетельство того, что связь была, и утверждения, согласно которым в бумагах Каролины отсутствуют упоминания о Пушкине – преждевременны...

Немногим более года спустя после смерти Бальзака в августе 1850 г. начался парижский период жизни Каролины. В Париже Каролина вновь выходит замуж – за французского поэта Жюля Лакруа (1804–1884). Тогда ей было за 50, третий муж Собаньской был моложе ее на 14 лет. Видимо, она еще сохранила способность пленять. В архивах департамента Сены в книге актов гражданского состояния записано, что 6 ноября 1851 г. в I округе Парижа зарегистрирован брак «Люси Каролины (так она названа в этом документе. – *Прим. авт.*) графини Ржевуской, проживающей на улице д'Анжу Сент-Оноре № 22, вдовы после первого «!» брака с Этьенном Графом «!» Чирковичем» и «Жюля Жозефа Лакруа, родившегося в Париже 7 мая 1809 года, проживающего по улице Мартир № 47».

Р. Пьерро в «Этюд бальзасьенн» пишет, что по этому же адресу жила сестра Бальзака Лора со своим мужем Эженом Сюрвиллем. Не исключено, считает он, что через них Каролина и познакомилась с Жюлем Лакруа. Его брат Поль Лакруа (1806–1884), также писатель, выступавший под псевдонимом Библиофил Жакоб, был другом юности Бальзака. Это он, служа в библиотеке Арсенала, сохранил дневник Каролины и находящийся там же переплетенный том писем к ней от княгини А.С. Голицыной. Однако у Поля Лакруа были и прямые связи с Россией, а не только через семью Бальзака. За опубликованную на французском языке историю царствования Николая I он получал от русского двора пенсию.

В 1880 г., почти 30 лет спустя после третьего официального замужества Каролины, Поль Лакруа опубликовал книгу писем и неизданных произведений Варвары Юлии Крюденер (1764–1825), в ответ на возросший интерес к ее жизни и творчеству. Этот труд он посвятил Каролине, предпослав ему такой текст:

«Вы еще только входили в жизнь, когда мадам Крюденер готовилась уйти из нее. Эта странная женщина, чей пронизательный взгляд был всегда погружен в неизвестность будущего, остановилась на пороге, с которого переходят в вечность, чтобы сказать вам с пророческой улыбкой: “Прекрасная, добрая и очаровательная, преисполненная всеми дарами неба и украшенная всеми благодатями, вначале вы будете искать счастье, а позже счастье придет искать вас. Помните, что Господь прислал вас на землю, чтобы нравиться и пленять”. Предсказание сбылось: вы стали моей сестрой и должны быть счастливы, потому что составляете счастье моего любимого брата».

Следует признать, что у Поля Лакруа были основания для такого отзыва. Действительно, это был счастливый брак, длившийся более 30 лет, и даже то обстоятельство, что из них последние 13 лет своей жизни Каролине пришлось ухаживать за ослепшим мужем, ничего не изменило в их отношениях.

В архиве Жюля Лакруа сохранилось письмо-завещание Каролины мужу. Читая его, мы видим, что Каролина обладала искусством не только пленять сердца, но и находить прекрасные слова о любви. Вот текст этого письма в переводе с французского:

«Г-ну Жюлю Лакруа. Передать ему после моей смерти.

Мой любимый Жюль, я тебе писала много писем. Наш брат Эдуард мне посоветовал их сжечь. “Его душа с вашей связана, – сказал он мне. – Он читает в вашей душе и в вашем сердце. Ваши слова любви убьют его, он не перенесет этой боли и переживаний”. Твой брат был прав. Он знал о нашей любви и счастье, которое мы дарили друг другу. О да, с тобой я была самая счастливая из женщин. Ты был моей любовью, моим счастьем, моей совестью, моей жизнью. Но смерть нас не разлучит. Я всегда буду около тебя, с тобой, и придет день, когда мы будем вместе вечно. Думай обо мне, молись за меня, и старайся не быть слишком несчастным. Твое страдание тревожило бы мой покой на небесах. Если ты меня любишь, как и рань-

ше, заботься о себе, как о ребенке, которого я тебе вручаю. Думай об огромном счастье, которое ты дал мне за всю мою счастливую жизнь. Я умру, обожая тебя, тебя благословляя. Заботься о себе ради любви ко мне. Я всегда буду подле тебя, мой дорогой и обожаемый муж. Благословляю тебя.

*Каролина Лакруа. 14 ноября 1884 года*⁶⁹.

Собаньская умерла в Париже 16 июля 1885 г., в возрасте 91 года.

В заключение о датах жизни Каролины. В нашей литературе указывается лишь год ее рождения, и то приблизительно – «около 1794». «У нас перед глазами выдержка из акта о ее смерти, – пишет Р. Пьерро, – в нем мы читаем: “родилась в замке Погребнице (Русская Польша) двадцать пятого декабря тысяча семьсот девяносто пятого года”, причем неясно, по грегорианскому или юлианскому календарю. Однако дата вызывает у него сомнения. Он приводит сообщение, полученное Хуанитой Хелм Флойд – автором книги «Женщины в жизни Бальзака» – от Катерины Радзивилл, согласно которому «м-м Ганская родилась 24 декабря, а не 25 декабря <...>. Я абсолютно уверена в дате, потому что у нас всегда был большой семейный праздник по этому случаю. Вы, конечно, знаете, что римско-католическая церковь отмечает 24 декабря день Адама и Евы, и поскольку мой отец и его сестра родились в этот день, их называли Адамом и Евой».

Итак, замечает Р. Пьерро, Каролина родилась 25 декабря, а ее сестра Ева и брат Адам в разные годы, но в один и тот же день – 24 декабря: «Это, очевидно, не является невозможным, но подобная регулярность, не подтвержденная подлинными документами, может показаться удивительной». К тому же Каролина, выходя замуж за Жюля Лакруа, не представила свидетельства о своем рождении. «Что это действительная невозможность или кокетство супруги, бывшей на тринадцать с половиной лет старше своего супруга?.. Бальзак также никогда не знал точного возраста своей Полярной звезды...»⁷⁰.

Таким образом, дата рождения Каролины остается под вопросом. Но мы имеем теперь возможность уточнить дату ее смерти. У нас называлось 19 июля 1885 г. В актах гражданского состояния мэрии Сен-Жермен-ан-Лэ значится, что «Урсула Люси Каролина (имена вновь частично изменены), рантье, проживавшая в Париже, улица д'Анжу, № 22» скончалась 16 июля 1885 г. 18 июля газета «Фигаро» напечатала некролог за подписью *Паризис*. Отпевание состоялось 20 июля в парижской церкви Мадлен.

Портреты Каролины:
пером Пушкина

Многие портреты дошли до нас без подписи, умножив число «неизвестных» дам и кавалеров. Однако и наличие подписи может порой ввести в заблуждение. Так, считается, что портреты графини Каролины Собаньской не сохранились. С одной стороны, это можно понять: поместья в России, замки польских магнатов разворовывались, горели в огне войн и революций. С другой стороны, можно поставить вопрос иначе – не столько не сохранились, сколько затаились среди портретов неизвестных дам. В то же время в специальной литературе имеется ссылка на фотографию с портрета Собаньской, сделанного А.В. Ваньковичем. Недавно след портрета, вернее фотографии с него, был обнаружен.

«Поиски изображения пани Каролины привели нас в Варшаву, – пишет Юрий Дружников. – Случайная удача и помощь польской коллеги Алиции Володзько: в Архиве фотодокументов Варшавского Музея литературы имени Адама Мицкевича нашлась фотография с изумительного портрета немолодой женщины в роскошной раме. В музее нет сведений ни об оригинале, с которого сделано фото, ни о художнике, но имеется запись, что это Каролина Собаньская. На портрете ей лет сорок. Посадка головы, прямые нос и лоб, прическа удивительно похожи на рисунки, сделанные Пушкиным. Не эта ли

исчезнувшая фотография упоминалась в работах советских пушкинистов? Не этот ли утерянный портрет был сделан польским художником Валентием Ваньковичем? Ванькович жил в Петербурге с 1824 по 1830 год, но, судя по возрасту Собаньской, портрет ее сделан был позже, в Варшаве. Впрочем, не позднее 1842 года, когда Ванькович умер»⁷¹.

Сохранились описания Собаньской – высокая, стройная, «с огненными глазами». В работах о Пушкине Ахматова упоминает «огненные глаза» как важный опознавательный признак Каролины Собаньской:

«...Светская злодейка – вдова по разводу с огненными глазами, с ледяным самообладанием авантюристки высшего полета»; «Пушкин дважды говорит, что у В[ольской] были огненные глаза. Маркевич, вспоминая Собаньскую, говорит, что у нее были огненные глаза».

Полтора десятка разных женских профилей, нарисованных Пушкиным на полях рукописей, называют в разных источниках профилями Собаньской. Немалое количество их выявлено не так давно в книгах Л.А. Краваль и Р.Г. Жуйковой. Все они очень разные – по настроению автора. В них и яркость, и особая энергия её натуры, и “демонизм”. Её образ являлся поэту и среди так называемых “адских” рисунков – замыслов “Влюблённого беса”.

Итак, портретов Каролины Собаньской не сохранилось, но зато есть рисунки Пушкина. Поразительно, необъяснимо то, что среди их множества выбран один рисунок «прекрасной дамы со склоненной головой», который при непонятных обстоятельствах много позднее послужит основой для создания так называемого Портрета Собаньской работы В. Ваньковича, от которого, в свою очередь, сохранилась только фотография! Обратимся к листу с рисунками без текста, где изображена дама со склоненной головой,

вероятно, за чтением. Прямо под ней – склоненная голова лошади, еще ниже – клонящаяся под ветром виноградная лоза. Однако другие изображения, расположенные на этом листе можно рассмотреть, только если повернуть его на 90 градусов по часовой стрелке; тогда мы увидим другую композицию из серии «адских». Т. Цявловская так описывает ее: *«дьявол возлежит у жаровни, над которой подвешен грешник в колпаке висельника <...> но дьявол не видит ни грешника, ни хлопчущего у огня беса: он поглощен видениями женщины...»*.

К листу с рисунками без текста, где с погрудным портретом женщины со склоненной головой соседствует рисунок из числа и «бесовских» (ноябрь 1823, ПД № 834. Л. 42, об.), обращались разные исследователи. Очевидно, что оба сюжета не составляли единой композиции, соседство их скорее случайно (допустим, внимание поэта привлекла незаполненная часть листа). Другие, склонные видеть в изображении дамы Каролину Собаньскую, считают, что ее соседство с композицией из серии «бесовских» не случайно и служит аргументом в пользу такого отождествления.

Стилизованный рисунок, сделанный на основе этого пушкинского наброска, с аннотацией – «К.А. Собаньская (?). Фотография с неизвестного оригинала» – помещен в книге Л.А. Черейского (Пушкин и его окружение. – Л., 1985. С. 385). Однако другие портреты Собаньской, в особенности четыре изображения женской головки на полях листа с черновиками романа «Евгений Онегин» (гл. II, строфы XXI–XXX), ноябрь–декабрь 1823, ПД № 834. Л. 36, об.)⁷² существенно отличаются от «прекрасной дамы со склоненной головой». Ее красота – гармоничная и одухотворенная, тогда как у Собаньской – сдвинутые, то ли нахмуренные, то ли сросшиеся брови, выдвинутый вперед «ведьмовский» подбородок, лицо, исполненное страстей.

Конец лета – начало осени 1823 г. – время постоянного общения поэта с «демонической красавицей», в которую он успел влюбиться. Л. Краваль, которой удалось найти лики Собаньской в бес-

численных женских портретах, украшающих рукописи Пушкина, отмечает:

«В рукописях Пушкина 1821–1823 годов встречается множество портретов одной и той же красивой брюнетки, зрелого возраста, с печатью демонизма в лице, с резкими сильными чертами греческого очерка, с миндалевидными глазами, с огненным взглядом (варианты: пронзительным, злобным, мрачным), с подбородком ведьмы, с маленьким красивым ртом, ограниченным скобочками-морщинками, с верхней губкой особенно изящного, стрелчатого рисунка и нижней – по-польски втянутой, вампической; с смелым размахом крылатых бровей (иногда нахмуренных), с лбом, обрамлённым, как тесьмой, туго затянутыми прядями волос (не всегда, но часто) и свисающим над виском круто закрученным локоном (очень часто)... Конечно, это Собаньская, и только она»⁷³.

Особенно часто это лицо мелькает на «адских» рисунках Пушкина, например в виньетке, изображающей бал у Сатаны (1821 г.). Именно такой воспринимал красавицу Каролину поэт. В конце октября – начале ноября 1823 г. под пером Пушкина возникает целый цикл портретов Собаньской. Около 22 октября 1823 г. Пушкин пишет Александру Раевскому о скором приезде в Одессу «мадам С». И вскоре возникает на листе портрет Собаньской: *«пышноплечная, дианоподобная, в резком порывистом повороте, с бурей в расширенном миндалевидном глазу, – олицетворение “прекрасной грозы”. В чёрной растушёвке из-за плеча светятся два бесовских колёсика глаз с крапинами зрачков. А чепец на затылке “зашилен буквой С”»⁷⁴.*

Но этих портретов иным пушкинистам показалось мало. Прекрасную даму со склоненной головой и повторяющими наклон головы локонами по бокам головы и на лбу также решили превратить в портрет Каролины. Для этого пошли на операцию, можно сказать, незаконную. Прежде всего изображение «выпрямили»,

поставив лист под углом; при этом не обратили внимания на неестественность диагонально летящих локонов для прямой посадки головы; не тронули опущенные глаза и двойную нитку бус на шее. Но зато нос с легкой горбинкой «спрямили, сделав «греческим», при этом подбородок выдался вперед: так был получен портрет Собаньской. Словом, утонченную красоту Софьи Потоцкой-младшей превратили в грубовато-резкую красоту Каролины, старше первой лет на 6–8. *«Черты лица у нее были грубые...»* – отметил Ф. Вигель.

Что же послужило основанием для подобной трансформации? Может быть, обе дамы и вправду были похожи? Для этого имелись основания: отцами обеих были родовитые польские аристократы – графы Потоцкий и Ржевуский; матерями – гречанки выдающейся красоты. Однако отсутствие достоверных портретов Каролины Собаньской лишает нас материала для сравнения. Зато мы можем проследить поразительное сходство в судьбах Софьи-младшей и Каролины. Обе оказались впоследствии «до невероятия польки», по выражению Пушкина, имевшего в виду Марину Мнишек, но явно не только ее, а и своих современниц. В ходе польского восстания 1831 г. обе дамы, русские подданные, тем или иным образом выражали поддержку польским повстанцам, и это стало причиной крушения их семейной жизни. Софья Станиславовна рассталась с Павлом Дмитриевичем Киселевым, причем для нее это было драмой, но изменить своих убеждений польской патриотки она не могла. Каролина Адамовна Ржевуская, слишком «засветившаяся» активной помощью потерпевшим поражение полякам, активным участникам восстания 1830 г., вынуждена была расстаться с Виттом, с которым ее связывали 20 лет совместной жизни. Мужья обеих, видные государственные и военные деятели, будучи верными царю и отечеству, иначе поступить не могли.

Немалое сходство имеет Собаньская и с матерью Софьи Станиславовны – Софией Витт-Потоцкой. За обеими дамами, неотразимо привлекательными, тянулся длинный шлейф любовных

историй, которые отчасти использовались их покровителями в дипломатическо-разведывательных целях. Но София Константиновна Витт-Потоцкая, имея покровительство Потемкина и служа интересам России в ходе Русско-турецких войн, была гречанкой и православной, следовательно, в то время интересы Греции и России для нее совпадали. Каролина же, полька и католичка, находясь под покровительством Витта, предпочла интересы Польши. Нельзя не отметить общее и в их личной жизни. И той, и другой пришлось долго жить со своими избранниками в ожидании развода, и в этот период «незаконного сожительства», не освященного узами брака, обоим пришлось натерпеться от светской молвы и негодования «законных жен». София стала графиней Потоцкой, Каролина же, оставленная, сумела устроить свою судьбу лишь после переезда во Францию, где и вышла замуж.

Наше размышление можно продолжить. Любовь ищет и узнает предмет своей ранней, юношеской страсти в новых женщинах, похожих на ту, которой выпала роль музы замечательной южной поэмы. Это новая ипостась все той же прекрасной дамы, предмета «утаенной любви». Пушкин цитирует самого себя, превращая ранние поэтические строки, связанные с его пребыванием в Крыму и мечтами о Софии Потоцкой, в строку письма к Каролине Собаньской: *«Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму (в Ореанде?). Там смогу я совершать паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть...»* (XIV, 399). Последняя фраза – не что иное, как изложенная в прозе строфа: *«за нею по наклону гор я шел тропкою неизвестной и примечал мой робкий взор следы ноги ее прелестной...»*, посвященная Софии Потоцкой-младшей.

Вместо заключения

Каролина Собаньская вошла в историю как роковая и коварная соблазнительница, еще хуже – ее обвиняют в шпионской дея-

тельности на службе III отделения. Но очарованные ею мужчины и дружившие с ней женщины воспринимали ее иначе, и мы постарались это показать, включив в наше повествование фрагменты писем и мемуаров ее современников.

Теперь рассмотрим самое «страшное» обвинение – прежде всего слежка за декабристами. Декабристы возведены у нас на весьма высокий пьедестал. Они потерпели поражение, и это сделало их героями и мучениками, к которым мы испытываем неизменное сочувствие. Но что было бы, если бы им сопутствовал успех? Очередное царевубийство, смута и тирания, согласно проекту Пестеля? Любая существующая власть не могла не позаботиться о получении информации о заговоре против своих устоев. Каролина, «кузина госпожи Любомирской», имела собственные представления о революции. В ее душе навсегда запечатлелся возмутительный судебный процесс, устроенный французскими якобинцами над королем и королевой, их казнь, казни аристократов и с ними – ее прабабушки Любомирской, подруги Марии-Антуанетты, сохранившей ей верность. Как известно нам сегодня, руководство декабристов намеревалось казнить Романовых. И это не могло вызывать сочувствия. Сегодня, когда нас возмущает зверская расправа большевиков с последним русским царем и его семьей, нам должно быть понятнее, какую опасность для общества представляли декабристы-радикалы.

Наконец, всем тем, кто с особым удовольствием называет ее «тайной осведомительницей», напомним самое удивительное – царь знал о заговоре, но не спешил переходить к активным действиям. Первый обстоятельный доклад о существующих в России, в среде армейского офицерства, тайных обществах государю представил начальник III отделения корпуса жандармов генерал А.Х. Бенкендорф в 1821 г. В этом докладе уже были упомянуты почти все главные действующие лица будущего мятежа.

Итак, Александр приехал в Россию уже извещенный о заговоре. Сразу по приезде государя в Царское Село к нему явился ге-

нерал-адъютант Васильчиков с новым докладом о тайных обществах. Закончив обычный доклад, Васильчиков сказал, что имеет сообщить о политическом заговоре и передать донос, поданный ему незадолго до восстания в Семеновском полку; донос этот содержал полный список заговорщиков. Александр долго оставался задумчивым и безмолвным. Наконец он произнес по-французски:

– Дорогой Васильчиков, вы, который находитесь на моей службе с начала моего царствования, вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения.

Тут он снова надолго умолк и затем прибавил:

– Не мне подобает их карать.

Оба доклада – Бенкендорфа и Васильчикова – остались без последствий. Александру не хватило духа наказать людей, проповедующих идеалы его молодости, которые он теперь называл иллюзиями. Сам он сознавал, что внутри империи им сделано гораздо меньше, чем на дипломатическом поприще.

Однако в 1822 г. Александр I издал рескрипт о запрещении тайных обществ и масонских лож, а в 1821–1823 гг. ввел разветвленную сеть тайной полиции в гвардии и армии. В 1825 г. он получил достоверные сведения о заговоре против него в войсках, выехал на юг, желая посетить военные поселения, но сильно простудился на пути из Балаклавы в Георгиевский монастырь.

Приведем строки из письма Пушкина к Жуковскому, которые любопытны тем, что показывают отношение общества к тому, о чем многие знали, но не считали, что эти разговоры заслуживают со стороны законопослушных граждан доноса правительству.

«...В журнале объявили опалу тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем? О заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности... легко, может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзья моих довольно (оба ли Раевские взяты?)...»⁷⁵.

Наконец, первый донос на декабристов в 1825 г. исходил от унтер-офицера Шервуда, и лишь вдогонку его подготовил Витт, повторив, и то неполно, уже известное, а Каролина, прекрасно писавшая по-французски, возможно, хотя и этого мы наверняка не знаем, исполнила роль секретаря. В гораздо большей степени ее и Витта можно упрекнуть в защите интересов Польши, особенно после восстания 1830 г. и его подавления, когда Каролина проявила себя как настоящий патриот при защите соотечественников. Тогда и сам царь, и Бенкендорф сочли ее неблагонадежной и велели отправиться из Варшавы в свое имение. Но в таком повороте ее карьеры нет ничего постыдного. Работа в пользу интересов Родины сама по себе не может компрометировать гражданина. Поскольку политика и дипломатия вершились в светских салонах, ничего удивительного, что ею занимались светские дамы, привлекательные, умные и с характером. Такой персонаж в лице Миледи вывел на страницах «Трех мушкетеров» Дюма. Он придал ей отрицательные, почти демонические черты, поскольку она действовала в интересах Англии и мушкетеры воспринимали ее как врага. Тем более в эпоху, когда женщина должна была быть кроткой, покорной и ангелоподобной, дамы с сильным независимым характером воспринимались как натуры демонические. Но если обратиться к реальным фигурам – никому не приходит в голову упрекать великого фламандского художника Рубенса, или знаменитого английского писателя Грэма Грина в том, что они имели отношение к деятельности спецслужб своих стран. А уважаемый англичанами востоковед, полковник Лоуренс Аравийский был не просто сотрудником военной разведки, но и одним из выдающихся людей своего времени.

Наконец, «слежка» за поэтами Пушкиным и Мицкевичем – вещь абсолютно недоказанная. Соображения Ахматовой и других, что она следила за Пушкиным по поручению Бенкендорфа или Витта, основываются главным образом на неприязни, не на твердых фактах. Михаил Яшин в своей работе о Собаньской высказал

мнение, что у нас нет достаточных оснований для таких тяжелых обвинений⁷⁶.

В 30-х гг. XX в. среди документов секретного архива III отделения было обнаружено письмо Собаньской на французском языке, адресованное шефу жандармов Бенкендорфу. На письме пометка: *4 декабря 1832 г. граф ей отвечал*. Так появилось в литературоведении дело Собаньской. Об этом писал еще Вигель, но его свидетельство было основано, в свою очередь, на слухах и догадках. Не могли они не достигать и ушей Пушкина. Как он воспринимал их, лучше всего свидетельствует его отношение к этой женщине, выраженное в стихах и прозе. Л. Краваль обращает внимание на героиню повести «Рославлев», писавшейся в 1831 г., которая похожа на Собаньскую и «греческим лицом, черными бровями, низко нахмуренными» (VIII, 743), и «необыкновенными качествами души и мужественной возвышенностью ума». Автор ведет рассказ от лица некоей дамы с единственной целью защиты «несчастной женщины»: княжна Полина и с нею мадам де Сталь (в сущности, другая ипостась героини) обвиняются в шпионстве. «*До чего доходит охота к злословию! Недавно рассказывала я все это в одном очень порядочном обществе. “Может быть, – заметили мне, – т-те de Staël была не что иное, как шпион Наполеонов, а княжна доставляла ей нужные сведения”. “Помилуйте, – сказала я, – т-те de Staël, друг Шатобриана и Байрона, т-те de Staël будет шпионом у Наполеона!..” “Очень, очень может стать, – возразила востроносая графиня Б. – Наполеон был такая бестия, а т-те de Staël претонкая штука!”*» (VIII, 152).

«Так Пушкин защищает свою героиню от клеветы, и горячность эта является порукой, что за литературным персонажем стоит реальная личность – друг Шатобриана и мадам де Сталь, друг Мицкевича и Пушкина...»⁷⁷.

Другим косвенным свидетельством может служить история его освобождения из ссылки в 1826 г. Несмотря на хлопоты родных и друзей, дело не слишком продвигалось. Более того, от ге-

нерала Пущина, руководителя масонской ложи «Овидий», просочились некие неблагоприятные для поэта слухи. На проверку этих «слухов» в Псковскую губернию направлен личный агент генерала И.О. Витта Бошняк с полномочиями «опечатания и забрания бумаг» и «арестования» некоего чиновника. Однако вместо этого Бошняк представил правительству рапорт, который явился аттестатом на благонадежность опального поэта, вследствие чего он и был освобожден.

«Надо ли говорить, что рапорты в подобных случаях бывают такими, какова “установка”? Надо ли прибавлять, что к “установке” агенту Витта могла быть причастна Каролина Собаньская? (“Долго ли граф Витт даст себя дурачить этой бабой...”)? Пушкин не мог этого не понимать, не мог не быть благодарным Каролине»⁷⁸.

Она была человек страстей, окружена поклонниками, играла с их чувствами, и Пушкин не был исключением, она дразнила его, мучила, но... *поэзия как ангел-утешитель, спасла меня и я воскрес душой.* Любовные страдания переливались в поэзию, в образы. Стоит вспомнить, что Марина Мнишек в «Годунове» навеяна Собаньской, как и письмо Онегина к Татьяне. О связи письма Онегина к Татьяне с письмом Пушкина к Собаньской подробно пишет Анна Ахматова, с гениальной интуицией угадавшая глубокие личные переживания поэта, отразившиеся в произведениях этого периода⁷⁹.

«Светская дама Татьяна, столь непохожая на замкнутую и застенчивую провинциальную барышню, несомненно, писана с Собаньской. За одно это она заслуживает памяти. В 8-й главе между Пушкиным и Онегиным можно поставить знак равенства. Пушкин (не автор романа) целиком вселяется в Онегина, мечется с ним, тоскует, вспоминает прошлое...» Подводя итоги своим

наблюдениям, Ахматова пишет: «Таким образом, оказывается, что осенью 1830 года Пушкин написал два произведения с донжуанским героем (конечно, Онегин в начале романа законченный Дон Жуан), который влюбился в самом деле: одно из этих произведений – “Каменный гость”, второе – 8-я глава “Онегина”. Для обоих он воспользовался антибайроновским героем Адольфом Б. Констана в такой мере, что три цитаты из “Адольфа” в обеих вещах совпадают. От этого Гуан несколько (через Адольфа) похож на Онегина. И оба они, конечно, похожи на самого Пушкина, который 2 февраля 1830 года написал Каролине Собаньской нечто столь близкое 8-й главе, что оно могло бы быть одним из писем Онегина, если бы не упоминания о Крыме...»⁸⁰.

Но именно эти упоминания спустя много лет рассказывают нам о чувствах юного Пушкина 1820 г., когда он тоже был влюблен и во время конных прогулок искал редких и случайных встреч с Музой «Бахчисарайского фонтана».

Примечания

- ¹ Певзнер Л.И. Муза Бахчисарайского фонтана // Художник. – 1977. – № 6. – С. 47–49.
- ² Гроссман Л.П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // А.С. Пушкин. Исследования и материалы. Т. 3, 1960. – С. 60.
- ³ Художественное собрание музея. Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник: Исследования и материалы. Вып. 2 / Сост. и науч. ред. Г.Г. Филатова. – Симферополь: Н. Орианда, 2008.
- ⁴ Филатова Г.Г. Портреты Нарышкиных и Киселевых в собрании Воронцовых и музейной коллекции // Художественное собрание музея. Вып. 2. – С. 33–48.
- ⁵ Их сближали родственные связи: дочь Александры Браницкой, урожд. Энгельгардт, племянницы Потемкина, Елизавета Ксаверьевна стала женой М.С. Воронцова; ее сестра Софья вышла замуж за сына графа Щенсного-Потоцкого от первого брака; двоюродный брат Воронцова Лев Александрович Нарышкин стал мужем Ольги, дочери Щенсного-Потоцкого от второго брака.
- ⁶ Щербина Л. Пушкин в Одессе. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Одесса, 2004. – С. 50–51. После смерти графини С.К. Потоцкой эти владения отошли ее сыну Александру, брату сестер. Он состоял адъютантом при графе Витгенштейне, числился в конной гвардии, а отпуск проводил в Одессе.
- ⁷ Щербина Л. – С. 51.
- ⁸ Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний // ПВС. – 1985. Т. 1. – С. 351.
- ⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. С. 1076.
- ¹⁰ Пушкин А.С. ПСС, т. 10. С. 67, 68.
- ¹¹ Певзнер Л.И. Муза Бахчисарайского фонтана // Художник. – 1977. – № 6. – С. 47–49.
- ¹² Анна Ахматова. О Пушкине. Статьи и заметки. – Л., 1977.
- ¹³ См. Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб., 1995. С. 91.
- ¹⁴ Яшин М. «Итак, я жил тогда в Одессе...»/ Утаенная любовь Пушкина. – СПб., 1997. С. 407–468.
- ¹⁵ Рапопорт В. Польская любовь Пушкина // paley11@yahoo.com Date: 23 Nov 2004
- ¹⁶ Прожогин Н.П. Что в имени тебе моем? // Вопросы литературы. – 2001. – № 6.
- ¹⁷ Балашова-Мрочковская С. Российская Мата Хари /Она друг Пушкина была: В 2 ч. Ч. 1. – М., 2000. – С. 326–460.
- ¹⁸ Пушкин: Статьи и материалы / Под ред. М.П. Алексеева. – Одесса, 1925–1927. – Вып. 1–3. – С. 85.
- ¹⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. М. 1892. Т. VII. С. 184–185.
- ²⁰ ОА. Т. 5. Вып. 2. – С. 124–125.
- ²¹ Пушкин I, XIII. – С. 70–71.

- 22 ОА. Т. 5. Вып. 2. – С. 116–117.
- 23 Пушкин I, XIV. – С. 395.
- 24 Долли Фикельмон. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. – Публикация и комментарии Светланы Мрочковской-Балашовой. – «Ми- нувшее» 2009. – С. 722.
- 25 Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. – М.; Л., 1935. С. 190–196.
- 26 «Рассказы об его печальном состоянии на мальчишнике, об его рыданиях от песни цыганки Тани перед свадьбой – всего этого более чем доста- точно, чтобы видеть, как неполно отдавался Пушкин любви к невесте» (Цявловская).
- 27 Анна Ахматова. О Пушкине. Статьи и заметки. – Л., 1977. – С. 130.
- 28 Рукою Пушкина... Указ. соч. – С. 185, прим. 1.
- 29 Рукою Пушкина... Указ. соч. – С. 208.
- 30 Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине // Вопросы литерату- ры. – 1970. № 1.
- 31 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Изд. 3-е. М., 1966. – С. 631.
- 32 Цявловская Т.Г. Два черновых письма К.А. Собаньской (текст); ПСС, XIV. – С. 400–401.
- 33 Рукою Пушкина. –С. 200.
- 34 Прожогин Н.П. Что в имени тебе моем? // Вопросы литературы. – 2001. – № 6.
- 35 Ахматова А. Указ. соч. – С. 167–168.
- 36 Непомнящий В. Муза, страсть и политика. Из жизни Пушкина. – М., 2008. – С. 9.
- 37 Мрочковская-Балашова С. Она друг Пушкина была: в 2 ч. – Ч. 1 – М.: Терра, 2000. – С. 405.
- 38 Непомнящий В.С. Муза, страсть и политика. Из жизни Пушкина. – М., 2008. – С. 10.
- 39 Непомнящий В.С. Указ. соч. – С. 23.
- 40 Рукою Пушкина... –С. 208.
- 41 Пушкин А.С. Из письма к П.А.Вяземскому, 1 июня 1831 г.
- 42 Фадеева Т.М. Две Софии и Пушкин. Истоки вдохновения поэмы «Бахчи- сарайский фонтан». – Симферополь, 2008, 2013.
- 43 Яшин М. Указ. соч. – С. 463–464.
- 44 Цит. по: Фридкин В.М. Пропавший дневник Пушкина. – М., 1991. – С. 166.
- 45 Рукою Пушкина, с. 189.
- 46 Письмо от 1 октября 1832 г. // РА 1897. № 1. –С. 8.
- 47 Рукою Пушкина. – С. 193–195.
- 48 Фридкин В. Записки Каролины Собаньской // Из зарубежной пушкиниа- ны. – М., 2006. – С. 243–258.
- 49 Вигель. Записки. Кн. 7. – С. 185–186.

- 50 Там же. С. 250.
- 51 Дюбуа де Монпере Фр. Путешествие по Крыму. Указ. соч. – С. 180.
- 52 Подробнее о нем см.: Военная энциклопедия. – СПб., 1914. Т. XV. –С. 202.
- 53 Voyage du marechal duc de Raguse// tome I, Ladvocat, 1837.
- 54 Alexinsky Grégoire. Un destin hors série. Caroline Sobanska belle-soeur de Balzac // Les Etudes balzaciennes. 1960. N 10. P. 405–416 (Дополнение без заголовка, подписанное Pierrot Roger. – P. 417–424). Далее цитаты, на которые не даются ссылки, заимствованы из этого дополнения.
- 55 Караулов Г. и Сосногорова М. Путеводитель по Крыму. – Изд. 4-е. – Одесса, 1883. – С. 145–146.
- 56 Максимович М. Письма о Киеве и Воспоминание о Тавриде. – СПб., 1871. – С. 139–140.
- 57 Так называла А.С. Голицына баронессу Юлию (Жюльетту) Беркгейм.
- 58 Jacob P.L. bibliophile. Madame de Krudener. Ses lettres et ses ouvrages inedits. – P., 1880. – P. 263–273/
- 59 Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу, в Константинополь, Малую Азию, Сев. Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Юж. Францию и Париж в 1836–1837 годах. – М., 1839. – С. 68–74.
- 60 Jacob P.L. bibliophile. Madame de Krudener. Ses lettres et ses ouvrages inedits. – P., 1880.
- 61 Архив Раевских. Т. 2, 1909. С. 316–317. Текст на франц., в виде цитаты в письме Беркгейм к Н.Н. Раевскому, письмо от сер. января 1837 г.
- 62 [Александра Михайловича Потемкина (1790–1872), муж Т.Б. Потемкиной]
- 63 Записки Каролины Собаньской // Фридкин В. Из зарубежной пушкинианы. – М., 2006. С. 256.
- 64 Записки графа М.Д. Бутурлина. В 2-х т. – Том 1. – М., 2006. – С. 161.
- 65 Маркевич Б.М. Соч. Т. 11. – М., 1912. – С. 425.
- 66 Фридкин В. Указ.соч. – С. 255.
- 67 Щербина Л.А. Пушкин в Одессе. – Изд. 2-е. – Одесса, 2004. – С. 104–105.
- 68 Моруа А. Прометей, или Жизнь Бальзака. – С. 467.
- 69 Записки Каролины С... С. 258.
- 70 Alexinsky Grégoire. Un destin hors série. Caroline Sobanska belle-soeur de Balzac // Les Etudes balzaciennes. 1960. N 10. P. 405–416 (Дополнение без заголовка, подписанное Pierrot Roger. – P. 417–424).
- 71 Дружников Ю. Изнанка роковой интриги. Источник: Дуэль с пушкинистами. Хронограф. – М., 2001.
Copyright: Yuri Druzhnikov.
- 72 Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. – СПб., дм. Буланин, 1996. – С. 324–325.
- 73 1. Краваль Л. Рисунки Пушкина как графический дневник. – М.: Наследие, 1997. – С. 155–156.
- 74 Там же. – С. 158.

- ⁷⁵ Русский Архив. 1870. – С. 1175.
- ⁷⁶ Яшин М. И так, я жил тогда в Одессе... // Нева. – 1972. № 2. – С. 109.
- ⁷⁷ Краваль Л. Указ. соч. – С. 164.
- ⁷⁸ Там же. С. 165.
- ⁷⁹ См.: «Болдинская осень. (8-я глава *Онегина*)» // Анна Ахматова. О Пушкине... – С. 178–191.
- ⁸⁰ Ахматова А. Указ. Соч. – С. 192.

Глава VII

«БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ»

НАСЕЛЬНИКОВ ЮЖНОГО БЕРЕГА 1820–1830 гг.:

ГОЛИЦЫНЫ, НАРЫШКИНЫ, ВОРОНЦОВЫ

Князь Василий Сергеевич Голицын, внучатый племянник Потемкина. Опала княжеского семейства при Павле I. Крымские путешествия Павла Сумарокова. Светлейшая кн. Суворова-Рымникская, урожд.

Е.А. Нарышкина, во втором браке кн. Голицына,

хозяйка Василь-Сарая. Башмаковы – дочь и зять княгини

Е.А. Суворовой, владельцы Миатки. Письма кн. Голицыной

кузену Васеньке Голицыну, владельцу Василь-Сарая.

«Большая семья» Воронцовых в письмах и мемуарах современников.

Мисхор и его владельцы Нарышкины. Граф М.С. Воронцов

в письмах кн. Анны Голицыной.

*М*ение, получившее название Василь-Сарай, было пожаловано князю Василию Сергеевичу Голицыну (1792–1856) и его жене Елене Александровне Голицыной (1786–1855), урожденной Нарышкиной (в первом браке была за сыном А.В. Суворова – светлейшим князем АА. Суворовым-Рымникским). Оно находилось в урочище Магарач, пустующие земли которого по инициативе графа М.С. Воронцова были розданы гражданам бесплатно при условии разведения там виноградников и постройки домов. Одним из первых поместий и был Василь-Сарай, где его владельцами был построен изящный господский дом, изображенный художником К. Боссоли. Одноэтажный, на высоком каменном цоколе, с открытыми террасами, готическими витражными окнами, дымовыми трубами и башенками-пинаклями по углам, он являлся типичным примером романтической архитектуры Южного бережья первой половины XIX в.

*Князь Василий Сергеевич Голицын,
внучатый племянник Потемкина*

*К*нязь В.С. Голицын (1792–1856) – шестой сын князя Сергея Федоровича от брака его с Варварой Васильевной Энгельгардт, племянницей князя Г.А. Потемкина. Его мать – Варвара Васильевна Голицына, княгиня (1757–1814/15), урожденная Энгельгардт, племянница светлейшего князя Потемкина-Таврического, с 1777 г. – фрейлина императрицы Екатерины II, писательница, переводчица с французского. В январе 1779 г. вышла замуж за князя Сергея Федоровича Голицына (1748–1810). У Голицыных было десять сыновей, из них в 1810 г. живых было семеро¹.

Семья, в которой вырос князь Василий, оставила свой след в русской культуре. Его родители вложили немало энергии в создание великолепного поместья Зубриловка под Тамбовом. Их друзьями были великий Г. Державин и выдающийся архитектор Н.А. Львов: Державин воспел Зубриловку, а Львов принял участие в создании ансамбля построек усадьбы – дворца, церкви, колокольни и др. Гостями усадьбы были Евгений Баратынский, мемуарист Филипп Вигель, романист Иван Лажечников; несколько лет жил, занимаясь воспитанием княжеских детей, Иван Андреевич Крылов.

Формирование зубриловского дворцово-паркового комплекса относится к последней четверти XVIII в. В статье «Разоренное гнездо» исследователь русской старины Василий Андреевич Верещагин дает ее описание: *«Зубриловка славилась по всему околотку роскошным каменным барским домом, с двумя флигелями; великолепной церковью, построенной, по старинному обычаю русских помещиков, как раз против дома; чудным парком, цветниками, оранжереями – всем тем, что могла себе позволить ничем не стесненная прихоть богача и знатного русского барина, имевшего, к тому же, в своем распоряжении бесплатные рабочие руки. Пользоваться для своих надобностей солдатским трудом, которому, по всем вероятностям, и обязаны все постройки Зубриловки, ни для кого в те времена не считалось зазорным»*². Авторство дворца, церкви и других построек разными исследователями приписывалось Старову, Кваренги и Львову, однако последнее вероятнее. Хотя не найдено документальных подтверждений, но заслуживает внимания следующее наблюдение: фасад, выходящий в парк, оформленный в виде полуротонды с колоннами, чрезвычайно похож на другой дворец, авторство которого несомненно принадлежит Н.А. Львову: это дворец усадьбы «Введенское», близ Звенигорода, построенный для фаворитки Павла I Лопухиной. Он сохранился до наших дней, хотя и в несколько перестроенном виде. То обстоятельство, что Львов и Державин были дружны и что вторая жена поэта доводилась родной сестрой жены Львова, а также то, что Державин нередко бывал гостем Зубриловки, склоняет в пользу такого предположения.

Владельцы Зубриловки не жалели средств на устройство усадьбы и украшение дома; собрали здесь большую библиотеку и редкие произведения искусства. Имение князей Голицыных было одним из роскошнейших дворянских усадеб в России. Его коллекции были приумножены сыном князя Федором Сергеевичем, любителем и знатоком искусства. *«До самых последних дней своего существования Зубриловская усадьба сумела поддержать*

заслуженную еще при князе Сергее Федоровиче славу необычайного благоустройства и роскоши, – пишет Верещагин. – Но главною гордостью владельцев Зубриловки была галерея их предков. Окруженные художниками привычными фамилиами лести, горделиво и чинно стояли здесь рядом и великие сподвижники Петра, и блестящие вельможи Екатерины, и служилые люди Павла и Александра, связанные между собою узами родства, знакомства или дружбы, – придворные и военные, кавалерственные дамы»³.

Тамбовский губернатор Г.Р. Державин был хорошо знаком с Голицыными и неоднократно с первой женой Екатериной Яковлевной посещал Зубриловку. Сюда его влекли красота природы, радушие хозяев и особое расположение к Варваре Васильевне, так как княгиня сама занималась литературой. В последний раз в Зубриловке поэт был в декабре 1788 г. и написал оду «Осень во время осады Очакова», которая в первоначальном, рукописном варианте называлась «Осень в Зубриловке, 1788 в ноябре». Ода была посвящена княгине Варваре Васильевне и ее переживаниям за судьбу мужа, который в то время под руководством Г.А. Потемкина участвовал в осаде турецкой крепости Очаков.

Мужайтесь, росски Ахиллеса,
Богини северной сыны!
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Дерзайте ваших вслед отцов!
И ты спеши скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр.

Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,

На мать нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.

После кончины князя Сергея Федоровича княгиня Варвара Васильевна в память о муже построила каменную богадельню и передала все хозяйство сыну Федору.

«...Подле церкви и близ праха супруга, старая княгиня построила себе небольшие деревянные хоромы, как внутри, так и снаружи отличающиеся совершенною простотою, и в них поселилась, большие палаты предоставив наследнику...»⁴

После кончины матери ее сыновья воздвигли мемориальную часовню в форме усеченной пирамиды, сохранившуюся до наших дней.

Опала княжеского семейства при Павле I

При Павле I князь Голицын, как и многие другие, вскоре попал в опалу и его сослали вместе с сыновьями в деревню. Причем жить пришлось не в роскошной Зубриловке, а в гораздо менее благоустроенном имении Казацкое⁵, полученном княгиней Варварой Васильевной непосредственно от Потемкина. Как пишет Вигель, «Казацкое сделалось местом заточения целого семейства...»⁶.

О незаслуженности опалы можно судить по характеристике, данной Вигелем князю на тот момент: «Он был тогда полный генерал и обвешан всеми первостепенными орденами, за военные подвиги полученными. Он был в крепости сил и лет, ибо ему еще не было и пятидесяти, и по его опытности, деятельности и бесстрашию казалось, что судьба предназначала его быть одним из лучших наших полководцев»⁷.

Опалу княжеского семейства разделили Крылов – еще не прославленный баснописец, но уже известный как драматург и журналист, и писатель Павел Иванович Сумароков (женатый на двоюродной сестре князя) с 4-летним сыном Сергеем и 12-летней дочерью Машей, а также будущий мемуарист Ф. Вигель. Яков Карлович Грот (1812–1893), историк литературы, академик, пишет, что среди «преданных князю лиц... в Казацком Сергее Федоровичу помогал в небольшой его, по тогдашним обстоятельствам

(кн. Голицын был под надзором полиции. – Прим. авт.), переписке Павел Иванович Сумароков». Именно он, а не Крылов, как ошибочно считают, был домашним секретарем князя в период опалы. Крылов же, причем «не от скуки, как уверяет Вигель, а по преданности к семейству, его приютившему, вызвался учить двух сыновей Голицыных русскому языку; к ним присоединилась и М.П. Сумарокова, которую он любил, хваля в ней доброе сердце и способности».

Условия пребывания в опале для князя и сопутствующих ему лиц были довольно суровыми. Яков Карлович Грот со слов Марии Сумароковой так их описывает: «В Казацкое прибыли уже в позднюю осень. Там по обе стороны барского дома было по три деревянных флигеля (а не мазанки, как говорит Вигель). В одном из них помещалась контора имения; тут же отвели комнату и Крылову. В строении, где была баня, давал он уроки двум молодым князьям и Марье Павловне; в соседнем покое (в самой бане, где полок) занимался еще ученик; его отделяли потому, что боялись его шалостей: это и был столь опасный впоследствии языком своим Ф.Ф. Вигель, ровесник Маши Сумароковой.

В Казацком Крылов написал две пьесы, которые здесь же были разыграны ее обитателями: «шуту-трагедию "Трумф"». Эта пьеса играна в деревне; сам автор исполнял роль Трумфа; роль цыганки он нарочно придумал для любимой им ученицы (Маши Сумароковой. – Прим. авт.). Здесь же была написана утратившаяся впоследствии комедия его «Пирог»⁸.

Самая забавная, но в то же время представлявшая довольно злоую сатиру на царствование Павла, «Трумф, или Подщипа», была известна в списках, в том числе и Пушкину. Юный поэт на нижней полке шкафа «спрятал потаенну / сафьянную тетрадь», в которой хранились «сочиненьи, / презревшие печать». Пушкин, в «Городке» частично пересказывает её сюжет: «Тут вижу я с Чернавкой / Подщипа слезы льет; / Здесь Князь дрожит под лавкой, / Там дремлет весь совет; / В трагическом смятении / Пленные цари, / Забыв войну, сраженьи, / Играют в кубари...»

В советской критике пьесу называли «злой и меткой сатирой на правление Павла I». Но пьеса могла бы смотреться актуально и на современной сцене – это пародия на все, некая антитрагедия. Здесь у царя детские игрушки-побрякушки, здесь действует не герой-любовник, а трус-любовник, у которого деревянная шпага (так как мама ему не велела носить железной), здесь государственные мужи обращаются за советом к гадалке (как сейчас к экстрасенсам). Но пьеса эта и об ответственности власть имущих, при том, что она сочинена как забава, развлечение ссыльных в провинциальной глуши.

*Крымские путешествия
Павла Сумарокова*

*И*менно из Казацкого, в период опалы князя, своего покровителя, Павел Иванович как частное лицо отправляется в первое путешествие в Причерноморье и Тавриду, – земли, с которыми связано воспоминание о славе екатерининского царствования.

Чувства преклонения перед Екатериной и ее преобразованиями получили жестокий удар, когда она скончалась в 1796 г., и на престол вступил Павел I. Именно в годы его правления Павел Сумароков отправился в путешествие по всему Крыму и Бессарабии – места, живо напоминавшие о героическом времени Русско-турецких войн, о присоединении Крыма к России, об основании городов в бесплодной степи и создании черноморского флота, и с горьким чувством встречая повсеместно признаки демонстративного отказа императора Павла продолжать инициативы матери по освоению Северного Причерноморья и Крыма.

Павел Иванович Сумароков (1767⁹ – 1846) приходится родным племянником Александру Петровичу Сумарокову (1717–1777), выдающемуся стихотворцу эпохи классицизма, автору драм на сюжеты из русской истории, директору императорских театров, известному нам со школьных лет. Однако же в отличие от ныне забытых произведений знаменитого дядюшки, литературное на-

следие его племянника Павла Сумарокова, замеченное немногими современниками, было должным образом оценено в наше время. Судьба обоих его «Путешествий» сложилась счастливо, и можно сказать, что они востребованы по сей день. Со временем стало очевидно, что, будучи одним из первых соотечественников, путешествовавших по Тавриде в конце XVIII – начале XIX в., Павел Иванович отнюдь не ограничился восторгами по поводу красот Полуденного края, а высказал трезвые и вполне современные суждения, достойные государственного мужа. Их суть – в проектах экономического обустройства Крымского полуострова, взаимоотношений российских и иноземных поселенцев с аборигенами и охраны его бесценного культурного наследия.

Павел Сумароков принадлежал старинному дворянскому роду, представители которого служили отечеству и пером, и шпагой. Дед Павла Ивановича служил в армии при Петре Первом. Сам Павел Иванович служил с 1781 г. в Преображенском гвардейском полку. Выйдя в отставку в чине штабс-капитана в 1796 г., поступил в следующем году на государственную службу коллежским советником; с 1801 г. – статский советник. Член Крымской комиссии (1801–1802), губернатор Витебска (1807–1812) и Новгорода (1812–1815), сенатор (1821), он за свои литературные и исторические труды, согласно воспоминаниям современников, был членом Российской академии¹⁰. Наиболее известны его сочинения, посвященные югу Украины и Крыму: «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799» (М., 1800), «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (СПб., 1803–1805)¹¹. Сегодня обе книги на мировом антикварном букинистическом рынке занимают одно из первых мест среди раритетов.

Как сослуживец и родственник князя Голицына (он был женат на его двоюродной сестре, Марии Васильевне Голицыной (1765–1847)), Сумароков вошел в круг общения князя и княгини, в котором было немало литературно одаренных людей. Чувства преклонения перед Екатериной и ее преобразованиями получили

жестокий удар, когда она скончалась в 1796 г., и на престол вступил Павел I. Именно в годы его правления он отправился в путешествие по всему Крыму и Бессарабии, живо напомиравшим о героическом времени Русско-турецких войн, о присоединении Крыма к России, об основании городов в бесплодной степи и создании черноморского флота. Демонстративный отказ Павла продолжать инициативы матери по освоению Черноморья и Крыма сопровождался приказом уничтожать потемкинские начинания, и даже самую память о светлейшем. Нетрудно представить, какие чувства испытывала при этом княгиня Варвара Васильевна, у которой душа болела из-за несправедливости, проявленной и к ее мужу, герою Очакова, воспетому Державиным, и к ее дяде – Г.А. Потемкину. Неудивительно, что она приложила все старания, чтобы сочинение Сумарокова вышло в свет. Примечательно, что книга была напечатана в Москве, «в университетской типографии Ридигера и Клаудия». Именно в университетской типографии в 1779 г. начиналось знаменитое «новиковское десятилетие», когда по предложению М. Хераскова типография была передана в десятилетнюю аренду незадолго до того переехавшему из Петербурга в Москву Николаю Ивановичу Новикову, оставившему блистательный и памятный след в истории книжного дела в России. Аренда была прекращена высочайшим указом до истечения срока и без права возобновления. Несмотря на усиление цензурного контроля над изданиями университетской типографии, здесь еще сохранялись прежние традиции. С января 1794 г. типография университета была передана в аренду Х. Ридигеру (бывшему университетскому переплетчику и книготорговцу, работавшему с Н.И. Новиковым) и Х. Клаудию (владельцу типографии при Московском театре в 1783–1795 гг.). Они арендовали типографию до 1801 г.

Вторая книга П.И. Сумарокова «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду», в отличие от первой, была отпечатана «по высочайшему повелению» в Санкт-Петербурге, в императорской типографии, в сопровождении роскошной

серии гравюр, запечатлевших Крым рубежа XVIII–XIX вв. Это стало возможным в правление Александра I, который возвестил о намерении править «по законам и сердцу» своей бабки Екатерины II и вскоре отменил запреты и нововведения Павла I, вернул из ссылки всех дворян, сосланных его отцом, провел умеренно-либеральные реформы, разработанные Негласным комитетом и М.М. Сперанским. Правда, просуществовал комитет недолго – до конца 1803 г. По указанию императора Александра в 1801 г. была создана Крымская комиссия для разбора споров по землям и определения повинностей на Крымском полуострове. Официально основной ее целью было *«принадлежащее настоящим хозяевам возратить или другим пристойным образом сделать удовлетворение»*¹².

И тут-то оказалось, что гражданское мужество Павла Сумарокова – как автора и княгини Варвары Васильевны Голицыной – как издателя сочинения, рисковавшего навлечь новый гнев императора Павла на пребывавшего в опале семейства, было не напрасным. Книга эта привлекла внимание серьезных людей. Не случайно вскоре появился ее перевод (сокращенный) на немецкий¹³. И особенно примечательно, что одним из первых шагов императора Александра I, вновь обратившего внимание на Крым, было создание Крымской комиссии, куда был назначен Павел Сумароков. На первой странице «Досугов» автор с юмором повествует, как он, скучая, проводил вечер в Английском клубе и из случайного разговора узнал от «одного из чиновных бояр» о своем новом назначении. Книгу явно знали лучше, чем ее скромного автора. Несомненно, знал ее и сын князя Сергея Федоровича Василий Голицын, и это, возможно, сыграло свою роль в его стремлении поселиться в Крыму и внести свою лепту в благоустройство Южного берега. Характерно, что именно ему одному из многочисленных братьев доведется осуществить мечту Сумарокова – закончить свои дни в благословенной Тавриде. Но это произойдет после женитьбы, а пока князю предстоит пройти основные ступени военной карьеры.

В 16 лет Василий Голицын был уже пожалован камер-юнкером, затем участвовал в Пензенском ополчении и во многих сражениях 1812–1813 гг.; перейдя в 1814 г. в Александрийский гусарский полк, он в 1817 г. поступил в министерство иностранных дел, в 1819 г. был причислен к миссии во Франкфурте, получил звание камергера и чин действительного статского советника, а затем вышел в отставку. В 1823 г. его женой стала вдова князя Аркадия Александровича Суворова-Рымникского (1780–1811). Вместе с женой он поселился в Крыму в своем имении Василь-Сарай, проводя зиму в Одессе.

*Светлейшая княгиня Суворова-Рымникская,
урожд. Е.А. Нарышкина,
во втором браке княгиня Голицына,
хозяйка Василь-Сарая*

*У*х брак состоялся в Бадене в 1823 г. и вызвал немало пересудов. Вдова князя Аркадия Александровича Суворова-Рымникского (1780–1811), княгиня Елена Александровна, урожденная Нарышкина (двоюродная сестра М.С. Воронцова), была заметной фигурой в великосветском обществе. Это была старшая дочь одного из остроумнейших людей своего времени обер-камергера Александра Львовича Нарышкина и статс-дамы Марии Алексеевны Сенявиной, любимой фрейлины Екатерины II. Родители ее были близкими людьми при Дворе и пользовались одинаково расположением императора Павла I и Александра I. Последний даже называл А.Л. Нарышкина кузенком.

Нарышкины дали дочери хорошее домашнее образование, кроме общеобразовательных наук Елена Александровна изучала музыку и была наделена от природы красивым по тембру голосом. Совсем юной она была взята ко двору и сделана фрейлиной. Ее родители вели шумный, расточительный образ жизни. Двери их особняка на Английской наб., д. 10, были всегда открыты для балов и приемов, где Елена блистала молодостью, красотой и любовью. Семья Нарышкиных была очень дружна с великим

полководцем А.В. Суворовым, поэтому его сын Аркадий, высокий и стройный белокурый красавец, был своим человеком в их доме. Молодые полюбили друг друга, однако Аркадий был помолвлен с герцогиней Вильгельминой Саганской. После кончины генералиссимуса Суворова этот брак расстроился. Аркадий Суворов унаследовал большое состояние и был свободен в выборе невесты.

15 июля 1800 г. в Петербурге состоялась свадьба 20-летнего князя Аркадия Суворов и 14-летней Елены Нарышкиной. Брак этот оказался, однако, ни долгим, ни счастливым. Одаренный от природы большими способностями, сын великого Суворова, подобно отцу, имел много странностей и не был создан для семейной и домашней жизни. Дому и молодой жене он предпочитал псовую охоту, холостые компании, игру в карты. Все это отвлекало его от дома, и, несмотря на прибавления в семействе (в браке родилось четверо детей), семейная жизнь не складывалась. Привыкшая к большому обществу Елена благосклонно принимала ухаживания многочисленных поклонников.

В доме Суворовых часто бывал молодой Михаил Воронцов, которому Елена приходилась двоюродной сестрой по матери, а вместе с ним его друзья-сослуживцы по Преображенскому полку – С.Н. Марин и Д.В. Арсеньев. В переписке друзей нередко упоминается «кузина» Воронцова. В письме из Петербурга от 23 октября 1803 г. Арсеньев описывает бал в доме Суворовых:

«Не могу не описать бал, данный в честь дня рождения вашей кузины. Дом едва мог вместить всех гостей. Перерыв в танцах наступил лишь ради того, чтобы уступить место певцам-итальянцам, обладателям лучших голосов. Вашей кузине не надо было привлекать гостей к танцам; все почитали долгом следовать ее примеру, и удовольствие прогоняло усталость. Бижу (“сокровище” – прозвище Аркадия Суворова) присутствовал по возможности, он пригласил всех к великолепному ужину, где ни в чем не было

недостатка. Все старались занимать вашу кузину. Она никого не забыла, всякому оказывала внимание, и любезность и благосклонность с которым она это делала, придавали ей еще большее очарование, если это возможно»¹⁴.

Поведение Аркадия Суворова очень удивляло Марина и он во всем винил супруга, «...которого не худо бы прогнать шпицрутенами: как можно променять жену на похабную псовую охоту», а любуясь её маленькой дочкой Мими (Мария), поэт писал:

«Как она стала мила, и я думаю, что она, если это возможно, будет так же умна и любезна, как её мать, хотя это божество имеет в себе всё, что ветреность и кокетство имеет опасного!»

Жертвой кокетства и легкомыслия Елены Александровны стал друг Воронцова Д.М. Арсеньев. В 1804 г. неудачное увлечение княгиней Суворовой заставило Арсеньева бежать от любви в армию на о. Корфу, а в 1805 г. в Италию. Кузен прекрасной Елены Михаил Воронцов, употреблявший все усилия, чтобы спасти от губительной страсти своего друга Арсеньева, старался подчеркнуть недостатки прелестной княгини в письме от 23 июня 1805 г. из Петербурга:

«Не могу описать тебе, сколько я огорчен твоим состоянием и тем больше, что непосредственная виновница оного есть моя двоюродная сестра, которую я всегда любил, как душу свою. Совершенно разлюбить её я не могу, но и на прежней ноге с нею остаться мне невозможно, и никогда уже между нами не будет той откровенности, которая прежде существовала. Слава Богу, по последним твоим письмам мы можем надеяться, что ты совершенно превозмог страсть, которая тебя терзала. Клянусь тебе, хоть мне и больно в этом признаться, что предмет оной совершенно не заслуживает, чтоб ты ею занимался. Она совершенно избаловалась. На место

безпритворной натуры, которая была в ней так любезна, теперь всё кокетство – и притворство. Со мною она очень смирна и, кажется, немного меня боится; но с другими её узнать нельзя...»¹⁵

Однако жизнь нанесла тяжелый удар избалованной успехами в свете красавицы. В апреле 1811 года во время Русско-турецкой войны 26-летний Аркадий Суворов погиб при переправе через Рымник, ту самую реку, на берегах которой его отец одержал одну из своих блестящих побед. В тот год Рымник широко разлился, и переходящие его вброд солдаты сильно рисковали. Знакомые и друзья глубоко сочувствовали семье Суворова. А.А. Закревский писал М.С. Воронцову 22 апреля 1811 г.: «...Какая мудреная жизнь была у Суворова! Вот до чего довела молодость и скорость».

А.Я. Булгаков в мае 1811 г. писал брату в Бухарест:

«Всякий раз, как ты графа вспоминаешь, сердце моё кровотоцит. Ты еще не знаешь, что уже нет его, молодого героя, опоры отечества своего. Тут до сих пор все безутешны. Император написал матери душераздирающее письмо, кое будет вечным памятником любви его к покойному»¹⁶.

Оставшись вдовой в 25 лет, княгиня Суворова вскоре уехала за границу. Там она провела довольно продолжительное время, лишь изредка и ненадолго возвращаясь в Россию, так как слабое здоровье ее требовало пребывания в теплом климате.

Красота Елены Александровны часто привлекала внимание художников. В.Л. Боровиковский писал ее дважды – в начале 1790-х г., когда ей было лет шесть-семь, и в 1799 г. Среди ее изображений выделяется портрет Ж.-Л. Монье, с 1802 г. проживавшего в Петербурге, на котором он запечатлел свою модель античной богиней. В 1810 г. ее писал Дюбуа, по заказу М.А. Нарышкиной, по отзыву А.Х. Бенкендорфа этот портрет – «верх совершенства по сходству и по работе».

В 1814-м г. Елена Александровна находилась в Вене, где отец ее состоял при императрице Елизавете Алексеевне во время Венского конгресса. На блестящих балах и празднествах, которыми сопровождался этот небывалый съезд императоров, королей и принцев всей Европы, княгиня Суворова, благодаря своей красоте и любезности, привлекала общее внимание и занимала видное место между красавицами венского двора и высшей европейской аристократии. Один из современников писал о ней:

«...Она соединяла в себе с замечательной красотой природную живость ума и обаяние нежной и возвышенной души». Константин Булгаков, встретив ее в Вене, писал брату: Тут готовится маскарад у графа Меттерниха. Русские дамы будут наряжены крестьянками... Говорил ли я тебе, что княгиня Суворова здесь? Она чрезвычайно переменилась. Она с ее матерью и Александром Львовичем просили передать тебе тысячу любезностей»¹⁷.

Как в европейских столицах, так и на водах в Германии, где она проводила летние месяцы, Елена Александровна вела светскую жизнь и имела много друзей и поклонников. Ум, образованность, красота, выдающиеся музыкальные способности и прекрасный голос привлекали к ней сердца. Сохранился рассказ: во время пребывания Елены Александровны в Риме в 1815–1816 гг. знаменитый уже тогда Россини, входящий в ее дом, пожелал написать кантату в день ее именин или рождения с помещением в кантату какого-нибудь русского мотива, для чего он обратился к Джулиани. Тот вспомнил напев «Ах, зачем было огород городить, ах, на что было капусту садить», и мотив этот до того понравился Россини, что, поместив его в свою кантату, он повторил его в сочиняемой им тогда опере «Севильский цирюльник», в финале 2-го действия¹⁸.

В течение двенадцатилетнего вдовства Елена Александровна имела немало возможностей снова выйти замуж, она очаровывала всех, кто встречался с ней. Но жизненные испытания сделали ее

более серьезной; мать четверых детей, она решила посвятить себя их воспитанию. И только когда дети подросли, а старшая дочь вышла замуж, она решила устроить свою судьбу.

Лето 1823 г. Елена Александровна провела в Бадене, а вскоре затем вступила во второй брак. Ее избранником стал 31-летний князь Василий Сергеевич Голицын, действительный статский советник и камергер. Их свадьба состоялась в Берлине и в обществе вызвала много пересудов. 37-летняя вдова с четырьмя детьми стала женой князя моложе ее на 6 лет! А.Я. Булгаков в январе 1824 г. сообщал своему брату:

«Свадьба Суворовой и здесь всех удивляет. Оба с ума спятили. А кто знает, может быть и примерные будут супруги. Это век вещей необыкновенных»¹⁹.

Долли Фикельмон в записи от 8 февраля 1833 г. писала о ней:

«Здесь появилась некогда прославленная красавица княгиня Элен Суворова, которая после очень бурной, очень весело проведенной молодости и очень шумной славы в обществе несколько лет назад повторно вышла замуж, став женой князя Базиля Голицына, и продвигается к счастливой и спокойной старости. Ее история, подобная многим другим, лишний раз доказывает, что не все заблудшие овцы возвращаются в овчарню тернистыми тропами. Среди них есть и такие, для которых тропинка с розами надежнее!»²⁰

Брак действительно оказался удачным. Супруги избрали местом жительства Одессу и Крым, имение Василь-Сарай, поскольку оба нуждались в теплом климате. Имение Василь-сарай могло передаваться по наследству, но детей у В.С. Голицына не было, поэтому в конце 1860-х г. оно перешло другим владельцам. М. Сосногорова в «Путеводителе по Крыму» 1871 г. упоминает Василь-Сарай как «Бывшую дачу князя Голицына, принадлежащую

теперь Абаза». Очевидно, при этом владельце был построен новый господский дом, описание которого М. Сосногорова дает в новом издании своего путеводителя 1883 г. Это было красивое строение «с бельведером и многими флюгерами на цветной крыше здания». Более поздние путеводители фиксируют фамилию уже новых владельцев Василь-Сарая – Устиновых. Устиновы вышли в дворяне из винных откупщиков и домовладельцев, породнились с титулованной знатью, но графского титула никогда не имели.

*Башмаковы – дочь и зять княгини Е.А.Суворовой,
владельцы Мшатки*

*Н*а Южном берегу, в селении Мшатка устроила поместье дочь Елены Александровны Варвара Аркадьевна (26 марта 1802 – 22 февраля 1885)²¹. Муж ее, Башмаков Дмитрий Евлампиевич, герой войны 1812 г., сражался под Смоленском и Бородино, был награжден золотым оружием и орденами Владимира и Анны 4-й степени. Ушел в отставку полковником Кавалергардского полка в 1819 г. Состоял чиновником особых поручений при графе Воронцове. В 1824 г. вступил в брак с Варварой Аркадьевной, дочерью Елены Александровны, урожд. Нарышкиной. Нарышкиных связывали узы близкого родства с М.С. Воронцовым, к тому времени ставшим генерал-губернатором Новороссийского края. Благодаря его совету, молодые отправились в Крым, где присмотрели себе в селении Мшатка земли, на которых появилось имение «Варино», названное в честь любимой жены Варвары Аркадьевны. Здесь появилась прелестная дача, увековеченная одесским художником и литографом Бигатти. Лето супруги проводили здесь, а зиму – в Одессе, где Варвару Аркадьевну хорошо знали в великосветских кругах и где она пыталась создать литературный салон, куда приглашала Пушкина. Однако поэт чаще бывал у ее сестры, Марии Аркадьевны, красивой и музыкально одаренной. Ей он посвятил

одно из лиричных стихотворений: «Давно о ней воспоминанье / ношу в сердечной глубине ...»

Варвара Аркадьевна принимала активное участие в судьбе Айвазовского. Будущий прославленный маринист был хорошо знаком с Варварой Аркадьевной по Феодосии, а с ее братом Александром Суворовым-Рымникским, князем Италийским, дружил. В 1833 г. при содействии феодосийского градоначальника А. Казначеева он отправился в Петербург и поступил в Академию художеств (1833–1839), и на учебу в северную столицу в 1833 г. поехал с семейством Варвары Аркадьевны и ее супруга Дмитрия Евлампиевича Башмакова (1796–1836), в то время уже действительного статского советника, камергера Двора, адъютанта графа М.С. Воронцова по особым поручениям.

Мемуарист Филипп Вигель в своих «Записках» оставил любопытные воспоминания о чете Башмаковых одесского периода (1823–1824 гг.):

«В это время одесское или, лучше сказать, семейное общество графа (Воронцова) умножилось одною прибывшею из Петербурга четою. Не слишком богатый казанский помещик, молодой красавчик Дмитрий Евлампиевич Башмаков служил в кавалергардском полку. Мундир, необыкновенная красота его, ловкость, смелость открыли ему двери во все гостиные большого света. Он получил там право гражданства до того, что решился искать руки внучки Суворова у Марьи Алексеевны Нарышкиной и получил ее...»

Далее Вигель не упускает случая всласть позлословить в адрес супругов; приведем его слова, напоминая читателю, что не следует принимать его высказывания за чистую монету:

«Человека самонадеяннее, упрямее и непонятливее Башмакова трудно было сыскать; кто-то в Одессе прозвал его Brise-raison [пустомеля, болтун]. Молодая супруга его, Варвара Аркадьевна, была

не хороша и не дурна собою, но скорее последнее; только на тогдашнее петербургское высшее общество, столь пристойное, столь воздержанное в речах, она совсем не походила, любила молоть вздор и делать сплетни; бывало, совет что-нибудь мужу, тот взбесится, и выйдет у него с кем-нибудь неприятность»²².

Напротив, М.П. Щербинин в своих Воспоминаниях пишет, что в бытность свою в Одессе он и его сослуживцы «в приветливой гостинной радушного хозяина Д.Е. Башмакова и любезной его супруги Варвары Аркадьевны, услаждавшей наши беседы музыкою и пением, проводили многие приятные вечера, которые, конечно, памятны всем, посещавшим эту милую, ласковую чету»²³.

Потеряв нежно любимого мужа (1835), она жила в Крыму, а в конце 1830 – начале 1840-х гг. вышла за старика князя Андрея Ивановича Горчакова, генерала от инфантерии (1776–1885).

*Письма кн. Голицыной кузену Васеньке Голицыну,
владельцу Василь-Сарая*

*С*о времени появления супругов Голицыных в Крыму княгиню Анну Сергеевну связывала с Василием Голицыным и его женой нежная дружба. В знак особой благосклонности она дала обоим прозвища: князя она звала Васенька и Аппетиссан (аппетитный), намекая на его приятную полноту и добродушие, а его супругу – Беллссима, то есть красавица.

Письма кн. Голицыной за 1836–1837 г. кузену кн. Василию Сергеевичу Голицыну свидетельствуют не только о нежной привязанности княгини к своим молодым, хотя и дальним родственникам. Именно с ними она более откровенно делится и своими внутренними переживаниями, и своим отношением к семейной жизни графа Воронцова.

Вот письмо за 10 января 1837 г., интересное сообщением о необычно хорошей погоде:

«Наши поздравительные письма пересеклись, мой любезный кузен, и хотя в вашем письме вы не написали ничего интересного, я считаю долгом ответить, ибо таков обычай нашего века. Здесь у нас стоит хорошая погода, пожалуй, слишком хорошая для моего

возраста. Ибо я провожу дни, сидя в винограднике и наблюдая, как срезают виноград. Дорогой Васенька, я не припомню ничего лучшего нашего прекрасного Кореиза, которым мы владеем, и нам не хватает лишь пения соловья.

Но вам с вашим ревматизмом не до пасторали...»²⁴

Вот письмо от 3 февраля 1837 г. с выражением сочувствия Васеньке в связи с потерей брата²⁵. Княгиня обещает молиться за покойного, но вместе с тем выражает свое отношение к молитве, которое требует не столько присутствия в церкви, сколько сосредоточенного религиозного переживания, когда откроется «внутреннее зрение» и смерть «станет лишь концом страданий и началом вечного блаженства, союза святых душ, восхваляющих Всевышнего».

В ответ на просьбу кузена «Закажите молебен за моего бедного брата в церкви и сами пойдите туда», Анна Сергеевна отвечает:

«Да, дорогой Васенька, я буду молиться за него со слезами. Я запишу его имя в ежемесячных поминаниях, какие совершают по покойникам у Татьяны (Т.Б. Потемкиной. – Прим. авт.). Но вам, дорогой друг, я не велю идти в церковь, чтобы творить молитвы; прошу вас, оставайтесь там, где вы находитесь, удобно устройтесь в кресле, положив руку на сердце и закрыв глаза, произносите с твердой верой: Господи, помилуй меня, услышь молитву мою, с которой смиренно обращаюсь, прости моего бедного брата, и даруй ему место упокоения. Господи, просвети меня, прости меня, даруй мне любовь и веру, чтобы я веровал Тебе и любил Тебя. И Он успокоит вас и исцелит вашу болящую душу, и откроет ваше внутреннее зрение, и вы обретете блаженство, и смерть утратит свое жало, все то, что есть в ней язвительного, жестокого, мучительного; она станет лишь концом страданий и началом вечного блаженства, союза святых душ, восхваляющих Всевышнего. Ах, друг мой, используйте время для вечности, перестаньте распылять его, – ведь времени больше не будет! Настанет вечность!»

Я люблю вас, когда вы веселы, но насколько же больше чувствую нежность к вам, когда вы горюете! Бедный Васенька! Ах, если только захотеть, то болезнь, страдание и горе можно обратить на пользу душе.

Завтра мы возвращаемся в Артек, пробудем там 8 дней и вернемся поджидать Короля (М.С. Воронцова). Я прошу Беллссиму²⁶ подсчитать мои долги, расплачусь сразу же, и останусь неплатежеспособной лишь в отношении признательности.

Я прошу ее быть очень нежной с Каролиной, мне необходимо, чтобы моя добрая Беллссима любила ее так же, как я люблю.

Бедная Каролина (Собаньская), милое обманутое дитя...

Хорошего дня, друзья мои, хорошего дня, мой любезный аппетитный толстячок, моя любезнейшая Беллссима, моя малышка Куланж, которых я люблю так, что не могу выразить; да, я повторяюсь, но в надежде, что вам это приятно перечитывать.

Да, друзья мои, это факт, это истина – старая княгиня любит вас и глубоко, и нежно».

Но особенно интересно поздравительное письмо от 1 января 1837 г., живо рисующее отношения в семье Воронцовых. В нем ярко выразилась литературная одаренность княгини, описавшей вступечу Нового года в виде театральной сцены.

«Вы хотите, чтобы я написала письмо (с пожеланиями) лично вам, и я нахожу, что Новый год – весьма подходящее время, чтобы исполнить вашу просьбу. Желая вам добра, радости сердца, мира в душе, достаточно здоровья, чтобы переносить жизнь без помех; все той же любезности, легкости характера, чтобы всегда быть желанным и любимым, каким вы остаетесь для меня. Для меня и для всех, кто вас знает и умеет ценить. Теперь, когда вы получили свою долю (пожеланий), извольте передать каждому его (порцию).

Приблизьтесь к Королю (М.С. Воронцову), почтительно приветствуйте его от моего имени, с сердечной нежностью, и скажи-

те ему ясным и звучным голосом, что Старуха в скалах желает ему долгой жизни и долгого царствования над нами, его смиренными и покорными подданными, желает, чтобы он по-прежнему был к нам благосклонен и милостив, и заверяет его в том, что мы приложим все наши способности, чтобы сохранить его доброе расположение к нам.

Отступите шаг назад, медленно и грациозно повернитесь к Королеве (Е.К. Воронцовой): мы покорнейше желаем ей здоровья, радостей жизни на пути, усеянном цветами и ароматами.

А теперь, мой дорогой Аппетиссан, повернитесь к прекрасной гран-Даме²⁷. Приветствуйте ее с почтительной любезностью шамбеллана (камергера) старых времен, с той легкой и приятной улыбкой, свойственной только вам, и скажите ей, что старая Княгиня выражает ей свое нежное почтение, надеется, что та вспоминает о ней с благосклонностью, желает ей благополучия (блаженства), исполнения всех желаний, пусть они хранятся в ее мешочке (сумке) для рукоделия, и пусть в нем всегда будет достаточно шерсти, столь же тонкой, как тонкость ее ума и такта! Слава и честь ее уму!

Если г-н Брозин²⁸ находится в гостиной, напомните ему обо мне и пожелайте успеха во всех его делах.

Леон²⁹, должно быть, здесь, под рукой. Дорогому сонливцу передайте мои поздравления, мои искренние пожелания оставаться всегда спокойным, мягким ко всем и любезным ко мне. Передайте ему: в глубине души мне кажется, что вы относитесь ко мне не лучшим образом. Всегда ли справедливость будет несовместимой с вашим воинственным расположением духа? Вы должны верить мне и любить меня, я это заслужила, заслуживаю и еще заслужу!

Но вот вы и устали, мой дорогой Аппетиссан, идите же, отдохните от созерцания этой сцены, чреватой вулканическим взрывом. Устройтесь уютно в кресле, возьмите на колени Софку³⁰, поцелуйте ее нежно за меня и пожелайте матери и ребенку благословения небес, молитв святых, общения с ангелами; пусть мать здравствует, дитя растет, взрослеет, познает Бога и призывает

на голову матери прощение, благословение, а в ее сердце – любовь, радость и покой.

Вы разнежились, мой Васенька, и я тоже.

На этом я прощаюсь, обнимая вас с истинно дружескими чувствами

Анна княгиня Голицына»³¹.

1 января 1837

Это письмо ярко рисует картину взаимоотношений двух семей, по сути связанных родственными узами, на которые наложилось отношения личные (любовь, страсть, ревность, взаимные претензии и укоры и т.п.), связавшие их еще теснее. Действующие лица «сцены, чреватой вулканическим взрывом», как определила ее Анна Голицына, тем не менее, взрыва избежали, по крайней мере внешне. Ни дуэли, ни ревности, ни драматических сцен, которых не могло не быть, но на поверхности найден модус вивенди вполне благопристойный. Более того, он явно родственный и дружеский.

«Большая семья» Воронцовых
в письмах и мемуарах современников

Для лучшего понимания отношений действующих лиц вышеописанной сцены вначале приведем отрывок из письма Голицыной Воронцову от 1 февраля 1830 г. с поздравлениями по случаю появления на свет маленькой Софьи. Для окружающих не был тайной роман Воронцова с Ольгой Нарышкиной.

«С искренней радостью узнали мы новость о счастливом разрешении Ольги и о появлении на свет долгожданной маленькой Софьи. Позвольте, дорогой граф, просить вас поздравить с нашей стороны папу и прекрасную маму. Пусть малышка растет прелестной и разумной и всегда будет радовать своих родителей!»³²

Четырьмя годами ранее у четы Воронцовых родилась дочь Софья. Обе Софьи росли как сестры, каковыми они фактически и являлись.

Ниже мы приведем отрывок из архива семьи Бизли, внебрачного сына Семена Романовича Воронцова, русского посла в Англии³³. В нем, в частности, отмечено, что Софья Воронцова и Софья Нарышкина «были как сестры», да и замуж вышли за родных братьев графов Шуваловых с интервалом в два года – Софья Михайловна (1825–1879) в 1844 г. стала женой Андрея Павловича

Шувалова, а Софья Львовна (1829–1894) в 1846 г. вышла замуж за Петра Павловича Шувалова.

Из архива Бизли:

«В прошлом мае 1885 г. я посетила подругу, которая прожила 22 года как английская гувернантка в семье графа Петра Шувалова, женатого на Софье, считающейся дочерью генерала Нарышкина. На самом деле она была дочерью мадам Нарышкиной и князя Михаила Воронцова. Граф Андрей Шувалов, брат упомянутого Петра, женился на Софье Воронцовой, дочери князя Михаила Воронцова, эти два брата были сыновьями старого графа Павла Шувалова. Эти две семьи постоянно жили в одном доме, но в разных квартирах, и две Софьи были как сестры, только любовь была со стороны Софьи Воронцовой более, чем со стороны Софьи Нарышкиной, поскольку последняя была умна, а первая – очень тиха, без всяких способностей. Она была вполне живой (по крайней мере, ездила на приемы) до замужества, после которого она перестала выезжать в свет и вообще что-нибудь делать, сидела часами глядя прямо перед собой, ничего не говоря и качая ногой, просидев так, возможно, полдня она вяло произносила “Кажется, идет дождь” или “Кажется, погода хорошая, не покататься ли нам?”. Она всегда раскладывала пасьянсы, когда делала хоть что-то, и обычно раздражала своего мужа графа Андрея, говоря, когда он входил в комнату, “Давай разложим пасьянс, Андре?”, и он обычно уходил раздосадованный, поскольку он был очень умным, активным и филантропическим человеком, любившим общество; ее неподвижность и глупость заставляли его постепенно отдаляться от нее. Она боготворила его. Он умер внезапно в Одессе в 1875 г.»

Оставим в стороне степень психологической достоверности описания Софьи Воронцовой-Шуваловой во второй половине ее жизни. Обратимся к еще одному источнику – воспоминаниям дочери архитектора Карла Эшлимана Каролины. Делясь воспоминаниями, она сожалеет, что не записывала рассказы отца. *«Теперь*

мне трудно их вспомнить: память изменила, и, боюсь, что многое за давностью времени могу спутать». Тем не менее, записавший с ее слов рассказы В. Кашкаров пишет:

«Внося новые подробности в биографии упоминаемых ею лиц, воспоминания Каролины Карловны, сличенные мною с другими источниками, разбросанными в отдельных изданиях и исторических журналах, изумили меня их строгой точностью».

Во всяком случае, ее упоминания о семейной жизни четы Воронцовых дают представление о том, что говорили о них в свете.

«Жена светлейшего князя М.С. Воронцова, рожденная гр. Браицкая, не отличалась семейными добродетелями, и так же, как ее муж, имела связи на стороне. Единственный сын князя, Семен Михайлович, не походил на отца ни наружностью, ни талантами, ни душевными качествами; это был белобрысый увалень, над которым знающие его подтрунивали, называя “белугою”. Отец (Эшлиман), бывало, в шутку говаривал: “Сенька не сын князя, а какого-нибудь курьера или вахмистра”»³⁴.

Действительно, хотя на склоне лет Воронцов назовет свой семейный союз «счастливым», в первое десятилетие он был отнюдь не безоблачным. Первые двое детей умерли во младенчестве, еще двое – в детском возрасте. Кроме того, «очаровательное кокетство» и «неукоснительное щегольство» Елизаветы Ксаверьевны притягивало мужчин. Самое известное испытание супружеского союза связано с Пушкиным. Но менее известно то, какую роль играл в раздувании этого романа и скандала вокруг него... Александр Раевский – сын знаменитого генерала, соратник Воронцова по зарубежному походу. Елизавете Ксаверьевне он доводился родственником по матери, и в ее имении Белой церкви они росли вместе как брат и сестра. На прaxes родственника он постоянно бывает в Одесском доме

Воронцовых и, по словам Вигеля, *«без любви, с тайной яростью устремляется он на сокрушение семейного счастья, супружеского согласия Воронцовых»*. Не будь граф генерал-губернатором, он имел бы все основания вызвать настоячивых поклонников на дуэль. Но в его положении он мог прибегнуть лишь к высылке из Одессы – вначале поэта, позднее – А. Раевского. После отъезда Пушкина наступает очередь Раевского, который в конце июня 1828 г. устраивает публичный скандал. В разгар дня, в Одессе, на улице, полной людей, Александр Раевский с хлыстом в руке остановил карету графини и наговорил ей дерзостей, причем неслыханных! В семье Раевских сохранилось предание, что, среди прочего, поклонник крикнул ей: *«берегите наших детей»* или *«нашу дочь»*.

Воронцов пожаловался Государю, и Раевского вывезли из Одессы в Полтаву для проживания под надзором. Н.Н. Раевский-старший бросается на защиту сына. Вот его письмо государю от 28 июля 1828 г.:

«Граф Воронцов извещает меня, что сын мой по высочайшему вашему повелению выслан из Одессы в Полтаву за разговоры его против правительства и военных действий, оправдываясь предо мною, что он сему не причиною.

Тридцать с лишним лет я знаю графа Воронцова.

Несчастливая страсть моего сына к графине Воронцовой вовлекла его в поступки неблагоприятные, и он непростительно виноват перед графинейю.

Графу Воронцову нужно было удалить моего сына по всей справедливости, что мог он сделать образом благородным; графиня Браницкая могла о сем просить Вас для спокойствия семейного, но он не рассудил сего. Граф Воронцов богат, военный генерал-губернатор, может деньгами и другими награждениями найти на кого донести и присягнуть в чем угодно графу Воронцову.

Всемилоостивейший Государь, сын мой не в состоянии ни говорить, ни мыслить против правительства, накажите его за его не-

благоразумие, но не по клевете, на него взнесенной; первое может ввести его в рассудок, а последнее – погубить, – если же я обманул Вас, я преступник, накажите меня по вине моей!»³⁵

Сообщает он о скандале и младшему сыну Николаю:

«Граф Воронцов, желая отдалить от Одессы твоего полусумасшедшего брата, нашел благородный способ сыскать на него донощика, будто он вольно говорит о правительстве и военных действиях! Ты знаешь, мой друг Николушка, может ли это быть: эти все дурачества влюбленного человека он действительно делал, но предсудительного – с его чувствами не сходно.

...Между тем гр. В. потерял в публике жену, себя, безвозвратно, все в Одессе знают всю истину! Нельзя, чтоб Императрица, находившаяся там, не была о сем известна, и чтоб Государь поступил так снисходительно, если б поверил клевете сей»³⁶.

Наказание действительно мягко, но Александру запрещен въезд в обе столицы: Раевская-мать обращается к А.Х. Бенкендорфу с просьбой, нельзя ли отменить запрет. Но это невозможно, отвечает Бенкендорф, объясняя деликатную причину:

«Сын Ваш Александр, как известно Вашему Превосходительству, дозволил себе дерзкий поступок в присутствии самой Государыни Императрицы и тем произвел даже Ея Величеству беспокойство. – За таким действием его, уже неприлично было бы... появление его в столицах, где легко бы могло случиться встретить Государыню Императрицу и тем возобновить неприятное впечатление, произведенное им на Ея Величество»³⁷.

Пушкинисты потратили немало слов и даже календарных расчетов, ради доказательства того, что Софья – дочь Пушкина. Приведено также немало доказательств противного. Но почему-

то мало обращалось внимания на А. Раевского, который был душой интриги по компрометированию семьи генерал-губернатора, используя для этого Пушкина. Ведь, по словам Вигеля, именно он «устремился на сокрушение семейного счастья Воронцовых», а в вышеописанном скандале прямо выкрикнул «Берегите нашу дочь!».

Приведем еще одно свидетельство того, как воспринимали отношения в семье Воронцовых окружающие, взятое из «Воспоминаний Каролины Эшлиман», дочери архитектора. Ее отец Карл Эшлиман, швейцарец, выпускник Парижской академии художеств, оказался в Крыму случайно: он вызвался сопровождать молодого графа Ошандо де ла Банда, племянника баронессы Беркгейм, сына ее сводной сестры по отцу, урожд. Софии Крюденер. Княгиня познакомилась с этой семьей во время путешествия по Италии и Швейцарии и пригласила Фракито (Франсиско) Ошандо в Кореиз. Молодые путешественники прибыли в Кореиз в 1828 г. и задержались там, поскольку дорога в Одессу из-за чумы была закрыта. Тем временем в Крым из Одессы прибыл М.С. Воронцов, которому княгиня представила молодого архитектора. Генерал-губернатор Новороссии заявил, что не отпустит швейцарца домой, и вскоре предложил ему должность казенного архитектора Южного берега Крыма. *«Мой отец всегда с большой похвалой отзывался о графе Воронцове, – добавляет Каролина. – Граф Воронцов до самой смерти не переставал благоволить к моему отцу и не стеснялся посвящать его в свои самые интимные дела. Граф сильно увлекался Нарышкиной, урожденной графиней Потоцкой. По его поручению строил мой отец дом для Нарышкиной в Мисхоре, и часто молодой архитектор выслушивал приказания наместника, когда тот стоял на коленях перед ней»*³⁸.

*Мисхор
и его владельцы Нарышкины*

В Мисхоре, где супруги Нарышкины обычно проводили лето, их заботами возникла новая Софиевка – в честь малолетней дочери Софьи и в память ее блистательной бабушки Софии Главоне-Витт-Потоцкой.

В архиве М.М. Боборыкина, до революции служившего в алупкинском имении Воронцовых-Дашковых, а после революции – участника земельной комиссии по национализации южнобережных имений, сохранилась ссылка на документальное свидетельство, что Мисхор был получен «в подарок» от самого светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического его фавориткой и исполнительницей «тайных замыслов», «прекрасной гречанкой» или «прекрасной фанариоткой» Софьей Константиновной Потоцкой (1766–1822). Право собственности Потоцкой на земли Мисхора подтверждается купчей крепостью, скрепленной 3 марта 1819 г.

После смерти Софьи Константиновны Мисхор унаследовала ее дочь Ольга Станиславовна Потоцкая (1802–1861). До замужества Ольга оставалась под опекой старшей сестры Софьи, к тому времени ставшей супругой генерала Киселева. Опекать ее взялась также Елизавета Ксаверьевна Воронцова, урожденная графиня Браницкая, супруга генерал-губернатора Новороссийского края

графа Михаила Семеновича Воронцова. Александра Браницкая, урожденная Энгельгардт, – самая любимая из племянниц князя Потемкина и жена польского коронного гетмана. *«Любимица его, принявшая его последний вздох, все еще как будто озарялась последнею его славою, – пишет о ней Вигель. – Умнейшая из пяти сестер, урожденных Энгельгардтовых, она была их и богаче. Императрица особенно благоволила к ней и, сверх того, ласкала ее как жену довольно сильного польского магната, преданного России»*³⁹. Семьи Браницких и Потоцких постоянно общались между собой, благо и владения их были неподалеку. Зимой Браницкие жили в г. Белая Церковь, а летом – в имении Александрия, где был *«собственными ее руками возвращенный огромный парк»*. Поэтому Елизавета Ксаверьевна знала младших Потоцких с юности; добавим, что ее старшая сестра Екатерина Ксаверьевна стала женой сына Станислава Потоцкого, от первого брака. Она приняла живейшее участие в судьбе осиротевшей Ольги, однако и на протяжении последующих лет жизни они оставались близкими подругами, судя по отзывам современников.

В марте 1824 г. состоялась свадьба Ольги и 38-летнего генерал-майора, участника антинаполеоновских войн, Льва Александровича Нарышкина (1785–1846), двоюродного брата Воронцова со стороны его матери. Юность Нарышкин провел в походах, участвуя во всех крупных битвах с Наполеоном, в том числе и в Бородинском сражении, где был ранен в голову. В 1816–1818 гг. оставался во Франции в корпусе графа М.С. Воронцова, с которым издавна был в приятельских отношениях. Несмотря на проявленную им гусарскую удаль, Воронцова беспокоили его лень и беспечность, «отсутствие амбиций», но еще более – отношение к тетке Марии Антоновне. Так, в 1816 г. в письме к сыну М.С. Воронцову его отец (Семен Романович, русский посол в Англии. – Прим. авт.) писал: *«Боюсь, как бы путешествие Леона в Париж не привязало бы его снова к этому городу из-за присутствия волшебницы, которая его околдовала. Если только вы не*

обратиться к этой Армиде с просьбой, чтобы она сама заставила его вернуться на свой пост и к своим обязанностям, изгнав его из Парижа, боюсь, как бы он не продлил там своего пребывания»⁴⁰. «Пагубное» влияние на Нарышкина его знаменитой тетки упоминают и другие современники: Бенкендорф называет ее «злым гением» Льва Александровича.

Это был брак по расчету, но весьма непростому. Разумеется, Лев Александрович Нарышкин был блестящей партией. Близость ко двору (с 14 лет – камергер), тетка – фаворитка императора, блестящая карьера, военные награды – все это делало его весьма влиятельным лицом в Одессе; его даже называли «общим прокурором по делам Одессы».

Для окружающих было ясно, что брак этот не из счастливых, и прежде всего из-за несходства характеров. Красивая и кокетливая Ольга Станиславовна мало подходила ленивому и сонливому, хотя доброму и любезному Нарышкину. Правда, браки по расчету были делом обычным, но в данном случае дело осложнилось особым обстоятельством: роковой привязанностью Льва Нарышкина к Марии Антоновне, приходившейся ему родной тетушкой. Вероятно, устраивая этот брак, родственники жениха и невесты надеялись отвлечь Нарышкина от этой пагубной страсти, но, как мы увидим далее, их ожидания не оправдались.

Мария Антоновна Нарышкина (1779–1854) – дочь князя Антония-Станислава Четвертинского, в 15 лет пожалована во фрейлины, а в следующем году вышла замуж за Дмитрия Львовича Нарышкина, одного из богатейших вельмож екатерининского времени. Блестящая партия дала Марии Антоновне выдающееся положение в свете. Всем была известна глубокая и длительная привязанность к ней императора Александра I, от которого она имела дочь Софью. Однако такт и умение держать себя в свете не давали повода к излишним толкам; к тому же, чуждая всякого честолюбия, Мария Антоновна не вмешивалась в государственные дела, хотя одно время на нее возлагалось много надежд как сторон-

никами возрождения Польши, так и придворной партией, стремившейся отклонить государя от союза с Наполеоном. Влияние Марии Антоновны ограничивалось просьбами и ходатайствами разных лиц, пользовавшихся ее простотой и доступностью.

«Кому в России неизвестно имя Марии Антоновны? – писал Вигель. – Я помню, как, в первый год пребывания моего в Петербурге, разиня рот, стоял я перед ее ложей и преглупым образом дивился ее красоте, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною; скажу только одно: в Петербурге, тогда изобиловавшим красавицами, она была гораздо лучше всех. О взаимной любви ее с императором Александром я не позволил бы себе говорить, если бы для кого-нибудь она оставалась тайной; но эта связь не имела ничего похожего с теми, кои обыкновенно бывают у других венценосцев с подданными»⁴¹.

Из этих слов можно понять, какое впечатление могла она произвести на племянника, всего шестью годами моложе нее. Эта замечательная красавица длительное время была фавориткой Александра I. Женитьба на Ольге Потоцкой, казалось, отвлекла его от этой привязанности. Но «вечная тетушка» «злая колдунья» крепко привязала его к себе, и он всюду за ней следовал. С 1835 г. М.А. Нарышкина поселилась с мужем в Одессе. С этого времени в ее жизни начинает играть роль генерал Брозин, бывший флигель-адъютант. Похоронив мужа в 1838 г., она, по слухам, даже собиралась за него замуж. Невзирая на присутствие соперника, Лев Нарышкин поскакал в Петербург устраивать наследственные дела Марии Антоновны. В 1843 г. Л. Нарышкин опять поступил на службу и зачислен был в свиту, пожалован в генерал-адъютанты, а ровно через год – в генерал-лейтенанты. В 1843 г. умер Брозин, и друзья ожидали, что это «важное событие» отразится на судьбе Нарышкина. Но он только везде следовал за Марией Антоновной, ездил в Мюнхен, сопровождал ее в Нотр-Дам де Лоретт. Между тем его

здоровье и характер делались день ото дня все хуже; в 1846 г. он уже ходил на костылях и 17 ноября скончался в Неаполе; погребен в церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Михаил Семенович не только брал на себя многие расходы по содержанию Мисхора; ему приходилось также нередко оплачивать картежные долги и кутежи легкомысленного двоюродного брата.

По словам великого князя Николая Михайловича, люди, весьма близкие к жене, а потому едва ли беспристрастные, каковы граф П.Д. Киселев и князь М.С. Воронцов, винили кругом мужа и его тетку, знаменитую Марию Антоновну, которую, не стесняясь, называли «злой, старой колдуньей», выставляя Ольгу Станиславовну жертвой «рокового влияния тетки». Из переписки Киселева и Воронцова видно, в чем оно заключалось: Нарышкин *«проводил у нее все дни и часть ночи»*, а Ольга *«предоставлена им участи, которая сделала ее такой же жертвой, что и он, злой колдуньи, рабом которой он состоит вот уже 40 лет»*. Ольга тратит последние силы, ухаживая за мужем (умер в 1846 г.).

В свете считали, что Воронцов, устраивая ее брак со своим кузеном Нарышкиным, в немалой степени заботился о своих личных интересах: этот брак служил прикрытием его собственного романа с Ольгой Потоцкой-Нарышкиной. *«Как все это уладилось, как просватали ее за Л.А. Нарышкина, все это покрыто тайной и не могло доходить до меня в Кишиневе, – намекает Вигель. – Как согласился он без любви играть при ней жалкую второстепенную роль?»*⁴².

Вместе с тем в характере Ольги было много живости и веселья. В сонную жизнь Одессы Ольга также порой вносила свежую струю. Нехотя это признает и Вигель. Описывая жизнь в Одессе, он жалуется, что *«шумных удовольствий не было, и потому новый, 1828 год начался весьма тихо, может быть, приятно для тех, кои встретили его в кругу семейств своих и друзей; я же всю эту ночь провел в глубоком сне. Одна Ольга Нарышкина умела начать его забавным образом. Она созвала к себе на вечер все общество свое,*

составленное из людей, ей поклоняющихся или ее забавляющих. Все были костюмированы или замаскированы, и, между прочим, бедную Казначееву, толстую и кривобокую, нарядила она тирольским мальчиком. Муж, по обыкновению своему, в десять часов залег спать; но по условию между ним и женою в полночь вся гурьба с шумом вошла в его спальню и заставила его встать с постели. Будто раздосадованный, будто спросонья, будто никого не узнавая, принялся он всех бранить; более всех досталось Казначеевой...» На другой день рассказы об этой проделке занимали весь город.

Лето Нарышкины обычно проводили в Мисхоре. Два главных крымских имения Нарышкиных и Воронцовых – «Мисхор» и «Алупка» – практически соприкасаются своими территориями. Их обустройство начиная с 1824 г., также происходило одновременно и, судя по хозяйственным документам архивов, силами одних и тех же архитекторов, строителей, отделочников, садовников.

Строительство имения и создание парка развернулось в 1830-х г., причем на том небольшом участке земли, который сначала назывался «Новым Мисхором» и был поначалу «откуплен» М.С. Воронцовым у Ольги Станиславовны, но вскоре «подарен» ей обратно в 1830 г. после рождения у Нарышкиных долгожданного ребенка, девочки, которую назвали так же, как и дочь Елизаветы Ксаверьевны, – Софьей. В свете ее считали дочерью Михаила Семеновича. Действительно, забота о парке «Софиевка», посвященном маленькой Софье, портреты девочки и ее матери постоянно хранились среди личных вещей Воронцова и даже стояли на письменном столе парадного кабинета Алупкинского дворца.

«Новый Мисхор» приобретался и украшался исключительно для маленькой Софьи; это была «усадьба в усадьбе», своего рода игрушечный городок, названный в ее честь «Софиевкой». Впрочем, это могло быть и своего рода откликом на неосуществленную мечту ее бабушки – «прекрасной гречанки», мечтавшей построить на побережье Черного моря город Софиополь.

Жизнь в близком соседстве и дружеском общении с Воронцовыми, заботы о парке, цветах, светское общение – все это явствует из писем графа Воронцова, адресованных Н.Н. Раевскому, также занятому устройством парка в Тессели близ Фороса.

«Тысяча благодарностей, мой генерал, за присланные вами великолепные цветы и драгоценные семена, доказывающие вашу непревзойденную щедрость. Мне совестно получить столь прекрасный подарок; я отдам часть этих семян Ольге (Потоцкой-Нарышкиной), чтобы уменьшить мое замешательство, не уменьшая моей благодарности: вы же получите двойную вместо одной... Я отправляюсь в Софиевку, где эти дамы (Ольга Нарышкина, Е.К. Воронцова и др.) собираются отпраздновать сегодня 1 мая» (письмо от 1 мая 1837 г.).

В письме от 5 мая повторяются приглашения Раевскому:

«Мадам Ольга присоединяется ко мне и графиня (Воронцова) тоже. Вчера мы играли в карты втроем... Прощайте, дорогой генерал, посылаю вам газеты; надеюсь, что вы привезете их завтра или в крайнем случае послезавтра, но завтра лучше. У меня осталась пара бутылок портвейна, которые следует выпить, но я не смею притронуться к ним без вас. Ваш М. Воронцов»⁴³.

Действительно, парки и дворцы остались лучшим памятником русской аристократии в ее заботах об освоении ранее практически недоступного Южнобережья. Усадьба Мисхор, принадлежавшая г-же Нарышкиной, урожд. Потоцкой, Ольге Станиславовне, в описании Сосногоровой, «превосходно устроена, заключающая в себе много красивых построек, превосходный увеселительный сад, полный разнообразных южных растений и цветов, и обширные виноградники. Почти в середине парка стоит большой и красивый владельческий дом... Пониже виноградников в мисхорском парке на-

ходится прекрасная лавровая роща или целый лес... Оливковая же роща в Мисхоре (она наз. “Софиевкой” или “малой Алупкой”), кажется, единственная на Южном берегу, где добывается столько оливкового масла, что часть его пускают в продажу»⁴⁴.

Сестры Потоцкие Софья и Ольга хранили «семейное предание» о Марии Потоцкой и о «фонтане слез». Недаром Пушкин пишет о «младых девах», давших скорбному памятнику наименование «фонтана слез», а не об одной деве. Ими же было названо христианское имя «Прекрасной княжны» (Диляра-Бикеч) – Мария. Недаром один из мраморных вариантов бахчисарайского «Фонтана слез» украшает одну из южных террас Воронцовского дворца; согласно документам, он назывался в старину «фонтаном Марии». Семейное предание не было забыто и в Мисхоре: еще 30 лет назад фонтан такого типа сохранялся в Мисхорском парке. Судя по акварели Боссоли, аналогичный фонтан был устроен на террасе мисхорского дома.

Память о судьбе «прекрасной гречанки», настоящего автора «семейного предания», ставшего сюжетом поэмы Пушкина, сохранялась не только в названии мисхорского парка «Софиевка»: имя Софья, уменьшительное «Софка», неизменно давалось потомкам Ольги Нарышкиной, урожденной Потоцкой, и дошло до наших дней. Поэт, как известно, вначале намеревался назвать поэму «Харем»: в связи с этим весьма знаменателен интерес, проявленный Ольгой Станиславовной к возможности посещения настоящего гарема в Стамбуле. Это было устроено всесильным на юге страны М.С. Воронцовым, который специально просил об этом русского посланника в Стамбуле Бутенева. В «Архиве князя Воронцова» сохранились ответные письма последнего (на франц. языке, мы даем их в переводе). Они интересны тем, что позволяют представить характер и энергию Ольги и ее 6–7-летней дочери в преодолении трудностей, с которыми сталкивались в то время европейские путешественники при посещении турецкой столицы.

Бутенев – Воронцову

Буюк-дере, 19 июня (1 июля) 1836 г.

«...Мы были рады приветствовать на берегах Босфора м-м Нарышкину, причем все обстоятельства нам в этом отношении благоприятствовали. Я добился фирмана для посещения мечетей и позволения посетить внутренние помещения и сады Сералея, куда доступ затруднен. Я был вынужден остаться в Буюк-дере, а жена моя вернулась в город, чтобы сопровождать ее в гарем Сераскира, затем в Скутари и, наконец, к месту, откуда можно было видеть Султана во время посещения им мечети. Я искренне восхищался неумолимостью м-м Нарышкиной во всех ее передвижениях, несмотря на ее хрупкое здоровье; а ее очаровательная маленькая Софья, которая нашла здесь подругу в лице моей старшей дочери, не отставала и осматривала то же, что и мы».

Бутенев – Воронцову

Буюкдере 10 (22) июля 1836 г.

«Я был донельзя тронут любезным письмом Вашего Превосходительства от 24 июня, где вы выражаете свое удовлетворение приемом, который был оказан м-м Нарышкиной. Я и моя семья очень рады, что она изволила сохранить приятное воспоминание о своем слишком коротком пребывании среди нас, которое оставило неизгладимые воспоминания и искренние сожаления. Мы имели случай оценить ее любезность вместе с замечательными достоинствами, и мысль о том, что и для нас нашелся маленький уголок в ее благожелательном интересе и воспоминаниях, в наших глазах гораздо более ценна, чем все живописные красоты Босфора и достопримечательности Константинополя, которые мы посещали вместе, причем многие из них, сознаюсь, были мне неизвестны, хотя я являюсь давним жителем этого края⁴⁵...»

Несмотря на не слишком удачное замужество Ольга Станиславовна Нарышкина всю жизнь находилась под покровительством

весьма влиятельных людей. И это весьма способствовало процветанию Мисхора. Она приходилась родственницей Киселеву – как сестра жены, и Воронцову – как жена его двоюродного брата. Поэтому заботы о ней и ее маленькой дочери Софке были вполне естественны в глазах общества и удачно скрывали иные чувства.

Из их переписки⁴⁶, в которой часто возникает имя Ольги с ее очаровательной Софкой, встает совсем другой образ, нежели описанный Вигелем облик расчетливой кокетки. Это заботливая мать, жена, которая, невзирая на неадекватное поведение мужа, продолжала заботиться о нем, сопровождала его в поездках на лечение за границу, страдала от ложности своего положения.

Воронцов – Киселеву. 5 ноября 1838 г., Лондон

«...Я написал Ольге резюме всего того, что вы сказали мне на ее счет, так как я уверен, что это доставит ей удовольствие. Несомненно, что в ее нынешнем положении для нее большое утешение знать, что она имеет еще друзей, которые не покинут ее, как покинул ее тот, с чьей судьбой она связала свою и кто сделал ее, как и себя самого, жертвой злой колдуньи, рабом которой он остается вот уже 40 лет».

Воронцов – Киселеву. 2 января 1846 г., Тифлис

«...У меня новости от Ольги из Берлина. Ее путешествие сюда было печальным; но, к счастью, она имеет большое утешение благодаря заключению брака между Софкой и Петром Шуваловым. Она не могла бы желать лучшей партии для этого прелестного ребенка, единственного предмета всех своих привязанностей. Бедный Леон едет по привычке и по необходимости в Мюнхен к старой колдунье, чтобы испытать новые раздражения и волнения, которые могут только ему повредить в его состоянии».

Киселев – Воронцову. 24 мая 1838 г.

«...Все, что доходит до меня о бедняжке Ольге, разрывает мое сердце. Эта жизнь, полная волнений и тревог, ее уьет. Надо, чтобы

она уехала и была поближе к вам и под вашим покровительством. Вы ее единственный защитник и единственный руководитель; впрочем, она это знает, и я доверяю ее вам. Ее враги должны бы перестать мучить и преследовать это хрупкое создание; в ней и так душа едва держится и нет никакой уверенности в своем будущем. Вы меня многим обяжете, сообщив новости о ней и успокоив относительно ее положения».

...Ольга овдовела в 1846 г. и в конце 50-х гг. уехала в Париж. Здесь происходили ее последние встречи с П.Д. Киселевым, здесь она и скончалась 7 октября 1861 г. По словам Заблоцкого-Десятовского, «Граф Киселев был очень опечален кончиной Ольги Станиславовны Нарышкиной, с которой он был в самых дружеских отношениях около 40 лет. Когда она приехала из Гейдельберга в Париж, Павел Дмитриевич посещал ее каждый день. Он был у ней за час до ее кончины, и последние обращенные к нему слова ее “Adieu, tout est fini” (Прощай, все кончено (франц.)) долго не могли изгладиться из его памяти. Кончина эта очень расстроила графа»⁴⁷.

Граф М.С. Воронцов
в письмах кн. Анны Голицыной

Мы рассказали об основных действующих лицах эпопеи освоения Южнобережья 20–30-х гг., которых привлекла сюда энергичная княгиня, ставшая истинной патриоткой прекрасного края. Обратимся теперь к самому Воронцову, точнее, к образу его, встающему со страниц писем Анны Сергеевны.

В целом нам представляется, что лучшие слова, когда-либо сказанные женщиной графу Воронцову и его уникальному творению, достойному крымского побережья – парку и дворцу-замку в Алупке, принадлежат княгине Анне Сергеевне Голицыной. И пусть об этом свидетельствует небольшая антология обращений к графу его энергичной и преданной делу освоения «прекрасного побережья» современницы, – обращений, рассыпанных на страницах ее писем, дельных, толковых, местами ироничных и насмешливых.

Л. 5. 1 июня 1826 г.

«Привет от Старухи в скалах могущественному сеньору Алупки!

Поздравляю вас, дорогой и почтенный граф, с великолепным приобретением, которое сделал славный и усердный Ревелиоти для Вашего Превосходительства!

Большие кипарисы, прекрасные персики, оливковые деревья, много домов – и все это почти даром. Кому и служить как не вам, Ваше

Превосходительство, вам, кто служит России, выполняя свой долг так, как это делают в Англии!

Я люблю Побережье и мой долг – сделать его цветущим».

Л. 7. 29 марта 1827 г.

«Я имею удовольствие принимать моего племянника, который несколько дней провел в Алушке. Я отчаялась сделать ему описание Алушки, недостает слов, чтобы рассказать об этих скалах, этих тропинках и ступенях, лужайках, сиянии солнца – и все это в январе месяце! Племянник говорит, что Алушка уникальна, ей нет подобных.

Слава Вам, Благодетель Побережья!»

Л. 18. 20 мая 1827 г.

«Настоящим сообщаем вам, г-н граф, что мы побывали в Алушке. Я, м-м Беркгейм и м-ль Маурер верхом, причем каждую лошадь вел проводник, а за нами следовал барон Беркгейм на своем большом Буцефале. Славный Герасим принял нас с радостью, быстро накрыл завтрак, потом передал нас Кебаху. Мы обошли весь сад сверху до низу, все осмотрев и все проверив, не уставая восхищаться. Я сказала Жюли: посмотрим, не найдем ли мы чего-нибудь заслуживающего критики... Мой дорогой граф, я не нашла ничего похожего на то, что было при Ревелиоти. Кебах превратил местность в английский сад, перекрыв его дорожками... Он посадил 6000 декоративных деревьев на побережье, питомник и 5000 гранатовых деревьев, и все обрисовано как нельзя более совершенно, со вкусом и простотой».

«Дорогой граф, я не нашла ничего, заслуживающего критики! Кебах – единственный в своем роде и сама Англия завидовала бы дорожкам, которые он проложил... Алушка – уникальна, ни один государь не владеет чем-либо даже приблизительно подобным, и Кебах рожден, чтобы быть садовником. Если бы покойный император увидел Алушку, какой она стала сегодня, он дал бы Кебаху 1000 дублонов,

чтобы тот ему сделал Царское Село (?)... Г-н граф, этот славный человек имеет всего только 12 работников для обоих садов и масличной плантации».

Л. 73–75, 19 июня 1835 г.

«Скажите мне, дорогой граф, с чего вы взяли, что я никогда не смогу сердиться на вас, и что когда я не в духе, мне достаточно вспомнить вашу добрую физиономию и ваши серые орлиные глаза, чтобы улыбнуться и любить вас от всей души».

Л. 90

«Привет Защитнику и Благодетелю прекрасного Побережья! Привет, почтение и лучшие чувства от Старухи скалы».

Л. 100. Сентябрь 1937 г.

«Старуха скалы – в Одессе, а король отсутствует! ...Но что для нее все эти прекрасные дома, бульвары, этот театр и этот великолепный порт, когда тот, кто является душой всего этого – отсутствует! Одесса без вас, дорогой граф, как и Алупка – мрачна и безжизненна.

Торопить мой отъезд или остаться в ожидании вашего прибытия? Но я, зная свою сердечную слабость к вам, не смогла бы всего рассказать и теряла бы время, бегая с вами и за вами. Лучше не видеть вас в этом году, чтобы увидеть вскоре. Надеюсь, что смогу вернуться достаточно рано, чтобы застать вас на нашем прекрасном Побережье. Ах, это, конечно, будет самый счастливый день моей жизни. Дорогой друг, позвольте мне обнять вас и сказать, что я искренне люблю вас!»

Л. 101

«Тысяча приветов прекрасной графине. М-м Эделинг провела здесь несколько дней, мы часто виделись. Все в Одессе свидетельствовали мне свою дружбу и благосклонность, осыпали похвалами. В па-

мяти моего сердца сохранится признательность жителям Одессы. Именно вам обязана я этим приемом».

Л. 110–111

«Вы удивительный человек, г-н граф, невозможно что-либо вообразить, изобрести, посоветовать, предложить полезное для края, чего бы вы уже не предвидели, и почти исполнили, поэтому вами можно только восхищаться; на что я имею карт-бланш и чему предаюсь от всего сердца. Недавно я сказала баронессе: граф должен испытать артезианские колодцы для Одессы, а затем у нас; и вот г-н Шатильон входит в мою гостиную и сообщает, что эти самые колодцы уже устраиваются, что вся Одесса снаружи и внутри будет окружена бьющими из земли фонтанами, и я восклицаю: да здравствует граф!»

Л. 113

«Хорошего дня, мой дорогой граф, любите старую женщину и верьте, что вы не найдете другой такой, которая сумела бы так хорошо ценить вас, у старухи сердце, созданное для друзей, сердце, которое умеет любить. Ваша, с нежной почтительностью».

Л. 117

«К вашим услугам лишь мой язык, всегда готовый беседовать с вами, всегда настроенный сообщить вам на тысячу ладов все ту же новость, а именно, что никто под небом не способен любить и ценить вас больше, чем Старуха в скалах.

Я называю вас Королем, поскольку считаю, что следует повиноваться тем, кого любишь, и что вам, кто поставлен здесь руководить мной, я повинуюсь по доброй воле и от всего сердца.

До свидания, мой дорогой граф.

Тысяча приветов графине».

Примечания

- ¹ О семье С.Ф. и В.В. Голицыных см.: Городнова Л. Разрушился сей дом, засохли бор и сад: Державинская песнь голицынской Зубриловке // Наше наследие. – 2008. – № 86. – С. 8–21.
- ² Верещагин В.А. Разоренное гнездо // Старые годы. – 1908, март. – С. 133.
- ³ Там же.
- ⁴ Уварова Е.К. Зубриловка. Об этой знаменитой некогда усадьбе и ее владельцах // Московский журнал. – июль 2010. – С. 183.
- ⁵ Село Казацкое Звенигородского района Черкасской области, от Киева 200 км. От усадьбы Голицыных сохранились ряд строений и парк.
- ⁶ Вигель Ф.Ф. Записки. В 2-х томах. – М. 2000. – С. 113–114.
- ⁷ Там же. С. 116.
- ⁸ Грот Я.К. Указ. соч. – С. 41.
- ⁹ Год рождения установлен по формулярному списку: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3, № 2179. Сп. 28.
- ¹⁰ На титульном листе книги П.И. Сумарокова «Изображение Екатерины Великия» указано, что автор является почетным членом Виленского университета. Сведения о том, что он был членом Академии наук и Российской академии, не подтверждаются.
- ¹¹ Назовем и другие сочинения Павла Сумарокова: «Изображение Екатерины Великия» (Санкт-Петербург, 1819), «Прогулка за границу» (Санкт-Петербург, 1821), «История Новгорода» (Санкт-Петербург, 1815), пьесы: «Зеленый корсет» (комедия, Санкт-Петербург, 1805), «Модник» (комедия, Санкт-Петербург, 1806), «Марфа Посадница» (драма, Санкт-Петербург, 1807), «Некоторые рассуждения о А.П. Сумарокове и начале российского театра» (Санкт-Петербург, 1806), «Орлы и скворцы» (притча, Санкт-Петербург, 1806).
- ¹² Лашков Ф.Ф. Исторические очерки крымско-татарского землевладения. – Симферополь, 1897. – С. 137.
- ¹³ Paul Sumarokov, s Reise durch die Krim und Bessarabien. – Leipzig, 1802.
- ¹⁴ АРК. Т. 36. – С. 37.
- ¹⁵ АРК. Т. 36. – С. 88.
- ¹⁶ Братья Булгаковы: письма. – М., 2010. – Т. 1. – С. 244.
- ¹⁷ Там же. С. 430.
- ¹⁸ Свербеев Д.Н. Мои Записки. – Наука, 2015. – С. 99.
- ¹⁹ Братья Булгаковы: письма. – М. 2011. – Т. 2. – С. 148.
- ²⁰ Долли Фикельмон. Дневник 1829–1837. С.П. Мрочковская-Балашова. Публикация, составление, коммент., 2009. – С. 255.
- ²¹ Она была в первом браке за Д.Е. Башмаковым (1792–1836) и имела шесть детей; во втором – за генералом-от-инфантерии князем

А.И. Горчаковым (1776–1855), племянником А.В. Суворова по материнской линии.

22 Вигель Ф.Ф. Указ. соч. – Т. 1. – С. 286.

23 Рус. Архив. 1876. Кн. 111. – С. 286.

24 Ф. 1261. О.3, е/х 2516. Л. 2.

25 Кн. Голицына и Ж. Беркгейм находились в это время в Артеке у Т.Б. Потемкиной, о чем говорится в ее письме: «Вчера мы присутствовали на службе и на молебне за Павла Голицына, брата Васеньки. Он писал Княгине, прося ее об отпевании за упокой его души. «Пойдите сами в церковь, сказал он, молиться за него», что и произошло вчера здесь в присутствии Потемкиных; церковные молитвы прекрасны. Бедный Васенька очень печален, как и Красавица (Bellissima); это был его друг и молочный брат: “С детства до настоящего момента, – писал он, – я не припоминаю ни одной размолвки или ссоры между нами, длившейся более часа”... Красавица очень беспокоится за своего бедного мужа... Этот Павел Голицын был обожаемым братом Васеньки, отцом семейства, оставившим троих детей и жену в ожидании четвертого – жену, которая его обожала и посвятила ему всю свою жизнь и нежную привязанность. Он умер в возрасте 48 лет, и Красавица печалится вдвойне – из-за утраты и из-за впечатления, которое эта смерть произведет на здоровье ее мужа». – Архив Раевских. Т. 2. 1909. – С. 331.

26 Голицына Елена Александровна, жена Василия Сергеевича Голицына, по первому браку – вдова Суворова-Рымникского.

27 Нарышкина Ольга Станиславовна, урожд. графиня Потоцкая.

28 Адъютант М.С. Воронцова, поклонник Марии Антоновны Нарышкиной, фаворитки Александра I, которая являлась также предметом особой привязанности Л.А. Нарышкина.

29 Нарышкин Лев Александрович, муж Ольги.

30 Нарышкина Софья Львовна (1829–1894), маленькая дочка Нарышкиных и предмет особых забот М.С. Воронцова, фактическим отцом которой он являлся.

31 РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 2516. Л. 6.

32 РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 2516. Л. 47.

33 Похоронив любимую жену, он больше не женился, посвятив себя воспитанию малолетних детей – Михаила и Екатерины.

34 Воспоминания Каролины Карловны Эшлиман // Рус. Архив. 1913. – С. 356.

35 Архив Раевских, 1908. Т. 1. – С. 396–397.

36 Там же. С. 402.

37 Архив Раевских, 1909. Т. 2. С. 123.

38 Воспоминания Каролины Карловны Эшлиман // Рус. Архив. 1913. – С. 331.

- ³⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. – М., 2000. – С. 16.
- ⁴⁰ Архив князя М.С. Воронцова. – Т. 17.
- ⁴¹ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. – С. 309.
- ⁴² Вигель Ф.Ф. Указ. соч. – С. 474.
- ⁴³ Архив Раевских. Т. 2. – С. 349-351.
- ⁴⁴ Сосногорова, Караулов. Путеводитель по Крыму. 4-е изд. 1884 г. – С. 154.
- ⁴⁵ Архив князя Воронцова. – М., 1892. – Т. 39. – С. 251–253
- ⁴⁶ Архив князя Воронцова. – М., 1892. –Т. 38. – С. 1–274.
- ⁴⁷ Заблоцкий-Десяовский А.П. Граф Киселев и его время. Т 4. – СПб., 1882. С. 263.

Глава I
**ОСНОВАТЕЛЬНИЦА ПЕРВОЙ КОЛОНИИ
НА КРЫМСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ – КНЯГИНЯ
А.С. ГОЛИЦЫНА**

*Баронесса Варвара-Юлиана Крюденер с сыном Павлом.
Худ. Анжелика Кауфман. 1786 г., Лувр*

Александр I

*Баронесса Крюденер-проповедница.
Грав. Пфеннингер. 1820-е годы.
Санкт-Петербург*

*Баронесса Крюденер.
Худ. И.Р. Людериц, 1822 г.
Санкт-Петербург*

*Санкт-Петербург, Старо-Калинкин мост.
Акварель XIX в.*

*Санкт-Петербург, Калинкин мост.
Современное фото*

Крымский вид. Неизвестный художник. Акварель. 1830-е годы

Вид на Ялту. Неизвестный художник. Акварель. 1830-е годы

*Долина Ялты и деревня Ай-Василь.
Лит. по рис. Дюбуа де Монпере, 1832–1834 годы*

Кореиз. Худ. Ф.Гросс. 1840 г.

Кореиз. Дом под скалой княгини А.С. Голицыной.
Худ. Вольф, лит. 1830-х годов

Кореиз. Дом под скалой, выстроенный на фундаменте дома княгини А.С.Голицыной. Современное фото

*Вид Кореиза, имения кн. Голицыной.
Лит. Бигатти по рис. Н.Г. Чернецова, 1834–1836 годы*

*Кореиз, фонтан. Обустроен при кн. Голицыной (см. ил. выше);
перестроен при Юсуповых. Современное фото*

*Вид Кореиза, имения кн. Голицыной.
Лит. по рис. Дюбуа де Монпере, 1832–1834 годы*

*Винный погреб в виде замка. Архитектор Карл Эшлиман, 1830-е годы.
Перестроен при Юсуповых. Современное фото*

Кореиз. Церковь. Чертеж фасада.
Архитектор Карл Эшлиман, 1829 г.
ОР РГБ, Санкт-Петербург

Леди Стэнхоп верхом: с ней сравнивали
кн. Голицыну, ездившую верхом в муж-
ском седле по крымскому бездорожью

Смерть императора Александра I. Литография 1825–1826 годов

Глава II
**СПУТНИКИ КНЯГИНИ ГОЛИЦЫНОЙ
И ИХ СУДЬБА В КРЫМУ**

*Беркгейм Юлия (Жюльетта), баронесса.
Дочь баронессы Крюденер.
Сподвижница и секретарь
княгини А.С. Голицыной.
Ок. 1820-х годов. Литография.
Рыбинск, музей-заповедник*

*Ай-Даниль, имение Жаксона.
В глубине – дом барона Беркгейма, ученого-винодела.
Литография по рис. Дюбуа де Монпере, 1834 г.*

*Мухалатка, могила барона Беркгейма.
Худ. Н.Г.Чернецов, рисунок, 1836 г.*

*Графиня Валуа де ла Мотт
в тюрьме Сальпетриер.
Литография 1780-х годов.
АГДПМЗ*

Глава III
**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЧТЫ КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА
О ПЕРЕСЕЛЕНИИ В КРЫМ**

*Портрет члена Государственного совета князя А.Н. Голицына.
Худ. К.П. Брюллов, 1840 г.*

*Князь Александр Николаевич Голицын.
Худ. Н.И. Алексеев.
Акварель. 1844 г.*

*Портрет Александра I.
Худ. А.П. Рокиткуль.
Акварель. 1810-е годы*

*Герб князя А.Н. Голицына.
По предложению князя его следовало вышить
на обивке дворцовой мебели*

*Гаспра. Замок-дворец кн. А.Н. Голицына.
Современное фото*

*Надпись ничего не сообщает о настоящем заказчике – владельце дворца, его названии и его архитекторах. Мы предложили бы следующую надпись:
Замок-дворец «Александрия», построенный по заказу и на средства князя А.Н. Голицына по поручению его дальней родственницы и друга кн. А.С. Голицыной по проекту архитекторов Ф. Эльсона и Ч. Гунта в 1829–1836 годах.
Современное фото*

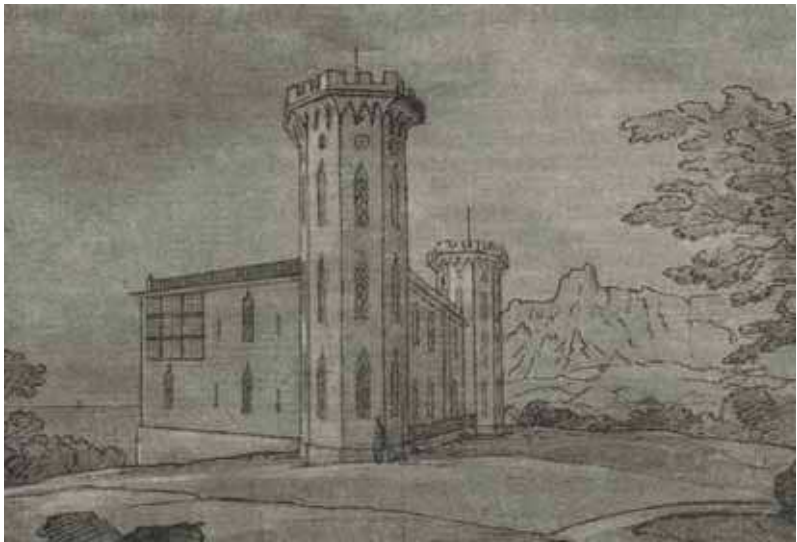
Гаспра. Замок-дворец, лестница в парк. Современное фото

Гаспра. Замок-дворец, Южный фасад. Современное фото

Гаспра. Вид на замок-дворец «Александрия». В глубине дом и церковь кн. Голицыной. Худ. Ф. Гросс, 1840 г.

Гаспра. Дворец князя Голицына. Рис. Н.Г. Чернецова. 1834–1836 годы

*Гаспра. Замок-дворец, южный фасад.
Справа – купол церкви, не сохранился. Фото 1860 г. АГДПМЗ*

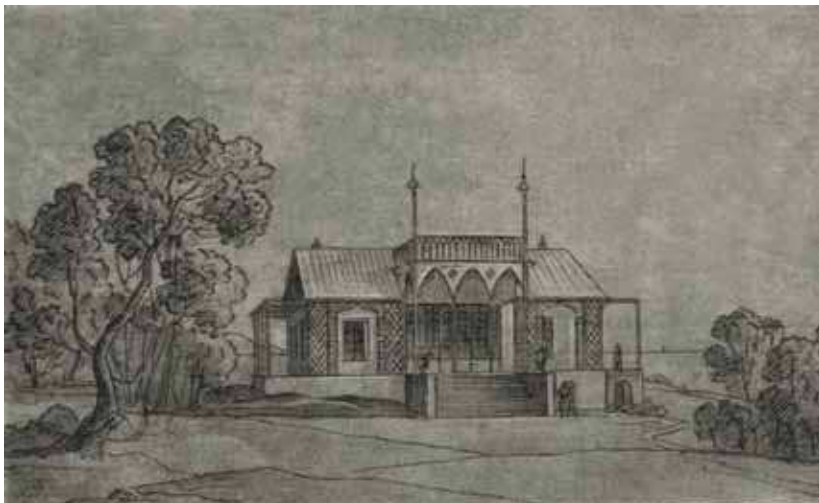
*Гаспра. Замок-дворец, северный фасад.
Слева – купол домовй церкви, не сохранился. Фото 1860 г. АГДПМЗ*

Глава IV

**ДРУЗЬЯ ПУШКИНА НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА.
КНЯГИНЯ СОФЬЯ МЕЩЕРСКАЯ И ЕЕ ДЕТИ**

*Портрет Александра I.
Худ. В.Л. Боровиковский. 1801–1803 годы*

Гаспра, дом князя С.И. Мещерского. Худ. Н.Г.Чернецов, 1834–1836 годы

Княгиня Мещерская Софья Сергеевна, урожд. Всеволожская. Худ. неизвестен

Великий князь Александр Павлович. Худ. Ж.-Л. Вуаль. Эрмитаж

*Мещерский Василий Иванович, князь.
Владелец имения в Симеизе*

*Мещерская Елена Васильевна.
Худ. П.Ф. Соколов*

*Мещерский Сергей Иванович, князь,
владелец имения в Гаспре*

Карамзина Е.Н. и Мещерская Е.Н.

*Межерский Петр Иванович, князь.
Неизв. художник, 1830-е годы. ИЗО ГИМ*

*Межерская Екатерина Николаевна,
урожд. Карамзина*

*Гончарова Мария Ивановна, урожд.
княжна Межерская. Худ. Э.П. Гау
Гончаров Николай Иванович, брат
Н.Н. Пушкиной, наследник Кореиза*

Глава V
АРТЕК
И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ ПОТЕМКИНЫ

Артек. Вид у подножия Аю-Дага. Худ. Н.Г. Чернецов, 1836 г. ГРМ

Чета Потемкиных. Литография

Татьяна Борисовна Потемкина, урожд. княжна Голицына (1797–1869), статс-дама, известная благотворительница. Худ. А.П. Брюллов. Середина 1830-х годов. Акварель. ГМП

*Портрет Потемкиной Т.Б.
Неизв. худ. 1830-е годы.
Фототипия с миниатюры.
Рыбинск, Музей-заповедник*

*Потемкина Т.Б.
Худ. Т. Нефф*

*Потемкина Т.Б.
Литография с портрета Т. Неффа*

Голицына Анна Александровна,
урожд. княжна Грузинская,
мать Татьяны Борисовны.
Худ. А.П. Брюллов

Голицын Николай Борисович,
князь, брат Татьяны Борисовны.
Переводчик стихов Пушкина.
Неизв. худ., Святогорский
гос. ист. арх. заповедник

Полторацкая Софья Борисовна,
урожд. княжна Голицына, фрейлина.
Сестра Татьяны Борисовны.
Худ. Н. Лазарев, 1830-е годы

*Артек. Церковь в имени Потемкиных.
Худ. Н.Г.Чернецов. Акварель, 1830-е годы*

*Артек. Имение Потемкиных.
Худ. Н.Г.Чернецов. Литография, 1830-е годы*

*Артек. Имение Потемкиной. Общий вид.
Худ. Н.Г. Чернецов, 1830-е годы*

*Дом Ашера между Артеком и Гурзуфом.
Худ. Н.Г. Чернецов. 1830-е годы. Лит. Бигатти*

Глава VI

**ПУШКИН И КАРОЛИНА СОБАНЬСКАЯ-РЖЕВУСКАЯ:
ПРОЗА ЖИЗНИ И ПОЭЗИЯ**

*Дама со склоненной головой (Софья Потоцкая-Киселева (?).
Рисунок Пушкина, 1823 г.*

Портреты Каролины Собаньской.
Рисунки Пушкина. 1824 г.

Портреты Каролины Собаньской.
Рисунки Пушкина

*Пушкин А.С.
Литография с портрета
О.А. Киренского,
гравировал Уткин*

*Раевский Александр Николаевич.
Акварель*

*Раевский Александр Николаевич,
полковник.
Литография с портрета. 1821 г.*

Витт Иван Осипович,
граф, генерал-лейтенант.
Худ. Дж. Доу. Военная галерея
Зимнего дворца. ГЭ

Собаньская Каролина Адамовна,
урожд. графиня Ржевуская (?).
Худ. П.Ф. Соколов

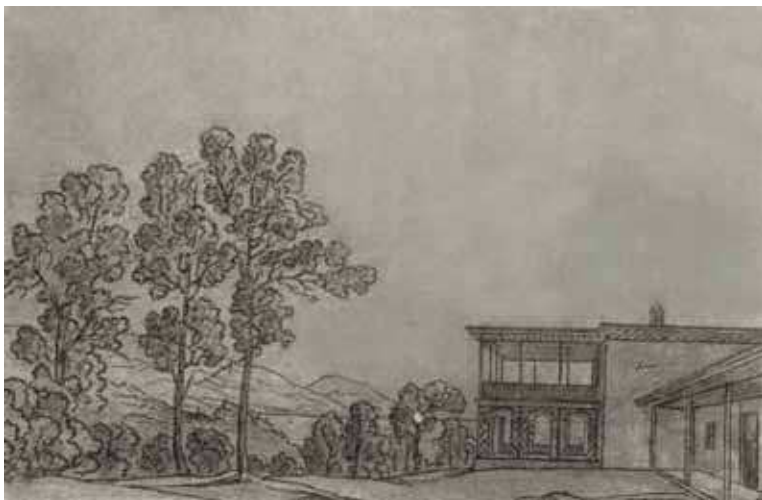
Ореанда верхняя. Имение графа Витта.
Худ. Н.Г. Чернецов. 1834–1836 годы

*Верховня – имение Евы Ганьской,
где часто гостила Каролина*

*Ева Ганьская,
сестра Каролины.
Худ. Ф.Г. Вальдмюллер*

*Ореанда верхняя. Дом Витта.
Худ. Н.Г. Чернецов. Рисунок. 1834–1836 годы*

*Ореанда нижняя. Дом садовника.
Худ. Н.Г. Чернецов. 1834–1836 годы*

*Ореанда нижняя.
Дом, где останавливался Александр I в 1825 г.*

*Ореанда верхняя. Дом великой кн. Елены Павловны.
Худ. Ф. Гросс. 1840 г.*

Ореанда. Скала Крестовая. Лит. Бигатти. 1840-е годы

Ореанда. Скала Крестовая.

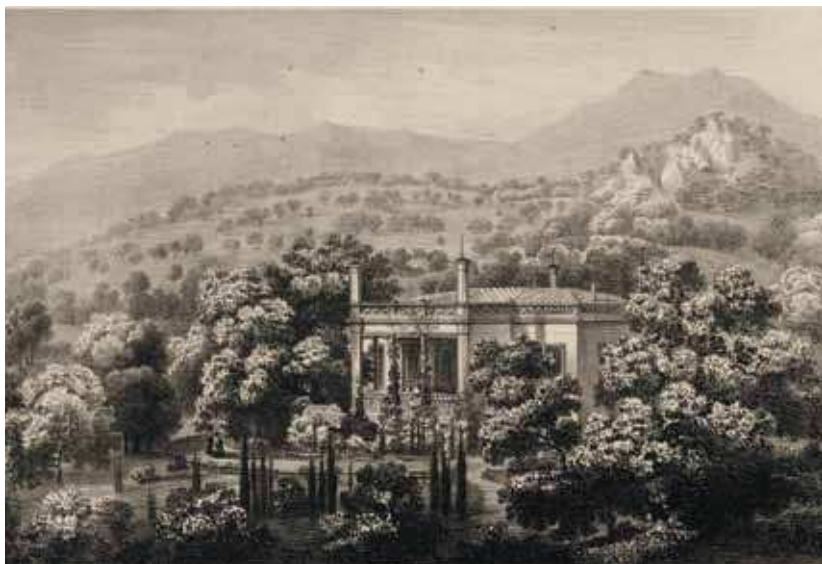
Лит. Кленова с оригинала Боссоли. 1840-е годы.

Вид на гостевой дом с башней и скалу с крестом, первоначально поставленным в 1837 году императрицей Александрой Федоровной в память об императоре Александре I, первом владельце Ореанды

Глава VII
«БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ»
НАСЕЛЬНИКОВ ЮЖНОГО БЕРЕГА 1820–1830 гг.:
ГОЛИЦЫНЫ, НАРЫШКИНЫ, ВОРОНЦОВЫ

*Портрет Елены Александровны Нарышкиной,
по мужу Суворовой-Рымникской.
Худ. В.Л. Боровиковский. 1810-е годы*

*Василь-Сарай, имение В.С. и Е.А. Голицыных.
Литография по рис. неизв. худ.*

*Голицын Василий Сергеевич, князь.
Миниатюра неизв. худ.*

*Голицына Елена Александровна, княгиня.
Худ. Молинари, 1820-е годы*

*Мисхор. Усадьба Нарышкиных.
Худ. Н.Г. Чернецов. 1834–1836 годы*

*Мисхор. Дом Нарышкиных.
Худ. Н.Г. Чернецов. 1834–1836 годы*

*Нарышкина Мария Антоновна,
фаворитка Александра I.
Худ. Д. Росси*

*Нарышкина Мария Антоновна.
Худ. С. Тончи. 1800-е годы*

*Нарышкина Ольга Станиславовна.
Худ. Фросте. 1830-е годы.
АГДПМЗ*

*Нарышкина Ольга Станиславовна.
Худ. Дж. Доу (?). 1824–1825-е годы.
АГДПМЗ*

*Мисхор. Конная прогулка.
Худ. К. Боссоли. Акварель, 1842 г.*

*Мисхор. Супруги Нарышкины с дочерью Софьей на террасе.
Худ. К. Боссоли. Акварель, 1842 г.*

*Мисхор. Дом Нарышкиных. Терраса с «Бахчисарайским фонтаном».
Худ. К. Боссоли. Акварель, 1842 г.*

*Мисхор. Супруги Нарышкины и Воронцовы в комнате.
Худ. К. Боссоли. Акварель, 1842 г.*

Мисхор Дом Нарышкиных. Старое фото

Мисхор. Дом Нарышкиных. Современное фото

*Нарышкин Лев Александрович.
Худ. Дж. Доу, 1823–1825 годы.
Военная галерея Зимнего дворца. ГЭ*

*Нарышкина О.С. с дочерью Софьей.
Худ. И. Крихубер.
Литография. 1835 г. АГДПМЗ*

*Нарышкина Софья Львовна.
Худ. П.Ф. Соколов.
Литография. АГДПМЗ*

*Графиня Софья Львовна Шувалова,
урожд. Нарышкина.
Худ. П. Деларош, 1853 г.*

*Граф М.С. Воронцов.
Худ. Т. Лоуренс. 1821 г.*

*Граф М.С. Воронцов.
Худ. К.К. Гампельн. 1820-е годы*

*Графиня Е.К. Воронцова.
Неизв. худ. круга Дж. Доу.
1820-е годы. АГДПМЗ*

*Е.К. Воронцова с дочерью Софьей.
Худ. Н.И. Алексеев, 1840-е годы.
Акварель*

*Светлейший князь М.С. Воронцов (в рост).
Худ. Ф. Крюгер. 1856 г.*

*Алупка. Вид на дворец со стороны моря.
Худ. Боссоли 1850-е годы. Литография*

*Алупка. Столовый корпус дворца.
Худ. Н.Г. Чернецов. 1834–1836 годы*

Алупка. Первые строения

Алупка. Худ. Кюгельхен. 1824 г.

*Алупка.
Из книги Сумарокова «Досуги крымского судьи». 1805 г.*

*Мечеть в Алупке.
Худ. Н.Г. Чернецов. 1834–1836 годы*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Пальная княгиня», поселившись на пустынном крымском побережье, благодаря своей властности, энергии и распорядительности приобрела большой авторитет среди своего окружения. Ей, как видно из писем, было в высшей степени присуще дворянское чувство долга, который она видела в том, чтобы привлечь сюда новых поселенцев со средствами, которые они могли бы вложить в обустройство «прекрасного побережья». Первым ее гостем был сам государь Александр I, посетивший княгиню во время своего последнего путешествия по Крыму осенью 1825 г. Ни один чиновник, ни один путешественник не мог пройти мимо, не засвидетельствовав ей почтение. Усадьбу на ранних стадиях ее созидания описали автор первого путеводителя по Крыму Шарль Монтандон, известный путешественник Дюбуа де Монпере, поэты Василий Туманский, Василий Андреевич Жуковский; ее посетил и сам царь Николай с семьей и свитой в ходе путешествия 1837 г., когда, после осмотра дома Голицына в Гаспре, был совершен краткий молебен в церкви княгини (бывшей в отсутствии) 19 сентября 1837 г.

Труды княгини по освоению крутого каменистого склона крымского побережья поражают своими масштабами, вот где нашла применение ее неукротимая энергия и жажда деятельности! Это колонизация, сравнимая с древнегреческой или с новой, аме-

риканской. Причем речь шла не о том, чтобы выжить, а о том, чтобы превратить эту землю в подобие рая земного – с прекрасными дворцами, парками, садами и виноградниками.

О владелице Кореиза – одного из первых и самого крупного имени Южнобережья, княгине А.С. Голицыной и ее роли в привлечении на побережье крупных представителей аристократии, если не считать нескольких мемуаров и кратких упоминаний, серьезные исследования отсутствуют. Значительный вклад в такое исследование поможет сделать замечательная находка в архиве писем А.С. Голицыной к М.С. Воронцову.

Эти и другие письма дают возможность представить себе личность княгини, яркой представительницы эпохи русского религиозного просвещения, эпохи Александра I, сумевшей увлечь и организовать целую колонию переселенцев и освоить огромное (Юсуповым в 1916 г. принадлежала его половина – 22 десятины) имение на целинных землях крутого крымского побережья. В рукописи впервые, на материале писем Александру I и Воронцову, показано, что именно Воронцов привлек ее в Крым. Из писем следует не тиражируемый образ «фанатички», пытающейся «обратить татар в христианство»; напротив, княгиня проявила настоящий государственный ум в понимании необходимости привлечь на Южнобережье представителей знати, располагающих средствами, чтобы покрыть этот безлюдный и бездорожный край виноградниками, садами и парками, виллами и дворцами. Полу-монашеский образ жизни, проникнутый идеями служения Богу, царю и Отечеству (разумеется, об этом свидетельствуют не слова, а поведение, стиль жизни), выразался в том, что, поселившись в Кореизе, она жила там практически безвыездно.

Привлечению новых лиц на побережье княгине Анне Голицыной много способствовали не столько дружеские, сколько подкрепленные родством связи, весьма ценимые в дворянском кругу. Здесь генеалогия во многом заменяла историю, и роль «родственного притяжения» в немалой степени способствовала заселению

побережья. Из писем Голицыной и ее подруги-секретаря Беркгейм мы познакомились с кругом общения княгини. Главным образом это дамы высшего петербургского круга, связанные между собой узами близкого и дальнего родства (Голицыны, Мещерские, Нарышкины, Воронцовы), образованные и религиозные. Они знали и ценили родственные отношения, в которых воплотилась сама история «в лицах». Более того, знание собственной генеалогии укрепляло такие связи.

Начнем со связей «царственных», которыми гордились Нарышкины. Сам Александр I называл А.Л. Нарышкина «кузеном», в память о том, что из рода Нарышкиных происходила мать Петра Великого.

Супруга Александра Львовича Нарышкина Мария Алексеевна Сенявина была родной сестрой Екатерины Алексеевны, супруги Семена Романовича Воронцова. Поэтому Михаилу Воронцову она приходилась теткой, а ее дочь Елена Александровна, впоследствии хозяйка Василь-Сарая, – двоюродной сестрой, или кузиной. Двоюродным братом был и Лев Александрович Нарышкин, владелец соседнего с Алушкой Мисхора, женатый на Ольге Станиславовне, урожд. графине Потоцкой.

Далее следуют связи со светлейшим князем Потемкиным. Одна из его племянниц Александра, по мужу Браницкая, стала матерью Елизаветы Ксаверьевны, жены М.С. Воронцова. Помня об этом, графиня Е.К. Воронцова считала себя вправе называть Татьяну Борисовну Потемкину «кузиной», несмотря на дальнейшее родство: муж Татьяны приходился светлейшему 8-юродным племянником. Но и сама Татьяна Борисовна могла гордиться «царственным» происхождением: по линии матери, Анны Александровны, урожденной княжны Багратион-Грузинской, она являлась внучкой картлийского царя Бакара III.

«Кузенами» называла графиня Воронцова и Раевских-младших. Раевские и чета Воронцовых приходились друг другу дальними родственниками. Родство восходило к Г.А. Потемкину:

родная сестра Потемкина Мария Александровна приходилась генералу Раевскому бабушкой, а сам Потемкин – двоюродным дедом. Отец Н.Н. Раевского-старшего, раненый в боях с турками, в 1771 г. умер незадолго до рождения сына Николая (старшего). Его мать Елена Николаевна Раевская (рожд. Самойлова) вскоре вторично вышла замуж за Льва Давыдова. Будущий герой Бородина воспитывался в основном дедом Николаем Борисовичем Самойловым и бабушкой Марией Александровной Потемкиной – родной сестрой светлейшего князя Г.А. Потемкина.

Наконец, в раннем заселении крымского побережья большую роль сыграли Голицыны, начиная с самой княгини Анны Сергеевны и князя Голицына, готового последовать за ней едва ли не с самого начала выселения колонии и, несмотря на «оковы службы царской», продолжавшего заочно руководить строительством своего замка-дворца в Гаспре. Любопытно, что их духовное родство даже послужило поводом одной забавной ошибки: французский мемуарист называл их супругами! Татьяна Потемкина была урожд. Голицыной, как ее братья и сестры, поселившиеся в Артеке; сестра ее Александра Борисовна, урожд. Голицына, стала женой кн. Мещерского и хозяйкой поместья в Гаспре.

В письмах нередко упоминаются имена тех, кто практически создавал эти поместья: архитекторы Эльсон и Эшлиман, Ашер, подрядчик и строитель многих сооружений побережья Ашер; создатель парка в Алушке Карл Кебах, назначенный Воронцовым главным садовником Южного берега и причастный к закладке парков также и в Кореизе, Гаспре, Ореанде, Массандре, Гурзуфе, Артеке; директор Императорского ботанического сада Николай Андреевич Гартвис.

Наконец, именно в Кореиз пришли первые известия о гибели Пушкина с объяснением причин дуэли, которые только сейчас публикуются в русском переводе автора. Эти письма были направлены через княгиню Голицыну и баронессу Беркгейм его другу Николаю Раевскому-младшему и всему кругу близких лиц. Уже из

этого видим, что в этих местах обосновались лица из круга близких к Пушкину людей, живо откликнувшихся на смерть поэта.

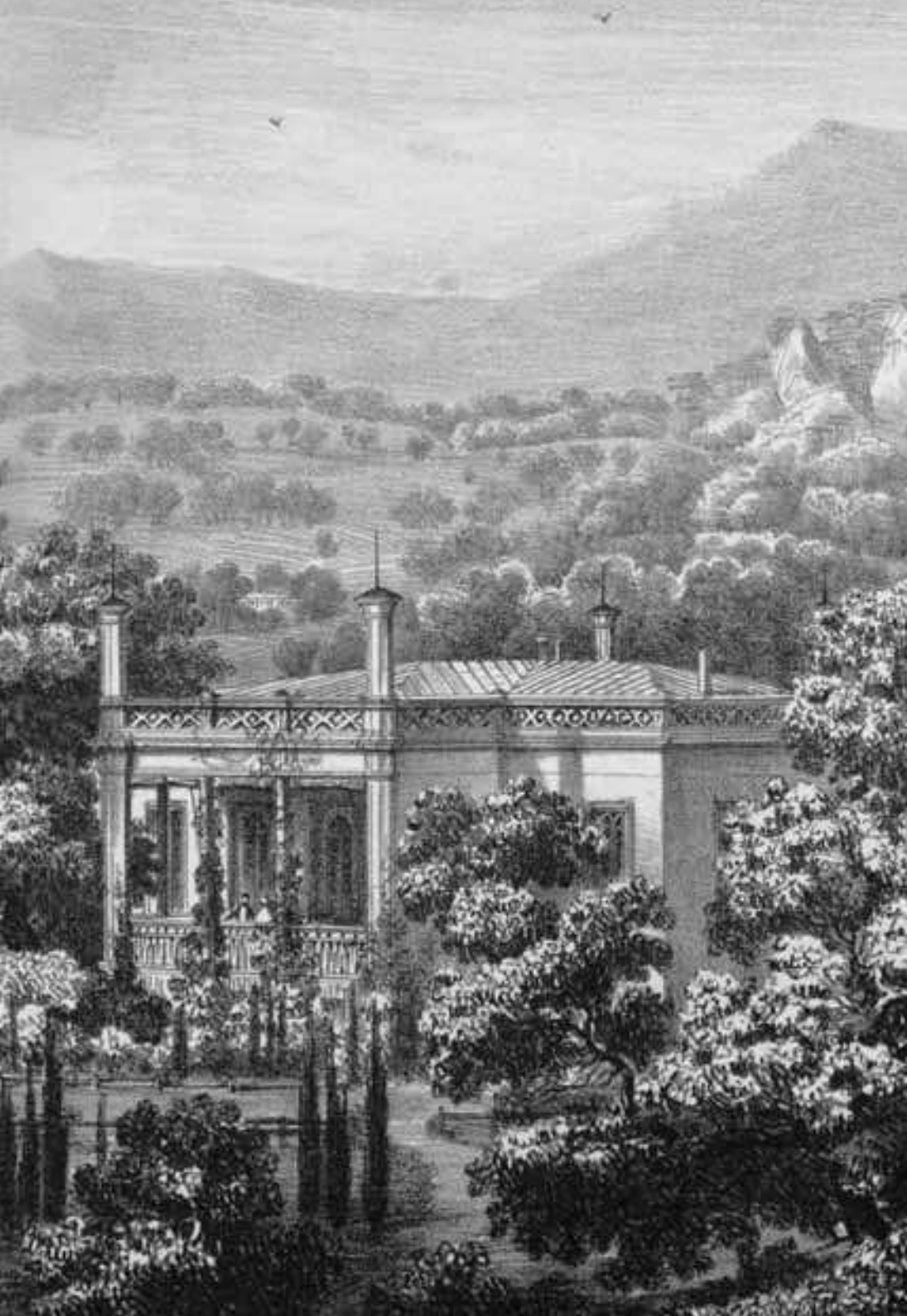
Перед читателем проходит целая галерея лиц – носителей известных фамилий, создателей первых усадеб Южного берега – людей образованных, ценителей прекрасного, известных широкой благотворительностью. Этим и другим представителям русской аристократии, обладавшим твердым и решительным характером, развитым чувством долга и служения отечеству, мы обязаны первым освоением труднодоступного крымского побережья. Но еще более следует ценить то чувство вкуса и понимания прекрасного, которое было вложено в созданные ими дворцы и парки, не всегда и не в полной мере сохранившиеся до наших дней, но задавшие ту мерку, тот уровень, на который следует равняться современникам.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, окончила аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН), отделение «Всеобщая история» в 1975 г. Сейчас является ведущим научным сотрудником Отдела истории в Институте научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Действительный член Русского географического общества. Член Русского отделения Международного общества по изучению XVIII века – International Society for Eighteenth-Century Studies.

Историей Крыма увлеклась еще в школьном возрасте, когда вместе с родителями совершила морское путешествие из Мариуполя в Ялту. Автор книг: «Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры» – М., Новалис, 2004; Рене Генон. «Символика креста» / Пер. с франц., вступ. статья, сост. – М.: Прогресс-Традиция, 2003; 2-е изд. – 2008; а также серии книг по истории и культуре Крыма: «По горному Крыму». – М.: Искусство, 1988; «Тайны горного Крыма». – Симферополь, 1998, 2001, 2002, 2004; «Крым в сакральном пространстве». – Симферополь, 2000, 2002, 2003; «Старый добрый Коктебель» (в соавт. с А.К. Шапошниковым). – Симферополь, 2004; «Бахчисарай. Путешествие во времени и пространстве». – Симферополь, 2000, 2015; «Феодоро и его князя. «Крымско-готский сборник» (в соавт. с А.К. Шапошниковым). – Симферополь, 2005, 2009; «Крымские пещерные города и крипты». – Симферополь, 2012; «Две Софии и Пушкин. Истоки вдохновения “Бахчисарайского фонтана”». – Симферополь, 2008, 2012; «Сакральная география Крыма». – Симферополь, 2010, 2012. Книги Т.М. Фадеевой по крымской тематике неоднократно получали награды Республиканского комитета по информации при Совмине Автономной республики Крым.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Фадеева

Татьяна Михайловна

«Я люблю Побережье, и мой долг –
сделать его цветущим!..»

**ЮЖНЫЙ БЕРЕГ
РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ**

Директор издательства *Орешин Б.В.*

Зам. директора *Горжевская Е.Д.*

Зам. директора по производству *Лобачева Е.А.*

Формат 60х90/16

Бумага офсетная. Гарнитура Miniature.

Печать офсетная. Объем 26 печ. л. + 3 п.л. ил.

Тираж 2 000 экз. Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»

119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9

Тел. (499) 245-53-95

ISBN 9785898264413

9 785898 264413

**Голицына Анна Сергеевна, княгиня, урожд. Всеволожская.
Худ. П.Ф. Соколов, лит. Погонкин. 1820-е. ИЗО ГИМ, Москва**

С портрета, недавно обнаруженного нами в ГИМЕ и публикуемого впервые, смотрит на нас немолодая, но еще красивая дама с благородным породистым лицом, в котором читается энергичный и волевой характер. Ранее ее изображением считался портрет, опубликованный в известном издании «Русские портреты XVIII–XIX веков» великого князя Николая Михайловича. Согласно изменениям в атрибуции теперь это портрет «Неизвестной». На наш взгляд, портрет явно не соответствовал волевому характеру княгини, что явствовало из ее писем, а также ее одежды. В дальнейшем поиске мы руководствовались сообщением Д.А. Ровинского о существовании портрета Анны Голицыной, литографированного Погонкиным, а также публикацией его в Каталоге А.В. Морозова, Москва, 1912–1913. Продолжив поиск, мы обнаружили литографию портрета со всеми удостоверяющими подписями в Изобразительном отделе ГИМа. Местонахождение оригинала, работы П.Ф.Соколова, с которого сделана литография, пока не известно.

Подлинный ее портрет, который сменит, наконец, ошибочно приписываемый ей, более всяких слов являет нам образ предводительницы переселения целой колонии, приступившей к освоению пустынного и дикого крымского побережья. Трудно представить себе, что в отсутствие этого портрета ее называли «мужеподобной старухой», основываясь, вероятно, лишь на упоминаниях о том, что она ездила верхом в мужском костюме и сама подписывалась в письмах «старуха в скалах», хотя в момент переселения ей было 45 лет.